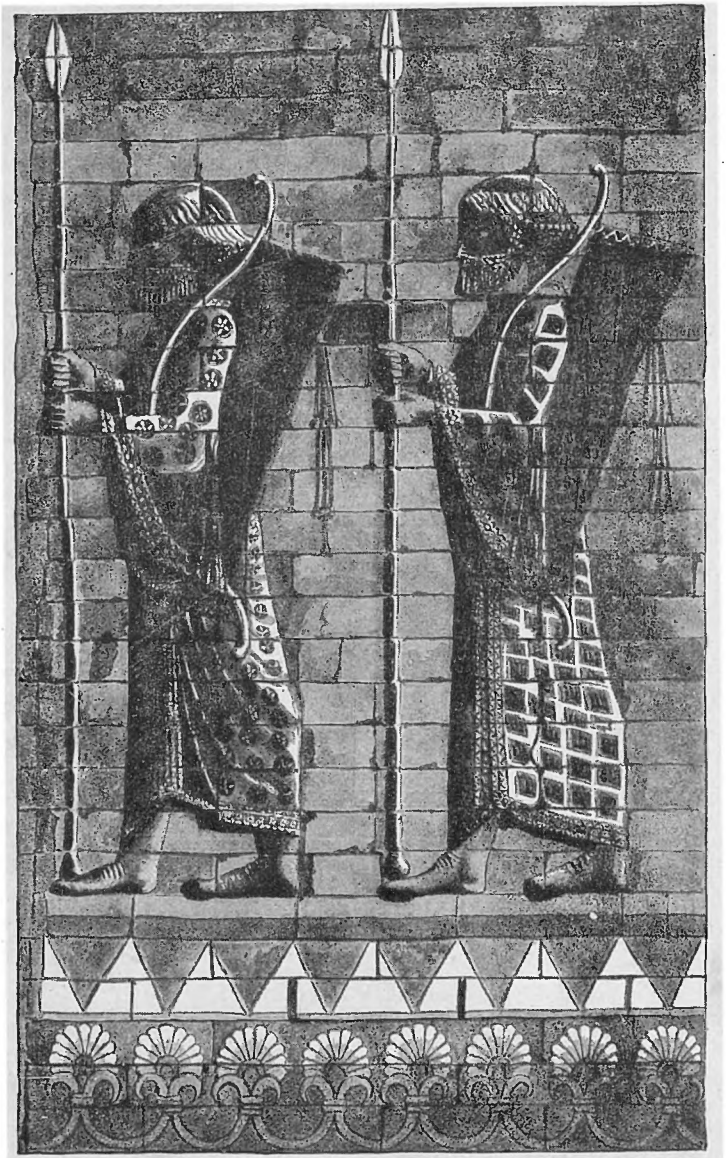
ИСТОРІЯ МИДІИ.



„Фризъ стрѣлковъ“.
(Изъ глазированныхъ изразцовъ; во дворцѣ Дарія I, въ Сузахъ.— Раскопки супруговъ Дьёляфуа, 1885 г.).

№ 4'30
Р. 14

ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

ИСТОРІЯ МИДІИ,

второго Вавилонскаго царства и возникновенія Персидской державы.

Э. А. Загозиной,

члена англійскаго „Общества Изученія Азіи“ („Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland“); „Американскаго Общества Востоковѣдѣнія“ („American Oriental Society“); парижскаго „Société Ethnologique“ члена-корреспондента парижскаго „Athènée Oriental“ и пр.

Съ 90 рисунками и 1-ой картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Рисунки дозволены цензурою 27 августа 1903 г. СПБ.

Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ПОЛЬСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Библіографія . . . . . XIII—XVI

I.

Замѣчательный пережитокъ древности: парсы. — Анкетиль Дюперронъ.

§ 1. Парсы—потомки персовъ, послѣдователи Зороастра. § 2. Парсы—не-язычники. § 3. Завоеваніе Персіи арабами. § 4. Насильственное обращеніе и порабощеніе. § 5. Добровольное изгнаніе ревностныхъ послѣдователей Зороастра. § 6. Ихъ странствованія и поселенія въ Индіи. § 7. Вѣра парсовъ. § 8. Случайное открытіе царскихъ рукописей. § 9. Анкетиль Дюперронъ. § 10. Анкетиль отправляется въ Индію. § 11. Препятствія и лишенія. § 12. Первый переводъ Авесты. § 13. Нападки Уильяма Джонса. § 14. Ошибки и неблагопріятныя условія. § 15. Эженъ Бюрнуфъ, основатель иранской филологіи. § 16. Успѣхи и результаты трудовъ иранистовъ . . . . . 1—18

II.

Пророкъ Ирана—Авеста.

§ 1. Религіи, имѣющія священныя книги. § 2. Потребность въ откровеніи. § 3. Веды и Зенд-

СТРАН.

Авеста: священныя книги индусовъ и иранцевъ. § 4. «Зенд-Авеста» — названіе невѣрное. § 5. «Пехлевійскій» языкъ періода сассанидовъ. § 6. «Хузварешъ» и «Пазендъ». § 7. Вопросы, возбуждаемые открытіемъ Авесты. § 8. Древніе писатели о Зороастрѣ. § 9. «Гаты» («псалмы») — древнѣйшій отдѣлъ Авесты. § 10. Скудность достовѣрныхъ свѣдѣній о Зороастрѣ. § 11. Царь Виштаспа, другъ и ученикъ Заратуштры. § 12. Гибель большей части авестской литературы. § 13. Уцѣлѣвшіе тексты. Отдѣлы Авесты въ ея настоящемъ видѣ. § 14. Книга «Бундахишъ» и ея содержаніе . . . . . 19—40

III

Арійскіе миѳы.

§ 1. Невозможность «изобрѣтенія» въ строгомъ смыслѣ. § 2. Заратуштра — преобразователь. § 3. Индусы и иранцы — родственныя арійскія племена. § 4. «Аиріапа-Вэджа» — арійская первородина въ иранскомъ преданіи. § 5. «Риг-Веда», древнѣйшая священная книга индусовъ, содержитъ указанія на религію первобытныхъ арійцевъ. § 6. Силы природы—первые боги арійцевъ. § 7. Арійскіе боги Неба: Дьяусъ и Варуна. § 8. Арійскій богъ-Свѣтъ: Митра. § 9. Арійскій богъ-Огонь. § 10. Арійскій дуализмъ: боги и бѣсы, свѣтъ и тьма, дождь и засуха. § 11. Арійскій грозовой миѳъ. § 12. Индра, Громоверженъ. § 13. Вритра и Ахи — тучевые бѣсы. § 14. Сома — напитокъ. § 15. Сома — божество. § 16. Чудодѣйственная сила Мантры — священнаго слова. § 17. Жертвоприношенія. § 18. Матерьялизмъ. § 19. Богатство арійскаго миѳическаго эпоса. § 20. Царь Яма и Питри. § 21. Почитаніе умершихъ у арійцевъ. § 22. Питри переходятъ въ героическій эпосъ . 41—64

СТРАН.

IV.

Арійскіе миѳы въ Авестѣ.
Ихъ превращеніе въ аллегоріи.

§ 1. Разслабляющее вліяніе климата Индіи на арійское населеніе. § 2. Закаливающее вліяніе почвы и климата Ирана. § 3. Двойственность иранской природы развиваетъ почти исключительно боевое міровоззрѣніе. § 4. Одухотвореніе арійскихъ миѳовъ въ Иранѣ. § 5. Ахура-Мазда, верховный Богъ и Творецъ—преемникъ арійскихъ боговъ Неба. § 6. Священная гора и иранскій рай. § 7. Небесное море, небесный родникъ и древо жизни и безсмертія. § 8. Антропоморфизмъ отступаетъ на задній планъ въ иранскомъ миѳѣ. § 9. Миѳра, преемникъ арійскаго Митры; сохранившіяся въ немъ миѳическія черты. § 10. Духовное превращеніе бога Свѣта въ бога Правды. § 11. Сподвижники Миѳры: Побѣда, Послушаніе, Праведность и пр. § 12. Аллегорія — отличительная иранская черта. § 13. «Амеша-Спенты»—«Святые Безсмертные»; ихъ аллегорическое значеніе. § 14. Семь Амеша-Спентовъ и ихъ назначеніе. § 15. Ахура-Мазда — первый изъ Амеша-Спентовъ и творецъ остальныхъ. § 16. Атаръ—Огонь, преемникъ арійскаго Агни. § 17. Хварено—«Царственное Сіяніе». § 18. Тиштрія, иранскій богъ-грозовикъ и первая изъ звѣздъ. § 19. «Фраваши», преемники арійскихъ Питри. § 20. Отношеніе Фраваши къ живущимъ. § 21. Жадность всѣхъ боговъ къ жертвоприношеніямъ. § 22. «Ахуна-Ваирья», чудодѣйственная молитва. § 23. «Мантра»,—священное «Слово»,—оружіе противъ духовныхъ бѣсовъ — дурныхъ качествъ души. § 24. Ангра-Майнью, — Злой Духъ, — противникъ Ахура-Мазды. Ихъ вѣчная борьба. § 25. Героическій

СТРАН.

миѳъ объ Йимѣ—преемникѣ арійскаго Ямы. § 26. Паденіе Йимы. § 27. Обрядъ «Сагдидъ» . . . . 65—110

V.

Гаты.—„Седьмиглавъ".

§ 1. Маздаяснійцы и Дэваяснійцы. § 2. Задача Заратуштры. § 3. Ранній періодъ.—Гаты. § 4. Проклятія противъ дэваяснійцевъ. § 5. «Дэвы»—арійскіе боги, иранскіе «бѣсы»; «Ахура» и «Асура». § 6. Поэтическій прологъ къ Гатамъ. § 7. Провозглашеніе новой вѣры. § 8. Суть маздеизма: духовный дуализмъ. § 9. «Гимнъ вопросовъ». § 10. Буквальная простота Гатъ. § 11. Отдѣлъ Ясны, называемый «Седьмиглавомъ». § 12. Поворотъ къ исконному миѳу отъ духа чистаго маздеизма. § 13. «Символъ Вѣры» маздеизма. § 14. Бракъ между близкими родственниками . . . . . 111—131

VI.

Переселеніе и инородныя вліянія.—Вендидадъ.—Языческое возрожденіе.—Хордэ—(Малая) Авеста.

§ 1. Общій характеръ Вендидада. § 2. Три основныя начала жреческаго законодательства. § 3. Могущество духовенства. § 4. Атраваны и жертвоприношенія. § 5. Земледѣліе—святое призваніе. § 6. Уходъ за тѣломъ предписывается; аскетизмъ порицается. § 7. Отношеніе къ мертвецамъ. § 8. Дахмы или Башни Молчанія. § 9. Тонкіе вопросы о чистотѣ и скверне. § 10. Оскверненіе земли дахмами. § 11. Предписанія, какъ обращаться съ покойниками зимой. § 12. Хоронить трупъ—великій грѣхъ. § 13. Нечистыя твари, умирая, становятся чистыми. § 14. О болѣзни. § 15. О бережливости. § 16. Насу, трупный бѣсъ. § 17. Запретъ носить трупъ одному. § 18. О лѣкаряхъ.

СТРАН.

§ 19. Собака—священное животное. § 20. Пѣтухъ—священная птица. § 21. Слѣды кочевого быта въ Вендидадѣ. § 22. Туранское вліяніе. § 23. Необходимыя уступки. § 24. Слѣды туранскаго вліянія въ Авестѣ. § 25. «Огневыя башни»—Атеш-Гахъ—въ Адербейджанѣ. § 26. Происхожденіе иранскихъ фраваши и превращенія ихъ. § 27. Іудейское вліяніе. § 28. Загадочныя уголовныя узаконенія. § 29. Невозможныя наказанія. § 30. «Хордэ-Авеста» (Малая Авеста). — Языческое возрожденіе. § 31. Мостъ Чинватъ и посмертное испытаніе души. § 32. Участь нечестивой души. § 33 Высокое значеніе маздеизма; высокое мѣсто, подобающее ему между міровыми религіями . . . . 132—193

VII.

Послѣдніе дни Іуды.

§ 1. Сирійскія дѣла. § 2. Нехо II, царь египетскій, готовитъ нашествіе на Азію. § 3. Египетская кампанія въ Сиріи. § 4. Битва при Мегиддо и пораженіе Іосіи, царя іудейскаго. § 5. Битва при Кархемишѣ; Нехо разбитъ Навуходоноссоромъ. § 6. Мидійское и вавилонское царства. § 7. Покореніе Сиріи. § 8. Пророкъ Іеремія. § 9. Первое взятіе Іерусалима Навуходоноссоромъ. § 10 Народная ненависть къ пророку Іереміи. § 11. Пророкъ «гнѣва и печали». § 12. Упорство Іереміи. § 13. Гоненіе на пророка. § 14. Взятіе и разрушеніе Іерусалима.—586 до Р. Х. § 15. Осада Тира. 194—211

VIII.

Лидія и Малая Азія. — Политическое равновѣсіе на Востокѣ.

§ 1. Малая Азія независима отъ Вавилона. § 2. Перемѣны въ земляхъ Наири. § 3. Лидія, Кандавлъ и Гигъ. § 4. Ликія. Высѣченныя въ

СТРАН.

скалахъ гробницы. § 5. Различные языки въ Малой Азіи. § 6. Хеттейскій элементъ въ Малой Азіи. § 7. Индо-европейское вліяніе. § 8. Эллада, дорійское кочеваніе и іонійскія колоніи. § 9. Характеръ дорійскаго владычества. § 10. Іонійскія колоніи на побережьѣ Малой Азіи. § 11. Взаимодѣйствіе между греками и лидійцами. § 12. Мѣновая торговля. Продажа и купля. § 13. Чеканка денегъ — изобрѣтена, вѣроятно, лидійцами. § 14. Расширеніе лидійскихъ владѣній. § 15. Война Лидіи съ греческими приморскими городами. § 16. Война между Лидіей и Мидіей. § 17. Битва Затменія (585 г. до Р. Х.). — Заключеніе мира и скрѣпленіе его браками. § 18. Смерть Кіаксара 584 г. до Р. Х.) . . . . . 212—251

IX.

Великій Вавилонъ. — Банкирскій домъ Эгиби.

§ 1. Непрочность равновѣсія державъ. § 2. Опасенія Навуходоноссора. § 3. Инженерныя работы. § 4. Работы въ Вавилонѣ. § 5. «Мидійская стѣна». § 6. Стѣны Вавилона. § 7. Мостъ и набережная. § 8. Новый дворецъ. § 9. Висячіе сады. § 10. Храмъ Бэла-Мардука. § 11. Легенды о Семирамидѣ и Нитокридѣ. § 12. Величіе личности Навуходоноссора. § 13. Геродотъ о нѣкоторыхъ вавилонскихъ обычаяхъ. § 14. Банкирскій домъ Эгиби. § 15. Долговѣчность фирмы. § 16. Дѣловой архивъ фирмы. § 17. Характеръ дѣятельности фирмы. § 18. Имущественныя юридическія сдѣлки. § 19. Документы, служащіе прецедентами. § 20. О семейныхъ отношеніяхъ. § 21. Положеніе женщины. § 22. Женщина передъ судомъ. § 23. Частныя письма. § 24. Учебники и дѣтскія упражненія. § 25. Долговѣчность клинописи . . . . . 252—292

СТРАН.

X.

Мидія и возвышеніе Персіи.

§ 1. Астіагъ, преемникъ Кіаксара. § 2. Великолѣпіе мидійскаго царскаго дома. § 3. Роль колонны въ архитектурѣ. § 4. Царскій дворецъ въ Экбатанѣ. § 5. Богатство царскаго дворца. § 6. Скудность свѣдѣній о мидянахъ. § 7. Мидійскія племена, арійскія и не-арійскія. § 8. Маги — мидійское священство. § 9. Маги, вѣроятно, происхожденія не-арійскаго. § 10. Политическое могущество маговъ. § 11. Персы. Сомнѣнія о ихъ происхожденіи. § 12. Земля «собственно Персія». Ея климатъ и общій характеръ. § 13. Персидскія племена, арійскія и не-арійскія. — Эламъ и Аншанъ. § 14. Объединеніе племенъ при Ахеменѣ. § 15. Раздѣленіе Ахеменидовъ на двѣ линіи—аншанскую и персидскую. § 16. Цилиндры Набонида и Кира. § 17. Бегистунская скала и надпись на ней. § 18. Возстановленіе начала династіи Ахеменидовъ по этимъ документамъ. . 293—322

XI.

„Курушъ, царь, Ахеменидъ“.

§ 1. Паденіе мидійскаго царства. § 2. Баснословное преданіе о рожденіи и дѣтствѣ Кира у Геродота. § 3. Объясненіе преданія. § 4. Вѣроятный ходъ дѣла. § 5. Расширеніе персидской державы на востокѣ. § 6. Мудрое правленіе Кира. Сліяніе мидянъ и персовъ. § 7. Развалины Пасаргадъ. § 8. Персидское искусство—подражаніе ассирійскому. § 9. Киръ угрожаетъ равновѣсію державъ. § 10. Крезъ, царь лидійскій, преемникъ Аліатта (560 г. до Р. Х.). § 11. Крезъ готовится къ войнѣ съ Киромъ. § 12. Посольство Креза и дары его дельфійскому храму. § 13. Начало войны. § 14. Паденіе Сардъ и взятіе

СТРАН.

въ плѣнъ Креза. § 15. Покушеніе Креза на самосожженіе. § 16. Покореніе іонійскихъ городовъ и остальной Малой Азіи. § 17. Первое, неудачное нападеніе на Вавилонъ. — Полное покореніе Элама. — Суза — одна изъ столицъ персидской державы. § 18. Преемники Навуходоноссора въ Вавилонѣ. — Воцареніе Набонида. § 19. Набонидъ возстановляетъ противъ себя вавилонскихъ жрецовъ. — Первая неудачная попытка Кира. § 20. Жрецы призываютъ Кира. § 21. Открытая вражда жрецовъ. § 22. Іудеи тайно потворствуютъ Киру. § 23. Сдача Вавилона и тріумфальное вступленіе Кира. § 24. Киръ ублажаетъ жрецовъ и освобождаетъ іудеевъ. § 25. Скудость свѣдѣній о послѣднихъ годахъ Кира. Смерть его. (529 г. до Р. Х.). 323—372

Приложеніе къ главѣ XI.

Открытія супруговъ Дьёляфуа (Dieulafoy) въ Сузѣ . . . . . 373—383

XII.

Камбизъ. 529—522 г. до Р. Х.

§ 1. Воцареніе Камбиза. § 2. Несчастная натура Камбиза и ревность его къ брату. § 3. Очередь за Египтомъ. § 4. Приготовленія съ обѣихъ сторонъ. § 5. Умерщвленіе Бардіи. § 6. Битва при Пелузіумѣ и покореніе Египта (525 г. до Р. Х.). § 7. Религіозная терпимость Камбиза и его мягкое отношеніе къ Египту. § 8. Умственное разстройство Камбиза. Походы въ пустыню. § 9. Самозванецъ въ Персіи и общее возстаніе. Признаніе и самоубійство Камбиза (522 г. до Р. Х.). § 10. Бегистунская надпись объ этомъ событіи. . 384—401

СТРАН.

XIII.

Дарій I, сынъ Гистаспа, 522—485 до Р. Х.—Первый періодъ: усобицы.

§ 1. Бегистунская надпись о воцареніи Дарія. § 2. Затруднительное положеніе Дарія. § 3. Убіеніе мага Гауматы. § 4. Бегистунская надпись объ этомъ событіи. Разъясненіе загадочнаго мѣста въ бегистунской надписи. § 5. Дарій—маздеистъ. § 6. Персы не соблюдали строго Вендидадъ. § 7. Междоусобная война. § 8. Возстаніе Элама и Вавилоніи и еще девяти областей. § 9. Возстаніе Мидіи. § 10. Взятіе лидійскаго самозванца. § 11. Конецъ междоусобныхъ войнъ. § 12. Изваянія на Бегистунской скалѣ. § 13. Списокъ подвластныхъ народовъ. . . . . 402—425

XIV.

Дарій I. Второй періодъ: мирные годы.

§ 1. Мудрое правленіе Дарія. § 2. Система налоговъ и податей. § 3. Сооруженіе дорогъ и учрежденіе почтовой службы. § 4. Каналъ отъ Нила.—Всеобщая денежная система. § 5. Суза и Персеполь. § 6. Большая терраса въ Персеполѣ. § 7. Персепольская дворцовая лѣстница. § 8. Дворецъ Дарія. § 9. «Палата о ста колоннахъ» (Тронная зала). § 10. Тронная зала въ Сузѣ по книгѣ «Есѳирь». §§ 11—12. Строенія Ксеркса въ Персеполѣ. § 13. Царскія гробницы въ Персеполѣ. . . . . 426—454

XV.

Дарій I.—Третій періодъ: иностранныя войны.

§ 1. Дарій поднимается на Сѣверъ. § 2. Что греки знали о Скиѳіи. § 3. Геродотово описаніе Скиѳіи. § 4. Геродотъ о скиѳахъ. § 5. Мосты черезъ Босфоръ и Дунай и переправа. § 6. Скиѳ-

СТРАН.

ская кампанія. § 7. Отступленіе и переправа чечезъ Дунай и Геллеспонтъ. § 8. Походы въ Индію и Африку. — Возстаніе греческихъ городовъ въ Азіи и Ѳракіи и ихъ наказаніе. — Приготовленія противъ Эллады. . . . . 455—478

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ТОМУ ТРЕТЬЕМУ

Очеркъ исторіи открытія и дешифрировки клинообразнаго письма. . . . . 479—499

Главнѣйшія даты. 500

Алфавитный указатель . . . . . 501—522

БИБЛІОГРАФІЯ.

Anquetil Duperron. Zend-Avesta: Ouvrage de Zoroastre, contenant les idées théologiques, physiques et morales de ce législateur, les cérémonies du culte religieux qu'il a établies, etc., etc. 2 vol. in 4°. Paris, 1761.

Ayuso, Francisco Garcia. Los Pueblos Iranios y Zoroastro. Madrid, 1874. 1 vol.

Babelon, Ernest. Histoire Ancienne de l'Orient. 9-me éd. vol. 5, 6. Paris, 1887, 1888. (Продолженіе Исторіи, начатой Ленорманомъ).

Bartholomæ, Chr. Arische Forschungen. II. and III. Halle, 1886 and 1887.

Bradke, P. v. Dyaus Asura, Ahura-Mazda und die Asuras. Studien und Versuche auf dem Gebiete alt-indo-germanischer Religionsgeschichte. Halle, 1885. 128 pages.

Darmesteter, James. The Zend Avesta. Part I., The Vendîdâd. Part II., The Sîrôzahs, Yasts, and Nyâis. («Sacred Books of the East» Series, vol. IV. and vol. XXIII). Oxford, 1880 and 1883. 2 vols.

— Ormazd et Ahriman: Leurs origines et leur histoire. (Bibliothèque de l'École des Hautes Études; 29-e Fascicule.) Paris, 1877. 1 vol.

— Haurvatat et Ameretat: Essai sur la mythologie de l'Avesta. (Bibliothèque de l'École des Hautes Études; 23-e Fascicule.) Paris, 1875. 85 pages.

Delattre, A. Le Peuple et l'Empire des Mèdes, jusqu' à la fin du règne de Cyaxare. Bruxelles: 1883. 1 vol.

Dosabhai Framji Karaka. History of the Parsis. Including their Manners, Customs, Religion and Present Position. London, 1884. 2 vol.

Duncker, Max. Geschichte des Alterthums. 5-te Auflage. Leipzig, 1880.

Evers, Dr. E. Das Emporkommen der Persischen Macht unter Cyrus: nach den neuentdeckten. Inschriften. Berlin, 1884. 40 pages.

Ferguson, James. Palaces of Nineven and Persepolis Restored. London, 1851. 1 vol.

Floigl, Dr. Victor. Cyrus und Herodot: nach den neugefundenen Keilinschriften. Leipzig, 1881. 197 pages.

Harlez, M. C. de. Avesta: Livre sacré du Zoroastrisme traduit du texte Zend, accompagné de notes explicatives, et précédé d'une Introduction à l'étude de l'Avesta et de la Religion Mazdéénne; 2-e édition. Paris, 1881. 1 vol.

— Les Origines du Zoroastrisme. (Extrait du Journal Asiatique.) Paris, 1879. Deux parties en 8°.

Haug, Martin. Essays on the Sacred Language, Writings, and Religion of the Parsis. 1 vol. Second edition.

Hovelacque, Abel. l'Avesta. Zoroastre et le Mazdéîsme. Paris, 1880. 1 vol.

— Le Chien dans L'Avesta. Les soins qui lui sont dus. Son éloge. Paris, 1876. 56 pages.

— Les Médecins et la Médecine dans l'Avesta. 21 pages.

Jackson, A. V. Williams. A Hymn of Zoroaster, Yasna XXXI. Translated with comments, 62 pages; Stuttgart, 1888.

— Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. 1 vol. New-York, 1901.

Justi, Dr. Ferdinand. Geschichte des Alten Persiens. Berlin, 1879. 1 vol.

Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertrankes. 2-te Auflage. 1 vol.

Lenormant, François. La Monnaie dans l'Antiquité. 1-er Vol. Paris, 1878.

— Les Origines de l'Histoire, d'après la Bible et les traditions des peuples Orientaux. 2-me vol. Paris, 1882.

MASPERO, G. HISTOIRE ANCIENNE DES PEUPLES DE L'ORIENT. 3-me édition. Paris, 1878.

MÉNANT, JOACHIM. ZOROASTRE: Essai sur la Philosophie Religieuse de la Perse. 2-me édition. Paris, 1857. 1 vol.

— LES ECRITURES CUNÉIFORMES. Paris, 1860. 1 vol.

MEYER, Eduard. GESCHICHTE DES ALTERTHUMS, Stuttgart, 1884. Erster Band.

MILLS, L. H. THE ZEND AVESTA: Part. III. The Yasna, Visparad, Äfrînagân, Gâhs, and Miscellaneous Fragments. («Sacred Books of the East» Series, vol. XXXI.) Oxford, 1887. 1 vol.

MÜLLER, F. MAX. CHIPS FROM A GERMAN WORKSHOP. New-York, 1876. 4 vol.

— LECTURES ON THE SCIENCE OF LANGUAGE. New-York, 1875. 2 vol.

— BIOGRAPHIES OF WORDS AND THE HOME OF THE ARYAS. London. 1888.

MYER. REMAIHS OF LOST EMPIRES. 1 vol.

OPPERT. J. LE PEUPLE ET LA LANGUE DES MÈDES.

— L'HONOVER: le Verbe Créateur de Zoroastre. (Extrait des Annales de Philosophie Chrétienne, janvier, 1862.) 24 pages.

PLUTARCH. DE ISIDE ET OSIRIDE.

RAWLINSON, GEORGE. THE FIVE GREAT MONARCHIES OF THE ANCIENT EASTERN WORLD. London, 1865. 3d and 4th vol.

— HISTORY OF HERODOTUS, a new English version. London, 1875. 4 vol.

RIALLE, Girard de. AGNI, PETIT-FILS DES EAUX, dans le Véda et l'Avesta. Paris, 1869. 16 pages.

SAYCE, A. H. THE ANCIENT EMPIRES OF THE EAST. London, 1884. 1 vol.

— LECTURES ON THE ORIGIN AND GROWTH OF RELIGION, AS ILLUSTRATED BY THE RELIGION OF THE ANCIENT BABYLONIANS. Hibbert Lectures, 1887. 1 vol.

SCHRADER, Eberhard. DIE KEILINSCHRIFTEN UND DAS ALTE TESTAMENT. 2d edition. Giessen, 1883. 1 vol.

SPIEGEL, Friedrich. ERANISCHE ALTERTHUMSKUNDE. 3 vol. Leipzig, 1871, 1873, and 1878.

— Die Altpersischen Keilinschriften. 2-te Auflage. 1881.

Unger, G. Fr. Kyaxares und Astyages. (Aus den Abhandlungen der kön. Bayerischen Akademie der Wissenschaften, I Cl., XVI. Bd., III Abth.) München, 1882. 85 pages.

Vaux, W. S. W. Persia, from the Earliest Period to the Arab Conquest. (Ancient History from the Monuments.) 1 vol.

Vigouroux, Abbé F. La Bible et les Découvertes Modernes en Palestine, en Égypte et en Assyrie. 4-me édit. Paris, 1884. 4 vols.

West, E. W. Pahlavi Texts. Part I. The Bundahis, Bahman Yast and Shâyast Lâ-Shâyast. («Sacred Books of the East» Series, Vol. V.) Oxford, 1880. 1 vol.

Whitney, Wm. Dwight. Oriental and Linguistic Studies, New York, 1873. 1 vol.

Winckler, Dr. Hugo. Die Völker Vorderasiens. (Der Alte Orient № 1.) Leipzig, 1899.

Windischmann, Friedrich. Zoroastrische Studien. Abhandlungen zur Mythologie und Sagengeschichte des alten Iran. Berlin, 1863.

— Mithra: ein Beitrag zur Mythengeschichte des Orients; Leipzig, 1857. 89 pages.

Множество сочиненій, брошюръ, статей о Древней Индіи и по сравнительной миѳологіи: братьевъ Раулинсонъ, Пинчеса, Чэдъ Боскауэна, Гормузда Рассама, де-Гарлé, Шпигеля, Говелакка, Жирара де-Ріалль, Дьёляфуà, и др., въ «Геродотѣ» Раулинсона, Британской Энциклопедіи и всевозможныхъ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ.

I.

Замѣчательный пережитокъ древности: парсы.— Анкетиль Дюперронъ.

Парсы—потомки персовъ, послѣдователи Зороастра.

1.—Изъ числа такъ-называемыхъ языческихъ религій, все еще исповѣдуемыхъ большей половиной человѣческаго рода, нѣтъ ни одной, заслуживающей въ такой мѣрѣ вниманія и уваженія, какъ религія парсовъ, которыхъ принято называть, хотя и ошибочно, «*огнепоклонниками*». Ужъ конечно, не численная сила дѣлаетъ эту секту такою интересною и замѣчательною; въ этомъ отношеніи она утопаетъ незамѣтной каплей въ океанѣ человѣчества: парсовъ, въ настоящее время, менѣе 100.000,—не болѣе одного на 14.000 душъ всего населенія земного шара, или около того. Но, какъ ни ничтожна эта цифра, все же парсы представляютъ небольшой осколочекъ отъ одной изъ самыхъ могущественныхъ, благороднѣйшихъ націй древняго міра—персовъ, которая, хотя и теперь не вымерла и даже считается одною изъ великихъ державъ современнаго Востока, но выродилась до неузнаваемости, подъ вліяніемъ иноплеменнаго владычества, вынужденной

перемѣны вѣры и смѣшенія расъ. Вѣра же, которую изгнанные изъ родной земли потомки древнихъ персовъ такъ ревниво сохранили вмѣстѣ съ чистотою расы и стародавними обычаями,— есть вѣра древняго Ирана, пророкъ и возвѣщатель которой, Спитама Заратуштра, смутно, но съ благоговѣніемъ упоминается писателями древней Греціи и Рима, и былъ извѣстенъ позднѣйшимъ ученымъ Европы подъ именемъ Зороастра.

Парсы—незычники.

2.—Всѣ религіи, кромѣ трехъ великихъ семитскихъ религій: іудейства, христіанства и ислама, принято собирать подъ одно общее названіе «языческихъ». Между тѣмъ, сомнительно, насколько, въ томъ или другомъ случаѣ таковое наименованіе можно признать подходящимъ. Къ религіи парсовъ, напримѣръ, оно положительно непримѣнимо, потому что они ревностно, страстно, исповѣдуютъ Единаго истиннаго Бога и съ омерзѣніемъ относятся ко всякаго рода многобожію. Неужели же, при такой вѣрѣ, они не заслужили права называться единобожниками? На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ краткій обзоръ ихъ вѣро ученія и священныхъ обычаевъ.

Завоеваніе Персіи арабами.

3.—Въ 642 г. по Р. Х. арабы, въ полномъ разгарѣ своего фанатизма и воинственнаго опьяненія, наученные своимъ пророкомъ Мохаммедомъ смотрѣть на себя, какъ на избранниковъ божьихъ, посланныхъ возвѣщать по всей землѣ истинную вѣру, одержали (близъ Нехавенда, верстахъ въ восьмидесяти отъ древняго города Экбатаны), побѣду, совершенно измѣнившую

лицо Ирана и превратившую народъ, уважаемый и побѣдоносный въ теченіе четырехъ столѣтій, подъ своей національной династіей сассанидовъ, въ обездоленное, порабощенное, нещадно угнетаемое населеніе. Іездегердъ III, послѣдній сассанидъ, былъ предательски убитъ и ограбленъ во время бѣгства, и не было даже сдѣлано попытки отмстить за ужасное пораженіе, которымъ окончилась восьмилѣтняя геройская борьба: духовныя силы народа были сломлены въ конецъ.

Насильственное обращеніе и порабощеніе.

4.—Вѣра побѣжденныхъ естественно сдѣлалась первымъ предметомъ гоненій со стороны побѣдителей, ставшихъ свирѣпыми воинами и завоевателями именно изъ религіознаго фанатизма. Гоненіе прежде всего обратилось противъ персидскаго духовенства; храмы подверглись поруганію и разрушенію; погибли и священныя книги, а усердные послѣдователи древней народной вѣры терпѣли столько обидъ, притѣсненій и вымогательствъ, что жизнь становилась не то что невыносимою, а прямо невозможною. Ихъ разоряли непосильными налогами, отстраняли отъ всѣхъ общественныхъ должностей, отъ всякаго участія въ государственной жизни, наконецъ, почти-что лишали покровительства законовъ; во всякомъ случаѣ имъ систематически отказывали въ правосудіи или удовлетвореніи, когда отвѣтчикомъ являлся мусульманинъ. Однимъ словомъ, ихъ честь, имущество, самая жизнь, зависѣли отъ произвола дерзкихъ и жадныхъ иноземцевъ — иновѣрцевъ. Оставалось одно спасеніе: принять вѣру этихъ иноземцевъ, поклониться Мохаммеду, отречься

отъ всѣхъ родныхъ преданій, вѣрованій, обычаевъ. Этимъ однимъ шагомъ побѣжденные могли сразу перейти изъ состоянія попранныхъ рабовъ, если и не въ полное равенство со своими притѣснителями, то по крайней мѣрѣ въ званіе охраняемыхъ закономъ подданныхъ. Можно ли же дивиться, если вѣроотступничество стало обыденнымъ явленіемъ? Но насильственное обращеніе рѣдко бываетъ искреннимъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что первое поколѣніе подневольныхъ мусульманъ исповѣдало новую вѣру лишь наружно, ради самообороны. Нельзя того же сказать о ихъ потомкахъ. Навязанная отцамъ вѣра для внуковъ была уже родною; привычка, дѣтская привязанность, взяли свое, и теперь нѣтъ ревностнѣе послѣдователей аравійскаго пророка, чѣмъ персіяне.

Добровольное изгнаніе ревностныхъ послѣдователей Зороастра.

5.—Однако, даже послѣ повальнаго обращенія народа въ исламъ, которое окончательно совершилось меньше чѣмъ въ двѣсти лѣтъ, многіе все еще предпочитали всякія невзгоды отступничеству. Только, такъ какъ жизнь, при такихъ условіяхъ, стала совершенно невыносимою у себя дома, большинство этихъ непоколебимыхъ патріотовъ приняло отчаянное рѣшеніе: уйти въ добровольное изгнаніе, искать убѣжища на чужбинѣ, гдѣ бы ихъ терпѣли, какъ безобидныхъ гостей, гдѣ бы они могли исповѣдывать свою вѣру, свободные отъ гоненій. Осталась только горсть робкихъ людей, у которыхъ не хватило духа разорвать всѣ старые узы и слѣпо идти на полную неизвѣстность, — и участь этихъ немно-

гихъ была поистинѣ плачевная. «Въ десятомъ вѣкѣ христіанской эры,—по словамъ одного ученаго современнаго писателя, парса *),—остатки населенія, исповѣдующаго вѣру Зороастра, можно было найти только въ двухъ областяхъ: Фарсѣ и Керманѣ, и читатель составитъ себѣ понятіе о томъ, съ какой быстротой вымиралъ этотъ остатокъ даже за послѣднее время, узнавъ, что, со ста тысячъ, цифра его въ полтораста лѣтъ сошла на семь или восемь тысячъ».

Ихъ странствованія и поселенія въ Индіи.

6. — Добровольнымъ изгнанникамъ повезло лучше. Нѣсколько лѣтъ они странствовали, такъ сказать, на удачу, останавливаясь въ разныхъ мѣстахъ, но нигдѣ не пытаясь устроиться совсѣмъ, пока они не сошли на западный берегъ Индіи, на полуостровъ Гуджератъ. Тамошній князь, индусъ, принялъ ихъ привѣтливо и позволилъ имъ поселиться на его землѣ, на нетяжелыхъ условіяхъ: чтобъ они сложили оружіе, объяснили, въ чемъ состоитъ ихъ вѣра, научились языку мѣстныхъ жителей и подчинялись нѣкоторымъ мѣстнымъ обычаямъ. Съ этихъ поръ изгнанники, которыхъ мѣстные жители стали называть «парсами», благоденствовали и процвѣтали. Не имѣя оружія, ни надобности въ немъ, они сдѣлались народомъ миролюбивымъ, трудящимся, хозяйственнымъ, какимъ остались и доселѣ. Земледѣліе и торговля сдѣлались ихъ любимыми занятіями, и такъ какъ никто ихъ движе-

---

*) Досабхай Фрамджи Карака, въ своей «Исторіи Парсовъ» (Лондонъ, 1884).

ній не стѣснялъ, они дошли до Пенджаба (сѣвѣро-западной области Индіи и стали селиться и тамъ. Около 1300 г. по Р. Х., на нихъ снова нагрянула бѣда: мусульманское нашествіе, кончившееся занятіемъ Гуджерата, разорило ихъ и еще разъ сдѣлало бездомными скигальцами. На этотъ разъ, однако, они недалеко ушли: въ двухъ приморскихъ городахъ: Навсари и Суратѣ, они столкнулись съ европейцами и вступили съ ними въ обоюдно выгодныя торговыя сношенія. Эти-то новыя сношенія, безъ сомнѣнія, и завлекли ихъ далѣе къ югу, къ главному коммерческому центру западнаго побережія, городу Бомбею, гдѣ мы ихъ застаемъ въ 1650 г., когда Португалія передала самый городъ и его территорію англійской коронѣ, въ счетъ приданаго португальской принцессы, выходившей за короля англійскаго, Карла II. Парсы окончательно тутъ основались; тутъ и теперь ихъ главный центръ, хотя не мало ихъ поселилось и въ другихъ частяхъ Индіи. Всѣхъ парсовъ въ 1891 г. было около 90.000.

Парсъ (зажиточнаго сословія).

Вѣра парсов

7.—Въ Европѣ всегда было извѣстно, что парсы (или гебры, «невѣрные», какъ ихъ презрительно называютъ мусульмане), крайне привязаны къ своей религіи, самая поразительная внѣшняя черта которой состоитъ въ почитаніи огня; что у нихъ въ молельняхъ постоянно содержатся священные огни, и что они при каждомъ перемѣщеніи всегда берутъ съ собою эти огни. Изо всего этого довольно естественно заключили, что огонь — ихъ божество, и ихъ стали называть не иначе, какъ «огнепоклонниками». Были, конечно, и такіе, которые, заглянувъ въ дѣло поглубже, составили себѣ болѣе вѣрное понятіе о томъ, на что масса публики смотрѣла, какъ на нелѣпое суевѣріе, и убѣдились, что парсы вовсе не *поклоняются* огню, якобы божеству, а любятъ и почитаютъ его, какъ чистѣйшую и совершеннѣйшую *эмблему* божества. Приведенный выше писатель, Д. Фрамджи Карака, оправдывая своихъ братьевъ отъ взведеннаго на нихъ обвиненія въ язычествѣ, весьма кстати приводитъ слова епископа Мерена (Meurin), главы католической общины въ Бомбеѣ: «Чистое, ничѣмъ не оскверненное пламя, конечно, есть са-

Жена парса.

мое чудное представленіе въ природѣ Того, Кто самъ есть Вѣчный Свѣтъ». Ученые также знали, что парсы вѣрятъ въ множество духовъ, которые, якобы, пекутся о мірозданіи подъ надзоромъ и по велѣнію Создателя, въ шесть духовъ еще болѣе возвышеннаго разряда, имѣющихъ нѣчто божественное въ своемъ естествѣ, наконецъ, въ существованіе и могущество праведныхъ, блаженныхъ душъ, и что они обращаются молитвенно ко всѣмъ этимъ существамъ, въ родѣ того, какъ мы молимся святымъ и почитаемъ ангеловъ и архангеловъ. Наконецъ, еще было извѣстно ученымъ, что парсы гордятся строгимъ, неукоснительнымъ соблюденіемъ закона Зороастра, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до нихъ отъ предковъ, жившихъ до мусульманскаго нашествія, т. е. персовъ эпохи сассанидовъ, которые въ свою очередь, какъ говорятъ, получили его отъ глубокой древности. Все это вполнѣ подтверждается многими мѣстами изъ греческихъ и римскихъ писателей разныхъ временъ, отзывы которыхъ о вѣрованіяхъ и религіозныхъ обычаяхъ современныхъ имъ персовъ, хотя и отрывочные, замѣчательно совпадаютъ со всѣмъ, что̀ извѣстно намъ о нынѣшнихъ парсахъ. Имя Зороастра упоминается многими классиками, правда, довольно неопредѣленно и съ немалыми противорѣчіями, но всегда съ благоговѣніемъ, какъ имя личности святой и таинственной. Итакъ, въ ученомъ мірѣ давно уже сложилось убѣжденіе: 1) что у парсовъ непремѣнно есть священныя книги, очень старинныя, въ которыхъ излагаются законы одной изъ за-

мѣчательнѣйшихъ религій древности; 2) что было бы крайне желательно, въ интересахъ историческихъ и религіозныхъ изслѣдованій, получить доступъ къ этимъ книгамъ и, если возможно, добыть копіи съ нихъ для главныхъ европейскихъ библіотекъ.

Случайное открытіе царскихъ рукописей.

8.—Поэтому, какъ было не благодарить судьбу, когда, въ началѣ XVIII вѣка, англичанинъ Джорджъ Буршьѐ (Bourchier), ученый путешественникъ, пользуясь счастливой случайностью, въ бытность свою въ Суратѣ получилъ отъ священниковъ-парсовъ драгоцѣнную рукопись. Она содержала Вендидадъ-Садэ, т. е. собраніе молитвъ и пѣснопѣній въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ читаются и поются на священныхъ службахъ парсовъ. Рукопись была отдана въ университетскую библіотеку въ Оксфордѣ. Послѣ того получались еще разныя рукописи, такъ что, около половины XVIII вѣка, знаменитый университетъ обладалъ почти полной коллекціей. Одна бѣда: не было никого, кто бы могъ разобрать эти никому незнакомыя письмена, да и въ будущемъ мало предвидѣлось надежды разрѣшить загадку.

Анкетиль Дюперронъ.

9.—Къ счастью, въ Парижъ попали четыре страницы, скалькированныя съ одной изъ оксфордскихъ рукописей, и ихъ случайно увидѣлъ молодой оріенталистъ, Анкетиль Дюперронъ (Anquetil Duperron). Двадцатидвухлѣтній юноша, честолюбивый, любознательный до страсти, въ этомъ обстоятельствѣ усмотрѣлъ перстъ Провидѣнія, указывающій ему на великое дѣло,—задачу, которой лестно будетъ посвятить всю свою энер-

гію, всѣ силы своей восторженной натуры; однимъ словомъ, онъ видѣлъ передъ собою драгоцѣннѣйшее благо: цѣль жизни. «Я тотчасъ же рѣшился подарить моей родинѣ эту литературную диковину, — пишетъ онъ. — Я далъ смѣлый обѣтъ перевести эти книги и рѣшился отправиться для этой цѣли на Востокъ и изучить древній персидскій языкъ въ Гуджератѣ и Керманѣ». Будучи членомъ знатнаго рода, онъ располагалъ обширными связями и, конечно, могъ бы со временемъ получить хорошее мѣсто въ одной изъ конторъ французской остъ-индской компаніи. Но такой окольный путь къ цѣли съ неизбѣжными проволочками претилъ его юношескому нетерпѣнію, и онъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, очертя голову, вступилъ рядовымъ на военную службу компаніи, какъ разъ отсылавшей въ Индію партію рекрутовъ. Только когда все было безповоротно рѣшено, онъ сообщилъ старшему брату о сдѣланномъ шагѣ и, не взирая ни на какія просьбы, ни слезы, выступилъ пѣшкомъ со своей ротой, въ одно пасмурное, холодное ноябрьское утро 1754 г.

Анкетиль отправляется въ Индію.

10.—Какъ ни предпріимчивъ былъ Анкетиль и отваженъ до безумія, по личному темпераменту, по національному складу характера и по молодости лѣтъ, однако наврядъ ли бы онъ ринулся такъ слѣпо въ столь дикое приключеніе, если бы хоть отчасти могъ предвидѣть, сколькимъ и какого рода непріятностямъ онъ подвергнется, несмотря даже на то, что друзья его выпросили ему у правительства, еще прежде чѣмъ корабль

его вышелъ въ море, отставку изъ военной службы, небольшое содержаніе и обѣщаніе помогать ему въ его предпріятіи. Эта добрая вѣсть догнала его въ морскомъ портѣ Лоріанѣ (Lorient), откуда отправляли рекрутовъ, такъ что онъ ступилъ на палубу корабля въ февралѣ 1755 г. уже свободнымъ человѣкомъ. Счастіе его, что дѣло уладилось. Читая его описаніе плаванія и того, что̀ ему пришлось вытерпѣть въ эти ужасные мѣсяцы даже въ офицерской каютъ-компаніи, невольно содрогаешься и спрашиваешь себя, что̀ бы сталось съ нимъ, если бы онъ совершилъ плаваніе съ жалкими бродягами, мошенниками, преступниками, отбросами тюремъ и полковъ, изъ которыхъ состояло компанейское войско, если бы онъ раздѣлялъ ихъ помѣщеніе, пищу и вообще обстановку во время шестимѣсячнаго плаванія, большею частью бурнаго, въ тропическихъ моряхъ.

Препятствія и лишенія.

11. — Нельзя себѣ представить чтенія болѣе занимательнаго, часто увлекательнаго и драматичнаго, нежели книга, въ которой Анкетиль подробно разсказываетъ свои долгія странствованія и безчисленныя приключенія. Однако, мало кто читаетъ ее въ наше время. Мы привыкли принимать результаты самоотверженныхъ трудовъ замѣчательныхъ людей, не спрашивая, какой цѣной они добыты. А между тѣмъ, сколько полезныхъ уроковъ можно бы извлечь изъ похожденій героевъ науки, которые жертвуютъ родиной, друзьями, карьерой, рискуя здоровьемъ и жизнію, не щадя ни времени, ни денегъ, а еще чаще

работая вовсе безъ денегъ, добиваясь своей цѣли одной энергіей и упорствомъ, и считая свою награду превыше всякихъ богатствъ, если имъ удалось завладѣть хотя частицей того знанія, котораго они искали. Такіе люди всегда бывали; они есть и нынѣ,— и не одинъ-два, а много ихъ. Они трудятся, совершаютъ начатое, страдаютъ,— нерѣдко погибаютъ жертвами своего энтузіазма и самоотверженія,—и мало кто объ этомъ знаетъ. Такъ погибли Джорджъ Смитъ, *), Ленорманъ— отецъ и сынъ, Шарль и Франсуа́, и много, много другихъ,—сраженные болѣзнями за работой въ далекихъ странахъ. Анкетиль Дюперронъ въ полномъ смыслѣ принадлежалъ къ этому разряду героевъ. Немногіе вытерпѣли столько, сколько вытерпѣлъ онъ, и если онъ остался живъ и могъ насладиться плодами своихъ подвиговъ, то онъ этимъ былъ обязанъ единственно исключительно своей крѣпкой натурѣ.

Первый переводъ Авесты.

12.—Онъ пробылъ въ отсутствіи семь лѣтъ,—и не даромъ пропали эти годы. Когда онъ возвратился въ Парижъ въ началѣ 1762 г., ему было ровно тридцать лѣтъ. За нимъ была самая трудная, отчасти опасная, часть его задачи, благополучно совершенная, а впереди—лучшая пора зрѣлаго возраста, съ полной возможностью посвятить ее сравнительно легкому и во всякомъ случаѣ привлекательному труду: переводу книгъ, составляющихъ священное писаніе парсовъ, и получившихъ названіе (впрочемъ, невѣрное), Зенд-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 123—125.

Авесты. Переводъ этотъ, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ странствованій автора и всего имъ пережитаго, вышелъ въ свѣтъ уже въ 1771 г., въ трехъ томахъ, въ четвертую долю листа (in 4°), подъ подробнымъ, нѣсколько тяжеловѣснымъ заглавіемъ: «Зенд-Авеста, *сочиненіе* Зороастра,— *содержащее идеи сего законодателя по богословію, естественнымъ наукамъ и этикѣ, обряды богослуженія, имъ установленные, и разныя важныя черты, относящіяся къ древней исторіи персовъ*». Рукопись, по которой онъ работалъ, уже была отдана въ королевскую библіотеку. Стало-быть, онъ всецѣло исполнилъ обѣтъ, данный имъ самому себѣ семнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда онъ впервые увидѣлъ загадочныя восточныя письмена на скалькированныхъ въ Оксфордѣ страницахъ,—и ему оставалось дожидаться съ понятнымъ любопытствомъ, какое впечатлѣніе его трудъ произведетъ въ ученомъ мірѣ Европы.

Нападки Уильяма Джонса.

13.—Но тутъ ему предстояли разочарованіе и незаслуженное огорченіе. Раздалось нѣсколько хвалебныхъ голосовъ, но огромное большинство ученыхъ какъ будто боялось высказываться и чего-то выжидало, въ неувѣренности и недоумѣніи. Къ несчастію, Анкетиль когда-то позволилъ себѣ неумѣстную и несправедливую выходку противъ оксфордскаго университета, и теперь англійскіе ученые отплатили ему единодушнымъ враждебнымъ отношеніемъ къ его капитальному труду. За всѣхъ заговорилъ знаменитый впослѣдствіи оріенталистъ, Уильямъ Джонсъ, тогда еще

очень молодой человѣкъ, но уже обратившій на себя вниманіе, какъ лингвистъ и знатокъ Востока. Онъ напечаталъ на французскомъ языкѣ, въ видѣ брошюры, анонимное письмо «*Lettre à Mr. A — du P —*». Письмо это было просто ругательное, но очень остроумное, а языкъ и слогъ были до того безукоризненны, что долго никто даже не подозрѣвалъ, что авторъ не французъ, тѣмъ менѣе — англичанинъ. Джонсъ прямо обвинялъ своего старшаго собрата въ подлогѣ, или же въ легковѣріи, превосходящемъ всякую позволительную мѣру. Онъ утверждалъ, что то, что̀ Дюперронъ выдаетъ за сочиненіе одного изъ величайшихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ, большей частью не представляетъ никакого смысла, тѣ же мѣста, въ которыхъ можно было уловить смыслъ — невыносимо глупы и скучны. «Хотя бы за достовѣрность этихъ писаній ручался весь сонмъ гебровъ,—писалъ Джонсъ:—мы никогда не повѣримъ, чтобы даже наименѣе ловкій шарлатанъ понесъ такую белиберду, какою наполнены ваши послѣдніе два тома... Или Зороастръ былъ вовсе дуракомъ, или онъ никогда не писалъ книгу, которую вы ему приписываете. Въ первомъ случаѣ, вы должны были оставить его во мракѣ неизвѣстности; если же онъ книги не писалъ, то безстыдно съ вашей стороны издавать ее подъ его именемъ. Дѣлая это, вы или надругались надъ публикой, предлагая ей такую чепуху, или старались обмануть ее, угощая ее собственнымъ враньемъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ вы заслуживаете

ея презрѣніе.» На эту тему много лѣтъ разыгрывали всевозможныя варьяціи. «Не вдаваясь въ болѣе вѣскіе аргументы (противъ книги),—писалъ другой противникъ Анкетиля, тоже англичанинъ:—довольно будетъ указать на нелѣпость ея».

Ошибки и неблагопріятныя условія.

14.—Время и успѣхи науки оправдали Дюперрона и давно уже поставили его на надлежащее ему мѣсто, установивъ великую и существенную заслугу его труда, а также его недостатки. Съ одной стороны, никому въ наше время не придетъ въ голову отрицать подлинность книгъ, которыя онъ взялся перевести; но, съ другой стороны, переводъ его такъ плохъ, исполненъ на такихъ безусловно ошибочныхъ началахъ, что положительно никуда не годится, — останется навсегда памятникомъ крупнаго подвига и крупной неудачи. Онъ не имѣлъ ни надлежащаго метода, ни надлежащей подготовки. Дюперронъ вполнѣ довѣрился своимъ парсамъ-учителямъ, *дестурамъ* (священникамъ), и ихъ подстрочнымъ переводамъ на современный персидскій языкъ, не подозрѣвая, до чего невѣрны эти переводы. Правда, онъ зналъ, что масса парсовъ слушаетъ и читаетъ свои священные тексты, не понимая ни слова и не видя надобности понимать, въ томъ убѣжденіи, что достаточно строго соблюдать предписанные обряды. Но ему говорили, что на высшемъ духовенствѣ лежитъ обязанность изучать мертвые языки своего народа, чтобы изъ рода въ родъ передавать не только букву и внѣшнія формы закона, но и духъ его. Могъ ли же онъ подозрѣвать, что, неся въ ру-

кахъ сосудъ, они дорогой пролили почти все содержаніе его, и что они полагались единственно на тонкую нить преданія,—правда, нигдѣ не порванную, но съ каждымъ днемъ болѣе гнилую, ненадежную? Онъ добросовѣстно записывалъ каждое слово по-новоперсидски, какъ ему диктовали *дестуры*, затѣмъ переводилъ полученное буквально на французскій языкъ, и, — надо отдать справедливость его противникамъ,—половина того, что онъ написалъ, дѣйствительно не имѣло смысла.

Эженъ Бюрнуфъ, основатель иранской филологіи.

15.—Итакъ, одна загадка, повидимому, только замѣнялась другою, не менѣе безвыходной. Нуженъ былъ великій и, главное, — свѣтлый умъ, чтобы разобрать эту путаницу и продолжать работу, выроненную изъ неумѣлыхъ рукъ. Такой умъ нашелся только шестьдесятъ лѣтъ спустя, въ лицѣ другого француза, оріенталиста Эжена Бюрнуфа. Онъ провидѣлъ путь къ пониманію священныхъ книгъ парсовъ, посредствомъ болѣе разумнаго и болѣе проникающаго въ глубь дѣла метода, и, хотя такой опытъ собственно не входилъ въ программу его занятій, однако онъ предпринялъ его, больше для того, чтобы открыть путь другимъ и показать имъ, какъ нужно приняться за дѣло; самъ онъ не имѣлъ цѣли пойти по этому пути до конца. Правда, приступая къ этому опыту, онъ уже имѣлъ то, чего всю жизнь недоставало Анкетилю, а именно: основательное знаніе санскритскаго языка, самаго древняго языка арійцевъ въ Индіи, родственнаго тому языку, на которомъ написаны священныя книги, приписываемыя Зо-

роаструу. Любопытно то, что самъ сэръ Уильямъ Джонсъ, ожесточенный врагъ и поноситель Анкетиля, нѣкоторымъ образомъ доставилъ соотечественнику его средство блистательно оправдать его и доказать его право на признательность ученаго міра, хотя и обнаруживая въ то же время его погрѣшности. Этотъ великій лингвистъ, призванный въ Индію на высокій административный постъ, первый принялся изучать классическій языкъ древней Индіи и воодушевилъ тѣмъ же духомъ любознательности своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ, такъ что онъ заслужилъ названіе основателя санскритской филологіи, которой предстояло сдѣлаться однимъ изъ главныхъ устоевъ еще столь юной тогда науки, — сравнительнаго языковѣдѣнія. Большое сходство, оказавшееся между древними арійскими языками Индіи и Ирана, дало Бюрнуфу мысль, что, примѣняя къ иранскимъ текстамъ знаніе санскритскаго языка, можно подвергнуть строгой критикѣ и исправить традиціонные, большей частью безсмысленные переводы *дестуровъ*, и добиться гораздо болѣе вѣрнаго пониманія ихъ священныхъ писаній, нежели какого они сами способны достигнуть. Онъ по этому плану разработалъ всего одну главу. Но о томъ, съ какой основательностью и въ какихъ размѣрахъ онъ исполнилъ эту работу, можно судить по тому, что трудъ этотъ занимаетъ большой томъ in-4⁰ (въ четвертую долю листа), въ 800 страницъ. *)

*) «*Commentaire sur le Yaçna*». Издано въ 1833—35 гг.

Успѣхи и результаты трудовъ иранистовъ.

16.—Все, что съ тѣхъ поръ сдѣлано въ этой области, дѣлалось по плану, намѣченному Бюрнуфомъ въ этомъ первомъ опытѣ. Это — исполинская сокровищница знанія и находчивости. Самый предметъ изученія — крайне темный и многотрудный, и, хотя терпѣливому, кропотливому труду удалось возстановить утраченную-было религію, приписываемую Зороастру, въ ея главныхъ чертахъ и общемъ духѣ, разсортировать различные элементы, вошедшіе въ ея составъ, однако, еще очень много остается спорныхъ пунктовъ; многихъ мѣстъ, — нерѣдко первостатейной важности, — имѣются нѣсколько разногласныхъ переводовъ, между которыми даже опытному спеціалисту трудно разобраться и сдѣлать окончательный выборъ. Во многихъ отношеніяхъ даже дешифрированіе клинописи представляется менѣе сомнительнымъ. Все же много сдѣлано и дѣлается каждый годъ, и то, что мы теперь уже знаемъ, даетъ намъ право признать религію, почти чудеснымъ образомъ сохраненную горстью вѣрныхъ послѣдователей, одною изъ самыхъ мудрыхъ, возвышенныхъ, прекрасныхъ не въ одномъ древнемъ мірѣ. Такъ какъ вѣру эту исповѣдало то племя, которое, по историческому порядку, становится во главѣ восточныхъ народовъ въ тотъ моментъ, до котораго довели насъ предыдущіе два тома, мы пріостановимся на пути, чтобы поближе познакомиться съ нею и этимъ подготовиться къ большему пониманію и болѣе вѣрной оцѣнкѣ дѣяній этого славнаго племени.

II.

Пророкъ Ирана. — Авеста.

Религіи, имѣющія священныя книги.

1. — Всѣ въ мірѣ религіи, помимо ихъ внутреннихъ различій, распадаются на два разряда: имѣющихъ священныя книги, и таковыхъ не имѣющихъ. Священныя книги данной религіи воплощаютъ въ себѣ все ея ученіе по части богословія, вѣры и этики. Въ нихъ предписывается вѣрующимъ, во что̀ они обязаны вѣровать, что̀ они должны дѣлать и чего избѣгать, ка̀къ имъ подобаетъ молиться, какіе совершать обряды, ка̀къ вести себя въ данные важные моменты жизни. Эти предписанія вѣрующіе должны принимать не просто какъ совѣты для своего руководства, а какъ нѣчто положительно обязывающее, связывающее ихъ, — нѣчто, чему они должны вѣрить не разсуждая, повиноваться безпрекословно. Когда возникаетъ вопросъ относительно какого-нибудь пункта вѣроученія, благочестивый вѣрующій не долженъ полагаться на свой собственный разумъ; онъ долженъ справиться въ своей священной книгѣ, а еще лучше

обратиться къ тѣмъ, кому предоставлено право истолковывать ее, — жрецамъ и вѣроучителямъ. Это и вѣрнѣе и безопаснѣе, такъ какъ мірянину легко ошибиться вслѣдствіе недостаточной подготовки и неполнаго знанія, тогда какъ полагается, что духовное лицо должно знать основательно то, изученію чего оно посвятило всю свою жизнь. Сомнѣніе въ безусловной истинѣ того или другого положенія, въ необходимости или справедливости того или другого предписанія, находящагося въ священной книгѣ, влечетъ за собою кару въ будущей жизни, а если оно выражается неповиновеніемъ на дѣлѣ или поруганіемъ на словахъ, то нерѣдко и здѣсь, на землѣ, сомнѣвающійся несетъ наказаніе отъ духовенства и правительства, которое поддерживаетъ это духовенство.

Потребность въ откровеніи.

2.—Такого полнаго отрѣшенія отъ самыхъ дорогихъ сердцу человѣка правъ,—на свободу мысли и дѣйствій, — такого слѣпого повиновенія, почти до уничтоженія въ себѣ личной воли и разума, очевидно, никто не можетъ требовать отъ людей, будь то величайшій мудрецъ или величайшій деспотъ, и никто такую жертву не принесетъ простому смертному. Человѣкъ будетъ повиноваться такому же какъ онъ человѣку по своей волѣ и для своей пользы, до тѣхъ поръ, пока онъ въ этомъ видитъ для себя выгоду, но никогда не признаетъ такое повиновеніе за положительный, неоспоримый долгъ. Дѣло другое, если онъ убѣжденъ въ неземномъ происхожденіи своей вѣры, если онъ ея заповѣди признаетъ за божественное слово, за божественный законъ, со-

общенный людямъ сверхъестественнымъ путемъ, отъ самого божества, черезъ избранниковъ, которые дѣлаются пророками, учителями, законодателями своего народа и говорятъ не отъ себя, а отъ имени и по внушенію Божества, съ которымъ они, чудеснымъ образомъ, имѣютъ непосредственныя сношенія, лицомъ къ лицу. Въ старину люди были проще духомъ и, не имѣя понятія о положительной, экспериментальной наукѣ, жили наполовину въ мірѣ чудесъ. Такъ какъ законы природы были имъ неизвѣстны, то отступленія отъ этихъ законовъ не поражали ихъ такъ, какъ поражаютъ насъ; они были для нихъ лишь необычайными явленіями, имѣющими какое-нибудь особое значеніе. Они тѣмъ охотнѣе готовы были признать божественность объявленнаго имъ закона, что въ каждой вѣрѣ заключались искры вѣчной истины, и то, что̀ въ нихъ было лучшаго, возвѣщаемое притомъ лучшими и мудрѣйшими мужами даннаго народа, съ одной стороны всегда отвѣчало тайному, прирожденному сознанію и потребностямъ души, съ другой настолько опережало, превосходило средній уровень современнаго духовнаго развитія, что должно было казаться массѣ народа недостигаемымъ однѣми силами человѣческаго духа.

Веды и Зенд-Авеста: священныя книги индусовъ и иранцевъ.

3.—Оба великіе отдѣла азіатскихъ арійцевъ,— индусы и иранцы, исповѣдали религіи, которыя, какъ учили ихъ жрецы, были сообщены людямъ лично и непосредственно самимъ Божествомъ. Индусы хранили у себя собраніе книгъ, которыя они называли Ведами («знаніе»), и считали со-

кровищницей божественнаго закона. Священныя же книги иранцевъ извѣстны подъ названіемъ Зенд-Авесты. Ни та, ни другая изъ этихъ религій не вымерла и по сію пору. Первая изъ нихъ еще понынѣ исповѣдуется, въ значительно измѣненномъ видѣ, многими милліонами обитателей Индіи, тогда какъ послѣдняя пережила всѣ невзгоды и, какъ мы видѣли выше, уцѣлѣла у той горсти потомковъ персидскихъ пришельцевъ, которая образуетъ въ Индіи замкнутую общину парсовъ, и у другой горсти, ежегодно убывающей,— братьевъ ихъ, оставшихся въ Персіи. Между обѣими религіями существуютъ поразительныя сходства и не менѣе поразительныя различія, какъ обыкновенно бываетъ между членами одной семьи, будь то отдѣльныя лица или цѣлые народы. Но намъ въ настоящемъ томѣ предстоитъ заняться лишь персами, которыхъ, въ разсматриваемый нами моментъ міровой исторіи, оборотъ вѣчно вращающагося колеса времени выдвигаетъ на видъ, въ качествѣ наслѣдниковъ величія старшихъ народовъ, уходящихъ со сцены, — Ассиріи, Вавилона и другихъ, менѣе выдающихся размѣрами, вліяніемъ и могуществомъ.

„Зенд-Авеста"—названіе невѣрное.

4. — Когда, съ легкой руки Анкетиля Дюперрона и его первыхъ преемниковъ, за новооткрытыми книгами было утверждено названіе «Зенд-Авеста», а за языкомъ ихъ—имя «зендскаго», въ историческую номенклатуру безсознательно была внесена ошибка, значительно замедлившая дальнѣйшія открытія и еще болѣе запутавшая безъ того уже сбивчивый предметъ изслѣдованій. Во-

первыхъ, настоящее заглавіе иранскихъ священныхъ писаній — «Авеста-у-Зендъ», что можно приблизительно перевести: «Законъ и комментарій къ нему», такъ какъ «зендъ» вовсе не есть собственное имя, а нарицательное, означающее «объясненіе, комментарій». Во-вторыхъ, книги эти писаны не на одномъ языкѣ, а на нѣсколькихъ иранскихъ нарѣчіяхъ различныхъ временъ и, вѣроятно, различныхъ областей. Окончательно установивъ эти факты, ученые стали называть самыя книги просто «Авеста», а языкъ, на которомъ, главнымъ, образомъ писанъ текстъ—«авестскимъ». Это названіе не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ вѣкомъ или страной и потому не вводитъ въ заблужденіе. Комментаріи же и примѣчанія, принадлежащіе гораздо позднѣйшему времени, писаны на средневѣковомъ персидскомъ языкѣ, такъ-называемомъ пехлевійскомъ.

„Пехлевійскій" языкъ періода сассанидовъ.

5.—Это крайне своеобразный языкъ, особенно писанный. Не столько потому, что письмо не похоже на ново-персидское: различіе не больше того, чего можно ожидать отъ разницы во времени; но дѣло въ томъ, что на первый взглядъ самый языкъ похожъ скорѣе на семитическій, чѣмъ на персидскій. А именно: огромное большинство словъ,—именъ, мѣстоименій, нарѣчій, предлоговъ, и пр.—семитическія, тогда какъ грамматика и строеніе—иранскія. Очевидно, что такая аномалія никогда не могла быть живымъ языкомъ, нигдѣ и ни у кого. Разрѣшеніе загадки любопытно не менѣе самой загадки. Оказывается,

что слова, на видъ семитическія, были на слухъ иранскія: т. е., читая либо про себя, либо вслухъ, надо было на мѣсто каждаго семитическаго слова ставить равносильное иранское,—или персидское. Такъ, «царь» писалось «*малка*» (старинное семитическое слово), а произносилось «*шахъ*»; «*малканъ малка*» («царь царей») произносилось «*шаханъ-шахъ*»; вмѣсто написаннаго семитическаго «*бисра*» («мясо»), читалось, по-персидски, «*гошть*». Вѣдь мы сами дѣлаемъ нѣчто подобное, когда, встрѣчая въ французской или англійской книгѣ такія формы: «*i. e.*», «*e. g.*», «*etc.*», — сокращенія латинскихъ словъ: «*id est*», «*exempli gratia*», «*et celera,*» — свободно читаемъ по-французски или по-англійски: «то есть», «напримѣръ», «и прочее», не говоря о цифрахъ (1, 2, 3, и пр.), которыя каждый народъ произноситъ на своемъ языкѣ. Чтобы упражняться въ этомъ искусствѣ въ такихъ размѣрахъ и такъ свободно, какъ того требуетъ чтеніе и писаніе пехлевійскаго языка, нужно такое знаніе обоихъ языковъ, котораго одного почти достаточно, чтобы доказать связь, существовавшую между младшей культурой средней Азіи и древней культурой западной Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ и какимъ образомъ, если не черезъ постоянныя сношенія съ древними семитскими народами, — ассирійцами, вавилонянами, арамейцами, — могли персы такъ коротко ознакомиться съ языкомъ, нисколько не схожимъ съ иранскимъ, чтобы писать на этомъ языкѣ и, читая, переводить писанное на свой собственный языкъ?

6. — Итакъ, этотъ писанный языкъ состоитъ изъ двухъ весьма различныхъ элементовъ, которымъ даны и два различныя названія. Та часть, которая пишется на одинъ ладъ, а читается на другой, названа хузварешъ, чисто-персидская же часть — пазендъ. Конечно, текстъ можетъ быть написанъ весь на языкѣ «хузварешъ» или весь на языкѣ «пазендъ», но этого почти никогда не бываетъ. Замѣчено только, что, чѣмъ древнѣе текстъ, тѣмъ въ немъ больше языка «хузварешъ», такъ что древнѣйшія писанія сассанидскаго періода почти всецѣло писаны на этомъ языкѣ, тогда какъ позднѣйшія почти всецѣло писаны на языкѣ «пазендъ». Изъ всего сказаннаго ясно, что книги, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «Авесты», состоятъ изъ частей, писанныхъ въ различные вѣка. Такъ какъ пехлевійскія письмена не похожи на авестскія, то сравнительно легко отдѣлить первобытный текстъ отъ комментарія и назначить послѣднему надлежащее время, а это — періодъ владычества сассанидской династіи (226—640 г. по Р. Х.).

„Хузварешъ“ и „Пазендъ“.

7. — Прежде, чѣмъ приступить къ изученію религіи столь славной отрасли родного намъ арійскаго племени, мы невольно задаемъ наукѣ нѣсколько вопросовъ, на которые хотѣлось бы получить положительные отвѣты: Хотѣлось бы знать, насколько древня эта религія, писанный законъ которой такъ недавно отчасти вновь открытъ? Въ которой изъ земель Востока она зародилась? Существовалъ ли въ самомъ дѣлѣ человѣкъ по имени Заратуштра, который изобрѣлъ и пропо-

Вопросы, возбуждаемые открытіемъ Авесты.

вѣдывалъ ее, и когда онъ жилъ? Да и въ самомъ ли дѣлѣ онъ *изобрѣлъ* ее, или только преобразовалъ и оформилъ? Когда были записаны тексты, содержащіе ученіе, законъ, молитвословъ этой религіи? Обо всѣхъ этихъ вопросахъ много лѣтъ шли споры, достигавшіе различныхъ и часто разногласныхъ заключеній, и только въ самое послѣднее время довольно опредѣленно выяснились на нихъ отвѣты *).

Древніе писатели о Зороастрѣ.

8. — Большинство греческихъ и римскихъ писателей, сочиненія которыхъ дошли до насъ цѣликомъ или въ извлеченіяхъ и фрагментахъ, упоминаетъ о Зороастрѣ, какъ о мудромъ мужѣ Востока, учившемъ божественнымъ истинамъ, а также естественнымъ наукамъ и даже магіи, и въ существованіи его никто въ древности не сомнѣвался. Эти свидѣтельства, взятыя порознь, не имѣли бы большого вѣса, потому что ни греки, ни римляне не отличались историческимъ чутьемъ и критическимъ остроуміемъ — да, кромѣ того, въ хронологіи у нихъ невозможное разногласіе: по однимъ Зороастръ жилъ 500 лѣтъ до Р. Х., по другимъ раньше того, а по инымъ такъ даже 6.000 лѣтъ до нашей эры. Но единогласіе показаній (къ тому же подтверждаемыхъ и многими мусульманскими средневѣковыми писателями), устраняетъ всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что такое лицо дѣйствительно

*) Главнымъ образомъ благодаря замѣчательному труду молодого американскаго профессора, А. В. Уильямсъ-Джэксона, «Зороастръ, пророкъ древняго Ирана» (Нью-Іоркъ, 1901).

существовало *когда-то;* когда именно — остается наукѣ съ точностью опредѣлить, съ помощью, главнымъ образомъ, обильныхъ, если и не всегда одинаково заслуживающихъ довѣрія, національныхъ персидскихъ источниковъ разныхъ эпохъ.

„Гаты“ („псалмы“) — древнѣйшій отдѣлъ Авесты.

9.—Есть небольшой сборникъ гимновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Гатъ («псалмы, пѣсни»), писанныхъ на особомъ иранскомъ нарѣчіи, или болѣе древнемъ, чѣмъ остальная Авеста, или принадлежащемъ другой иранской области. Пѣсни эти—въ стихахъ и, по всѣмъ примѣтамъ, древнѣе остальныхъ книгъ. Онѣ, очевидно, представляютъ ученіе новой религіи въ первобытномъ и чистомъ его видѣ, и въ числѣ проповѣдей, молитвъ, изреченій, набранныхъ безъ особеннаго порядка, выдаются иногда мѣста, полныя истинной поэтической красоты, составляющія большую рѣдкость въ Авестѣ. Въ этихъ пѣсняхъ личность пророка выдвигается съ необыкновеннымъ реализмомъ. Иногда онъ проповѣдуетъ самъ отъ себя, излагая передъ толпою слушателей простыя и широкія основы своей вѣры; иногда онъ, безпріютный скиталецъ, вопіетъ къ Богу изъ глубины тоскующей души, въ страстныхъ порывахъ, сильно напоминающихъ нѣкоторые изліянія другого великаго изгнанника, царя Давида: «Къ какой землѣ направлю я стопы свои? куда пойду?... Изъ слугъ никто меня не почитаетъ; не почитаютъ и злые правители земли. Какъ мнѣ далѣе поклоняться тебѣ, о, Ахура-Мазда? Я знаю, что я безпомощенъ... ибо у меня мало людей. Молю тебя слезно, о, Ахура, дарующій счастіе, какъ

другъ подноситъ даръ другу...» Но вотъ, судьба улыбнулась ему; въ его тонѣ слышится надежда, торжество, потому что нашлись наконецъ друзья: могущественный царь увѣровалъ въ пророка; къ нему пристали ученики изъ среды царской семьи и родовитой знати; сама царица сдѣлалась его пламенной послѣдовательницей; его самый преданный другъ, близкій къ царю вельможа, отдалъ за него дочь. Въ иныхъ мѣстахъ какъ будто говорятъ его ученики, потому что о немъ упоминаютъ въ третьемъ лицѣ. И во всемъ этомъ драгоцѣнномъ сборникѣ величественная фигура проповѣдника стоитъ передъ нами въ яркомъ освѣщеніи: человѣкъ съ живой, даже пылкой душой, симпатичный, увлекающій насъ за собой,— и мы чувствуемъ, мы знаемъ, что Заратуштра нѣкогда въ самомъ дѣлѣ жилъ на землѣ, что онъ— не пустое имя.

Скудность достовѣрныхъ свѣдѣній о Зороастрѣ.

10.—Но когда законное любопытство проситъ подробностей, біографическихъ фактовъ, мы мало находимъ твердыхъ данныхъ. Авеста называетъ отца пророка; имя его—Пурушаспа, изъ рода Спитама; тамъ же мы находимъ имена его жены, сыновей, дочерей, друзей; но вотъ и все. Опредѣленнаго мало. Изъ текста Авесты, пополняемаго собранными изъ многихъ источниковъ и строго провѣренными свѣдѣніями, мы узнаемъ, что онъ родился близъ «большой воды»,—озера или рѣки, въ горной, лѣсистой мѣстности: по всей вѣроятности, Адербайджанѣ, древней Атропатэнѣ, близъ озера Урмія. Говорится о «горѣ священныхъ бесѣдъ»; это, вѣроятно, лѣсное убѣ-

Изваяніе на скалѣ въ Тахт-и-Бостанѣ (близъ Керманшаха, недалеко отъ Багистанской горы), временъ Сассанидовъ.

Полагаютъ, что изображаетъ Ардашира, перваго царя—Сассанида, вручающаго корону сыну своему Шапуру надъ фигурой, представляющей побѣжденную династію пареянъ. Фигура съ лѣвой стороны, согласно преданію, изображаетъ Зороастра, охраняющаго новыхъ царей, ревностныхъ маздеистовъ.

жище гдѣ-нибудь на высокой горѣ, гдѣ онъ провелъ часть,—можетъ-быть большую часть,—молодости въ созерцательномъ уединеніи, возносясь мыслями и душой все выше и выше, пока онъ не почувствовалъ, что стоитъ передъ самимъ Богомъ, лицомъ къ лицу, и, нисходя къ своему народу, учить его, онъ глубоко вѣрилъ, что говоритъ не отъ себя, а только пересказываетъ то, что̀ сподобился услыхать отъ самого Божества, въ отвѣтъ на вопрошающіе, страстно ищущіе правды, порывы его духа. Вѣдь уединеніе посреди величественной природы изощряетъ мышленіе и легко порождаетъ даже видѣнія, которыхъ, по преданію, у Зороастра было нѣсколько. Мохаммедъ много лѣтъ былъ погонщикомъ верблюдовъ и путеводителемъ каравановъ, и долго учился у безмолвной, безбрежной пустыни, да у звѣздъ небесныхъ, безъ словъ говорящихъ душѣ съ бездонной, лазурной глуби южной ночи, прежде чѣмъ онъ объявилъ себя пророкомъ, возвѣщателемъ истины,—и ему тогда было уже сорокъ лѣтъ. Много лѣтъ и Моисей проживалъ пастухомъ въ каменистой Синайской пустынѣ, прежде чѣмъ онъ вернулся къ своему народу, богатый годами и божественнымъ знаніемъ, и объявилъ себя посланнымъ отъ Бога вождемъ его. Подобно Мохаммеду, Зороастръ началъ свою проповѣдь, когда ему было уже не менѣе сорока лѣтъ. Согласно наиболѣе авторитетнымъ персидскимъ источникамъ, онъ получилъ «Великое Откровеніе» уже тридцати лѣтъ отъ роду и слѣдующія десять лѣтъ готовился къ возложенному на него святому дѣлу.

Изображеніе Зороастра,

возстановленное художникомъ-парсомъ съ изваянія въ Тахт-и-Бостанѣ.

Въ эти годы онъ имѣлъ нѣсколько видѣній, подвергался искушеніямъ и выдержалъ ту борьбу, безъ которой ни одинъ борецъ духа не отрѣшился окончательно отъ прелестей мірскихъ и влеченій къ личному счастію. На родинѣ и въ смежныхъ странахъ его проповѣдь сначала не имѣла успѣха не только между туранскими князьями и племенами, но и между его собственными арійскими единоплеменниками, и онъ долженъ былъ, чтобы спастись отъ своихъ и инородныхъ враговъ, бросить родную землю и отправиться въ далекое странствованіе, безъ опредѣленной цѣли или надежды, стараясь по пути,—и обыкновенно безуспѣшно,—пріобрѣсти учениковъ и покровителей. Къ этому періоду скорбныхъ скитаній и должно отнести глубоко унылыя изліянія душевныя и отчаянныя мольбы къ Богу о помощи и поддержкѣ, которыхъ такъ много въ такъ-называемыхъ Гатахъ. Лишь въ далекихъ, совершенно чуждыхъ ему земляхъ Восточнаго Ирана произошелъ желанный переворотъ въ его судьбѣ.

Царь Виштаспа, другъ и ученикъ Заратуштры.

11.—Мы далѣе знаемъ изъ самой Авесты, что государь, почитавшій Заратуштру и увѣровавшій въ него, былъ славный въ преданіи герой древняго Ирана, Виштаспа, царствовавшій, по всей вѣроятности, въ Бактріи. Эта иранская земля, на дальнемъ сѣверо-востокѣ средней Азіи, съ весьма раннихъ временъ слыла цвѣтущимъ и могущественнымъ государствомъ; столицу ея, Балхъ, Авеста называетъ: «прекрасная Бахди, съ высоководруженными знаменами», — почетное названіе, вѣроятно, означающее царскую резиденцію. Трид-

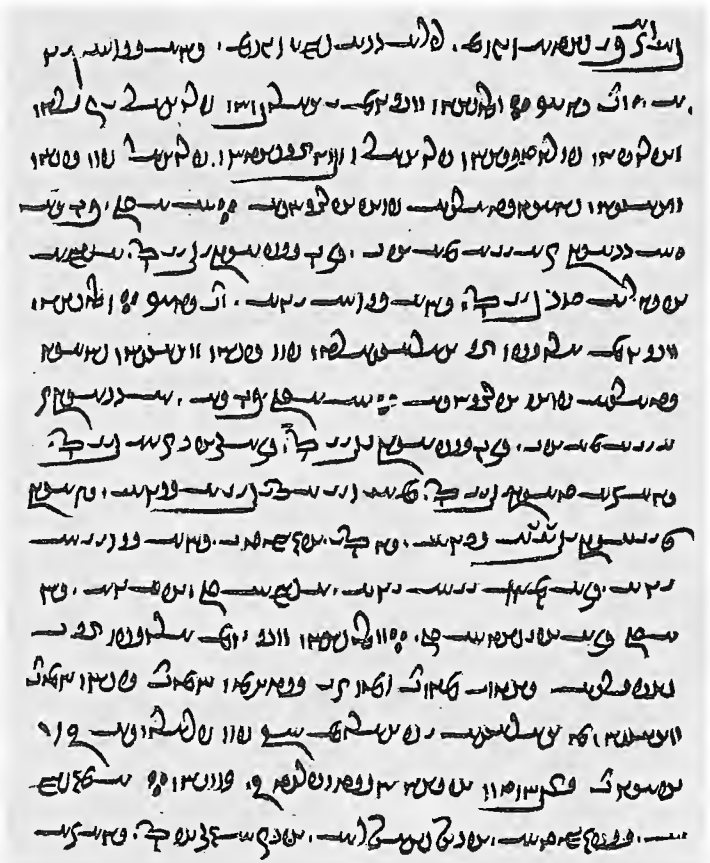
цать пять лѣтъ вѣрной дружбы и полное торжество проповѣдуемой имъ вѣры можно признать достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ пережитыя гоненія, невзгоды и душевныя страданія. Вполнѣ мирнымъ, однако, нельзя назвать это торжество. Оно послужило поводомъ къ двумъ жестокимъ войнамъ, извѣстнымъ въ персидскихъ лѣтописяхъ и эпохѣ подъ названіемъ «священныхъ», противъ могущественнаго сосѣда и смертельнаго врага Виштаспы, туранца Арджаспа, которому были подвластны не только земли, составлявшія позднѣйшій Туркестанъ, но, по всей вѣроятности, и значительную часть Китая. Первое туранское нашествіе (въ 601 г.) кончилось блестящей побѣдой Виштаспы и его храброй и благочестивой дружины, послѣ которой безпощадный гонитель новой вѣры цѣлыхъ семнадцать лѣтъ не тревожилъ ея ревностныхъ поборниковъ. Но въ 583 г., пользуясь несогласіями въ кругу самыхъ близкихъ къ царю Виштаспѣ витязей, Арджаспъ снова, со всей рьяностью застарѣлой ненависти, ворвался въ Бактрію. Самъ Виштаспа къ несчастію былъ въ отсутствіи,—объѣзжалъ свои владѣнія,—и врагъ, почти не встрѣчая сопротивленія, быстрымъ движеніемъ достигъ самой столицы и взялъ ее съ перваго приступа. Городъ былъ разграбленъ, храмъ разрушенъ и священнослужители избиты во время богослуженія, такъ что священный огонь былъ потушенъ въ ихъ крови, и самъ пророкъ, семидесятисемилѣтній старецъ, принялъ мученическую смерть на ступеняхъ алтаря. Побѣда въ концѣ все же осталась

за защитниками вѣры, но и она не могла вознаградить за безвозвратную потерю *).

Гибель большей части авестской литературы.

12.—Невозможно сколько-нибудь точно опредѣлить, когда были записаны авестскіе тексты, какъ Гаты, такъ и позднѣйшіе. Изъ нынѣ существующихъ рукописей, нѣтъ ни одной древней въ настоящемъ смыслѣ слова. Есть у парсовъ преданіе, будто пророкъ оставилъ большой сборникъ священныхъ писаній, состоявшій изъ двадцати одной книги, писанной на двѣнадцати тысячахъ коровьихъ шкуръ (пергаментѣ) и обнимавшихъ всевозможныя вѣтви религіозной науки, философіи и естествознанія; но сборникъ этотъ, будто бы, уничтоженъ греками, когда Александръ Македонскій завоевалъ Персію, три столѣтія до Р. Х. Никогда греки не преслѣдовали никакой вѣры. Но Александръ, какъ извѣстно, въ пьяномъ неистовствѣ, послѣ безумной оргіи, поджегъ Персеполь, столицу побѣжденнаго персидскаго царя; въ этомъ-то пожарѣ, конечно, и погибли драгоцѣнныя рукописи,—бѣдствіе, почти не уступающее мусульманскому нашествію. Что обширная священная литература дѣйствительно существовала, это, между прочимъ, подтверждается показаніемъ одного современнаго писателя, грека Гермиппа, который составилъ каталогъ зороастровскимъ книгамъ и записалъ содержаніе каждой. Указываютъ, что, послѣ пожара, свя-

*) Эта сцена, дышащая грознымъ эпическимъ величіемъ, описана съ ясновидѣніемъ истиннаго художника въ прекрасномъ историческомъ романѣ Маріона Крауфорда: «Зороастръ».



Страница Авесты.

(Изъ древнѣйшей рукописи, писанной въ 1325 г. и находящейся нынѣ въ Копенгагенѣ). Около половины настоящей величины.

щенный законъ и преданія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ жили лишь въ памяти священниковъ, пока, при сассанидахъ, былъ созванъ соборъ нарочно для того, чтобы собрать и вновь

записать древніе тексты, — и получился текстъ Авесты въ его настоящемъ видѣ, неполный, отрывочный, съ безпорядочно перемѣшанными главами и даже стихами. Древній языкъ устарѣлъ уже до Александра; поэтому признали необходимымъ снабдить тексты переводомъ и комментаріями на пехлевійскомъ языкѣ, тогдашнемъ ново-персидскомъ. Неудивительно, если духовенство, сознавая, что настала для него пора вліянія и могущества, подладило многіе тексты къ своимъ цѣлямъ; не обошлось при этомъ и безъ поддѣлокъ. Персія,—чего прежде съ нею никогда не бывало,—подпала подъ иго духовенства, и царь Шапуръ (Сапоръ) II положилъ начало религіознымъ преслѣдованіямъ своей прокламаціей: «Нынѣ, когда мы познали міровой законъ здѣсь на землѣ, они (духовенство) не должны допускать невѣрія въ комъ бы то ни было, и я приложу къ тому старанія».

Уцѣлѣвшіе тексты. Отдѣлы Авесты въ ея настоящемъ видѣ.

13.—Понятно, что, изъ большой массы священной литературы, ввѣренной единственно памяти служителей вѣры, однѣ лишь тѣ части сохраняются въ приблизительной цѣлости и неиспорченности, которыя ежедневно употребляются при богослуженіи и въ предписаніяхъ домашняго благочестиваго обихода. Такъ и случилось съ Авестой. До насъ дошли сборники молитвъ и воззваній, которыя вѣрующіе обязаны читать ежедневно, въ извѣстномъ порядкѣ — настоящая литургическая служба; также хвалебные гимны разнымъ божественнымъ существамъ, на которыхъ нынѣшній парсъ смотритъ, какъ на подчи-

ненныхъ Богу добрыхъ духовъ или ангеловъ; эти гимны, съ нѣкоторыми краткими молитвами и отрывками, составляютъ особую группу подъ заглавіемъ «Малой Авесты» (Хордэ-Авеста): такое названіе этотъ сборникъ получилъ потому, что ему придается лишь второстепенное значеніе, и читаютъ его одинъ только разъ въ мѣсяцъ, или въ извѣстныхъ случаяхъ. Разные отдѣлы Авесты, въ томъ видѣ, какъ текстъ окончательно установленъ и утвержденъ при сассанидской династіи (около 325 лѣтъ по Р. Х.),—слѣдующіе:

I. Вендидадъ; это названіе сокращено отъ длиннаго слова, которое значитъ «законъ противъ *дэвовъ* (т. е. «бѣсовъ» или злыхъ духовъ). Это, собственно говоря, сводъ законовъ и постановленій, имѣющихъ цѣлью водворить праведность и сразить злыя силы; кромѣ того, онъ содержитъ немало интересныхъ миѳическихъ легендъ, преданій и всякаго рода разсужденій.

II. Виспередъ:—воззванія ко всѣмъ святымъ и божественнымъ существамъ, которыя почитаются подъ именемъ «начальниковъ благого творенія» и приглашаются присутствовать при готовящемся жертвоприношеніи,—нѣчто въ родѣ акаѳиста;

III. Ясна,—«жертвоприношеніе»; т. е. молитвы и тексты, — Мантры,—сопровождающіе весьма сложный и до мелочи расписанный ритуалъ богослуженія передъ священнымъ огнемъ, которому подносятся небольшія количества мяса, молока, плодовъ и сокъ извѣстнаго растенія, хаома, выжимаемый на самомъ жертвенникѣ, съ точнымъ соблюденіемъ множества нàстрого предпи-

санныхъ церемоній. Гаты включены въ Яснѣ, трудно сказать, по какимъ соображеніямъ, и составляютъ особую группу изъ двадцати пяти главъ. Ясна кромѣ того содержитъ формулы для исповѣди, воззваній, восхваленій, увѣщаній и пр. Эти три отдѣла: Вендидадъ, Виспередъ, Ясна,—читаются не отдѣльно по порядку, а перемѣшанными частями, какъ того требуетъ ходъ литургіи. Выписанные въ этомъ особомъ литургическомъ распорядкѣ, эти три отдѣла вмѣстѣ составляютъ Вендидадъ-Садэ.

IV. Іешты,—хвалебные гимны, содержащіе много интересныхъ миѳическихъ матерьяловъ. Этотъ отдѣлъ вообще сильно отдаетъ миѳологіей и многобожіемъ, совершенно чуждыми первымъ стадіямъ вѣры, проповѣдуемой Заратуштрой,—очевидно, плодъ болѣе поздняго и значительно испорченнаго періода. Эти Іешты, вмѣстѣ съ нѣсколькими отрывками, краткими молитвами на каждый день мѣсяца и другими, составляютъ Малую Авесту (Хордэ-Авеста), книгу не столь свято чтимую, какъ другія три, потому что она не входитъ въ литургическое богослуженіе. По той же причинѣ, весьма немногіе изъ Іештовъ переведены на пехлевійскій языкъ, такъ что ученымъ, при чтеніи и толкованіи ихъ, приходится бороться противъ усугубленныхъ трудностей, потому что они уже не могутъ опираться на священныя традиціи.

Книга „Бундахишъ“ и ея содержаніе.

14.—Изъ этого краткаго обзора видно, что мы тщетно искали бы въ Авестѣ космогоническія сказанія, какія, у другихъ народовъ, лежатъ въ

основѣ религіознаго сознанія, и какія мы находимъ въ такомъ обиліи у вавилонянъ и у іудеевъ. Такой пробѣлъ въ нашихъ познаніяхъ о столь великомъ народѣ, какъ иранскій, былъ бы истиннымъ несчастіемъ, если бы онъ не восполнялся въ большой мѣрѣ изъ источниковъ, хотя и сравнительно позднихъ, однако не лишенныхъ авторитетности, такъ какъ они, безо всякаго сомнѣнія, основаны на древнихъ преданіяхъ. Источниками этими являются разныя книги, образующія объемистую пехлевійскую литературу. Онѣ принадлежатъ къ сассанидскому періоду и содержатъ значительную долю того матерьяла, изъ котораго составилась древняя авестійская литература, хотя и сильно измѣненнаго вѣками устнаго преданія и новыми культурными условіями. Самымъ главнымъ изъ этихъ позднихъ ростковъ, пущенныхъ старинным стволомъ, обновленнымъ многократными прививками, должно назвать Бундахишъ, безцѣнный сборникъ миѳическихъ и религіозныхъ сказаній, о началѣ мірозданія, а также о концѣ и возрожденіи міра и о порядкѣ, управляющемъ вселенной; тутъ же находимъ и отрывки фантастической географіи и астрономіи, очевидно изъ тѣхъ же миѳическихъ источниковъ, наконецъ фрагменты національнаго героическаго эпоса, и даже философскія разсужденія. Весь этотъ довольно безсвязный матерьялъ разработанъ въ симметрическую систему, слишкомъ явно и искусственно подтасованную, вслѣдстіе чего и самый первобытный матерьялъ много теряетъ. Тамъ, гдѣ все гладко пригнано и выровнено, такъ что нѣтъ ни про-

бѣловъ, ни противорѣчій, можно быть увѣреннымъ, что первобытный характеръ искаженъ и поддѣланъ. Несмотря на то, что разработка поздняя, самый матерьялъ несомнѣнно древній, что̀ съ избыткомъ доказывается многими мѣстами въ самой Авестѣ, которыя становятся лишь понятны при свѣтѣ, проливаемомъ на нихъ Бундахишомъ. Вотъ почему, несмотря на то, что книга эта на много вѣковъ отдалена отъ того времени, которое мы пытаемся здѣсь изобразить, невозможно, не упомянувъ о ней, представить осмысленный и удобопонятный очеркъ той древней религіи, этика и философское міровоззрѣніе которой отражаются въ уцѣлѣвшихъ книгахъ Авесты.

Что̀ же касается капитальнаго вопроса: изобрѣлъ ли эту религію учитель, возвѣстившій ее Ирану, или только преобразовалъ уже существующую,— то вопросъ этотъ настолько забираетъ глубоко и широко, что требуетъ отдѣльной главы.

III.

Арійскіе миѳы.

1.—Ни одна религія не изобрѣтается, какъ не изобрѣтается языкъ. Обиліе и разнообразіе какъ религій, такъ и языковъ объясняется ростомъ и развитіемъ вездѣ, гдѣ имѣются достаточныя данныя для изслѣдованій, т. е. когда нашихъ познаній хватаетъ на то, чтобы сдѣлать выводъ, способный вынести разборъ и критику. Результатъ получается неизмѣнно одинъ и тотъ же, что оправдываетъ апріорное положеніе въ томъ же смыслѣ каждый разъ, когда приходится работать съ матерьяломъ недостаточнымъ; т. е.—мы можемъ съ увѣренностью предсказать, что, когда расширится наше знаніе, результатъ непремѣнно долженъ согласоваться съ результатами, добытыми въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Итакъ, никто въ сущности ничего не изобрѣтаетъ,—по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову на нашихъ далеко не точныхъ языкахъ. Латинское слово,—*invenire*, значитъ буквально «найти», точнѣе—

Невозможность „изобрѣтенія“ въ строгомъ смыслѣ.

«на что̀-нибудь набрести»; опредѣленіе въ высшей степени мѣткое, такъ какъ то, что̀ оно описываетъ,—«изобрѣтеніе», всегда первоначально есть дѣйствіе непроизвольное, внезапно озаряющая мысль. Изобрѣтатель, — *inventor*, — случайно *находитъ* нѣчто, именно натыкается на мысль, которую, если онъ получилъ къ тому отъ природы даръ, онъ развиваетъ и воплощаетъ въ чемъ-нибудь полезномъ, или прекрасномъ, или мудромъ, и, въ своей конечной формѣ, новомъ. Но онъ ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ смыслѣ не *создаетъ*. Человѣку невозможно сотворить что̀-нибудь безусловно новое, что̀-нибудь такое что̀ прежде вовсе не существовало, ни въ какомъ видѣ. Онъ сравниваетъ, сочетаетъ, превращаетъ, соединяетъ въ разныя комбинаціи, перерабатываетъ,—но непремѣнно работаетъ надъ чѣмъ-нибудь уже существующимъ. Возьмемъ очень простое сравненіе: прядильщикъ, ткачъ, красильщикъ, вышивальщикъ производятъ предметы крайне разнообразные по качеству, тонкости ткани, цвѣтамъ, узорамъ и работѣ; но они не могли бы ничего произвести, если бы не имѣли сначала сырого матерьяла: льна, шерсти, хлопка, шелка.

Заратуштра - преобразователь.

2.—На вопросъ, которымъ кончается предыдущая глава, стало-быть, уже найденъ отвѣтъ: Заратуштра былъ преобразователемъ. Въ каждой новой религіи особенно важенъ моментъ: ка̀къ она относится къ своей предшественницѣ, къ той религіи, изъ которой она произошла и мѣсто которой она стремится занять. Поэтому мы первымъ дѣломъ спрашиваемъ: какой матерьялъ нашелъ

законоучитель, что̀ онъ сохранилъ, что̀ отвергъ, что̀ внесъ своего? И почему возникла настоятельная нужда въ его работѣ? Искать отвѣты на подобные вопросы, это все равно, что прослѣдить рѣку до ея истоковъ. Даже когда найденъ видимый родникъ высоко въ горахъ, еще много остается разъяснить, потому что много невидимыхъ струй просачиваются скрытыми подземными ходами, сквозь ноздреватыя каменныя породы и черезъ скважины въ скалахъ, прежде чѣмъ сойдутся въ томъ мѣстѣ, откуда забьютъ однимъ живымъ ключомъ. Между тѣмъ, эти-то невидимыя струйки, получающія вкусъ и цвѣтъ отъ различныхъ родовъ земли и камня, черезъ которые онѣ проходятъ, опредѣляютъ степень чистоты и доброкачественность водъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ утолять жажду тысячей людей.

Индусы и иранцы—родственныя арійскія племена.

3.—Мы до сихъ поръ занимались исключительно мыслями и дѣяніями трехъ изъ немногихъ передовыхъ человѣческихъ расъ: шумиро-аккадьянъ, членовъ туранской или желтой расы—хананеевъ, народовъ весьма смѣшанной крови; наконецъ, вавилонянъ, ассирійцевъ и іудеевъ, принадлежащихъ къ семитскому отдѣлу великой бѣлой группы. Мы слѣдили за тѣмъ, ка̀къ ихъ нравственный складъ отражался въ ихъ религіи, и какъ послѣдняя, въ свою очередь, вліяла на ихъ судьбы. Иранскіе народы, слѣдуя ходу исторіи, теперь выдвигаются на первый планъ міровой панорамы. Принадлежа къ тому же отдѣлу человѣчества, какъ и мы сами, а именно, арійскому или индо-европейскому, они представляютъ предметъ изученія

во многихъ отношеніяхъ болѣе намъ близкій и симпатичный; ихъ духовная жизнь гораздо понятнѣе намъ; благодаря кровному и духовному родству, намъ легче вникать въ ихъ внутреннюю работу, отождествляться съ нею. Но при этомъ нѣтъ возможности совершенно отдѣлить ихъ отъ ихъ индійскихъ братьевъ. Эти двѣ вѣтви арійскаго дерева такъ тѣсно срослись вначалѣ, жизненный сокъ въ нихъ такъ явно одинъ и тотъ же, что изученіе одной неизбѣжно влечетъ за собою изученіе другой. Во всякомъ случаѣ необходимо вглядѣться поближе въ условія первобытной арійской жизни, лежащія въ основѣ быта обоихъ народовъ.

„Аиріана-Вэджа“ — арійская первородина въ иранскомъ преданіи.

4. — Было время, когда еще не было рѣчи объ индусахъ и иранцахъ, но предки тѣхъ и другихъ, еще не раздѣлившись, вмѣстѣ обитали въ прекрасной землѣ, память о которой смутно сохранилась у ихъ потомковъ въ видѣ преданія. Въ Авестѣ самому Богу приписывается слѣдующее заявленіе: «Первою изъ добрыхъ земель и странъ я сотворилъ землю Аиріана-Ваэджа» (или Вэджа, т. е. «родина арійцевъ»). Какою чудною первородина эта представлялась иранцамъ, можно судить изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ: «Каждую землю, даже лишенную всякой прелести, я сдѣлалъ милою и любезною ея обитателямъ. Если бы я не сдѣлалъ каждую землю любезною ея обитателямъ, то люди со всего свѣта устремились бы въ Аиріана-Вэджу» (Вендидадъ, I). Трудно въ точности назначить мѣсто этой землѣ, которой пепомѣрная старина придала миѳическую туман-

ность; но большинство ученыхъ иранистовъ все болѣе склоняются къ тому мнѣнію, что сами иранцы подъ именемъ Аиріана-Вэджи представляли себѣ тотъ же Адербайджанъ (Атропатэну), гдѣ, повидимому, родился Зороастръ.

„Риг-Веда", древнѣйшая священная книга индусовъ, содержитъ указанія на религію первобытныхъ арійцевъ.

5.—Ни индо-иранцы, ни отцы ихъ, первородные арійцы, не оставили по себѣ никакихъ памятниковъ, могущихъ служить указаніями насчетъ ихъ образа жизни, умственнаго и матерьяльнаго развитія ихъ воззрѣній на обитаемый ими міръ, ихъ представленій объ управляющихъ имъ силахъ. Но у арійцевъ, завоевавшихъ Индію, уцѣлѣлъ сборникъ изъ тысячи слишкомъ молитвъ и гимновъ,—знаменитый Риг-Веда, одна изъ четырехъ священныхъ книгъ индусовъ, вдобавокъ самая древняя, а потому наиболѣе цѣнная для нашей цѣли. Значительная часть гимновъ—неимовѣрной старины: восходятъ до самыхъ древнихъ временъ арійской осѣдлости въ сѣверо-западной части Индіи, называемой тогда «Семирѣчьемъ», отъ рѣки Инда и ея главныхъ притоковъ, а нынѣ Пенджабомъ, т. е. до эпохи много древнѣе Зороастра и Гатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти гимны выражаютъ не новыя какія-нибудь понятія, а тѣ, которыя арійскіе пришельцы принесли съ собою съ сѣвера, и по нимъ не трудно возсоздать вѣрованія индо-иранцевъ, если не самихъ первородныхъ арійцевъ,—вѣрованія, отъ которыхъ впослѣдствіи родились двѣ религіи: индусскій Брахманизмъ и иранскій Маздеизмъ, далеко расходящіяся по духу и внѣшнему характеру, однако представляющія несомнѣнные признаки общаго происхожденія.

Силы природы—первые боги арійцевъ.

6.—Въ самую раннюю доступную намъ эпоху появленія ихъ на міровой сценѣ, мы застаемъ арійцевъ въ той стадіи духовнаго сознанія, которую можно назвать чистымъ натурализмомъ, разумѣя подъ этимъ словомъ почитаніе силъ природы, развившееся подъ вліяніемъ особыхъ почвенныхъ и климатическихъ условій полупастушескаго, полуземледѣльческаго ихъ образа жизни. Они покланялись и молились, какъ божественнымъ существамъ, богамъ,—благодѣтельнымъ Силамъ: ясному Небу; все-проницающему Свѣту; Огню, въ его троякомъ проявленіи—небесной молніи и земному пламени на жертвенникѣ и домашнемъ очагѣ; Солнцу, во всѣхъ его видахъ; доброй Матери Землѣ; Вѣтрамъ, Водамъ, живительной Грозѣ. Вредныя силы, весьма малочисленныя, олицетворенныя главнымъ образомъ во Тьмѣ и въ Засухѣ, представлялись имъ бѣсами или злыми демонами; ихъ ненавидѣли, проклинали, но никогда, ни подъ какимъ видомъ не задабривали, не старались умилостивить,—и въ этомъ заключается одно изъ главныхъ различій между арійскими понятіями и представленіями туранскихъ и хананейскихъ народовъ. По понятіямъ послѣднихъ, злымъ Силамъ, вредящимъ людямъ, должно молиться и приносить жертвы, чтобы склонить ихъ къ пощадѣ; по понятіямъ арійцевъ съ ними должно бороться, должно побѣждать ихъ, и это составляетъ главную обязанность и занятіе ихъ противниковъ, добрыхъ Силъ: дѣло Свѣта—побороть Тьму; дѣло Вѣтра и Грозы—собирать тучи, угнанныя бѣсами Засухи, метать молніи и лить дожди. Изъ этихъ воззрѣ-

ній само собою возникаетъ благородное, полное достоинства отношеніе арійцевъ къ своимъ богамъ: ни страха, ни раболѣпія, а восхваленіе, благодареніе, довѣрчивое моленіе о помощи; и образуется религія такая простая, прозрачная, что можно въ краткомъ очеркѣ дать весьма полное о ней понятіе.

Арійскіе боги Неба: Дьяусъ и Ва̀руна.

7.—Древнѣе всѣхъ боговъ арійской расы и превыше всѣхъ—Небо, свѣтозарное, всеобъемлющее. Имя его, по-санскритски и въ Риг-Ведѣ,—древнѣе котораго ничего нѣтъ въ санскритской письменности,—Дьяусъ и, нѣсколько позднѣе, Ва̀руна. И то и другое—имена нарицательныя: Дьяусъ и теперь означаетъ видимое небо; Ва̀руна, въ измѣненной слегка формѣ,—Ураносъ,—понынѣ означаетъ «Небо» на греческомъ языкѣ. Ясно, что эти имена переносятъ насъ въ эпоху первородныхъ арійцевъ, въ тѣ времена, когда только-что поднимались съ мѣстъ своихъ предки народовъ, впослѣдствіи населившихъ Европу. Индо-иранцы, несомнѣнно, были отъявленные многобожники; однако, богу-Небу какъ будто присуще было нѣкоторое верховенство; къ именамъ «Дьяусъ» и «Ва̀руна» часто присовокуплялось названіе Асура,—«Господь»; Ва̀руна, кромѣ того, еще называется «Всевѣдущимъ». Солнце—его око; Огонь, въ видѣ небесной Молніи—его сынъ, а видимое звѣздное небо—его царственная риза. Онъ представляетъ далеко не одно только олицетвореніе матерьяльнаго явленія природы. Ему, напротивъ, приписываются самыя возвышенныя нравственныя качества. Онъ утвердилъ не-

бо́ и землю; онъ — устроитель и хранитель порядка и стройнаго мірового благолѣпія, которые составляютъ верховный законъ вселенной,—Космоса,— и, будучи перенесены изъ вещественнаго въ духовный міръ, превращаются въ законъ высшей Правды, отступленіе отъ котораго есть грѣхъ и начало всякой кривды и неурядицы. Поэтому къ Ва̀рунѣ обращаются съ покаяніемъ и съ мольбою о прощеніи, ибо онъ также—каратель; изъ всѣхъ же грѣховъ самый ненавистный ему — ложь.

Арійскій богъ-Свѣтъ: Митра.

8.—Имя Ва̀руны во многихъ воззваніяхъ сочетается съ именемъ другого свѣтового божества—Митры («Другъ»; олицетвореніе Дневного Свѣта). Эти двое такъ тѣсно связаны, что они представляются воображенію въ видѣ неразлучной четы: «Ва̀руна-Митра» или «Митра-Ва̀руна»; они ѣздятъ на одной колесницѣ, думаютъ одну думу. Вмѣстѣ они охраняютъ міровой порядокъ и законъ Правды; вмѣстѣ они наблюдаютъ за дѣяніями и сердцами людей, одинаково всевидящіе, всевѣдущіе. Солнце также часто называютъ окомъ Митра-Ва̀руны, какъ и одного Ва̀руны. Что́ можетъ быть естественнѣе этого сопоставленія: Небо и Свѣтъ? Митра-Ва̀руна, это именно—Свѣтозарное Небо. Есть слѣды сопоставленія Митры и Ва̀руны съ нѣсколькими свѣтовыми божествами, по имени Адитья, не столь высоко стоящими въ небесной іерархіи, не только въ индо-иранскій, но и въ первородно-арійскій періодъ; тогда ихъ было семеро въ одной группѣ. (Святость и знаменательность этого числа, *семь*, положительно повсемѣстны). Подчасъ сдается,

не были ли остальные пятеро въ этой группѣ лишь блѣдныя отраженія Ва̀руны и Митры, придуманные для пополненія священнаго числа.

Арійскій богъ-Огонь.

9.—Одно изъ многихъ древне-санскритскихъ названій Молніи, сына Асуры Ва̀руны,—Атхарванъ, буквально «имѣющій Атхара». Священное преданіе превратило этого миѳическаго Атхарвана въ первосвященника, подарившаго людямъ огонь и учредившаго жертвоприношеніе въ видѣ всесожженія. По сіе время въ Индіи есть особый классъ жрецовъ, именующихъ себя *атхарванами*: ихъ спеціальная должность—уходъ за священнымъ и жертвеннымъ огнями, и преданіе указываетъ въ нихъ прямыхъ потомковъ того исконнаго первосвященника, который, если всмотрѣться поближе, оказывается не кто иной, какъ самъ богъ-Огонь, олицетворенная огненная стихія, сошедшая съ неба въ видѣ Молніи; иными словами—«Атхаръ, сынъ Ва̀руны». *Атхари́* по-санскритски значитъ «пламя»; *атхарью* («пылающій»), часто встрѣчается, какъ эпитетъ бога Агни—Огня. Стало-быть, Атхаръ есть одно изъ древнѣйшихъ арійскихъ названій Огня,—если даже не самое древнее изъ всѣхъ, на что̀ указывало бы одно греческое слово, которое переноситъ насъ въ прошлое болѣе отдаленное, чѣмъ даже индо-иранскій періодъ. Слово это—*аѳрагенэ*, названіе нѣкоего ползучаго растенія, изъ котораго въ очень древнюю старину треніемъ добывали огонь. Въ переводѣ это названіе можетъ имѣть лишь одно значеніе: «*рождающее Атхара*». Оно было устарѣлымъ уже въ класси-

ческую эллинскую древность, а что это за растеніе, такъ никогда и не узналось *). Что же касается святости самой стихіи, она также повсемѣстна и незапамятна, какъ святость числа семь. Огонь всегда былъ предметомъ особенно горячаго и, если можно такъ выразиться, любовнаго поклоненія, какъ другъ человѣка, сидящій на его очагѣ, помогающій ему въ трудахъ, замѣняющій ему дневной свѣтъ и солнечную теплоту, какъ побѣдитель и расточитель всего зловреднаго, что прячется въ темнотѣ,—призраковъ, дурныхъ сновъ,—наконецъ, какъ посланецъ и посредникъ между двумя мірами, возносящій къ Небу на своемъ пламени, какъ на крыльяхъ, молитвы людей.

Арійскій дуализмъ: боги и бѣсы, свѣтъ и тьма, дождь и засуха.

10.—Въ первобытномъ, небесномъ своемъ видѣ,—Молніи—Огонь, сынъ Неба, играетъ видную роль въ войнѣ, которую свѣтлые Дивы, податели свѣта, жизни, тепла, вѣчно ведутъ противъ бѣсовъ Тьмы и Засухи, въ области средней между небомъ и землею—Атмосферѣ. Въ поэтическихъ описаніяхъ этой войны арійская раса развернула всю роскошь и картинность своего поэтическаго дара, всю изобрѣтательность своего эпическаго генія. Вѣковѣчная борьба, которая намъ представляется лишь рядомъ метеорологическихъ явленій, одухотворяемыхъ лишь въ рѣдкія минуты поэтическаго настроенія, и то всегда сознательно, намѣренно,—для древнихъ арійцевъ, впе-

*) Свѣдѣніе это, далеко не общеизвѣстное, мы находимъ въ капитальномъ трудѣ: «Die Iterabkunft des Feuers und des Göttertrankes», von. A. Kuhn («Сошествіе огня и божественнаго напитка», А. Куна).

чатлительныхъ, одаренныхъ живѣйшимъ воображеніемъ, была животрепещущей драмой, разыгрываемой живыми, сверхчеловѣческими существами, могучими въ добрѣ и злѣ. Вѣрнѣе,—двѣ драмы, отличныя одна отъ другой, съ разными дѣйствующими лицами. Два высшія блага, отъ которыхъ истекаютъ всѣ прочія—Свѣтъ и Дождь. Злѣйшіе враги человѣчества — тѣ Силы, которыя отнимаютъ у него эти блага. Борьба противъ бѣсовъ Тьмы и Ночи — дѣло сравнительно простое, и естественно предоставляется исключительно Солнцу. Однако, и эту борьбу неистощимое воображеніе арійцевъ украсило множествомъ разнообразныхъ инцидентовъ, преисполненныхъ роскошной образности, нѣжныхъ поэтическихъ красотъ, такимъ образомъ создавая ту сокровищницу солнечныхъ миѳовъ, изъ которой почерпнута добрая половина всѣхъ въ мірѣ поэтическихъ повѣстей и лирики. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто вдаваться въ изученіе этого увлекательнаго предмета, потому что мы въ настоящую минуту разыскиваемъ источники иранскаго эпоса, иранской религіи; иранцы же—народъ необыкновенно трезвый, практическій; прелести солнечнаго миѳа какъ-то не особенно трогали ихъ, и потому слабо отразились на ихъ духовной жизни.

Арійскій грозовой миѳъ.

11.—Гораздо сложнѣе грозовой миѳъ,—драма борьбы изъ-за водъ небесныхъ. Она и разнообразнѣе и гораздо болѣе волнуетъ зрителя, потому что, въ различныхъ моментахъ и перипетіяхъ, которыми она проходитъ до конечной развязки, исходъ часто кажется сомнительнымъ,

превосходство часто надолго склоняется на сторону вражескихъ силъ, хотя окончательная побѣда не можетъ остаться за ними. Безчисленны козни бѣсовъ, ухищренія ихъ, чтобы овладѣть драгоцѣнными водами и удержать ихъ; они бьются отчаянно и свирѣпо; безчисленны также виды, которые они принимаютъ,—и это не удивительно, такъ какъ бѣсы эти въ сущности, по большей части,—разнаго рода облака и тучи. Вѣдь далеко не всѣ облака предрекаютъ дождь, не всѣ тучи его приносятъ. Если есть такія, которыя щедро изливаютъ чистую, живительную влагу, утоляющую жажду изнывающей, раскаленной земли, зато есть и такія, которыя удерживаютъ ее, скрываютъ ее въ своихъ нѣдрахъ и не выпускаютъ, пока ихъ не пронзитъ, не расторгнетъ огненное копье гнѣвнаго Молніеносца. Эта разница въ тучахъ, которую мы замѣчаемъ лишь обращая на нихъ особенное вниманіе, такъ какъ мы вообще привыкли поверхностно относиться къ окружающимъ насъ явленіямъ, не могла ускользнуть отъ наблюдательности людей, жившихъ одной жизнью съ природой, въ такой зависимости отъ нея, что постоянная бдительность была для нихъ безусловной необходимостью, между тѣмъ какъ безпримѣрная сила и плодовитость ихъ поэтической фантазіи не только подсказывала имъ тысячу образовъ и сравненій, столь же мѣткихъ сколько и разнообразныхъ, до безконечности, но сразу же превращали эти образы, эти сравненія въ живыхъ лицъ и драматическіе эпизоды. Разсмотримъ нѣсколько такихъ твореній, въ кото-

рыхъ не знаешь, чему больше дивиться, — дѣтской ли, наивной простотѣ, или безошибочной мѣткости, — но только очень немногія, потому что, по изложенной выше причинѣ, болѣе основательное изученіе этого истинно волшебнаго сада нашей расы приходится отложить до другой книги, имѣющей быть посвященной древней Индіи, гдѣ эти цвѣты ея фантазіи распустились роскошнѣе, нежели на любой другой почвѣ.

Индра, Громовержецъ.

12.—Идиллическому воображенію полу-пастушескаго народа легкія облака, лѣниво движущіяся по небесному пространству, легко могли напомнить стадо коровъ, тихо бродящихъ по обширному пастбищу и щедро изливающихъ свое молоко, — благодѣтельный дождь,—на питаніе землѣ и всей твари, на ней живущей, и нѣтъ сомнѣнія, что это одинъ изъ самыхъ древнихъ, первобытныхъ миѳовъ. Не совсѣмъ такъ просто, но все же вполнѣ понятно, сравненіе бѣлыхъ, легкихъ облаковъ съ граціозными женщинами. И вотъ—являются небесныя дѣвы, божественныя Воды, жены Асуръ, и въ особенности верховнаго Асуры-Варуны. Онѣ же и матери Молніи, небеснаго Огня. Отсюда одно изъ самыхъ священныхъ названій его,—Апамъ Напатъ, т. е. «Сынъ Водъ» (буквально: «внукъ»). Изъ этого слѣдуетъ, что бѣсы, которые удерживаютъ дождь и приносятъ засуху съ ея спутникомъ,—голодомъ, говоря миѳическимъ языкомъ, — хищники, воры, крадущіе коровъ или женщинъ. Они или совсѣмъ уводятъ ихъ, или держатъ въ заточеніи, въ темныхъ горныхъ пещерахъ или въ крѣпостяхъ,

твердыняхъ, какими арійской миѳологіи неизмѣнно представляются мрачныя темныя тучи, поднимающіяся на краю небосклона въ видѣ горныхъ грядъ или зáмковъ, съ зубчатыми стѣнами и башнями. Тогда Индра, Громовержецъ, сіяющій въ золотыхъ ратныхъ доспѣхахъ, становится на свою колесницу, запряженную быстрыми, сѣрыми въ яблокахъ или пѣгими конями (быстро несущіяся грозовыя тучи), вмѣстѣ со своимъ неразлучнымъ товарищемъ Ваю, (вѣтеръ, бушующій въ высшихъ слояхъ атмосферы); за ними несется рать бурныхъ Вѣтровъ,—и начинается битва. Недолго гора или крѣпость выдерживаетъ бѣшеный напоръ. Отъ частыхъ, гремящихъ ударовъ Индровой огненной палицы разверзаются скалы, рушатся стѣны, коровы освобождаются и изливаютъ свое молоко, котораго томительно жаждетъ земля; или же, если преслѣдуется другой образъ,—освобождаются плѣнныя жены, дѣвы.

Вритра и Ахи — тучевые бѣсы.

13.—Но нѣтъ конца тому, что̀ видится въ облакахъ и тучахъ, какъ хорошо знаетъ всякій, кому доводилось проводить часы отдохновенія въ созерцаніи ихъ у моря или въ горахъ. Какой ребенокъ не открывалъ на небѣ подобіе людей, животныхъ, фантастическихъ великановъ, чудовищъ, пейзажи и города? Наши арійскіе праотцы въ тучѣ, не дававшей дождя, видѣли злѣйшаго демона: то былъ Вритра («укрыватель»), а названіе Вритраханъ,—«Вритро-убійца»,—было высшимъ почетнымъ титуломъ, которымъ они награждали дивовъ, пронзающихъ его косматую шкуру и выпускающихъ заточенныя воды. Этотъ эпи-

тетъ былъ въ особенности присвоенъ Индрѣ, какъ самому неутомимому противнику бѣса, съ которымъ можетъ покончить одно его собственное оружіе,—огненное копье — молнія. Другой тучевой бѣсъ — Ахи, «Змѣй», сидящій на горѣ и вызывающій дивовъ на бой. Это—мрачная грозовая туча, извивающаяся безпрестанно мѣняющимися кольцами и клубами на вершинѣ горы,—тучи, сплошной стѣной возвышающейся отъ небосклона. Со Змѣемъ обыкновенно сражается и убиваетъ его тотъ же неутомимый Индра, и этотъ эпизодъ описывается въ сотняхъ болѣе или менѣе драматическихъ мѣстъ Риг-Веды. И не только въ Риг-Ведѣ, а вездѣ и всегда встрѣчается этотъ самый вражій Змѣй, въ миѳологіи, эпической поэзіи и легендахъ всѣхъ народовъ, наконецъ, въ простыхъ сказкахъ, — (нашъ Огненный Змѣй, Змѣй Горынычъ!),—во всевозможныхъ положеніяхъ и сопоставленіяхъ, когда истинное значеніе его тучевого и грозового бѣса давно забыто. *)

Сома—напитокъ.

14.—Одна въ высшей степени замѣчательная и своеобразная черта арійскаго представленія о природѣ, земной и божественной, это—достоинство, благородное самосознаніе, съ которыми человѣкъ относится къ сверхъестественнымъ Силамъ. Какъ въ каждой религіи, и тутъ требуются молитва и жертвоприношеніе, но въ совершенно своеобразномъ духѣ: аріецъ не проситъ безсильно

*) Борьба Индры со Змѣемъ, первоначально несомнѣнно натуралистскій миѳъ, въ Индіи получаетъ, кромѣ того, еще политическое, или, вѣрнѣе,—этнологическое значеніе.

о помощи; онъ въ нѣкоторой мѣрѣ и самъ оказываетъ ее. Именно: предполагается, что онъ *помогаетъ* своимъ свѣтлымъ богамъ въ борьбѣ противъ злыхъ бѣсовъ. Его хвалебныя и благодарственныя пѣсни воспламеняютъ, ободряютъ ихъ, жертвенныя приношенія, къ которымъ онъ пріятельски приглашаетъ ихъ, какъ высокочтимыхъ гостей, и на которыя они сходятся, какъ друзья сходятся на пиръ къ друзьямъ, придаютъ имъ силы, совершенно такъ же, какъ пища даетъ силу людямъ, а главное, — питейное приношеніе, возліяніе веселящаго духъ сока дивнаго растенія, — сомы, веселитъ, бодритъ ихъ, возбуждаетъ въ нихъ боевой пылъ, опять-таки такъ же, какъ и въ людяхъ. Мало того: они положительно въ немъ нуждаются, не были бы въ состояніи побороть враговъ, если бы не напились обильно чудодѣйственной влаги. Особенно Индра, по словамъ пѣсней, поглощаетъ его неимовѣрныя количества, и тогда уже ничто не въ силахъ устоять противъ него.

Сома — божество.

15. — Это индійское горное растеніе, сома, имѣетъ мягкій, гибкій волокнистый стебель, въ которомъ содержится млековидный сокъ. Этотъ сокъ выжимается и предается броженію, отчего онъ превращается въ опьяняющее питіе, употребленіе котораго при жертвоприношеніяхъ есть одна изъ древнѣйшихъ и отличительныхъ чертъ арійскаго богослуженія. Его подливали въ огонь, и содержимый въ немъ алкоголь ярко оживлялъ пламя; пили его и сами жрецы, вѣроятно, въ достаточномъ количествѣ, чтобы ощущать его опьяняющее дѣйствіе. Во всемъ этомъ пока нѣтъ

ничего особенно замѣчательнаго. Но любопытная и отличительная арійская черта этого обычая заключается въ томъ, что само растеніе и сокъ его не только считались священными,—это объяснялось бы ихъ богослужебнымъ употребленіемъ,—но положительно обоготворялись, такъ что былъ богъ Сома, и его чтили, поклонялись ему, какъ одному изъ самыхъ могущественныхъ, благодѣтельныхъ, но и страшныхъ боговъ. Возбудительнымъ напиткамъ, принимаемымъ въ умѣренныхъ дозахъ, какъ извѣстно, присуща сила, причиняющая пріятный подъемъ духа, приливъ мощи; чрезмѣрное же употребленіе ихъ доводитъ этотъ подъемъ духа, эту мощь, до неистовства и даже помраченія ума. Вотъ эти-то свойства, повидимому, поразили арійцевъ, какъ нѣчто сверхъестественное. Странная безпечность, временное забвеніе заботъ и горестей, усиленная жизненность, проявляемая въ большей бодрости, въ болѣе свободной рѣчи, подчасъ въ поэтическомъ вдохновеніи, даже въ прорицательномъ ясновидѣніи,—все это давало имъ такое чувство, словно они преобразованы присутствіемъ въ нихъ чего-то не своего, высшаго: имъ представлялось, что нѣкое божество снизошло въ нихъ,—пребываетъ же это божество въ священномъ жертвенномъ растеніи: это — богъ Сома, другъ боговъ и людей; ибо, въ силу присущаго всѣмъ людскимъ представленіямъ антропоморфизма, они воображали, что и боги подлежатъ тому же вліянію, какъ и они сами, только въ несравненно сильнѣйшей степени. Итакъ, приглашая ихъ на жертвенный пиръ, они не за-

бывали заготовить добрый запасъ сомы, дабы божественные гости ихъ, увеселенные, ободренные духомъ, съ утроенными силами, прямо съ пира отправлялись въ бой противъ Вритры и Ахи, похитителей и укрывателей коровъ, съ ихъ бѣсовской ратью.

Чудодѣйственная сила Мантры—священнаго слова.

16. — Но арійцы шли еще далѣе. Не довольствуясь тѣмъ, что, силой молитвы, они, по своимъ понятіямъ, *помогали* своимъ богамъ, они вообразили, что въ молитвѣ, — или, вѣрнѣе, въ произносимыхъ словахъ извѣстныхъ молитвъ и священныхъ текстовъ,—таится сила, способная *вынудить* у боговъ помощь, милости, даже повиновеніе, покорность, и побѣждать бѣсовъ собственной мощью. Такимъ образомъ Мантра («священный текстъ») сдѣлалась наступательнымъ оружіемъ, притомъ неодолимымъ, противъ бѣсовъ. Со временемъ, это представленіе о понудительной силѣ молитвы, развиваясь все болѣе, было доведено до абсурдовъ: будто она доставляетъ ни болѣе ни менѣе какъ всемогущество нѣкоторымъ смертнымъ, обладающимъ исключительными духовными дарами; но въ первоначальной простотѣ его въ этомъ представленіи не было ничего нелѣпаго или нечестиво дерзновеннаго. «Молитва человѣка,—пишетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ миѳологовъ*): —«обыкновенно согласуется съ природою. Онъ проситъ дождя во время засухи, — а за засухой *долженъ* слѣдовать дождь; онъ проситъ свѣта, когда темно, а

*) Дарместетеръ.

свѣтъ *долженъ* слѣдовать за тьмою. Онъ видитъ, что молитва его неизмѣнно исполняется,—и приписываетъ ей *силу* исполненія».—Притомъ тѣ немногія, незатѣйливыя блага, о которыхъ арійцы молились въ тѣ простыя времена: многочисленное, здоровое потомство, обильный приплодъ скота, здоровіе и долгоденствіе, да побѣда въ войнахъ съ туземцами, — все это были какъ разъ такія блага, которыя должны были сами собою выпасть на долю ихъ при прекрасныхъ условіяхъ ихъ нормальной, здоровой жизни и ихъ племенномъ превосходствѣ. Поэтому, ничто не могло поколебать, а все, напротивъ, должно было подтверждать ихъ чрезмѣрную самоувѣренность, такъ какъ человѣкъ, не просвѣщенный наукой, всегда склоненъ повѣрить скорѣе сверхъестественнымъ, чѣмъ естественнымъ вліяніямъ.

Жертвоприношенія.

17. — Отсюда былъ уже одинъ шагъ, и то небольшой, къ тому, чтобы сдѣлать изъ священнаго слова, — Мантры, — живое лицо, самостоятельное божество, поклоняться ему, какъ существу не только вообще благодѣтельному, но въ высшей степени гибельному для бѣсовскихъ Силъ, — *вритраханъ*, — подобно Индрѣ, Сомѣ и нѣсколькимъ другимъ дивамъ. Нужно замѣтить, что, для того, чтобы Мантра получила свою полную силу и дѣйствительность, необходимо читать священные тексты въ извѣстные часы, на извѣстный ладъ, съ извѣстными интонаціями и напѣвами, — и все это настрого предписано правилами; такими же правилами, — безчисленными, сложными, подробными

до мелочности, — управляется каждый моментъ жертвоприношенія, которымъ обыкновенно сопровождается напѣваніе или нашептываніе Мантры. Если всѣ эти правила съ щепетильной точностью соблюдаются, то Мантра и жертвоприношеніе произведутъ желаемое дѣйствіе, совершенно независимо отъ душевнаго настроенія жертвователя. Если же отступлено отъ нихъ въ малѣйшей мелочи, то и молитва и жертва будутъ хуже, чѣмъ безполезны: онѣ подѣйствуютъ наоборотъ и навлекутъ всякія бѣды на молящагося, хотя бы душа его была преисполнена чистѣйшаго умиленія, самаго горячаго благочестія. Гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе, поэтому, для міряннина, не мѣшаться вовсе не въ свое дѣло, а предоставить все это жрецамъ, которымъ отъ неба дарована духовная власть, и которые, за приличное вознагражденіе, совершатъ въ пользу жертвователя должные обряды, научатъ его, въ какой мѣрѣ ему самому принимать въ нихъ участіе, и будутъ наблюдать, чтобы онъ не повредилъ себѣ, отъ незнанія или излишняго усердія.

Матерьялизмъ. 18.—Изъ всего вышесказаннаго видно, что такое матерьяльное представленіе о молитвѣ и жертвоприношеніи по духу и цѣли скорѣе всего походитъ на волхвованіе или колдовство. Его можно принять за пережитокъ, въ слегка измѣненномъ видѣ, той грубѣйшей и первобытнѣйшей стадіи религіознаго сознанія, съ которой начинаетъ каждая раса, и которую мы подробно изучили у шумиро-аккадьянъ. Древніе арійцы и индо-иранцы отнюдь не были свободны отъ это-

го первобытнаго заблужденія. Ихъ боги нерѣдко приводятъ насъ въ недоумѣніе смѣсью матерьялизма и высокой духовности, въ которой бываетъ очень трудно разобраться. Иной разъ Ва̀руна, Митра, Индра, Сома восхваляются и призываются несомнѣнно какъ видимые, вещественные небо, свѣтъ, огонь; растеніе, которое привозится съ горъ, разрѣзывается и прессуется для извлеченія изъ него опьяняющаго напитка—къ нимъ, тутъ же сейчасъ, обращаются какъ къ существамъ духовнымъ, съ самыми отвлеченными свойствами. Ва̀руна является владыкой, обитающимъ превыше небеснаго свода, облеченнымъ небесной лазурью, какъ ризою, ненавистникомъ лжи, карателемъ грѣховъ, купно съ Митрою, всезрящимъ, всевѣдущимъ, хранителемъ Закона Высшей Правды; Сома — исцѣлителемъ подателемъ жизни и безсмертія, богомъ геройской доблести и вдохновенія. Эта вторая, лишь наполовину матерьяльная ступень въ развитіи религіознаго сознанія соотвѣтствуетъ въ Междурѣчіи періоду прекрасныхъ гимновъ къ Солнцу, Огню, Мѣсяцу и пр., которые дѣйствительно сравниваютъ, не безъ основанія, съ гимнами Риг-Веды.

Богатство арійскаго миѳическаго эпоса.

20.—Миѳологія, столь богатая драматическими положеніями и дѣйствующими лицами служитъ истиннымъ разсадникомъ миѳическаго эпоса, который каждый народъ создаетъ себѣ простымъ процессомъ перенесенія на землю разныхъ сценъ небесной или атмосферической драмы,—солнечной или грозовой,—превращенія боговъ въ героевъ и богатырей; дѣвъ солнечныхъ или водяныхъ—въ

смертныхъ женщинъ; облачныхъ стадъ—въ настоящихъ коровъ или овецъ; тучевыхъ бѣсовъ—въ дикихъ звѣрей, чудовищъ, великановъ, драконовъ; наконецъ, тучевыхъ горъ и крѣпостей—въ земныя пещеры и зáмки. Каждый народъ, конечно, вплетаетъ въ эту общую ткань имена и смутно рисующіяся въ его памяти личности своихъ собственныхъ героевъ, вмѣстѣ съ сохранившимися въ устномъ преданіи отрывками и чертами изъ своей исторіи. Въ такой-то новой одеждѣ многіе божественные борцы арійскаго миѳа являются намъ въ героическомъ эпосѣ Индіи и Ирана, слѣдовательно должны были пройти черезъ индо-иранскій періодъ. Изъ этихъ полу-героическихъ, полу-божественныхъ миѳовъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и замѣчательныхъ—миѳъ о царѣ Ямѣ, потому что въ немъ заключается утѣшительная мысль о воскресеніи и безсмертіи.

Царь Яма и Питри.

20.—Яма первый пошелъ по пути, по которому всѣмъ предстоитъ идти; онъ «указалъ дорогу многимъ», словами одного гимна въ Риг-Ведѣ. Многіе ученые полагаютъ, что Яма былъ первоначально олицетвореніемъ заходящаго солнца, и только впослѣдствіи превратился въ перваго человѣка,—перваго жившаго, и потому перваго умершаго; но это мнѣніе сильно поколеблено самопозднѣйшими изслѣдованіями. Какъ бы то ни было, онъ первый вступилъ «въ обширные чертоги смерти» и, сдѣлавшись тамъ хозяиномъ, принималъ приходившихъ туда по пути, имъ указанному. Народная фантазія совершенно естественно производитъ его въ правители Мертваго Царства, затѣмъ довер-

шаетъ превращеніе, прибавляя къ нему живописныя детали, безсознательно заимствованныя все изъ той же неисчерпаемой сокровищницы миѳа. Такъ, Ямѣ даются двѣ собаки, «темно-бурыя, широкомордыя, четвероглазыя», должность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы ежедневно рыскать по міру, выслѣживать людей, для которыхъ насталъ смертный часъ, и загонять ихъ, какъ овецъ, къ грозному царю. Впрочемъ, Яма не внушаетъ ужаса своимъ видомъ; онъ скорѣе милостивъ и привѣтливъ: сидя съ богами въ высшемъ небѣ подъ широковѣтвистымъ деревомъ, — космическимъ Древомъ Жизни, онъ вмѣстѣ съ ними распиваетъ напитокъ безсмертія, золотистый Сома, капающій съ листьевъ дерева, и его окружаютъ Питри, т. е. блаженныя, просвѣтлѣнныя души умершихъ праотцевъ.

Почитаніе умершихъ у арійцевъ.

21.—Арійцы относились къ своимъ покойникамъ съ большой любовью и благоговѣніемъ, и не вѣрили, чтобы простой фактъ умиранія, выбытія изъ среды родныхъ и друзей, могъ разорвать всѣ узы, связывающія съ ними человѣка. Каждая семья, каждый родъ почитали своихъ «Питри» («отцовъ»), собираясь въ положенные сроки для поминанія ихъ. На такихъ поминкахъ бесѣдовали объ усопшихъ, припоминали ихъ добрыя качества и дѣла, просили ихъ заступничества, выставляли имъ угощеніе,—молоко, медъ пчелиный, блины. Вся семья садилась за общую трапезу, которой предполагаемое невидимое присутствіе придавало таинственную торжественность. Эти поминки составляли крѣпчайшую связь между членами семьи, такъ какъ право участвовать на нихъ стро-

го опредѣлялось и ограничивалось обычаемъ столь священнымъ, что онъ донынѣ служитъ закономъ и нормой для регулированія наслѣдственныхъ правъ. Душамъ умершихъ (Питри) приписывалась большая сила: онѣ могли дѣлать много добра и много зла своимъ потомкамъ; но, съ другой стороны, ихъ собственное благосостояніе обуславливалось любовнымъ къ нимъ отношеніемъ и памятью живыхъ.

Питри переходятъ въ героическій эпосъ.

22. — Понятно, что отдаленные предки цѣлой группы семействъ или рода почитались всѣми вѣтвями этого рода, что поминки по нимъ праздновались въ болѣе широкихъ размѣрахъ, что на нихъ собирался весь родъ, и что этимъ питались и укрѣплялись кровныя родовыя отношенія. Такіе предки нерѣдко дѣлаются племенными героями, о нихъ слагаются былины и пѣсни, и доля сохранившейся о нихъ въ преданіи исторической правды дополняется миѳическими прикрасами, настоящее значеніе которыхъ скоро забывается. Таково происхожденіе большинства тѣхъ полубоговъ, смертныхъ сверхчеловѣковъ, которые толпятся на рубежѣ между исторіей и миѳомъ; безплотный духъ ихъ почитается наравнѣ съ божествами, земные же подвиги ихъ, прославленные сіяніемъ, перенесеннымъ на нихъ отъ борцовъ царства небесъ и тучъ, составляютъ узоръ пышной ткани народнаго эпоса и поэзіи всѣхъ племенъ. Иранскій эпосъ богатъ такими миѳическими героями и повѣствуетъ о цѣлыхъ династіяхъ до-историческихъ царей, но заняться ими спеціально не входитъ въ задачу настоящей книги.

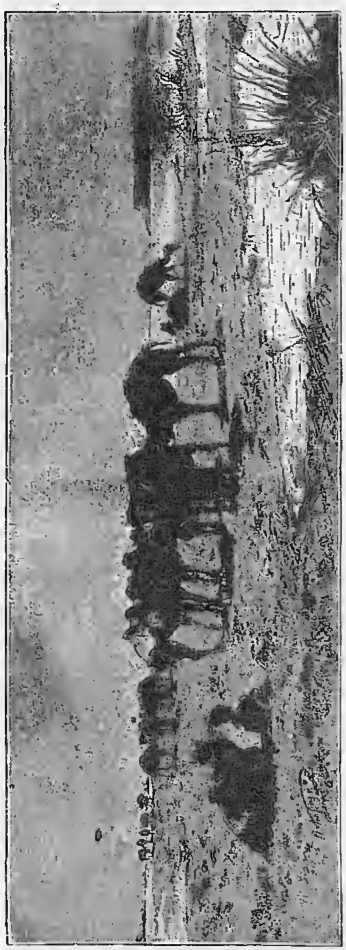
IV.

Арійскіе миѳы въ Авестѣ. Ихъ превращеніе въ аллегоріи.

Разслабляющее вліяніе климата Индіи на арійское населеніе.

1. — Натуралистскіе миѳы даннаго народа, — оставляя въ сторонѣ его религіозное сознаніе, — непремѣнно отражаютъ бытовыя условія, въ которыя поставленъ этотъ народъ. Такъ, извѣстно, что Индія на свое населеніе вліяетъ вообще разслабляющимъ образомъ. Этому способствуютъ и климатъ и плодородность почвы. Послѣдняя даетъ очень много взамѣнъ весьма малаго труда; самые лѣса изобилуютъ пищею, — корнями, ягодами, плодами, — которою и люди и животныя приглашаются пользоваться даромъ; рѣкъ много, и онѣ рѣдко высыхаютъ; большія же, какъ Индъ и Гангъ, — никогда. Поэтому, съ одной стороны, ничто не понуждаетъ человѣка къ тяжкому труду, съ другой же, у людей мало потребностей, такъ какъ растительная и молочная пища — въ такомъ климатѣ единственно разумная, одежды требуется немного, а для жилья достаточно простого шалаша. Арійцы, занявъ Индію и подпавъ подъ это вліяніе, въ

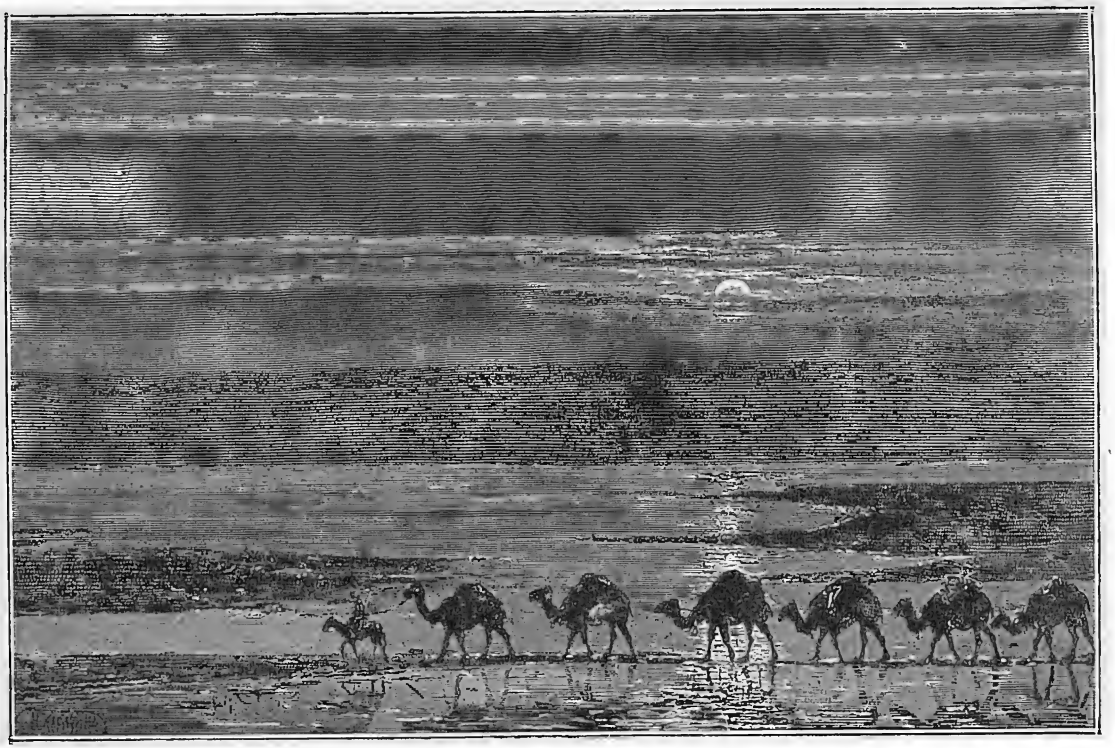
значительной мѣрѣ утратили свою физическую силу и выносливость и постепенно превратились въ нѣсколько изнѣженное племя, въ которомъ досугъ и обычная праздность развили чрезвычайную мечтательность и склонность къ духовному созерцанію съ непомѣрной роскошью воображенія; сочетаніе этихъ двухъ свойствъ окрасило особымъ оттѣнкомъ всю ихъ миѳологію, ихъ поэзію и ихъ философское міровоззрѣніе.



Степной ландшафтъ въ Туранѣ. (У Аральскаго моря).

Закаливающее вліяніе почвы и климата Ирана.

2.—Совсѣмъ другимъ вліяніямъ подверглась та вѣтвь арійской семьи, которая заняла земли, собираемыя подъ общее названіе Аріаны или Ирана. Иранскіе арійцы, долго простран-



На берегу Арала.

ствовавъ по разнымъ привѣтливымъ землямъ, гдѣ пріятно чередовались умѣренной высоты горы, долины, рѣки, лѣса и пастбища, основали не одно цвѣтущее поселеніе, какъ, напр., въ Бактріи. Кочуя, они пришли въ края совершенно иного характера, представлявшіе рѣзкіе контрасты, вѣрнѣе, противуположности,—края, гдѣ природа казалась въ разладѣ съ самой собой, какъ живо изображено на слѣдующей прекрасной страницѣ древней исторіи Макса Дункера:—

«Центръ Ирана составляла обширная пустыня; далеко на сѣверъ и на югъ простирались безводныя плоскогорья; мѣста, болѣе благопріятно надѣленныя природой, можно бы назвать оазами. Непосредственно за самыми плодородными долинами и горными склонами слѣдовали безпредѣльныя степи; цвѣтущія равнины, густо осѣненныя рощами, были кругомъ опоясаны песчаными пустырями. Гористыя земли сѣверо-востока могли похвалиться дремучими лѣсами, богатѣйшими пастбищами. Снѣгъ выпадалъ рано, и зимы были суровыя. Вдоль Каспійскаго моря была роскошная растительность, зато въ болотистыхъ низинахъ водились болѣзни и ядовитые гады *). Люди въ Иранѣ страдали не только отъ лѣтняго зноя, но и отъ зимней стужи: жгучіе вѣтры пустыни не страшнѣе вьюгъ сѣверныхъ плоскогорій. Здѣсь пастбища и нивы на много недѣль исчезали подъ снѣгомъ; тамъ хлѣба и огороды заносило песками. Здѣсь верблюды мерли отъ холода и падали въ пропасти, скользя по обледенѣлымъ крутизнамъ; тамъ вѣтры изъ пустыни засыпали колодцы и родники. Здѣсь — зима «съ худшими своими бичами: мерзнутъ воды, мерзнетъ земля, мерзнутъ деревья» (Вендидадъ, I, 9—12); тамъ скотину мучатъ слѣпни и овода; здѣсь медвѣди и волки нападаютъ на стада; тамъ вѣчная опасность отъ змѣй и хищнаго

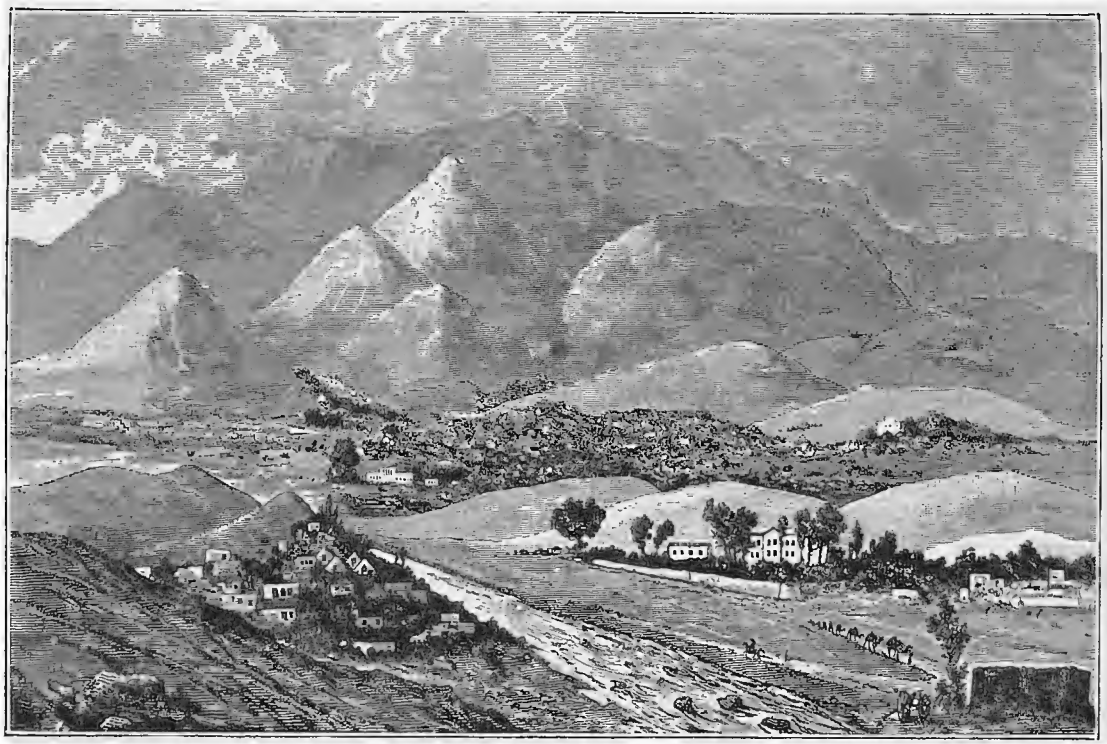
*) Это описаніе особенно относится къ области, называемой Мазандерапомъ.

На берегу Аральскаго моря.

звѣрья. Жизнь въ такомъ краю была неустанной борьбой противъ зноя и стужи, за стада и хлѣба, и едва какое-нибудь племя селилось въ болѣе удобныхъ мѣстахъ и принималось за земледѣліе, начиналась борьба противъ пустыни и засухи. Тутъ надо было сухую почву оросить, тамъ—защищать жатвы противъ горячихъ вѣтровъ и песчаныхъ наносовъ изъ пустыни. Къ этимъ тяжелымъ условіямъ и контрастамъ въ природѣ присоединялись контрасты въ населеніи. Большинство туземныхъ племенъ средне-азіатскаго плоскогорія и многія изъ тѣхъ, которыя разселились по окружающимъ горнымъ мѣстностямъ, были поставлены мѣстными условіями въ невозможность вести иную жизнь, какъ жизнь кочевую и пастушескую. Большая часть населенія и понынѣ состоитъ изъ кочевниковъ. Итакъ, въ то время, какъ осѣдлые обыватели трудились усиленно, въ потѣ лица, другіе скитались праздно со своими стадами. Не было, конечно, недостатка въ набѣгахъ на земледѣльческія поселенія, въ грабежѣ и разбоѣ».

Двойственность иранской природы развиваетъ почти исключительно боевое міровоззрѣніе.

3.—Вліяніе подобныхъ условій на народъ даровитый, храбрый, сильный духомъ и тѣломъ—безгранично. Благодаря имъ однимъ, иранцы сдѣлались такими, какими мы находимъ ихъ при ихъ вступленіи на историческую сцену: народомъ необыкновенной, мужественной красоты богатырскаго типа, непреодолимымъ въ бою, искреннимъ и честнымъ, склада ума серьезнаго и практическаго, гораздо болѣе склоннымъ смотрѣть на трудовую сторону жизни, нежели на ея удовольствія и красоту, вслѣдствіе чего они считали земледѣліе и скотоводство высшими и святѣйшими изъ занятій, а къ искусству относились, какъ къ дѣлу весьма второстепенному, въ которомъ они весьма поздно достигли нѣкотораго совершенства, да и то какъ подражатели. Ясно, что эти же вліянія должны были сильно воздѣй-



Шемранскія горы (близъ Тегерана).

ствовать и на ихъ этику и религіозное сознаніе, дать послѣднимъ извѣстное, своеобразное направленіе, углубить ихъ въ извѣстномъ руслѣ. Борьба, составлявшая главную поддержку ихъ существованія на землѣ, сдѣлавшейся ихъ родиной, представлялась имъ главною задачей жизни всей вселенной. Въ основѣ первобытнаго арійскаго представленія о природѣ, какъ и всякой первобытной религіи, лежитъ противопоставленіе Свѣта Тьмѣ, и, стало-быть, Силъ Свѣта Силамъ Тьмы. Но иранцамъ это представлялось не главнымъ, а единственнымъ основнымъ закономъ бытія, поглощавшимъ тѣ красивыя миѳическія детали и картинные образы, которыми изобилуютъ религіи другихъ арійскихъ народовъ. Тяжкая борьба за существованіе, сопряженное съ опасностями, угрожавшими со всѣхъ сторонъ, преисполненное трудами и лишеніями, отвлекла ихъ отъ созерцательнаго праздномыслія, играющаго образами и фантазіями, въ которомъ и есть самая суть миѳической поэзіи. Они великій Боевой Миѳъ низвели на землю и въ немъ олицетворили контрасты, которыми изобиловала ихъ родина, и такимъ образомъ подготовили тотъ безпощадный дуализмъ, на которомъ зиждется ихъ національная религія.

Одухотвореніе арійскихъ миѳовъ въ Ираніѣ.

4.—Не было надобности для этого измышлять новые символы. Достаточно было выдвинуть на первый планъ, въ усиленныхъ чертахъ, борьбу, составляющую главную характеристику, основной мотивъ древнѣйшаго арійскаго міровоззрѣнія и богопочитанія. Исконный богъ—Небо и его вѣ-

ковѣчный врагъ, Туча Змѣй, затмеватель свѣта, являлись главными дѣйствующими лицами; въ нихъ воплотились абсолютное Добро и абсолютное Зло со всѣми ихъ проявленіями и вскорѣ оттѣснили на задній планъ всѣ прочія миѳическія лица. Прослѣдивъ древніе миѳы въ сохранившихся частяхъ Авесты, мы поражаемся широкимъ развитіемъ духовнаго смысла въ изложеніи ихъ, тогда какъ въ Индіи, родной сестрѣ Ирана, смыслъ этотъ является какъ бы второстепеннымъ и случайнымъ, физическое же значеніе положительно преобладаетъ.

Ахура-Мазда, верховный Богъ и Творецъ— преемникъ арійскихъ боговъ Неба.

5. — Такъ, на первый взглядъ трудно узнать въ Ахура-Маздѣ, верховномъ Богѣ, Творцѣ вселенной и прочихъ боговъ, владыкѣ надо всѣмъ существующимъ, внушителѣ и хранителѣ святости и праведности, какимъ онъ является во всей Авестѣ, старыхъ арійскихъ боговъ Неба, — Дьяуса и Варуну. Только долгое и терпѣливое изученіе, подбираніе множества мелкихъ чертъ, разбросанныхъ въ текстахъ, помогаютъ намъ прослѣдить этотъ величественный образъ до его первоисточника. Но разъ эти черты найдены, онѣ уже не оставляютъ сомнѣнія. Самое имя иранскаго бога составлено изъ титуловъ древне-арійскихъ боговъ. Санскритское слово Асура, согласно закону иранскаго произношенія, превращается въ Ахура, но смыслъ тотъ же: «Владыка, Господь». А изъ всѣхъ эпитетовъ, которыми величали Варуну, одинъ: «Всевѣдущій», иранцы присвоили своему верховному Богу, назвавъ его: Мазда. Итакъ, «Ахура-Мазда» буквально зна-

читъ: «Господь всевѣдущій». Матерьяльные же аттрибуты, приписываемые ему, сразу изобличаютъ его происхожденіе. Въ одной изъ бесѣдъ съ Заратуштрой—(божественное откровеніе во всей Авестѣ облечено въ эту форму),—Ахура-Мазда говоритъ:

«Я содержу на мѣстѣ вверху небо сіе, сіяющее и видимое издалека, и объемлющее всю землю. Оно подобно чертогу, построенному изъ небеснаго вещества, прочно установленному, далеко раскинутому, блистающему рубиновымъ корпусомъ надъ всѣми тремя мірами; *оно подобно ризѣ, усѣянной звѣздами, въ которую Мазда облекается*... и ни съ какой стороны глазъ не узритъ конца его». (Іешть III).

Къ кому, какъ не къ богу неба, можно примѣнить это великолѣпное описаніе? Вѣдь усѣянная звѣздами риза принадлежитъ и Ва̀рунѣ (см. стр. 47). Еще небо поэтически называется «тѣломъ Мазды», о немъ говорится, что «у него изо всѣхъ тѣлъ—совершеннѣйшее тѣло»; что онъ—«красивѣйшій тѣломъ;» восхваляется «его прекраснѣйшее тѣло»; далѣе: «поклонимся всему его тѣлу». Еще убѣдительнѣе текстъ, въ которомъ прославляется «свѣтозарное Солнце, *Око Ахура-Мазды*» (См. стр. 47). Атаръ,—Огонь (первоначально небесный огонь — Молнія (см. стр. 49), одинъ изо всѣхъ Язата («божественныхъ существъ») описывается и призывается подъ названіемъ «Сына Ахура-Мазды». (См. стр. 47, 50). Воды въ одномъ гимнѣ призываются въ слѣдующихъ словахъ:

«Поклоняемся землѣ сей, несущей насъ, вмѣстѣ съ *твоими женами*, о, Ахура-Мазда!...»

«О, Воды! вамъ поклоняемся,—вамъ, льющимся съ небесъ, и вамъ, стоящимъ въ лужахъ и чанахъ. О, женскія Ахуры,

всячески служащія намъ и помогающія, обильно текущія и удобныя для брода...»

Наконецъ, имя Ахуры прославляется вмѣстѣ съ именемъ Миѳры, чистаго Дневного Свѣта (о которомъ рѣчь впереди), такъ настойчиво, что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что эта чета вполнѣ соотвѣтствуетъ четѣ Варуна-Митра въ Риг-Ведѣ. (См. стр. 48). «Возвѣщаю и совершаю жертвоприношеніе четѣ,—Ахурѣ и Миѳрѣ, всевышнимъ, вѣковѣчнымъ и пресвятымъ» (Ясна, I, 11); «Желаю приблизиться моими хвалами къ Ахурѣ и Миѳрѣ, всевышней, вѣковѣчной, пресвятой четѣ». (Ясна, II, 11). Передъ битвой, вѣрующій обращается къ нимъ купно со слѣдующимъ поэтическимъ воззваніемъ: «Миѳра и Ахура, высокіе боги, да придутъ къ намъ на помощь, когда мечъ возвыситъ громко голосъ, (бряцаніе желѣза),—когда ноздри коней дрогнутъ, когда тетивы луковъ засвистятъ и пустятъ острыя стрѣлы...» Очень поучительно прослѣживать такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, убѣдительныя доказательства матерьяльнаго и миѳическаго происхожденія верховнаго иранскаго бога, а затѣмъ—процессъ развитія, которымъ онъ возвышается до чистѣйшей, безплотной отвлеченности. Но мы должны оставить его пока, еще прежде чѣмъ религіозное сознаніе иранскаго племени поднимется до этой высшей точки, чтобы искать слѣдовъ превращенія въ Авестѣ еще другихъ древне-арійскихъ миѳовъ. Всего пріятнѣе искать боговъ въ ихъ лучезарныхъ обителяхъ, а для этого надо немного ознакомиться съ небесной топографіей.

Священная гора и иранскій рай.

6. — Гдѣ-то далеко на Востокѣ, за горами, поднимающимися гряда за грядой, отмѣчая станціи на пути незапамятныхъ кочеваній племенъ, спускавшихся въ долины будущей Аріаны, находится Священная гора, Хара-Березаити, которая у персовъ пехлевійскаго періода и у нынѣшнихъ парсовъ извѣстна подъ названіемъ Альборджъ. Она поднимается отъ земли, выше сферы солнца и звѣздъ, въ чистую сферу Безпредѣльнаго Свѣта, гдѣ самъ Ахура-Мазда пребываетъ въ «пресвѣтломъ Гаро-нманѣ» («Обители Пѣснопѣнія»). Эта гора—всѣмъ горамъ мать; всѣ горы, которыхъ на землѣ насчитывается 2.224, выросли изъ нея, и она «соединена съ небомъ». Вершина ея купается въ вѣчномъ сіяніи; тамъ—обитель вѣчнаго блаженства. «Тамъ не бываетъ ни ночи, ни тьмы, ни холодныхъ ни жаркихъ вѣтровъ, ни смертоносныхъ болѣзней, ни оскверненія отъ дэвовъ (бѣсовъ, злыхъ духовъ), и тучамъ не достигнуть до Хара-Березаити».—Священная гора имѣетъ нѣсколько вершинъ. Вершина Таира есть центръ міра, и вокругъ нея обращаются звѣзды, мѣсяцъ и солнце. На это намекаетъ слѣдующій гимнъ:

«Взвейся ввысь и несись, о быстроконное Солнце, надъ горой-Березаити, и расточай міру свѣтъ, и да будетъ и тебѣ, о человѣкъ, дано подняться туда по тропѣ, которую творитъ Мазда, по пути богосозданному, по водному пути, отверстому богами». («Водный» путь—намекъ на облака).

«Взвейся ввысь и несись, о мѣсяцъ»... (Остальное — повтореніе перваго стиха).

«Взвейтесь ввысь и неситесь, о Звѣзды...» (Опять повтореніе). (Вендидадъ, XXI).

Альборджъ,—на новѣйшемъ иранскомъ язы-

кѣ Эльбурзъ,—нынѣ означаетъ земную горную цѣпь, окаймляющую южный берегъ Каспійскаго моря. Этимъ воочію показывается примѣръ извѣстнаго процесса, наблюдаемаго у всѣхъ народовъ, достигнувшихъ переходной стадіи отъ миѳа къ дѣйствительности: перенесенія миѳической, небесной географіи на землю,—процесса, идущаго рука объ руку съ превращеніемъ боговъ въ эпическихъ героевъ и миѳовъ въ былинный эпосъ. Эльбурзъ съ его одѣтой вѣчными снѣгами вершиной—Демавендомъ, въ глазахъ иранца обвитъ таинственной святостью; на его склонахъ, въ его ущеліяхъ разыгрываются разные сверхчеловѣческіе эпизоды иранскаго эпоса.

Небесное море, небесный родникъ и древо жизни и безсмертія.

7. — У подножія небесной части горы, къ югу, стелется море Вурукаша; это не что иное, какъ древне-арійскій «небесный Океанъ», облачное водохранилище, изливающее на землю дожди (въ дѣйствительности—Каспійское море). Въ томъ же, приведенномъ выше, гимнѣ есть воззваніе къ Водамъ, показывающее замѣчательное пониманіе постояннаго обмѣна влагою, происходящаго между небомъ и землею:

«Такъ какъ море Вуру-Каша есть міровой водоемъ, то поднимайтесь, о Воды, воздушнымъ путемъ къ небу и спускайтесь обратно къ землѣ. Спускайтесь къ землѣ и поднимайтесь воздушнымъ путемъ. Поднимайтесь и неситесь!»

Море это, кромѣ того, постоянно пополняется обильно бьющимъ небеснымъ ключомъ Ардви-Сура Анахита, который устремляется съ Хара-Березаити, съ вершины Хукаирія, и снабжаетъ всѣ земныя рѣки чистой, обильной и цѣлебной водой:

«Великая рѣка, именитая и славная, равная количествомъ водъ своихъ всѣмъ водамъ бѣгущимъ по землѣ, со стремительной силой бѣжитъ съ вершины Хукаирія внизъ, въ море Вуру-Каша. Всѣ берега моря Вуру-Каша кипятъ черезъ край, середина его кипитъ и бурлитъ, когда она вливается въ него».

Воды этого небеснаго моря вѣчно питаютъ и охраняютъ Древо Жизни и Безсмертія, Бѣлый Хаома или Гаокерена, которое самъ Богъ посадилъ на «высокой Хараити» (тоже Хара-Березаити) и поставилъ въ средину моря Вуру-Каша вмѣстѣ съ другимъ божественнымъ деревомъ, содержащимъ сѣмена всего, что̀ растетъ на землѣ. Тотъ Хаома, что̀ растетъ въ горахъ Ирана, и изъ котораго добывается золотистый напитокъ, употребляемый при жертвоприношеніяхъ, является земнымъ представителемъ этого небеснаго и безсмертнаго Хаома (арійскаго Сома), получая отъ него свои «противосмертныя» свойства. Сѣмена же всѣхъ растеній приносятся на землю дождями. Такъ какъ на вершинахъ Хара-Березаити помѣщаются обители боговъ, которые тамъ имѣютъ свои чертоги, то совершенно логично было тамъ же помѣстить и хранилища ихъ лучшихъ даровъ людямъ: воды и растительности.

Антропоморфизмъ отступаетъ на задній планъ въ иранскомъ миѳѣ.

8.—Антропоморфизмъ, въ прямѣйшей, грубоматерьяльной формѣ, составляетъ самую суть индо-иранскаго и позднѣйшаго индусскаго міросозерцанія, вслѣдствіе чего у арійцевъ, засѣвшихъ въ Индіи, миѳологія совершенно одолѣла и, въ теченіе долгаго періода, почти задушила рели-

гію *). У трезвыхъ умомъ, положительныхъ и серьезныхъ иранскихъ арійцевъ направленіе было какъ разъ противоположное, отъ антропоморфизма къ одухотворенію, къ отвлеченности. Поэтому, арійскія божества, встрѣчаемыя въ Авестѣ, обыкновенно сохраняютъ лишь немногія характерныя внѣшнія черты, и очищены отъ избытка миѳическихъ описаній и инцидентовъ. Такъ, Солнце, какъ мы видѣли выше, названо «быстроконнымъ». Что у Солнца есть колесница и кони, это установлено разъ навсегда съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ началась кристализація поэтическихъ формъ рѣчи въ образы и миѳы. Иранъ сохранилъ исконное слово, но не разыгрывалъ на немъ такихъ безконечныхъ варьяцій, какія мы найдемъ въ Риг-Ведѣ на эту одну тему. Въ Авестѣ имѣется всего одинъ небольшой *іешть* (гимнъ) къ «безсмертному, сіяющему, быстроконному Солнцу», и у поэта въ хвалу его нашлось лишь одно чисто дѣловое замѣчаніе, что-де свѣтъ его очищаетъ мірозданіе и что, если бы оно не восходило, то дэвы истребили бы все существующее и у небесныхъ Язата (добрыхъ духовъ) были бы отняты средства для сопротивленія имъ. Еще примѣръ: Заря, отпирающая небесныя врата и выѣзжающая предвѣстницей Солнца на золотой колесницѣ, запряженной рѣзвыми конями, это — образъ, древнѣе котораго нѣтъ въ галлереѣ картинъ, созданныхъ поэтическимъ геніемъ юнаго человѣчества; это — тема сотенъ чудныхъ разсказовъ, потому что

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 375 и сл.

Заря, прекраснѣйшая изъ небесныхъ дѣвъ,—любимая героиня арійскаго миѳа. Иранецъ, однако, сохранилъ самое краткое, сухое упоминаніе о ней, въ предразсвѣтной молитвѣ, въ которой она названа: «прекрасная Заря, лучезарная, быстроконная», и говорится, что она будитъ людей къ работѣ и проливаетъ свѣтъ въ дома. И все.

Миѳра, преемникъ арійскаго Митры; сохранившіяся въ немъ миѳическія черты.

9.—Гораздо яснѣе обрисована и сильнѣе развита миѳическая личность иранскаго Митры. Ему посвященъ одинъ изъ лучшихъ и длиннѣйшихъ *іештовъ* (гимновъ). Чтобы вполнѣ оцѣнить миѳическія черты этого гимна, надо помнить, что Митра, подобно своему древне-арійскому одноименнику, олицетворяетъ не Солнце, а Свѣтъ, чистый дневной свѣтъ, который представляли себѣ наполняющимъ пространство, отдѣльно отъ сіянія солнца; отсюда — постоянно повторяемый эпитетъ: «владыка обширныхъ пастбищъ» (т. е. небеснаго пространства); поэтому также говорится, что онъ предшествуетъ солнцу при восхожденіи его и слѣдуетъ за нимъ при закатѣ; онъ именно—утренній разсвѣтъ и вечерній сумракъ. Солнца еще нѣтъ, или уже нѣтъ, а свѣтъ есть.

«Онъ первый изъ небожителей поднимается надъ горою Березаити, предшествуя безсмертному, быстроконному Солнцу; первый, въ золотомъ облаченіи, овладѣваетъ прекрасными высями и оттуда милостивымъ окомъ взираетъ на жилища арійцевъ, гдѣ доблестные вожди строятъ свои многочисленныя дружины въ боевомъ порядкѣ, гдѣ высокія горы, богатыя водами и пастбищами, даютъ скоту обильный кормъ; гдѣ стоятъ глубокія соленыя озера; гдѣ широкотекущія рѣки наливаются и стремительно бѣгутъ...

«Онъ шествуетъ надъ землею во всю ея ширь, послѣ

захожденія солнца, касается сбоихъ концовъ сей обширной, круглой земли,—концы же ея далеки отъ насъ,—и обозрѣваетъ все, что̀ есть между землей и небесами...

«Онъ, невидимый Язата, движется по всѣмъ *каршварамъ* и приноситъ сіяніе...» (Земля раздѣлена на семь областей — каршвары; изъ нихъ Иранъ — центральный и наибольшій). «Для него Творецъ, Ахура-Мазда, построилъ чертогъ на Хара-Березаити, свѣтлой горѣ, вокругъ которой обращаются сіяющія звѣзды... и онъ обозрѣваетъ весь вещественный міръ съ горы Березаити...

«Воздѣвъ руки къ Безсмертію (т. е. къ обители безсмертныхъ), Миѳра, владыка обширныхъ пастбищъ, выѣзжаетъ изъ свѣтозарной обители Пѣснопѣнія (Гаро-нмана) на прекрасной колесницѣ... сооруженной Творцомъ, Ахура-Маздой, изъ небеснаго вещества и усѣянной звѣздами...

«Четыре жеребца везутъ ту колесницу, всѣ одинаковой бѣлоснѣжной масти, питающіеся небеснымъ кормомъ и безсмертные. Переднія копыта ихъ кованы золотомъ, заднія—серебромъ; всѣ прикрѣплены къ одному дышлу, всѣ ходятъ подъ однимъ ярмомъ, и поперечныя перекладины ярма прикрѣплены крюками изъ металла, чудесной работы...»

Будучи по естеству своему — самъ Свѣтъ, Миѳра, конечно, злѣйшій врагъ дэвовъ, т. е. бѣсовъ или духовъ Тьмы; они передъ нимъ бѣгутъ или гибнутъ подъ ударами его неодолимаго оружія; онъ охраняетъ и спасаетъ небесныя стада, которыя дэвы вѣчно похищаютъ и загоняютъ въ свои воровскіе вертепы. Этотъ первобытнѣйшій арійскій миѳъ передается въ полной цѣлости въ слѣдующемъ прелестномъ по своей наивности стихѣ гимна къ Миѳрѣ:

«Угнанная вдаль корова взываетъ къ нему о помощи, тоскуя о желанномъ стойлѣ: 'Когда-то Быкъ, Миѳра, владыка обширныхъ пастбищъ, выручитъ насъ и поведетъ назадъ въ наши стойла? Когда-то онъ выведетъ насъ на правый

путь, изъ вертепа *Друджа?*», («обманщикъ», одно изъ названій злыхъ духовъ).

Миѳра, слѣдовательно, по самому существу своему, — воинъ, могущественнѣйшій изъ воиновъ, покровитель ратныхъ людей, дарующій побѣду въ правомъ дѣлѣ:

«Воинъ, въ серебряномъ шлемѣ, золотыхъ латахъ, убивающій кинжаломъ, сильный, храбрый... боецъ о бѣломъ конѣ, о длинномъ, остромъ копьѣ, о быстролетныхъ стрѣлахъ... Его Ахура-Мазда поставилъ радѣть о семъ вѣчно движущемся мірѣ... Сна не вѣдая, онъ бдительно охраняетъ твореніе Мазды... онъ стоитъ на землѣ, изъ всѣхъ боговъ сильнѣйшій, храбрѣйшій, самый бодрый, самый быстрый, всѣхъ болѣе избивающій бѣсовъ».

Духовное превращеніе бога Свѣта въ бога Правды.

10. — До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ чисто физической стороной миѳа. Переходъ къ духовной сторонѣ какъ нельзя болѣе легокъ и логиченъ. Миѳра есть Свѣтъ, а Свѣтъ—всепроникающъ; поэтому Миѳра — всезрячій и всевѣдущій. Ахура - Мазда далъ ему тысячу чувствъ и тысячу очей; онъ зорко наблюдаетъ за людьми, и обмануть его нельзя. Или же,—онъ имѣетъ тысячу ушей и тысячу соглядатаевъ. Далѣе: Миѳра есть Свѣтъ, а Свѣтъ есть Правда; Правда же есть Добро. Дэвы суть Тьма, а Тьма есть Ложь; Ложь же есть Зло. Это простѣйшее начальное положеніе, чуть ли не единственное въ полномъ смыслѣ всемірное, во всякомъ случаѣ первое уравненіе между Видимымъ и Невидимымъ, найденное мыслящимъ человѣкомъ, — сразу переноситъ борьбу и побѣду изъ вещественнаго міра въ духовный. Тотъ, кто есть Свѣтъ абсолютной Правды, по самому есте-

ству своему—врагъ и истребитель всякой неправды, обмана и зла, всего гнуснаго исчадія Тьмы, а слѣдовательно, покровитель въ открытомъ бою всѣхъ, чье дѣло право, и, главное, блюститель честныхъ договоровъ и каратель всякой кривды и вѣроломства. Человѣкъ, нарушающій условія договора или увертывающійся отъ своихъ обязательствъ, называется «обманщикомъ Миѳры»; но Миѳру обмануть нельзя; его гнѣвъ и проклятіе всѣхъ хорошихъ людей (Клятва Мудрыхъ), навѣрно настигнетъ безумца: Миѳра поразитъ его безсиліемъ, въ прахъ разобьетъ его козни.

«Гдѣ бы ни обрѣтался человѣкъ, солгавшій Миѳрѣ, тамъ Миѳра воспрянетъ, гнѣвный и оскорбленный, а гнѣвъ его не скоро утихаетъ. Солгавшій Миѳрѣ, какъ бы ни былъ быстръ на ноги, отъ него не убѣжитъ; на конѣ не ускачетъ, на колесницѣ не умчится. Копье, брошенное врагомъ Миѳры, полетитъ обратно... а если и ловко брошено, и попадетъ въ цѣль, не поранитъ; вѣтеръ отгонитъ копье, брошенное врагомъ Миѳры... (т. е. ложь, клевета безвредно отпрянетъ отъ того, противъ котораго была направлена, а обратится противъ самого же лжеца, клеветника). Миѳра отниметъ силу у рукъ его, рѣзвость у ногъ, зоркость у глазъ, чуткость у ушей... Онъ даритъ стада быковъ и дѣтей мужескаго пола тому дому, гдѣ творятъ угодное ему; онъ разноситъ на части тотъ домъ, гдѣ его оскорбили... Печально, бездѣтно жилище того, кто солгалъ Миѳрѣ... Пасущаяся корова сбивается съ пути и печально плутаетъ въ лугахъ людей, обманувшихъ Миѳру: они же стоятъ у дороги, и слезы текутъ по ланптамъ ихъ.

Потому-то и говорится, что Миѳра «къ людямъ и добръ и недобръ», что онъ «въ рукахъ своихъ держитъ для народовъ и миръ и смуты». Онъ стоитъ бдительнымъ стражемъ договоровъ, словесныхъ или безсловесныхъ, которыми упра-

вляются взаимоотношенія между друзьями и родичами, между товарищами въ торговомъ дѣлѣ, между супругами, между отцомъ и дѣтьми, учителемъ и учениками, нанимателемъ и наймитами, наконецъ, между народами.

«Человѣкъ безславный, совращенный съ прямого пути, мыслитъ такъ въ сердцѣ своемъ: Нерадивый этотъ Миѳра не видитъ всего, что творится дурного, не слышитъ всѣхъ лживыхъ словъ, которыя говорятся? Я же такъ мыслю въ сердцѣ моемъ: Если бы земной человѣкъ слышалъ во сто кратъ лучше того, какъ слышитъ, все же онъ не слышалъ бы такъ, какъ слышитъ небесный Миѳра, который имѣетъ тысячу очей и видитъ каждаго говорящаго ложь».

Соблюденіе договоровъ и даннаго обѣщанія обязательно не только по отношенію къ братьямъ по вѣрѣ, къ «маздаяснійцамъ» (поклонникамъ Мазды). Сказано самымъ положительнымъ образомъ:

«Договора не нарушай, все равно заключенъ ли онъ съ однимъ изъ невѣрующихъ или съ братомъ твоимъ по вѣрѣ. Ибо Миѳра стоитъ и за вѣрующаго и за невѣрующаго.

Замѣчательно, что «Миѳра», наконецъ, дѣлается нарицательнымъ именемъ, означающимъ именно «договоръ», «контрактъ», и такъ употребляется въ обиходѣ.

Сподвижники Миѳры: Побѣда, Послушаніе, Праведность и пр.

II. — Оживленную картину представляетъ намъ въ томъ же большомъ гимнѣ выѣздъ Миѳры на своей небесной колесницѣ, въ сопровожденіи друзей и сподвижниковъ, на бой противъ Силъ Зла и ихъ земной рати:

«Колесницу его обнимаетъ и поддерживаетъ Святость; Законъ Мазды открываетъ дорогу, чтобы ему ѣхалось легко; четыре небесныхъ коня, бѣлоснѣжные, сіяющіе, издали видные, благодѣтельные, одаренные разумомъ, быстро ве-

зутъ его по небесному пространству... По правую руку его ѣдетъ добрый, послушный Сраоша («Послушаніе Закону Мазды»); по лѣвую — высокій, сильный Рашну («Праведность, Правосудіе»); со всѣхъ сторонъ кругомъ его ѣдутъ Фраваши вѣрующихъ (Души праведныхъ умершихъ). Позади его ѣдетъ Атаръ (Огонь), весь пылающій...»

Впереди его и очень близко къ нему скачутъ два грозныя существа: Вереѳрагна (Побѣда), и «могучая Клятва Мудрыхъ», которыя оба описываются одними и тѣми же словами въ образѣ «острозубыхъ, острочелюстныхъ кабановъ, убивающихъ однимъ ударомъ, сильныхъ и быстрыхъ на бѣгу, стремительно несущихся». Миѳра великолѣпно вооруженъ:

«Въ рукѣ своей онъ размахиваетъ палицей о ста шишкахъ, ста острыхъ граняхъ, которая сама устремляется и разитъ; палица эта лита изъ красной мѣди... Это—самое мощное, самое побѣдоносное изо всѣхъ оружій».

Колесница его, кромѣ того,—цѣлый арсеналъ: въ ней тысяча луковъ съ соотвѣтственнымъ запасомъ стрѣлъ, златоконечныхъ, окрыленныхъ коршуновыми перьями,—тысяча копій и столько же стальныхъ молотовъ, да тысяча обоюдоострыхъ мечей и такое же число желѣзныхъ булавъ. Всѣ эти оружія—«хорошей работы», «летятъ черезъ пространство и ниспадаютъ на черепа дэвовъ». Изъ того, какъ это сказано, выходитъ, словно они сами летятъ, собственнымъ движеніемъ, и сами избиваютъ бѣсовъ. Такое самодѣйствующее, божественное оружіе безпрестанно встрѣчается въ арійской миѳологіи Индіи. Не даромъ вѣрующій восклицаетъ: «О, да не попадемся мы никогда по пути стремительному Миѳрѣ въ пору его гнѣва!

Аллегорія—отличительная иранская черта.

12.—Эта картина,—бога, выѣзжающаго въ бой во всеоружіи бранныхъ доспѣховъ, съ описаніемъ его оружія, колесницы, свиты, и пр. — характерно - арійская. Въ Риг-Ведѣ у каждаго бога свой особенный экипажъ; ни одинъ не забытъ: антропоморфизмъ безусловный. Но поѣздъ иранскаго Миѳры представляетъ одну своеобразную черту, отличительно племенную, полное развитіе которой равняется духовному перевороту. Миѳру сопровождаютъ не миѳическія личности, т. е. не олицетворенныя явленія природы, а, согласно съ одухотвореніемъ миѳа, лица аллегорическія, отвлеченности, олицетворенныя *качества* или понятія: Святость, Праведность, Послушаніе божескому Закону, наконецъ, «Клятва Мудрыхъ». Тутъ уже не миѳъ, а аллегорія, и одного такого примѣра достаточно, чтобы освѣтить всю разницу между обоими понятіями и въ значеніи обоихъ словъ. Въ одномъ изъ провожатыхъ Миѳры миѳъ и аллегорія какъ бы сливаются; вѣрнѣе сказать, мы въ немъ видимъ примѣръ того, какъ легко и гладко миѳъ можетъ перейти въ аллегорію: Вереѳрагна, геній Побѣды, внѣ всякаго сомнѣнія, лицо аллегорическое, отвлеченность, которую большая прописная буква превращаетъ въ личность; самое слово *вереѳрагна* — нарицательное имя, означающее «побѣду». Но это же слово имѣетъ и миѳическое значеніе; оно не что иное, какъ иранская транскрипція слова, часто встрѣчающагося въ Риг-Ведѣ, а именно—*вритрахань* («Вритро-убійца»); а это—почетный титулъ, который дается многимъ «бѣсоизбивающимъ» божествамъ, но въ особенности

Индрѣ, великому специалисту по этой части. (См. стр. 54—55). Это первобытное значеніе слова забылось, конечно, задолго передъ тѣмъ, какъ оно превратилось въ нарицательное имя, означающее просто «побѣду», и подверглось новому олицетворенію, уже не миѳическому, а аллегорическому.

„Амеша-Спенты"— „Святые Безсмертные"; ихъ аллегорическое значеніе.

13.—Въ этомъ стремленіи: игнорировать внѣшнюю, вѣчно измѣнчивую игру природы, и обращать свои взоры внутрь, къ созерцанію возвышенныхъ незыблемыхъ отвлеченностей, которыя, наконецъ, представляются почти осязательной дѣйствительностью, нельзя не видѣть признака большой духовной глубины и ключа къ тому преобразованію, которому древне-арійская миѳическая религія подверглась у болѣе строго мыслящихъ иранцевъ. Самый поразительный примѣръ этого преобразованія мы видимъ въ лицѣ самого Ахура-Мазды. Когда первоначальное тождество его съ древнимъ богомъ Неба потерялось изъ вида, сохранившись лишь въ немногихъ традиціонныхъ и неосмысленныхъ формахъ рѣчи, его поклонники глубоко задумались надъ его духовнымъ естествомъ. Они старались выразить его различныя свойства различными именами, какъ-то: «Совершенная Святость», «Творецъ», «Созидатель вещественнаго міра», «Хранитель и Блюститель», «Лучшій изъ Властелиновъ», «Податель Здравія», «Всеблагой», «Тотъ Кто самъ не обманываетъ и не можетъ быть обманываемъ», — и пр.; наконецъ: «Святой Духъ», Спента-Маинью. Послѣднее названіе предпочитается всѣмъ прочимъ, какъ вполнѣ обозначающее его суть и есте-

ство, и противопоставляющее его *тому, другому*— Злому Духу,—Ангра-Маинью. Нѣкоторыя свойства казались особенно присущими ему или отъ него исходящими. Таковы: 1) благомысліе; 2) совершенная святость; 3) преблагое владычество; 4) благочестіе; 5) здравіе; 6) безсмертіе. Если сначала молились *объ* этихъ благахъ, какъ *о дарахъ* Ахура-Мазды, понемногу стали молиться *имъ*, какъ *добрымъ духамъ, его служителямъ*, имъ созданнымъ. Тутъ вмѣшалось неизбѣжное стремленіе къ антропоморфизму, и получилось одно изъ самыхъ характерныхъ учрежденій маздеизма, — небесный Совѣтъ Святыхъ Безсмертныхъ, Амеша-Спентовъ (Амша-спанды у нынѣшнихъ парсовъ). Ихъ числомъ семь. Ахура-Мазда, глава ихъ, создалъ остальныхъ. Когда они призываются или упоминаются, бываетъ иногда очень трудно различить, употребляются ли ихъ названія въ буквальномъ смыслѣ или въ аллегорическомъ. Первое бываетъ всего чаще въ древнѣйшій періодъ, т. е. въ Гатахъ; тамъ аллегорія всегда крайне прозрачна. Лишь со временемъ она выясняется и обращается въ личности, причемъ Амеша-Спенты не только становятся отдѣльными, индивидуальными духами, но еще присваиваются имъ извѣстныя, ясно опредѣленныя должности по ввѣренному имъ общему блюстительству надъ мірозданіемъ.

Семь Амеша-Спентовъ и ихъ назначеніе.

14.—Прежде, чѣмъ мы вникнемъ въ сущность совѣта Амеша-Спентовъ и въ ихъ отношенія къ своему главѣ и создателю, не лишнее будетъ разсмотрѣть ихъ порознь, въ ихъ первоначальномъ значеніи и дальнѣйшемъ развитіи:

1) Ахура-Мазда, Спента-Маинью, «Святой Духъ», несотворенный, творецъ всего существующаго.

2) Воху-Мано, Благомысліе: это—то состояніе душевное, которое ведетъ къ миру и благоволенію ко всѣмъ людямъ и всей твари вообще, и даетъ мудрую умѣренность и примиренность. Впослѣдствіи этотъ духъ сдѣлался покровителемъ скота, такъ какъ скотоводство—занятіе въ высшей степени мирное и благодушное, могущее процвѣтать лишь въ мирное время.

3) Аша-Вахишта, «Превосходная» или «Совершенная Святость», соблюдающая во всѣхъ отношеніяхъ, «въ дѣлѣ, словѣ, помышленіяхъ», Законъ Мазды, въ особенности относительно религіозныхъ отправленій; впослѣдствіи — покровитель Огня, какъ воплощеніе чистоты и богослуженія, обрядности и священнодѣйствія; въ сущности, это—самъ Законъ, управляющій вселенной.

4) Кхшатра-Ваирія, «Преблагое Владычество»,—власть иже отъ Бога, и потому благодѣтельная, справедливая, милосердая, блюстительница порядка и Закона. Впослѣдствіи—покровительница металловъ, вѣроятно потому, что царская власть искони присваиваетъ богатства, добываемыя изъ нѣдръ земли, особенно золото и серебро.

5) Спента-Армаити «Святое Благочестіе», терпѣливое смиренномудріе. Также олицетворенная Земля, или Духъ Земли; — это воплощеніе весьма древнее; мы его находимъ уже въ Гатахъ. Это единственный духъ женскаго рода; полъ, свойства, самое имя легко объясняются смут-

нымъ воспоминаніемъ о существующемъ въ Риг-Ведѣ довольно туманномъ божествѣ, Арамати, которая, также какъ и младшая ея иранская соименница, олицетворяетъ и Землю, и благочестіе.

6 и 7) Хаурвататъ и Амеретатъ, «Здравіе и Безсмертіе»; эта божественная чета почти никогда не упоминается и не призывается порознь; умственнымъ процессомъ, въ которомъ соединяются логика и поэзія, ей нераздѣльно ввѣряется должность хранителей водъ и растеній. Оздоровляющія и цѣлебныя свойства чистой, живой воды, животворное воздѣйствіе ея на растительность, которую ея же начало,—влага,—вызываетъ къ жизни, все это естественно должно было внушить мысль ввѣрить земныя воды попеченіямъ генія Здравія; деревья же и вообще растенія, по присущему имъ началу вѣчно обновляющейся жизненности, всегда представляли лучшій символъ безсмертія. И каждый, кто путешествовалъ по сухимъ, безплоднымъ землямъ, гдѣ самый ничтожный ручеекъ украшенъ каймой зелени, иногда не шире самого ручья, гдѣ нѣтъ того родника или колодца, надъ которымъ не простирали бы свою тѣнь пальма или чинаръ, вполнѣ оцѣнитъ вѣрность идеи, соединяющей растеніе и питающую его стихію въ единую нераздѣльную чету «Хаурвататъ и Амеретатъ»; они, кромѣ того, якобы сообщаютъ пищѣ ея пріятный вкусъ.

Ахура-Мазда—первый изъ Амеша-Спентовъ и творецъ остальныхъ.

15.—Изъ разныхъ мѣстъ ясно до очевидности, что Амеша-Спенты первоначально не были отдѣлены отъ Ахура-Мазды, а составляли съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое. Такъ Ахура-

Мазда однажды на вопросъ Заратуштры: «которое изъ всѣхъ святыхъ словъ самое мощное, самое дѣйствительное, вѣрнѣе всѣхъ разитъ бѣсовъ?» отвѣчаетъ:

«Наше имя, о Спитама Заратуштра! наше, Амеша-Спентовъ; это—самая мощная часть Святого Слова, самая побѣдоносная, самая славная, самая дѣйствительная, самая для бѣсовъ смертоносная, самая цѣлебная...» (Іештъ I.)

Убѣдительнѣе всѣхъ слѣдующее мѣсто:

«.... Свѣтозарные семь... единые помышленіемъ, рѣчью, дѣломъ... *чей родитель и повелитель единый, а именно, Творецъ, Ахура - Мазда*, видящіе другъ у друга души, думающіе о благихъ помышленіяхъ, о благихъ рѣчахъ, о благихъ дѣлахъ, размышляющіе о Гаро-нманѣ, шествующіе свѣтлыми путями. Они же создатели и правители, зиждители и смотрители, блюстители и хранители твореній Ахура-Мазды...» (Іешты XIII и XIX).

Слова курсивомъ очевидно прибавлены, когда представленіе о верховенствѣ Ахура-Мазды достигло до высоты почти совершеннаго единобожія, такъ что не допускалась никакая Сила не созданная имъ, хотя бы и раздѣляющая съ нимъ актъ творенія. Такъ, въ одно изъ видѣній, которыхъ сподобился пророкъ, Ахура - Мазда представляетъ ему Безсмертныхъ, порознь и поименно: «Се Вòху - Мано, мое созданіе, о Заратуштра! «Се Аша - Вахишта, мое созданіе, о Заратуштра! и т. д. (Іештъ I). Въ силу той же позднѣйшей мысли, онъ говоритъ о Миѳрѣ, своемъ бывшемъ товарищѣ, столь же ему равномъ, какъ древне-арійскій Митра равенъ Вàрунѣ: — «Поистинѣ, *когда я создавалъ Миѳру*, владыку обширныхъ пастбищъ, я создалъ его такимъ же достойнымъ поклоненія и жертвоприношенія, какъ и я самъ,

Ахура-Мазда.» Такъ, далѣе, согласно съ идеей, постепенно овладѣвшей маздеизмомъ, имя каждаго бога, какъ бы ни былъ онъ могуществен и высокопочитаемъ, часто сопровождается, въ видѣ напоминанія, эпитетомъ: «созданный Ахурою», что̀ равносильно нашему выраженію «богосозданный». Кончилось тѣмъ, что всѣхъ этихъ «созданныхъ» боговъ совсѣмъ перестали называть богами, а собрали, вмѣстѣ со всѣми благодѣтельными дȣ̀хами, подъ одно общее названіе: Язата,—Изеды или ангелы нынѣшнихъ парсовъ. Миѳра, Вереѳрагна, Сраоша, Атаръ,—это все Язаты такъ же, какъ и солнце, луна и всѣ добрые дȣ̀хи, все равно воплощаютъ ли они силы природы или отвлеченности. Число ихъ безконечно.

«Когда солнечный свѣтъ становится жарче... тогда возстаютъ небесные Язаты, сотнями и тысячами... они разливаютъ сіяніе его по богосозданной землѣ» (буквально: «созданной Ахурою»).

Всѣ они пребываютъ въ «безпредѣльномъ Свѣтѣ», вѣчномъ и несотворенномъ; это—«Гаронмана, обитель Ахура-Мазды, обитель Амеша-Спентовъ, обитель всѣхъ другихъ святыхъ существъ.»

Атаръ—Огонь, преемникъ арійскаго Агни.

16. Какъ Ахура-Мазда навѣрно нѣкогда самъ былъ единственный «Святой Безсмертный», такъ названіе это вѣроятно было дано и другимъ благимъ существамъ, прежде чѣмъ святость числа *семь*, а можетъ-быть и смутное воспоминаніе о древне-арійскихъ Адитьяхъ, главой которыхъ былъ Ва̀руна (см. стр. 48), заставило отказать въ немъ всѣмъ, кромѣ Ахура-Мазды и его шести

двойниковъ. Въ одномъ мѣстѣ Атаръ именуется «наиболѣе готовымъ на помощь изъ Амеша-Спентовъ». Но это—одинокій, любопытный пережитокъ. Настоящее, подобающее ему величаніе—«Сынъ Ахура-Мазды», и «Величайшій Язата». Онъ—самый близкій къ человѣку; сидитъ, такъ сказать, на очагѣ; имъ держится семья и даже государство; поэтому его призываютъ, съ нимъ говорятъ съ почтительной нѣжностью, съ любовной фамильярностью, которая трогаетъ самой своей наивностью. Напримѣръ:

«Атаръ, сынъ Ахура-Мазды, возвышаетъ голосъ и обращается къ тѣмъ, для кого онъ готовитъ утромъ и вечеромъ завтракъ и ужинъ. Отъ всѣхъ отъ нихъ онъ желаетъ получить приношеніе... Атаръ глядитъ на руки всѣмъ проходящимъ: 'Что́ несетъ другу другъ? Уходящій и приходящій что несетъ сидящему неподвижно?' И если проходящій со святыми помышленіями приноситъ ему дрова, тогда Атаръ, сынъ Ахура-Мазды, довольный имъ и не гнѣвный, накормленный по желанію своему, изречетъ ему такое благословеніе: 'Да выростутъ у тебя стада воловъ и много сыновей!... Да пребудешь ты въ радости душевной всѣ дни жизни твоей!' Таково благословеніе, которое Атаръ изречетъ тому, кто принесетъ ему сухихъ дровъ, тщательно осмотрѣнныхъ при дневномъ свѣтѣ, хорошо очищенныхъ съ благочестивой заботливостью».

На жрецовъ, — Атрабановъ, составлявшихъ особое, высоко чтимое сословіе,—возлагалось попеченіе о священномъ огнѣ въ мѣстахъ общественнаго богослуженія; но, кромѣ того, каждому домохозяину ставилось первымъ религіознымъ долгомъ ухаживать за огнемъ на собственномъ очагѣ, содержать его въ чистотѣ, не давать ему никогда ни засориться, ни потухнуть. Задача эта

не такъ проста, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, потому что предписывается питать пламя не только постоянно, день и ночь, но и съ особенной, щепетильной заботливостью, подкладывая малыя количества мелко наколотыхъ, самыхъ лучшихъ дровъ, почти щепокъ, отчасти благовонныхъ (напримѣръ, сандаловыхъ), «тщательно осмотрѣнныхъ при дневномъ свѣтѣ и хорошо очищенныхъ», такъ, чтобы никакія нечистоты не могли осквернить святую стихію. Кромѣ того, добрый маздаясніецъ долженъ вставать три раза въ ночь (парсы и теперь это соблюдаютъ), присмотрѣть за огнемъ. Вотъ что объ этомъ значится въ Писаніи:

«Въ первой часги ночи Атаръ, сынъ Ахура-Мазды, призываетъ на помощь домохозяина, говоря: 'Возстань, домохозяинъ! опоясывайся и облекайся, умой руки, напили дровъ, принеси мнѣ, чтобы я ясно горѣлъ отъ чистыхъ дровъ, принесенныхъ твоими чисто вымытыми руками. Се идетъ Аджи (Злой Змій, Тьма), твореніе дэвовъ, бороться со мною: онъ хочетъ прекратить мое бытіе'».

То же повторяется «во второй части ночи», и «въ третьей».

Хварено—„Царственное Сіяніе“.

17. — Въ упорной, непримиримой враждѣ между Зміемъ Аджи и Атаромъ мы легко узнаемъ борьбу между древне-арійскимъ Зміемъ Ахи и богомъ Молніеносцемъ. Въ одной изъ иранскихъ версій этой борьбы, весьма драматичной по формѣ, послѣдній даже получаетъ имя, присвоенное ему въ Риг-Ведѣ: «Сынъ Водъ», и называется безралично то Атаръ, то Апанмъ-Напатъ (см. стр. 53); оба вѣковѣчные противника сражаются изъ-за свѣта, который скрывает-

ся въ морѣ Вуру-Каша (Облачномъ Морѣ). Превращеніе, которому этотъ простой миѳъ,—одинъ изъ наидревнѣйшихъ,—подвергается отъ одухотворяющаго процесса иранскаго мышленія, весьма замѣчательно: свѣтъ, первоначально понимаемый въ самомъ буквальномъ смыслѣ, превращается въ таинственное священное Сіяніе,—Хварено, видимое, золотистое, которымъ окружены голова и плечи лицъ, обладающихъ имъ, въ родѣ того, какъ окружены имъ святые и ангелы въ нашей живописи*). Это—«грозное Царственное Сіяніе», по всей вѣроятности, отблескъ того предвѣчнаго, несотвореннаго, космическаго свѣта, въ которомъ пребываетъ Богъ; оно присвоено, во-первыхъ, Ахура-Маздѣ, Амеша-Спентамъ и всѣмъ Язатамъ, затѣмъ «арійскимъ народамъ, рожденнымъ и еще нерожденнымъ», наконецъ, каждому законному арійскому государю, въ знакъ божественной благодати, а можетъ-быть, въ миѳическія времена, и божественнаго происхожденія. Тому, къ кому оно «пристало», обезпечены: богатство, владычество, всякое благополучіе; самъ неодолимый, онъ одолѣваетъ всякаго врага. Но Хварено не поддается ни насилію, ни чужеродцамъ; лишь только осѣненный имъ государь скажетъ ложь, оно немедленно отъ него уходитъ. Очень занимателенъ разсказъ (въ Гештахъ) о «многохитростномъ туранскомъ ворѣ, Франграсіанѣ», который трижды разоблачился до-нага и погрузился въ море Вуру-Каша, думая схватить Царственное

*) См. изображеніе Зороастра, стр. 29 и 31.

Сіяніе, подобающее однимъ арійскимъ народамъ. Сіяніе каждый разъ ускользало отъ него, такъ что онъ, наконецъ, «выскочилъ изъ моря Вуру-Каша, думая злую думу и долженъ былъ, скрѣпя сердце, сознаться: «Я не могъ схватить Сіяніе, которое подобаетъ арійскимъ народамъ, рожденнымъ и еще не рожденнымъ, да святому Заратуштрѣ». Остроумное, полумиѳическое, полуаллегорическое описаніе неудачныхъ туранскихъ нашествій!

Тиштрія, иранскій богъ-грозовикъ и первая изъ звѣздъ.

18. — Но иранскій грозовикъ — Тиштрія, звѣзда Сиріусъ. У иранцевъ дожди прелюбопытно связывались съ нѣкоторыми извѣстными звѣздами, которыя, будто бы, содержали въ себѣ «сѣмена водъ». Надъ ними,—да и чуть ли не надъ всѣми звѣздами,—«начальникомъ» (*рату*) поставленъ Тиштрія:

«Мы жертвуемъ Тиштріѣ, свѣтлой, преславной звѣздѣ, движущейся среди свѣта со звѣздами, имѣющими въ себѣ сѣмена водъ, котораго Ахура-Мазда поставилъ господиномъ и надзирателемъ надъ всѣми звѣздами.» (Іештъ VIII).

Тиштрія завѣдуетъ каникулярными днями, за которыми, въ жаркихъ климатахъ, немедленно слѣдуютъ проливные дожди. Поэтому, восхожденіе его страстно призывается жителями края, гдѣ рѣчки питаются одними дождями и высыхаютъ въ бездождное время, большинство же ихъ даже не течетъ въ большія рѣки или озера, а просто всасывается жадными песками пустыни.

«Мы жертвуемъ Тиштріѣ, свѣтлой, преславной звѣздѣ, появленія которой страстно желаютъ стада, табуны и люди, ожидающіе его и обманутые въ надеждѣ. Когда узримъ

мы восходъ его, Тиштріи, свѣтлой, преславной звѣзды? Когда ключи побѣгутъ струею съ лошадь толщиной, и еще толще? Или никогда этого не будетъ?'.

«Мы жертвуемъ Тиштріѣ, свѣтлой, преславной звѣздѣ, появленія которой страстно желаютъ стоячія воды, и проточныя, ключевыя воды, рѣчныя воды и воды дождевыя. 'Когда для насъ взойдетъ Тиштрія, свѣтлый и преславный? Когда ключи, струею полной и переполной, толщиною съ лошадиное плечо, побѣгутъ въ прекрасныя мѣста и нивы, и въ пастбища, и проникнутъ до самыхъ корней злаковъ. дабы они росли могучимъ ростомъ?'.

«Мы жертвуемъ Тиштріѣ, свѣтлой и преславной звѣздѣ, восхода которой ждутъ-высматриваютъ люди, живущіе плодами годовыми, вожди многоразумные; дикіе звѣри въ горахъ, домашній скотъ, что бѣгаетъ по полямъ; всѣ они высматриваютъ его, восходящаго надъ землею, на добрый годъ или на дурной, думая про себя: 'Какой-то въ арійскихъ земляхъ будетъ урожай?'».

Каникулярные дни — самые жаркіе и сухіе въ году. Это — пора великой битвы Тиштріи противъ бѣса Засухи, Апаоша, и въ этой битвѣ онъ не разъ терпитъ временное пораженіе, прежде чѣмъ выходитъ изъ нея окончательно побѣдителемъ. Онъ является въ трехъ разныхъ видахъ: первыя десять ночей въ видѣ прекраснаго юноши, вторыя десять въ видѣ златорогаго быка, а послѣднія десять ночей въ видѣ чуднаго бѣлоснѣжнаго коня съ золотыми ушами и золотымъ чепракомъ. Въ этомъ видѣ онъ выдерживаетъ послѣдній бой съ бѣсомъ, который кидается на него у Облачнаго Моря,—Вуру-Каша,—обернувшись въ некрасиваго чернаго коня, съ черными ушами и хвостомъ.

«Они встрѣчаются копытомъ къ копыту... Три дня бьются они. Тутъ дэвъ Апаоша оказывается сильнѣе свѣтлаго и

преславнаго Тиштрія: онъ одолѣваетъ его. И Тиштрія бѣжитъ отъ моря Вуру-Каша... Онъ испускаетъ вопль горести и тоски...» (Іештъ VIII).

Вопитъ онъ людямъ, чтобъ несли ему жертвы, чтобъ «несли ему силу», и, получивъ желаемое, бросается назадъ къ морю Вуру-Каша. Но только при третьей встрѣчѣ онъ окончательно побиваетъ чернаго коня.

«Море подъ нимъ кипитъ-бурлитъ; волны бушуютъ туда-сюда... Волны моря перекипаютъ черезъ края его; вся середина его клокочетъ... И поднимаются пары надъ серединой моря Вуру-Каша... Тогда вѣтеръ пригоняетъ тучи, приноситъ оплодотворяющія воды, и желанные ливни орошаютъ ширь земную; они разливаютъ благодать по всѣмъ семи Каршварамъ...» (Тамъ же).

„Фраваши", преемники арійскихъ Питри.

19.—Но воды все же не хватаетъ для всѣхъ арійскихъ земель, и распредѣленіе ея подаетъ поводъ къ новому столкновенію, но уже между небесными ратниками,—душами умершихъ, которыхъ Авеста называетъ Фраваши Вѣрующихъ. (Имъ соотвѣтствуютъ въ Индіи Питри, «Отцы». См. стр. 63—64).

«Добрые, сильные, благодѣтельные Фраваши вѣрующихъ, въ мѣдныхъ шлемахъ, съ мѣднымъ оружіемъ, въ мѣдныхъ доспѣхахъ, сражаются въ свѣтотканныхъ одѣяніяхъ, выстраивая полчища свои для брани, и ведутъ ихъ—избивать тысячи дэвовъ...

«Когда воды поднимаются изъ моря Вуру-Каша... тогда являются грозные Фраваши вѣрующихъ, много-много сотенъ, много-много тысячъ, много-много десятковъ тысячъ, добывая воду для своей родни, для своего селенія, для своего города, для своей земли, и говоря: 'Пусть нашей землѣ достанется хорошій запасъ и полная радость!'

«Они участвуютъ въ сраженіяхъ въ своей землѣ, въ своей родинѣ, каждый за свою родную землю, за свой родной домъ, гдѣ онъ нѣкогда жилъ; на видъ они что доблестный воинъ,

который, препоясанный и вѣрный долгу, бьется за накопленное имъ сокровище.

«И тѣ изъ нихъ, которые побѣждаютъ, несутъ воду своей роднѣ, своему селенію, своему городу, своей землѣ, говоря: 'Пусть моя родина растетъ и прибываетъ!'».

Отношеніе Фраваши къ живущимъ.

20.—Полагается, что Фраваши помогаютъ своимъ и въ ихъ земныхъ войнахъ и вообще всячески пекутся о благѣ «вещественнаго міра». Поэтому расчетъ столько же, какъ и любовь, побуждаетъ потомковъ чествовать ихъ и дарить. Они притомъ очень невзыскательны. По существу своему они добры, любятъ благодѣтельствовать. «Дружба ихъ хороша и долговѣчна; они охотно остаются въ жилищѣ, гдѣ ихъ домочадцы не обижаютъ»; никогда они «первые не обидятъ», но «гнѣвъ ихъ страшенъ для тѣхъ, кто имъ досаждаетъ». Послѣдніе дни года (отъ 1-го до 10-го марта по-нашему) спеціально посвящены имъ, и въ эти дни—

«... они ходятъ по селеніямъ... ходятъ десять ночей, вопрошая: 'Кто станетъ славить насъ? Кто принесетъ намъ пожертвованія? Кто вспомнитъ, подумаетъ о насъ? Кто насъ благословитъ? Кто встрѣтитъ насъ съ явствами и одеждами, и съ молитвой, достойной блаженства? Котораго изъ насъ имя будетъ призываться?..' И кто имъ принесетъ жертву, кто встрѣтитъ ихъ съ явствами и одеждами, и съ молитвой, достойной блаженства, того человѣка грозные Фраваши вѣрующихъ, довольные и ублаженные, благословляютъ такъ: 'Да будутъ въ домѣ семъ стада скота и множество людей! Да будетъ тутъ быстрая лошадь и прочная телѣга! Да будетъ тутъ мужъ, умѣющій славить Бога и властвовать въ своемъ собраніи!'»

Жадность всѣхъ боговъ къ жертвоприношеніямъ.

21.—Не одни Фраваши такъ открыто и беззастѣнчиво выпрашиваютъ дары и приношенія. Грозовикъ Тиштрія, какъ мы видѣли выше,

«вопитъ», чтобы «ему несли силу», приносили бы ему жертвы, когда его одолѣваетъ бѣсъ Засухи, Апаоша. Такъ и Миѳра, желая запастись силами для исполненія возложенной на него работы, взываетъ къ Ахура-Маздѣ:

«Кто принесетъ мнѣ жертву?.. Если бы люди поклонились мнѣ жертвою, призывая имя мое, какъ поклоняются они прочимъ Язатамъ... я бы приходилъ къ вѣрующимъ въ положенное время моего прекраснаго, безсмертнаго бытія».

Ардви-Сура Анахита, выѣзжая на колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми конями, которыми она сама правитъ, желаетъ поклоненія людей, и думаетъ въ своемъ сердцѣ: «Кто будетъ славить меня? Кто принесетъ мнѣ жертву съ возліяніями, чисто приготовленными и хорошо процѣженными, вмѣстѣ съ мясомъ и сокомъ Хаома?».

Древне-арійское представленіе о дѣйствительности, о принудительной силѣ жертвоприношенія сильно сказывается въ Авестѣ: не только знаменитые миѳическіе богатыри жертвуютъ разнымъ божествамъ сотни и тысячи быковъ, лошадей, овецъ и барановъ,—особенно Хаомѣ, Ваю, и Ардви-Сурѣ Анахитѣ, испрашивая какую-нибудь необычайную милость, но боги другъ другу приносятъ жертвы на Святой Горѣ Березаити. Самъ Ахура-Мазда не составляетъ исключенія, и приноситъ жертву то тому, то другому божеству (имъ же созданному!), чтобы заручиться его содѣйствіемъ въ охранѣ «вещественнаго міра» отъ Силъ Зла. Такая бьющая въ глаза несообразность объясняется единственно различными стадіями, чрезъ которыя прошла иранская религія,

почитавшая Ахура-Мазду за такого же бога, какъ и прочіе, прежде чѣмъ признала въ немъ Единаго Верховнаго Бога и Творца.

„Ахуна-Вайрья", чудодѣйственная молитва.

22.—Вѣра въ заклинательную силу молитвъ и священныхъ текстовъ,—Мантръ,—тоже не вывелась въ иранскій періодъ. Мантра безпрестанно упоминается и призывается, какъ божественная *личность*. Въ число такихъ текстовъ входятъ Гаты и еще нѣкоторыя молитвы, которыя считаются особенно священными и чудотворными. Но самая могучая заклинательная сила, самая цѣлебная, «бѣсо-убійственная», пребываетъ въ одной молитвѣ, которую парсы неправильно называютъ Хоноверъ, а Авеста—Ахуна-Вайрья. Эту знаменитую молитву набожный парсъ и теперь читаетъ десятки разъ въ день, при всевозможныхъ случаяхъ. Она составлена такимъ темнымъ языкомъ, что вполнѣ удовлетворительнаго перевода ея до сихъ поръ не удалось сдѣлать, хотя каждый спеціалистъ по авестской наукѣ пробовалъ ее переводить. Разногласія между различными переводами настолько значительны, и настоящій смыслъ этой молитвы настолько еще невѣренъ, что едва возможно сдѣлать между ними выборъ, всѣ же приводить—только спутаются понятія, и никакого яснаго представленія не получится. Самая сумасбродная волшебная сила приписывается этому священному тексту, который Ахура-Мазда, будто бы, первый произнесъ «до сотворенія имъ неба, водъ, растеній, четвероногихъ коровъ и святого, двуногаго человѣка, и до сотворенія солнца», и открылъ

Заратуштрѣ, который первый возвѣстилъ его смертнымъ людямъ:

«Слово сіе,—Ахура-Мазда, якобы, говоритъ пророку:—слово сіе есть самое мощное изъ всѣхъ словъ, когда-либо изреченныхъ, или нынѣ изрекаемыхъ, или имѣющихъ быть изреченными впредь, ибо превосходство его таково, что если бы все плотью облеченное и одушевленное твореніе заучило его и, заучивъ, крѣпко бы за него держалось, оно избавилось бы отъ смертности!».

Священныя имена Ахура-Мазды, Амеша-Спентовъ и нѣкоторыя другія тоже обладаютъ заклинательной силой.

„Мантра", — священное „Слово",—оружіе противъ духовныхъ бѣсовъ— дурныхъ качествъ души.

23.—Процессъ аллегорическаго превращенія, постепенно захватывавшій всю миѳическую систему иранскаго миросозерцанія, здѣсь нашелъ самую благодарную почву. Колдовскія заклинанія, извергаемыя противъ бѣсовъ, изображающихъ вредныя силы матерьяльной природы, превратились въ духовное оружіе молитвы и повиновенія священному закону, направляемое безошибочно и успѣшно противъ духовныхъ бѣсовъ: Гнѣва, Насилія, Алчности, Лѣни, и, главное, противъ Духа Лжи, обитающихъ въ груди каждаго человѣка. Это и есть та палица, вѣчно занесенная надъ дэвами, которую несетъ Язата Сраоша (олицетворенное Послушаніе Закону Мазды), — тотъ, «чье самое тѣло есть Законъ» и кто, поэтому, есть самый неутомимо воинствующій противникъ дэвовъ. Въ этомъ смыслѣ говорится о молитвѣ Ахуна-Ваирья, что она способна побить бѣсовъ «такъ жестоко, какъ камень, величиною съ домъ». Самъ Врагъ, если услышитъ ее, жмется, корчится, извивается, и прячется въ нѣдра земли.

Ангра-Майнью,— Злой Духъ,— противникъ Ахура-Мазды. Ихъ вѣчная борьба.

24.—Врагъ этотъ—не кто иной, какъ Ахи, миѳическій древне-арійскій Змѣй, сидящій въ крѣпостяхъ, въ которыхъ содержатся въ заперти похищенныя коровы или женщины, у иранцевъ Аджи-Дахака («Зубастый Змѣй»), котораго коснулся волшебный жезлъ духовнаго превращенія, такъ что онъ уже олицетворяетъ нравственное Зло во всей его гнусности и всемъ безобразіи, и получаетъ названіе Ангра-Майнью («Духъ Губитель»). Названіе это въ (позднѣйшей, сильно извращенной, но болѣе употребительной, греческой формѣ—Ариманъ), несомнѣнно было когда-то однимъ изъ эпитетовъ первичнаго Змѣя. Систематизація вошла въ привычку у иранцевъ, а такъ какъ всякая система, по своей искусственности, требуетъ симметріи, то оно обратилось въ отдѣльную личность — въ архи-бѣса, прямую противоположность «Святого Духа» Спента-Майнью, или Ахура-Мазды: одинъ— весь Свѣтъ, Добро, Правда, Жизнь; другой— весь Тьма, Зло, Ложь, Смерть. И вотъ отнынѣ мирозданіе раздѣлилось между ними. Оба обладали творческой силой, и все, что̀ есть хорошаго, въ матерьяльномъ и въ духовномъ мірѣ, сотворилъ Спента-Майнью; все, что̀ есть дурного — Ангра-Майнью. Такимъ образомъ простодушные, но глубокіе мыслители выпутались изъ страшно трудной задачи: объяснить существованіе въ мірѣ Зла. Они не постигали необходимости Зла и поэтому никакъ не могли допустить, чтобы и оно было твореніемъ Всемудраго и Всеблагого Существа. Оба духа, по ихъ понятіямъ, должны были

существовать съ предвѣчныхъ временъ, совмѣстно, но независимо одинъ отъ другого; вселенная же и жизнь, такія, какими мы ихъ видимъ, суть не что иное, какъ проявленіе ихъ вѣчной вражды и борьбы. Когда народная душа достигла до такой высоты умозрѣнія, она созрѣла для пророка, которому оставалось оформить постепенно развернувшееся новое сознаніе и сдѣлать изъ него твердую Вѣру, очистивъ его и отдѣливъ отъ все еще приставшихъ къ нему шлаковъ исконнаго миѳа, тормозившаго свободный ходъ стремленій неувѣреннаго въ себѣ народнаго духа.

Героическій миѳъ о Йимѣ—преемникѣ арійскаго Ямы.

25.—Заглавіе настоящей главы, собственно говоря, требовало бы обзора тѣхъ арійскихъ миѳовъ, которые легли въ основу иранскаго героическаго эпоса, одного изъ богатѣйшихъ въ мірѣ, насколько они нашли мѣсто въ Авестѣ. Такихъ много, но въ слишкомъ отрывочномъ видѣ; притомъ такой обзоръ увлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы, положенные настоящему труду. Одинъ изъ такихъ миѳовъ, однако, переданъ въ замѣчательной цѣлости, хотя составныя его части разбросаны по разнымъ мѣстамъ сборника. Это—исторія перваго царя, Йимы, — иранская версія арійскаго миѳа о Ямѣ, первомъ смертномъ человѣкѣ и, впослѣдствіи, владыкѣ Мертваго Царства (см. стр. 62—63). Сама повѣсть очень древняя, но въ пересказѣ замѣтны слѣды позднѣйшей обработки. Однако приходится передать ее такою, какою мы ее находимъ, чтобъ не испортить придирками и разборомъ.

«О, творецъ вещественнаго міра!—вопрошаетъ

Заратуштра Ахура-Мазду: — кто былъ первый смертный человѣкъ до меня, съ которымъ Ты бесѣдовалъ, котораго Ты самъ училъ закону?» — Ахура-Мазда отвѣчаетъ: — «Красавецъ Йима, великій пастырь», — и затѣмъ повѣствуетъ, какъ онъ предложилъ Йимѣ быть проповѣдникомъ и носителемъ его закона между людьми, но Йима отказался, не считая себя достойнымъ. Тогда Ахура-Мазда повелѣлъ ему править міромъ, и радѣть о немъ, и дать людямъ счастіе. Йима согласился, и Ахура-Мазда вручилъ ему золотое кольцо и кинжалъ *). Йима принесъ жертвы, на святой вершинѣ Хукаирья, Ардви-Сурѣ Анахитѣ, Хаомѣ, Ваю, испрашивая у нихъ разныя милости, которыя боги и даровали ему. Онъ сдѣлался верховнымъ владыкой надъ всѣми землями и правилъ не только людьми, но и дэвами, и священное Хварено (Маздово Царственное Сіяніе) осѣняло чело его. Тогда на землѣ былъ золотой вѣкъ. Въ его царствованіе не было ни стужи, ни зноя, ни холодныхъ, ни жаркихъ вѣтровъ, ни старости, ни хворости, ни смерти, и было великое обиліе стадъ и великое плодородіе на богосозданной землѣ. Ни скотъ, ни люди не болѣли и не умирали, растенія и воды не гибли отъ засухи; отцы и дѣти расхаживали по міру одинаково совершенные ликомъ и станомъ, въ образѣ пятнадцатилѣтнихъ юношей. Такъ было все время пока Йима правилъ, а правилъ онъ ровно ты-

*) У Дарместетера. Де-Гарлé (De-Harlez) переводитъ: «золотой плугъ и золотое бодило» (какимъ воловъ погоняютъ).

сячу лѣтъ. Когда прошло триста лѣтъ, земля такъ переполнилась стадами, людьми, собаками и птицами, и багровыми, пылающими огнями, что не было болѣе мѣста на ней для людей и стадъ. Тогда Йима, по указанію Ахура-Мазды, ударилъ землю кольцомъ и вонзилъ въ нее кинжалъ, произнося такія слова: — «О, Спента-Армаити! («святая земля»), разверзись милостиво и раздвинься, дабы ты могла снести еще стада и людей». И земля, по просьбѣ Йимы, стала на одну треть больше прежняго, и по его желанію народились еще стада и люди, сколько онъ захотѣлъ. Когда прошло еще триста лѣтъ, Йима опять попросилъ землю раскрыться и раздвинуться, и опять, когда прошло всего девятьсотъ лѣтъ его правленія, и каждый разъ земля расширялась на одну треть. Когда окончилось тысячелѣтіе его правленія, Ахура-Мазда созвалъ великій соборъ въ Айрьяна-Вэджѣ и самъ явился туда со всѣми богами; туда же пришелъ и Йима, со всѣми лучшими изъ смертныхъ.

«И Ахура-Мазда обратился къ Йимѣ съ такою рѣчью: 'О, красавецъ Йима, сынъ Вивангвата! На вещественный міръ скоро нападутъ роковыя зимы, которыя принесутъ суровые морозы; снѣгъ выпадетъ густыми хлопьями и глубокими сугробами ляжетъ на высшихъ вершинахъ горъ. И погибнутъ всѣ три разряда животныхъ: тѣ, что живутъ въ дикихъ мѣстахъ, и тѣ, что живутъ на вершинахъ горъ, и тѣ, что живутъ въ долинѣ подъ теплымъ кровомъ. Теперь, пока не настала та зима, поля способны производить много травы для скота; потомъ же, когда пойдутъ разливаться рѣки и станутъ таять снѣга, счастливою сочтется та земля, гдѣ можно будетъ видѣть слѣды копытцовъ хотя бы овецъ. Поэтому, сооруди ты себѣ *Вару* («ограду»)...»

Слѣдуютъ подробныя до мелочей наставленія: «Ты сдѣлаешь то-то и то-то, такъ-то и такъ-то»; и, когда они выполнены, результатъ описывается въ тѣхъ же точно словахъ, съ одной лишь разницей, что въ глаголахъ будущее время замѣняется прошедшимъ, — обычный пріемъ всѣхъ древнихъ эпическихъ повѣствованій:

«И Йима соорудилъ Вару... людямъ жилье, стадамъ убѣжище. Тамъ онъ провелъ воды въ русло, шириной съ *хатру* (около 1½ версты); тамъ онъ размѣстилъ птицъ по вѣчнымъ берегамъ, на которыхъ растетъ неистощимый запасъ пищи. Тамъ онъ устроилъ жилища... Туда онъ принесъ сѣмена мужчинъ и женщинъ *), самыхъ крупныхъ, лучшихъ, красивѣйшихъ породъ, имѣющихся на землѣ; туда же онъ принесъ сѣмена всякаго рода скота, самыхъ крупныхъ, лучшихъ, красивѣйшихъ породъ; туда же онъ принесъ сѣмена всякаго рода деревьевъ, самыхъ крупныхъ, лучшихъ, красивѣйшихъ видовъ; туда же онъ принесъ сѣмена всякаго рода плодовъ, самыхъ питательныхъ, сладкихъ и душистыхъ. Всѣ эти сѣмена онъ принесъ, по два каждаго вида, чтобъ хранить ихъ неистощимыми въ Варѣ, пока въ Варѣ будутъ проживать эти люди. И не было тамъ ни горбатыхъ, ни брюхатыхъ; ни слабосильныхъ, ни слабоумныхъ; не было ни бѣдности, ни лжи, ни подлости, ни ревности; не было ни гнилозубыхъ, ни прокаженныхъ, подлежащихъ заточенію; не было никакихъ тѣхъ изъяновъ, которыми Ангра-Майнью клеймитъ тѣла смертныхъ... Каждый сороковой годъ, у каждой четы рождается пара, мальчикъ и дѣвочка. Также и у вся-

---

*) Въ буквальномъ смыслѣ,—чтобы посадить ихъ въ землю, изъ которой они выростутъ въ свое время. Позднѣйшая космогонія Бундахиша учитъ, что первая человѣческая чета выросла въ видѣ куста, потомъ расцвѣла въ образъ человѣческій и—раздвоилась. Полагается, что и животныя всѣ первоначально произросли изъ сѣмени. Мы упомянули выше о повѣріи, что звѣзды содержатъ «сѣмена водъ».

каго рода скота, и люди въ Варѣ, сооруженной Йимой, ведутъ счастливѣйшую жизнь...»

По нѣкоторымъ комментаторамъ, люди живутъ тамъ полтораста лѣтъ, по другимъ—не умираютъ никогда. Послѣдніе ближе подходятъ къ миѳической правдѣ, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Вара иранскаго Йимы первоначально соотвѣтствовала блаженной обители индусскаго и древне-арійскаго Ямы, а жители ея—душамъ умершихъ, Питрамъ. Въ Авестѣ добавляется, — (очевидно позднее прибавленіе къ древнему миѳу),—что дивная птица принесла законъ Мазды въ Вару и тамъ проповѣдывала его. Въ миѳическихъ легендахъ Индіи встрѣчается много подобныхъ мудрыхъ и одаренныхъ рѣчью птицъ.

Паденіе Йимы.

26. — Есть еще другая версія конца земной жизни Йимы—вполнѣ человѣческая и очень трагическая; она принята въ иранскій героическій эпосъ; упоминается и въ Авестѣ. Насталъ горькій день, когда Йима согрѣшилъ и палъ. Онъ «началъ прельщаться словами лживыми и неправдой». Просто-на́-просто — онъ солгалъ. Но какая это была ложь, не сказано въ Авестѣ. Эпическое преданіе пополняетъ этотъ пробѣлъ. Видя людей и дэвовъ подвластными ему, онъ возгордился, вознесся сердцемъ и объявилъ себя божествомъ. Съ этой минуты божественное Сіяніе,—Хварено,—отлетѣло отъ него въ видѣ во́рона (одинъ изъ видовъ, которые иногда принимаетъ Веретрагна, геній Побѣды). Кромѣ того, Йима научилъ людей убивать безвинныхъ жи-

вотныхъ и ѣсть ихъ мясо, — а это тоже было тяжкимъ прегрѣшеніемъ. Трижды Сіяніе покидало его. Онъ лишился владычества, странствовалъ по міру отверженцемъ, и, наконецъ, жалкимъ образомъ погибъ: согласно Авестѣ, родной братъ распилилъ его на-двое; согласно эпической легендѣ, это сдѣлалъ его смертельный врагъ, злой похититель власти, туранецъ Зохакъ (персидская, извращенная форма имени «Аджи-Дахакъ»): первородный Змѣй, подобно прочимъ дѣйствующимъ лицамъ небесной драмы, низведенъ на землю, гдѣ онъ принимаетъ человѣческое воплощеніе.

Обрядъ „Сагдидъ“.

27.—Весьма любопытно, что одна черта исконнаго арійскаго миѳа о Ямѣ уцѣлѣла въ Иранѣ въ практической формѣ любопытнѣйшаго религіознаго обряда, который послѣдователи Заратуштры строго соблюдаютъ до сихъ поръ. Читатель вѣрно не забылъ псовъ Ямы, «бурыхъ, широкомордыхъ, четвероглазыхъ», нюхомъ выслѣживающихъ людей, которымъ пришла пора умирать, и загоняющихъ ихъ къ своему грозному повелителю, въ то же время охраняя ихъ отъ опасностей и враговъ, стерегущихъ ихъ на мрачномъ пути (см. стр. 63). Авестійскій законъ предписываетъ: приводить «желтую, четвероглазую собаку» къ одру умирающаго или только-что умершаго человѣка и заставлять ее глядѣть на тѣло, потому что взглядъ четвероглазой собаки, будто бы, прогоняетъ нечистаго демона Насу, который силится войти въ него, такъ какъ въ ту минуту, когда душа отлетаетъ, ея оболочка становится достояніемъ Ангра-Майнью, и онъ старается завладѣть

сю, сдѣлать ее орудіемъ оскверненія, а если можно, то и погибели для всѣхъ, кто къ ней приближается. Такъ какъ найти «четвероглазую» собаку въ наше время, пожалуй, нелегко, то законъ дѣлаетъ слѣдующую уступку: «Взять желтую четвероглазую собаку, или бѣлую собаку съ желтыми ушами». Послѣдняя собака не составляетъ такой рѣдкости, какъ первая; поэтому ничто не мѣшаетъ набожному парсу добросовѣстно исполнять предписанный обрядъ, называемый Сагдидъ; но ужъ, конечно, ни одинъ изъ нихъ не подозрѣваетъ миѳическаго происхожденія и значенія его.

V.

Гаты.—„Седьмиглавъ“.

Маздаяснійцы и Дэваяснійцы.

1.—Маздаяснійцы и Дэваяснійцы,—«богопоклонники» и «бѣсопоклонники»: такъ дѣлится родъ людской по Зороастровой вѣрѣ. Середины нѣтъ и не можетъ быть. Кто не за Мазду, тотъ противъ него. Кто не вступаетъ въ воинство Спента-Майнью, Духа Жизни, тотъ по необходимости долженъ очутиться въ рядахъ рати Ангра-Майнью, Духа Смерти. «Вещественный міръ» раздѣленъ между ними такъ же, какъ и духовный, и различныя явленія въ немъ суть только видимыя проявленія войны, вѣчно между ними свирѣпствующей. Въ духовномъ мірѣ происходитъ такая же борьба. Тамъ поле состязанія въ груди у каждаго человѣка, а ставка — его собственная душа. Но не безъ его согласія и содѣйствія ставка выигрывается той или другой стороной: выборъ за нимъ. И, смотря по тому, какой онъ сдѣлаетъ выборъ и насколько останется ему вѣренъ, рѣшится его участь, когда пора борьбы кончится для него, и онъ либо благополучно перейдетъ черезъ мостъ Чинватъ и вступитъ въ обитель Вѣчнаго Свѣта, гдѣ пребываетъ Создатель, либо

оступится на мосту и стремглавъ упадетъ въ обитель Духа Лжи—бездну Вѣчной Тьмы *).

Задача Заратуштры.

2.—Къ этому самому возвышенному и чистому, и въ то же время самому простому изъ ученій древняго міра стремилось то развитіе первичнаго арійскаго представленія о двойственности (дуализмѣ) въ природѣ, которое совершилось въ духовномъ сознаніи иранскаго народа подъ вліяніемъ своеобразныхъ и суровыхъ условій иранскаго быта. Что это сознаніе не утерялось въ туманныхъ, безплодныхъ мечтаніяхъ и умствованіяхъ, какъ рѣчки Ирана теряются въ мертвыхъ пескахъ его степей, а окрѣпло въ живую вѣру, обильную плодами, какъ ключи, напоенные облаками, собираются въ одну рѣку, которая широкой и животворной струей протекаетъ черезъ населенныя земли,—этимъ Иранъ обязанъ генію и проповѣди Заратуштры. Онъ уяснилъ, изложилъ своему народу его собственныя мысли, поднесъ ихъ ему словно въ видѣ чистой, прозрачной, какъ горный кристалъ, воды, профильтрованной черезъ геніальный умъ и чудную душу и очищенной отъ всякой мути и нечисти. Онъ направилъ протянутыя ощупью руки и далъ имъ схватить истину, которой онѣ слѣпо искали. Таково призваніе истиннаго пророка. Если бы народъ еще не созрѣлъ для его ученія, учитель не могъ бы заставить слушать себя, во всякомъ

*) Мостъ Чинватъ перекинутъ черезъ пространство, отъ одной изъ высшихъ вершинъ святой Хары-Березаити въ райскую обитель Гаро-нмана, и душа, покинувъ тѣло, должна пройти по немъ. Это — ея послѣднее испытаніе, и только праведныя души выдерживаютъ его.

случаѣ не былъ бы понятъ. Народъ, съ другой стороны, никогда не смогъ бы одинъ, безъ помощи, выработать идеалъ, къ которому его полубезсознательно тянуло. Народъ слушалъ, и понялъ, и покорился, потому что, говоря глубокими словами великаго писателя, въ немъ самомъ были сѣмена тѣхъ мыслей, которыя пророкъ излагалъ ему *).

Ранній періодъ.— Гаты.

3.—Изъ текста Гатъ, вѣроятно записанныхъ со словъ самого пророка или его непосредственныхъ учениковъ, можно заключить, что этотъ сборникъ принадлежитъ довольно ранней эпохѣ исторіи иранскихъ народовъ. Имъ постоянно докучали орды туранскихъ скиѳовъ. Эти свирѣпые кочевники, всюду появляясь на своихъ маленькихъ, но рѣзвыхъ и неутомимыхъ степныхъ лошадкахъ, со своими не знающими промаха арканами, наводили ужасъ на иранскихъ поселенцевъ, пастбища и хутора которыхъ ни днемъ, ни ночью не были безопасны отъ ихъ набѣговъ. Въ народномъ героическомъ эпосѣ иранскіе цари-богатыри замѣняютъ арійскихъ боговъ, часто даже присвоивъ ихъ имена, а туранскіе враги ихъ,— безсовѣстные разбойники и притѣснители, — древне-арійскихъ бѣсовъ **). Когда же насту-

*) Вольтэръ говоритъ о героѣ одной изъ своихъ повѣстей, что онъ глубоко размышлялъ о нѣкоей идеѣ, «сѣмена которой какъ будто уже находились въ немъ самомъ».

**) Сравнить: Йима, сынъ Вивангвата=Яма, сынъ Вивасвата; Ѳраэтаона, сынъ Атвіи=Трита, сынъ Аптіи. Въ эпосѣ Ѳраэтаону замѣняетъ знаменитый персидскій царь-богатырь Феридунъ, который побѣждаетъ злого узурпатора, туранца Зохака=Аджи-Дахака, и сковываетъ его цѣпями подъ горой Демавендомъ въ Эльбурзѣ.

паетъ время аллегорическаго превращенія миѳовъ,—уже очень близкое къ историческому періоду,—Насиліе, Беззаконіе, Грабительство, отличительныя черты туранскихъ кочевниковъ, воплощаются въ лицѣ Аэшма-Дэвы, злѣйшаго изъ дэвовъ послѣ самого Ангра-Майнью, точно такъ, какъ Сраоша, олицетворенное Послушаніе святому закону Мазды,—первый между Язатами. Молитва «Избави насъ отъ Аэшмы» имѣетъ поэтому двоякое значеніе: «Избави насъ отъ набѣговъ туранцевъ, враговъ честнаго пахаря и скотовода», и — «Избави насъ отъ искушенія самимъ грабить и насиловать».

Проклятія противъ дэваяснійцевъ.

4.—Что туранцы считались дэваяснійцами, т. е. «бѣсопоклонниками», само собою разумѣется. Едва ли менѣе ненавистны Заратуштрѣ и его послѣдователямъ были сродныя имъ арійскія племена, которыя не поддавались поступательному движенію къ просвѣщенному единобожію, а упорствовали въ жертвованіи богамъ древне-арійскаго натурализма. Такихъ было несомнѣнно много, и Заратуштра навѣрно обращается къ нимъ и ихъ вождямъ, когда говоритъ о лжеучителяхъ, растлѣвающихъ народный умъ, и коритъ ихъ за то, что, благодаря гоненіямъ, онъ и его ученики странствуютъ безпріютными скитальцами по лицу земли (см. стр. 27, 32). И нельзя сказать, чтобы пророкъ совѣтовалъ своимъ ученикамъ относиться къ этимъ невѣрующимъ въ духѣ милосердія и всепрощенія. Они не только жестоко, гнѣвно обличаются въ Гатахъ, но въ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ требуется ихъ истре-

бленіе: тотъ, кто низвергнетъ съ властнаго мѣста или лишитъ жизни «нечестиваго правителя, который противится преуспѣянію праведности въ своихъ владѣніяхъ, накопляетъ запасъ священной премудрости; тотъ же, кто наноситъ вредъ поселеніямъ послѣдователей пророка, — пусть на его же голову обрушатся его лихія дѣянія, пусть благоденствіе его завянетъ, пусть онъ гибнетъ, и пусть не подоспѣетъ никакая помощь, чтобы спасти его отъ бѣды. И да сбудется сіе по моимъ словамъ, о Господи!» Съ другой стороны, никто не исключается изъ общины благочестивыхъ, даже туранскія племена, если они желаютъ обратиться. Это торжество духовнаго братства надъ племеннымъ чувствомъ положительно закрѣпляется слѣдующимъ заявленіемъ:

«Когда изъ племенъ и родни туранцевъ возстанутъ такіе, которые ревностно и усердно будутъ содѣйствовать устроенію благочестивыхъ поселеній, съ такими Ахура будетъ пребывать черезъ свое Благомысліе (Воху-Мано), *которое вселится въ нихъ* и, осѣняя ихъ радостной благодатью, будетъ сообщать имъ его велѣнія». (Ясна XLVI, 12. По переводу Л. Г. Милльза).

„Дэвы“— арійскіе боги, иранскіе „бѣсы“; „Ахура“ и „Асура“.

5.—Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что за ненависть и презрѣніе, которыя Заратуштра внушалъ своимъ послѣдователямъ противъ приверженцевъ древне-арійской вѣры, послѣдніе отплачивали съ избыткомъ такими же чувствами. И это относится не только къ тѣмъ, которые еще скитались по дикимъ или обработаннымъ частямъ Ирана, но и къ тѣмъ, которые уже давно спустились въ Индію. Этимъ очень просто объясняются нѣкоторые загадочные факты: напр.,

то, что у иранцевъ, послѣдователей Заратуштры, слово «дэва» означаетъ «бѣса, демона», тогда какъ въ Индіи оно продолжаетъ употребляться въ смыслѣ свѣтлыхъ боговъ, благодѣтельныхъ силъ, какъ нѣкогда въ индо-иранскій и, вѣроятно, еще ранѣе, въ до-иранскій періодъ. Обратное явленіе представляетъ иранское слово «Ахура», (по-санскритски Асура), которому арійцы въ Индіи придали дурное значеніе. Послѣдній фактъ особенно знаменателенъ оттого, что древнѣйшіе арійскіе индусы употребляли слово «Асура» въ томъ же смыслѣ, какъ и иранцы,—«Господь, божественный». Это — самый почетный и благоговѣйный титулъ, которымъ они величали своихъ древнѣйшихъ боговъ Неба,—Дьяуса и Ва̀руну, искони пользовавшихся нѣкоторымъ верховенствомъ. Въ большей части Риг-Веды «Асура» употребляется благоговѣйно, и перемѣна замѣтна лишь въ позднѣйшихъ гимнахъ, гдѣ Асуры являются бѣсами, чертями,—Силами Зла,—чѣмъ и остаются во всей позднѣйшей литературѣ Индіи, духовной и свѣтской.

Поэтическій прологъ къ Гаталъ.

6.—Невозможно себѣ представить ничего величественнѣе фантастической обстановки, среди которой пришествіе пророка и его божественная миссія возвѣщаются міру. Это—нѣчто въ родѣ пролога, разыгрываемаго на небѣ дѣйствующими лицами изъ чисто-духовнаго міра. Геушъ-Урванъ, буквально («Душа Быка»), духъ-хранитель или «начальникъ» (*рату*) животнаго творенія, и въ особенности домашняго скота, является на небѣ и громогласно жалуется Ахура-Маздѣ на

истязанія и дурное обращеніе, которыя онъ и его родъ терпятъ отъ людей, тогда какъ имъ было предсказано, что имъ лучше заживется, когда учредится на землѣ хлѣбопашество. Аша (одинъ изъ Амеша-Спентовъ, олицетворяющій Праведность и міровой Порядокъ) возражаетъ, что, хотя истинно добрый человѣкъ никогда не станетъ обижать свою скотину, однако люди вообще дѣйствительно не всегда умѣютъ какъ слѣдуетъ обращаться со своими подчиненными, и продолжаетъ: «Мазда лучше всѣхъ вѣдаетъ про поступки дэвовъ и людей, и бывшіе и будущіе. Онъ, Господь (Ахура), рѣшитъ; какъ его воля, такъ и будетъ». Затѣмъ говоритъ самъ Мазда, но въ его приговорѣ мало утѣшительнаго для Блюстителя Стадъ: онъ объявляетъ ему, что особаго призрѣнія нѣтъ для скота, созданнаго для пользы пахаря и скотовода, которыхъ, по собственному его, Мазды, указу, скотъ обязанъ кормить своимъ молокомъ и мясомъ. Въ отчаяніи взмолился Геушъ-Урванъ: «Ужели же такъ и не найдется у тебя никого межъ людей, кто бы порадѣлъ о насъ по добротѣ душевной?» На это Мазда отвѣтилъ,—и въ этомъ-то самая суть поэтической притчи: «Я знаю на землѣ только одного человѣка, слышавшаго наши завѣты; это—Заратуштра Спитама. Онъ на память объявитъ поученія мои и Аши, когда онъ получитъ отъ меня даръ сладкорѣчія». Тяжко застоналъ тогда Духъ Стадъ:—«Горе мнѣ! Неужели безсильное слово нератнаго мужа—все, на что я долженъ надѣяться, когда я просилъ заступничества могучаго витязя? Когда

придетъ, наконецъ, тотъ, кто дѣйствительно поможетъ моему скоту?.. Но я знаю, что тебѣ, о, Мазда, лучше все вѣдомо. Гдѣ же, какъ ни у тебя, быть справедливости, благости и силѣ!..» И Духъ Стадъ удаляется, не столько утѣшенный, сколько еще болѣе удрученный, того не вѣдая, что Слово бываетъ сильнѣе меча *).

Провозглашеніе новой вѣры.

7.—Послѣ этого вступленія мы ожидаемъ появленія пророка. Особаго повѣствованія нѣтъ о томъ, какъ оно происходитъ; но, читая знаменитую главу XXX Ясны, мы легко представляемъ себѣ проповѣдника, среди большого стеченія народа,—простого и знатнаго,—говорящимъ въ присутствіи увѣровавшаго въ него царя, Кава Виштаспы, къ которому, въ одномъ мѣстѣ, онъ прямо обращается. Рѣчь эта, для маздеизма въ его первоначальной чистотѣ, то же, что для нашей вѣры Нагорная Проповѣдь; приведемъ ее почти безъ сокращеній **).

«1. Нынѣ возвѣщу вамъ, о вы всѣ, здѣсь собравшіеся, то, что́ мудрымъ подобаетъ принять въ свое сердце: славословія и жертвенные обряды, копми благочестивымъ людямъ надлежитъ чествовать Господа (Ахуру), и священныя истины и заповѣди (Аша), дабы то, что доселѣ было сокровенно, нынѣ выступило въ свѣтъ.

«2. Внемлите же ушами своими высшему добру и свѣтлымъ разумомъ разсудите, прежде чѣмъ каждый самъ за себя рѣшитъ между двумя ученіями...

«3. Два Духа-Близнеца искусно созданы въ первоначалѣ,—Добро и Зло, въ помышленіи, дѣлѣ, словѣ, и между

---

*) Съ перевода Бартоломэ, въ сборникѣ «*Arische Forschungen*», III.

**) По переводу Бартоломэ, *Arische Forschungen*, II.

обоими мудрые сдѣлали выборъ разумный; не такъ-то безумцы.

«4. И когда тѣ два духа съ обоюднаго согласія учредили происхожденіе и прехожденіе всего существующаго (т. е. создали Жизнь и Смерть) и постановили, что въ концѣ участь послѣдователей Лжи (*друджванъ*, т. е. «держащихся лже-боговъ и лже-вѣры») будетъ наихудшею жизнью, участь же послѣдователей Правды (*ашаванъ*, т. е. «держащихся истинной вѣры») будетъ блаженнѣйшимъ духовнымъ состояніемъ,—

«5. Тогда изъ этихъ двухъ духовъ лживый избралъ творить Зло, Святѣйшій же Духъ (Спента-Майнью), Тотъ, Кто облеченъ небесной твердыней яко ризою, избралъ Правду (*аша*), и за нимъ пошли всѣ, желающіе жить праведно передъ очами Ахура-Мазды.

«6. И на его сторону стали Кхшатра, Воху-Мано и Аша, и вѣчная Арамаити, сдѣлавшая Землю своимъ тѣломъ. Къ симъ послѣднимъ да сдѣлаешься и ты причастнымъ, дабы превзойти всѣхъ людей богатствомъ *).

«7. Дэвы тоже выбрали не по разуму («выбрали не добро, а зло»), ибо, пока они обсуждали, безуміе одолѣло ихъ, такъ, что они избрали Лихомысліе («*ако-мано*, въ противоположность Благомыслію, *воху-мано*»). И собрались они въ домѣ насилія (*аэшма*), дабы погубить жизнь человѣка» (т. е.—они присоединились къ врагамъ послѣдователей Заратуштры, грабителямъ и губителямъ ихъ поселеній, хозяйства, скота).

«8. Когда настанетъ возмездіе за ихъ лиходѣйства, тогда, о Ахура-Мазда, владычество навѣрно будетъ отдано твоимъ Благомысліемъ тѣмъ, кто помогъ Правдѣ (*аша*) превозмочь Ложь (*друджъ*).

---

*) Съ этой послѣдней фразой пророкъ очевидно обращается къ царю. Простыми словами это пожеланіе можно передать такъ: «Да будешь ты одаренъ верховною властью, благомысліемъ и благочестіемъ, неразрывнымъ съ истинной вѣрой, дабы заслужить долю во владычествѣ надъ землею и превзойти всѣхъ царей богатствомъ».

«9. Итакъ, пристанемъ же и мы къ тѣмъ, которые заблаговременно поведутъ жизнь сію по пути къ совершенству. Сподоби же насъ, о Мазда, и вы, боги, сподобите насъ вашей помощи, также и ты, о Аша, дабы каждый просвѣтился, чей разумъ еще судитъ ложно.

«10. И тогда какъ гибельный ударъ падетъ на лжеца, тѣ, которые держатся добраго ученія, соберутся невозбранно въ прекрасной обители Воху-Мано, Мазды и Аши.

«11. Если, о люди, вы заключите въ сердца свои сіи заповѣди, учрежденныя Маздою, и добро и зло, и долгія муки, ожидающія послѣдователей лжи *(друджванъ)*, и блаженство, которое уготовится тѣмъ, кто держится истинной вѣры *(ашаванъ)*, то благо вамъ будетъ».

Суть маздеизма: духовный дуализмъ.

8.—Тутъ вся суть маздеизма въ его возвышенной простотѣ, абсолютной чистотѣ, какъ въ умѣ основателя выяснилось ученіе. Всякое дальнѣйшее развитіе его въ тѣхъ же Гатахъ можно справедливо отнести къ комментаріямъ. Дуализмъ здѣсь возвѣщается безусловный: оба Духа—Близнецы, не враги вначалѣ, не раздѣлены и вмѣстѣ создаютъ міръ, вещественный и духовный, видимый и невидимый; результатомъ, разумѣется, является цѣлое, составленное изъ противоположностей, потому что мы познаемъ предметъ, конкретный или отвлеченный, лишь контрастомъ: какъ могли бы мы познать свѣтъ, тепло, здоровіе, если бы не было тьмы, холода, болѣзни? Сталобыть, Жизнь неизбѣжно уравновѣшивается Смертью, Истина—Ложью, другими словами: Добро—Зломъ. Тутъ пока нѣтъ ни правоты, ни вины, а одна лишь необходимость. Но вотъ предлагается *выборъ*; и духи-близнецы, сдѣлавъ каждый свой собственный, становятся «Духомъ иже всецѣло есть Жизнь» и «Духомъ иже всецѣло есть Смерть»,

(такъ какъ Жизнь и Смерть считаются высшими выраженіями Добра и Зла), и дѣлаются на вѣки вѣчные врагами. И тутъ начинается борьба, въ которой ничто не безразлично и не безнамѣренно, а каждый шагъ, каждое движеніе имѣетъ значеніе въ пользу той или другой стороны, въ которой каждый человѣкъ безъ исключенія, «каждый самъ за себя», долженъ, по вольной волѣ, избрать себѣ сторону и на ней пребывать, сражаться и принять за выборъ свой отвѣтъ. Замѣчательно, что даже дэвовъ, безусловно презираемыхъ и ненавидимыхъ бѣсовъ и демоновъ позднѣйшаго маздеизма, пророкъ не выставляетъ дурными первоначально и по сути своей, а становятся они таковыми лишь вслѣдствіе безразсуднаго выбора, сдѣланнаго ими *по вольной волѣ*, между двумя верховными Близнецами: такъ безусловно вѣруетъ онъ въ свободу воли и личную отвѣтственность каждаго существа, все-равно къ духовному ли міру оно принадлежитъ или къ вещественному.

9.—Если перебрать все содержаніе Гатъ, мало что найдется прибавить къ вѣроученію, изложенному въ гл. XXX Ясны. Глубокое убѣжденіе въ своемъ, внушенномъ отъ неба, призваніи, — («Я — Твой избранецъ отъ начала, всѣхъ прочихъ я почитаю моими противниками»), — изліяніе личныхъ чувствъ въ дни гоненій и скорби,—воззванія о помощи и просвѣщеніи, облеченныя нерѣдко въ глубоко трогательныя слова,— («Къ Тебѣ взываю: взгляни на меня, Господи, и помоги мнѣ, какъ помогаетъ другъ милому дру- **„Гимнъ вопросовъ“.**

гу»),—таковъ характеръ всѣхъ этихъ древнихъ пѣсенъ, исполненныхъ человѣческой теплоты и жизненности. Одна изъ нихъ въ особенности (XLIV) дышитъ чистѣйшимъ поэтическимъ чувствомъ, и держится на такомъ возвышенномъ уровнѣ, какой рѣдко такъ долго выдерживается въ этихъ произведеніяхъ, часто довольно-таки грубыхъ и незрѣлыхъ въ литературномъ отношеніи. Пѣснь эта очевидно сложилась въ высокоторжественный моментъ, наканунѣ рѣшительной битвы (въ первую «священную войну»), отъ исхода которой должны зависѣть судьбы, и политическія и религіозныя, иранскаго народа. Душа пророка удручена, томится вопросами, тоской, сомнѣніями въ себѣ и другихъ, и ищетъ успокоенія у своего небеснаго «друга» и учителя, вопрошая его то о нѣкоторыхъ статьяхъ ученія, то объ исходѣ наступающей борьбы,—войны съ туранцемъ Арджаспомъ:

«Сіе спрошу,—отвѣть мнѣ по правдѣ, о Ахура: наградятся ли добрыя дѣла людей еще прежде, чѣмъ настанетъ лучшая жизнь?... (т. е. «будущая, загробная»).

«Сіе спрошу,—отвѣть мнѣ по правдѣ, о Ахура: дѣйствительно ли правда все то, что́ я возвѣщаю? Праведники достигнутъ ли святости своими добрыми дѣлами? Даруешь ли Ты имъ Царство» (небесное,—*Хшатра*) чрезъ благомысліе? *(воху-мано...)*. Какимъ образомъ достигнетъ душа моя блаженства?.. Снизойдетъ ли благочестіе *(армаити)* на тѣхъ, о Мазда, кому возвѣщена твоя вѣра?..

«Сіе спрошу Тебя,—отвѣть мнѣ по правдѣ, о Ахура: Кто изъ тѣхъ, съ кѣмъ я здѣсь бесѣдую, другъ Правдѣ (*аша*), и кто другъ Лжи (*друджъ*)? На которой сторонѣ стоятъ дурные люди? И не дурные ли тѣ, невѣрующіе, ко-

торые благодѣянія Твои обращаютъ въ ничто?» (тѣмъ что обижаютъ и грабятъ послѣдователей Ахура-Мазды...).

«Какъ отгоню я отъ насъ Духъ Лжи *(друджъ)?*... Какъ водворю я торжество Правды *(аша)* надъ Духомъ Лжи *(друджъ)*, такъ чтобы Правда, согласно тому, что̀ сулитъ твое ученіе, нанесла невѣрующимъ лютое пораженіе и предала ихъ смерти и погибели?

«Сіе спрошу Тебя,—отвѣть мнѣ по правдѣ, о Ахура: сможешь ли ты воистину защитить меня, когда обѣ рати встрѣтятся?.. Которой дашь Ты побѣду?..

Нѣкоторые вопросы являюся поэтической формой прославленія Всесоздателя, величіе котораго они косвенно провозглашаютъ, и сильно напоминаютъ книгу Іова:

«Сіе спрошу я Тебя,—отвѣть мнѣ по правдѣ, о Ахура: Кто поддерживаетъ землю здѣсь внизу, и пространство вверху, такъ что они не падаютъ? Кто сотворилъ воды и растенія? Кто къ вѣтрамъ запрегъ грозовыя тучи,—а этихъ двухъ быстрѣе нѣтъ на свѣтѣ ничего... Кто искусно сотворилъ свѣтъ и тьму? Сонъ и бдѣніе? Полдень и ночь, и зари, призывающія разумныхъ людей къ работѣ?

«...Кто создалъ блаженную Армаити и Кхшатру? *). Кто сотворилъ сына по образу отца? — Я возвѣщу, о Спента-Майнью, что Ты—Творецъ всего существующаго».

Буквальная простота Гатъ.

10.—Этихъ образцовъ изъ пѣсенъ, называемыхъ Гатами, — иранскихъ псалмовъ, какъ ихъ мѣтко называетъ Джэксонъ,—достаточно, чтобы вполнѣ уразумѣть, въ чемъ состоитъ главная характеристика, по формѣ, поученій Заратуштры: крайняя простота и трезвость рѣчи, тщательное избѣганіе даже самой обыденной поэтической образности въ выраженіяхъ, могущей увѣковѣчить ту ми-

*) «Армаити и Кхшатра» въ этомъ мѣстѣ означаютъ «Землю и Небо». См. Бартоломэ, „*Arische Forschungen*“ II, стр. 163.

ѳическую напыщенность, которую пророкъ поставилъ себѣ въ особенную задачу изгнать своей реформой. Немало есть и такихъ мѣстъ, гдѣ онъ прямо обличаетъ зловредныхъ лжеучителей, — безъ сомнѣнія служителей натуралистскихъ божествъ Индіи и невѣрующихъ иранскихъ племенъ. Замѣчательно и то, что пророкъ почти никогда не впадаетъ даже въ религіозную аллегорію, которая въ позднѣйшемъ развитіи маздеизма, замѣстила арійскую миѳологію, населяя невидимый міръ богословскою іерархіей архангеловъ, ангеловъ, святыхъ (Амеша-Спенты, Язаты, Фраваши), вмѣсто первичныхъ натуралистскихъ боговъ. Онъ употребляетъ слова «благомысліе», «правда», «благочестіе» и пр. (*воху-мано, аша, армаити* и пр.), какъ простыя нарицательныя имена, въ прямомъ, не иносказательномъ смыслѣ, не дѣлая изъ нихъ собственныхъ именъ аллегорическихъ лицъ, даже въ томъ замѣчательномъ мѣстѣ, гдѣ всѣ шестеро упоминаются, какъ *дары* Ахура-Мазды. Такъ, «послушаніе Закону Мазды» (*сраоша*), основная добродѣтель маздаяснійца, у него означаетъ именно только эту добродѣтель, а не является, какъ впослѣдствіи, аллегорическимъ воплощеніемъ, Вождемъ Язатъ, первымъ «бѣсоизбивателемъ», чѣмъ-то въ родѣ иранскаго Архангела Михаила. Съ другой стороны, имя «Аэшма»,—(впослѣдствіи Аэшма-Дэва, вождь всей бѣсовской рати, личный противникъ Сраоши, вождя небесныхъ полчищъ),—употребляется единственно въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ «насилія», «гнѣва». Нѣтъ ни малѣйшаго слѣда суевѣрія или

идопоклонства и въ почитаніи, воздаваемомъ «Огню Ахура-Мазды», символу и центру священнодѣйствій чистой вѣры; говорится о жертвахъ и «мясныхъ приношеніяхъ», но не настаивается на скучно-мелочной обрядности; не упоминаются ни Миѳра, ни Хаома; языческіе обряды, сопряженные съ употребленіемъ опьяняющаго напитка того же имени, не поощряются; есть даже одно мѣсто (Ясна, XLVIII, 10), въ которомъ многіе толкователи видятъ выраженіе отвращенія къ этимъ самымъ обрядамъ, подводимымъ подъ одну рубрику съ жертвоприношеніями дэвамъ, «Злому сѣмени», какъ «нечестивыя дѣянія». Вотъ это мѣсто:

«Когда, о Мазда, появятся люди, совершенные разумомъ? И когда прогонятъ они отселѣ *сію скверну пьянаго веселья*, коимъ Карпаны (враждебные жрецы) хотѣли бы со злостнымъ усердіемъ побороть насъ, и внушеніями коего областные тираны поддерживаютъ свое лихое владычество?».

Нужно, однако, замѣтить по этому поводу, что этотъ взрывъ негодованія точно такъ же можетъ быть обращенъ противъ туранскихъ Шамановъ, которые, какъ извѣстно, тоже опьяняющими напитками приводятъ себя въ состояніе прорицательской экзальтаціи. Джэксонъ считаетъ ненавистныхъ пророку Кави и Карпановъ за туранскихъ еретиковъ, или, вѣрнѣе—язычниковъ. Однако, какъ мы увидимъ далѣе, предписанія о возліяніяхъ Хаомы прямо направлены противъ злоупотребленій этимъ напиткомъ, бывшихъ въ ходу на жертвоприношеніяхъ индійскихъ жрецовъ.

Наконецъ пророкъ часто говоритъ о «Мостѣ

Чинватъ», черезъ который душа праведника легко проходитъ въ Гаро-нману, собственную блаженную обитель Ахуры, тогда какъ неправедныя души падаютъ съ него «въ обитель Лжи, навѣки»; однако, онъ не вдается въ картинныя описанія, слишкомъ легко могущія соскользнуть опять въ миѳологію и многобожіе. Итакъ, словами ученаго послѣдняго переводчика Гатъ *),— «Въ Гатахъ все трезво и реально... Карпаны, и пр.—не какія-нибудь миѳическія чудовища; никакой драконъ не грозитъ поселеніямъ, какъ не защищаютъ ихъ никакія баснословныя существа. Заратуштра, Джамаспа, Фрашаостра... **) такъ же реальны и съ такою же безсознательной простотой упоминаются, какъ любыя историческія личности. Кромѣ вдохновенія, нѣтъ чудесъ. Все дѣйствіе развивается изъ похожденій и страстей живыхъ, страждущихъ, борющихся людей...»

Отдѣлъ Ясны, называемый „Седьмиглавомъ“.

11.—«Та часть Ясны,—пишетъ тотъ же ученый,—которая извѣстна подъ названіемъ «Седьмиглава» и по древности уступаетъ однимъ только Гатамъ, уже вводитъ насъ въ другую атмосферу. Языкъ еще тотъ же, но духъ уже не тотъ». Дѣло въ томъ, что вся исторія показываетъ, какъ невозможно для какой бы то ни было религіи или ученія удержаться на томъ возвышенномъ уровнѣ абсолютной чистоты, на который поставилъ ихъ

*) Л. Г. Миллзъ, въ томѣ XXXI сборника «Священныя Книги Востока» *(The Sacred Books of the East.)*

**) Двое вельможъ при царѣ Виштаспѣ, пламенные и могущественные приверженцы Заратуштры, который женился на дочери одного изъ нихъ.

основатель или преобразователь. Онъ — единица въ цѣломъ народѣ, стоитъ выше и впереди своего времени, племени, даже всего человѣчества; то же можно сказать, если и въ меньшей степени, о его немедленныхъ преемникахъ, его первыхъ ученикахъ, пропитанныхъ его духомъ, обаяніемъ его личности. Но масса тѣхъ, которые учатся у него и у нихъ, состоитъ изъ умовъ средняго полета, которые, когда охладѣетъ первый пылъ восторга, отрезвится первый подъемъ духа и притупится новизна, чувствуютъ себя неловко на высотѣ, требующей слишкомъ большого напряженія духовныхъ силъ. А тамъ сказывается старая привычка, со всей сладостью дѣтскихъ воспоминаній, всей святостью дѣдовскихъ завѣтовъ. Тогда начинается новая работа: примѣненія наполовину безсознательнаго, новаго къ старому; постепенно всплываютъ старыя понятія и поэтическія преданія, давніе обычаи и формы,— и не прошло и цѣлаго поколѣнія по смерти преобразователя, какъ уже твореніе его измѣнилось до неузнаваемости; ученіе и практика тѣхъ, которые все еще именуютъ себя его послѣдователями сдѣлались путаницей того, чему онъ училъ, съ тѣмъ самымъ, противъ чего онъ ратовалъ. А все же, *въ цѣломъ*, есть несомнѣнный, существенный прогрессъ: новый духъ остался, новое знамя поднято, новый шагъ сдѣланъ къ идеалу,—и попятный шагъ уже невозможенъ.

Поворотъ къ исконному миѳу отъ духа чистаго маздеизма.

12.—Упомянутый уже выше сборникъ молитвъ на нарѣчіи Гатъ, называемый «Седьмиглавомъ», по замѣчанію Миллльза, предста-

вляетъ разительный примѣръ именно такого подлаживанія новаго къ старому, хотя, конечно, невозможно догадаться, какой промежутокъ времени раздѣляетъ его отъ тѣхъ древнѣйшихъ Гатъ, въ которыхъ заключается то, что̀ можно назвать «Зороастровымъ Откровеніемъ». Вокругъ сути ученія, единственно занимавшей пророка, сплотилась цѣлая система воззваній и обрядовъ, предполагающая строго организованное духовенство; отвлеченности первоначальнаго ученія значительно огрубѣли, и иносказательныя формы рѣчи, которыя онъ рѣдко позволялъ себѣ, застыли въ такомъ множествѣ аллегорическихъ лицъ, что создалась цѣлая новая система аллегорическихъ миѳовъ. Свойства Божества, которыя оно сообщаетъ своимъ чистосердечнымъ поклонникамъ,—Благомысліе, Правда, Благочестіе,—превращаются въ совѣтъ Амеша-Спентовъ; Огонь дѣлается предметомъ почитанія, нѣсколько идолопоклонническаго по формѣ; наконецъ,—вѣрнѣйшій признакъ грядущаго упадка!—миѳическая порча выступаетъ въ видѣ почитанія и жертвоприношеній, воздаваемыхъ неодушевленнымъ предметамъ въ природѣ: «Мы жертвуемъ горамъ, съ которыхъ бѣгутъ потоки, озерамъ, до краевъ наполненнымъ водами... землѣ и небу, и бурному вѣтру, богосозданнымъ, и вершинѣ высокаго Хараити, и почвѣ, и всему доброму творенію». Тутъ передъ нами, въ болѣе скромномъ видѣ, весь арійскій пантеонъ, и старая миѳическая привычка съ такой силой оживаетъ, что Воды величаются «Женами Ахуры», и даже «женскими Ахурами» (см. стран. 74—75). Фраваши,

о которыхъ ни разу нѣтъ рѣчи въ Гатахъ, тутъ призываются и имъ «поклоняются» наравнѣ съ самимъ Ахура-Маздой и Святыми Безсмертными, хотя число ихъ ограничивается «святыми мужами и святыми женами» (т. е. душами послѣдователей и распространителей новой вѣры). Наконецъ, Хаома снова является,—«Хаома златоцвѣтный, растущій на горныхъ высяхъ, Хаома живительный... отгоняющій смерть далеко». Однако, какъ мы увидимъ далѣе, обряды, посвященные этому божеству, одному изъ наидревнѣйшихъ, не были возстановлены въ той грубой формѣ, противъ которой Заратуштра такъ энергично возставалъ.

„Символъ Вѣры" маздеизма.

13.—Въ Яснѣ сохранился документъ первостатейной важности: исповѣданіе вѣры, которое долженъ былъ произнести каждый новобранецъ,—какъ поистинѣ можно называть новообращеннаго маздеиста,—истинный символъ вѣры маздеизма. Документъ слишкомъ длиненъ чтобы привести его цѣликомъ; довольно будетъ главнѣйшихъ членовъ его:

«1. Проклинаю дэвовъ. Объявляю себя поклонникомъ Мазды, послѣдователемъ Заратуштры, врагомъ дэвовъ, вѣрующимъ въ Ахуру, хвалителемъ Амеша-Спентовъ.

«2. Вѣрую въ добрую, святую Армаити,—(благочестіе и смиренномудріе),—да обитаетъ она со мною. Отрекаюсь отнынѣ отъ всякаго хищничества, скотокрадства, отъ разграбленія и разрушенія селеній, принадлежащихъ поклонникамъ Мазды.

«3. Домохозяевамъ обѣщаю, что они могутъ скитаться по своей волѣ или обитать на мѣстѣ невозбранно, гдѣ бы на землѣ ни проживали они со своими стадами. Смиренно, съ воздѣтыми къ Ашѣ руками, клянусь въ томъ. И никогда

отнынѣ не навлеку я разграбленія или разрушенія на селенія маздаяснійцевъ, даже въ отмщеніе за жизнь или тѣлесное поврежденіе...

«8. Объявляю себя поклонникомъ Мазды и послѣдователемъ Заратуштры, признаю и исповѣдаю ихъ. Исповѣдаю добрыя помышленія, добрыя слова, добрыя дѣла.

«9. Исповѣдаю маздаяснинскую вѣру, которая, хотя препоясана оружіемъ, однако къ нему не прибѣгаетъ, и святость брака между близкими родными,—вѣру, учрежденную Ахурой и Заратуштрой, высшую, лучшую, превосходнѣйшую изо всѣхъ сущихъ и будущихъ... Сіе есть исповѣданіе маздаяснинской вѣры *).

Бракъ между близкими родственниками.

14.—Въ послѣднемъ стихѣ находится намекъ на странный обычай, одобренный, если и не введенный маздеизмомъ, и навлекшій немало хулы на его приверженцевъ, а именно,—бракъ между близкими родными, даже братьями и сестрами. Такой бракъ не только разрѣшается, но прямо предписывается и облекается особенной святостью. Это понятіе, можетъ статься, порождено первоначально необходимостью сплотить какъ можно тѣснѣе семью, родню, въ видахъ самосохраненія и взаимной обороны, а также желаніемъ поощрить брачные союзы среди весьма еще небольшого круга вѣрующихъ. Наконецъ, защитники этого, столь претящаго нашему чувству, обычая указываютъ на то, что, если родъ людской произошелъ отъ одной четы, то *первый* бракъ поневолѣ должны были заключить братъ съ сестрой. Нужно, кромѣ того, помнить, что на такіе браки въ глубокой древности далеко не вездѣ смотрѣли съ ужасомъ;

*) По буквальному переводу Джэксона, профессора нью-юркскаго университета.

они водились, до сравнительно поздняго времени, напримѣръ, у египтянъ, умнѣйшаго и ужъ никакъ не безнравственнаго народа. Да и у іудеевъ они не воспрещались, лишь бы брачущіеся братъ и сестра были не отъ одной матери, не единоутробные: стóитъ вспомнить о Сарѣ и Авраамѣ. Всего вѣроятнѣе, что это былъ очень древній иранскій обычай, и новый законъ утвердилъ его на основаніи практическихъ соображеній.

VI.

Переселеніе и инородныя вліянія.—Вендидадъ.—Языческое возрожденіе. Хордэ—(Малая) Авеста

Общій характеръ Вендидада.

1.—Если уже «Седьмиглавъ» вводитъ насъ въ атмосферу, отличную отъ остальныхъ Гатъ (см. стр. 126—128), то Вендидадъ раскрываетъ намъ совсѣмъ иной міръ. Самый бѣглый просмотръ книги показываетъ, что новая религія ушла далеко отъ своей колыбели и по пути приняла въ себя много чужого. Вендидадъ,—единственная книга авестійскаго закона, цѣликомъ сохранившаяся изо всей массы авестійской литературы,—вся посвящена одному вопросу, но зато крайне важному: о средствахъ къ соблюденію идеальной чистоты въ смыслѣ маздеизма, и къ пораженію дэвовъ. Чрезмѣрная мелочность и пустячность предписаній и важность, придаваемая разнымъ внѣшнимъ деталямъ, поражаютъ контрастомъ между позднѣйшимъ развитіемъ маздаяснинской практики, идейностью и отвлеченностью поученій самого Заратуштры. Однако, духъ его ученія все жъ таки присутствуетъ въ существеннѣйшихъ чертахъ, и самыя предписанія, среди массы дисциплинарнаго

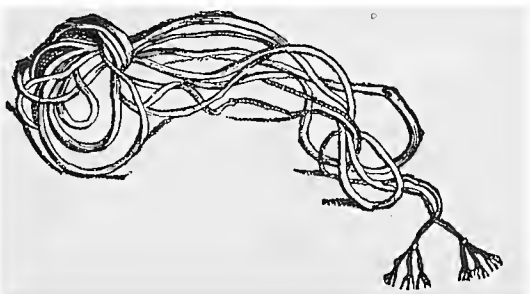
хлама, содержатъ много хорошаго и мудраго. Вдобавокъ, не должно забывать, что маздеизмъ въ этой именно формѣ принимался далеко *не всѣми* послѣдователями Заратуштры, и даже, кажется, былъ въ ходу лишь среди сѣверныхъ иранцевъ, особенно мидянъ, во всей же націи вошелъ въ силу только со времени возрожденія народной вѣры при сассанидскихъ царяхъ.

Три основныя начала жреческаго законодательства.

2.—Это жреческое законодательство построено на трехъ основныхъ началахъ, и, благодаря имъ, становится понятнымъ, при всей странности, часто даже дикости. Начала эти слѣдующія: 1) существуетъ одно только безусловно благородное и почетное занятіе,—земледѣліе и скотоводство, на томъ основаніи, что сколько земли воздѣлано подъ пищевыя растенія или отдано подъ пастбища, столько отбито у Ангро-Майнью и его дэвовъ; 2) все твореніе дѣлится на «доброе» и «дурное». Ахура-Мазда создалъ всѣ полезныя твари; первыя и святѣйшія между ними — домашній скотъ, сторожевая собака и бдительный пѣтухъ. Ходить за ними, заботиться о нихъ—священный долгъ; нерадѣніе о нихъ — большой грѣхъ. Всѣ вредныя твари создалъ Ангро-Майнью. Ихъ

„Пайтидана“ (пеномъ),—платъ, которымъ парсы закрываютъ ротъ въ присутствіи священнаго огня.

должно истреблять при каждой возможности. Онѣ всѣ собраны подъ одну рубрику: Храфстры, и мы не безъ удивленія находимъ самыхъ безвредныхъ насѣкомыхъ и такихъ невинныхъ животныхъ, какъ лягушки и ящерицы, подлежащими избіенію наравнѣ съ волками, змѣями, мухами, комарами и муравьями. Еретики и лихіе люди тоже иногда попадаютъ въ ту же категорію; 3) стихіи: воздухъ, вода, земля и огонь,



„Кости"—священный поясъ, которымъ парсы опоясываются во время молитвы или вообще при совершеніи священнаго обряда.

чисты и святы, и ихъ должно оберегать отъ оскверненія черезъ прикосновеніе съ чѣмъ-либо нечистымъ. Поэтому, священнодѣйствующій передъ огнемъ покрываетъ лицо платомъ, мѣшающимъ его дыханію коснуться святѣйшей изо всѣхъ стихій. Такой платъ и по сіе время надѣваетъ каждый парсъ, когда онъ становится на молитву или ходитъ за огнемъ у себя въ домѣ.

Могущество духовенства.

3.—Все въ Вендидадѣ, какъ и въ позднѣйшихъ, чисто литургическихъ частяхъ Ясны и въ моленіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Виспереда (см. стр. 37), изобличаетъ авторитетность давно

установленнаго и всемогущаго священства. Это было бы замѣтно и безъ нѣкоего мѣста въ Фаргардѣ (главѣ) IX, гдѣ Заратуштра, якобы, жалуется Ахура-Маздѣ на вредъ, причиняемый лицами, — мірянами или еретиками, — которыя, «не вѣдая очистительныхъ обрядовъ по закону Мазды», берутъ на себя совершать такой обрядъ надъ кѣмъ-либо изъ вѣрующихъ, подвергшимся оскверненію. Ахура-Мазда, въ отвѣтъ на эту жалобу, положительно заявляетъ, что «болѣзнь и смерть и происки бѣсовъ получаютъ бо̀льшую силу» вслѣдствіе подобныхъ святотатственныхъ покушеній, и, на вопросъ, «какое за это должно быть полагаемо взысканіе?» отвѣчаетъ:

Парсъ въ молитвенномъ костюмѣ.

«Поклонники Мазды пусть свяжутъ его; они свяжутъ, прежде всего, его руки; потомъ они снимутъ съ него одежду, сдерутъ съ него живого кожу, отрубятъ ему голо̀ву и отдадутъ трупъ его жаднѣйшимъ изъ богосозданныхъ трупоядныхъ тварей, во̀ронамъ *), со слѣдующими словами: 'Человѣкъ сей раскаялся во всѣхъ своихъ помы-

*) Хотя нѣтъ хуже оскверненія, какъ прикосновеніе къ мертвому тѣлу, однако во̀ронъ причисляется къ тварямъ «богосозданнымъ» («созданнымъ Ахура-Маздой»), т. е. чистымъ, потому что онъ нуженъ для устраненія всякой скверны съ лица земли.

шленіяхъ, словахъ и дѣлахъ. Если онъ совершилъ какое-либо другое дурное дѣло, оно отпускается ему въ силу покаянія его... на вѣки вѣчные' (т. е. наказаніе искупаетъ всѣ вины, и душа идетъ въ рай, очищенная и прощенная)».

Атраваны и жертвоприношенія.

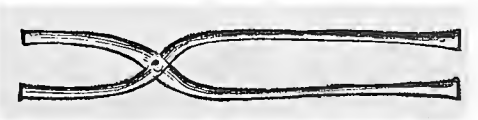
4. — Атраванъ (священнослужитель огня) представляется поистинѣ величественной фигурой, когда онъ, въ длинномъ бѣломъ одѣяніи, съ покрытой нижней частью лица, стоитъ передъ *атэшъ-гахомъ* или жертвенникомъ,—попросту высокимъ металлическимъ сосудомъ, поставленнымъ на низенькой каменной платформѣ, и доверху наполненномъ золою, на которой горитъ огонь изъ сухихъ, душистыхъ щепокъ, постоянно подновляемыхъ. Въ одной рукѣ онъ держитъ *храфстрагну* (инструментъ невѣдомой формы, для избіенія змѣй, лягушекъ, муравьевъ и прочей гадины), въ другой—*баресму*, связку прутьевъ,—пяти, семи, или девяти,—безъ которой атраванъ никогда не являлся въ людяхъ. Эти прутья, вѣроятно,

„Атэшъ-Гахъ",—жертвенникъ со священнымъ огнемъ у нынѣшнихъ парсовъ.

служили для гаданія. Въ старину они отрѣзались, съ разными церемоніями, отъ тамаринда или гранатоваго, или другого какого-нибудь дерева, лишь бы оно не имѣло шиповъ. Нынѣшніе парсы весьма прозаично замѣнили ихъ гибкими прутьями изъ мѣдной проволоки. Возлѣ атэшъ-гаха стоитъ каменный столъ; на немъ разставлены всѣ священные сосуды и орудія для ежедневнаго приношенія хаомы, такъ какъ этотъ обрядъ, одно время забытый,—а вѣрнѣе, запрещенный пророкомъ, — снова занялъ почетное мѣсто въ богослуженіи этого истаго иранскаго народа. Нужно, однако, замѣтить, что напитокъ приготовлялся не изъ индостанскаго сомы, а изъ другого растенія, добываемаго въ Иранѣ, отъ котораго сокъ получался гораздо менѣе опьяняющій; притомъ его не подвергали броженію. Наконецъ, священнодѣйствующіе выпивали его лишь небольшое количество, сперва освятивъ напитокъ, для чего его поднимали и «показывали

„Атэшъ-Гахъ", видѣнный Анкетиль Дюперрономъ въ Суратѣ.

Огню»*). Такимъ образомъ, мистическій обрядъ утрачиваетъ характеръ, такъ сильно возмущавшій пророка — пьянство, которымъ онъ слишкомъ часто оканчивался въ Индіи, и становился чисто символическимъ.



Щипцы для подправки священнаго огня.

Такъ же невинны и остальныя приношенія: нѣсколько кусочковъ мяса (да и тѣ у парсовъ замѣнены молокомъ въ чашкѣ), нѣсколько печеныхъ изъ муки лепешекъ и плодовъ. Эти приношенія,—представители всѣхъ родовъ людской пищи,—не сжигались, а

Блюдца для молока и плодовъ. («Мязда»).

Орудія и сосуды, употребляемые парсами при богослуженіи.

только «показывались огню», въ видѣ освященія. Во всей Яснѣ и въ Виспередѣ постоянно призываются и славятся эти части ежедневнаго жертвоприношенія: Хаома, Мязда (мясо или молоко, лепешки и плоды) и Заотра (святая вода); затѣмъ *ба-*

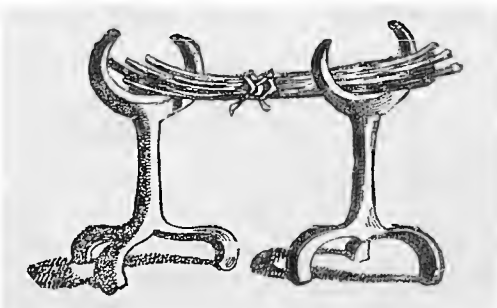
*) Нынѣшніе парсы совершаютъ этотъ обрядъ точь въ точь тѣмъ же порядкомъ. Его описалъ нѣмецкій ученый, Мартинъ Хаугъ, котораго пріятели его, дестуры, допустили присутствовать при совершеніи обряда и даже дали отвѣдать священнаго напитка.

ресма и священные сосуды,—ступка съ пестомъ, цѣдилка, чашки и пр.,—восхваляется какъ самое «бѣсо-избивательное» оружіе. «Священная ступка, священная чаша, хаома, слова, которымъ научилъ Мазда (*мантра*),—вотъ мое оружіе, мое лучшее оружіе!» говоритъ, якобы, Заратуштра (Венди-

Орудія и сосуды, употребляемые парсами при богослуженіи.

дадъ, XIX). Мало того, въ поэтическомъ вступленіи къ длиннѣйшему гимну Хаомѣ, Заратуштрѣ является небесный Хаома, «далеко отгоняющій смерть», самъ, во плоти, облеченный въ юношеское тѣло дивной красоты, въ священный часъ восхода, въ то время, какъ пророкъ распѣваетъ Гаты и ходитъ за священнымъ огнемъ. Начи-

нается между ними бесѣда, и Хаома приказываетъ пророку: «Молись мнѣ, о, Спитама, и приготовь меня для вкушенія» (т. е. выжми и процѣди сокъ изъ моего растенія); затѣмъ онъ разсказываетъ ему про героевъ, которые первые изготовили его для живущаго во плоти міра и получили въ награду знаменитыхъ и славныхъ сыновей. Первый изъ этихъ героевъ былъ Вивангватъ, отецъ великаго Йимы (см. стр. 104 и слѣд.), а послѣд-



„Баресма“ (барсомъ) на подставкахъ.

Орудія и сосуды, употребляемые парсами при богослуженіи.

ній — Пурушаспа, отецъ самого Заратуштры, который, внявъ чудесному откровенію, восклицаетъ: «Хвала Хаомѣ! Благъ Хаома, богатъ дарами, цѣлебенъ, прекрасенъ съ вида... златоцвѣтенъ, гибковѣтвистъ...» Это длинное повѣствованіе — одно изъ немногихъ въ Авестѣ, изобилующихъ древними миѳическими сказаніями.

Земледѣліе—святое призваніе.

5.—«На какомъ мѣстѣ земля чувствуетъ себя всего счастливѣе?»—вопрошаетъ Заратуштра Ахура-Мазду, который отвѣчаетъ (Вендидадъ, III): «То

мѣсто, на которое выступаетъ одинъ изъ вѣрующихъ, держа въ рукѣ священныя щепы, *баресму*, священное мясо, священную ступку, съ любовью исполняя законъ...» Описаніе другихъ мѣстъ, на которыхъ земля чувствуетъ себя особенно счастливою, представляетъ совершенный иранскій идеалъ святого и благополучнаго житія:

«Тамъ, гдѣ одинъ изъ вѣрующихъ воздвигаетъ домъ и поселяется со скотомъ, женой и дѣтьми, и гдѣ скотъ благоденствуетъ: благоденствуютъ собака, жена, дитя, огонь и всякое житейское благо... Гдѣ одинъ изъ вѣрующихъ воздѣлываетъ наибольше хлѣба, травы и плодовъ; гдѣ онъ орошаетъ сухую почву, или осушаетъ почву слишкомъ влажную... гдѣ стада и табуны даютъ наибольшій приплодъ... гдѣ они даютъ наибольше навоза).

Не идеалъ ли это крестьянскаго хозяйства? Далѣе:

«Тому, кто не лѣнится пахать землю (говоритъ все Ахура) лѣвой рукой и правой, правой рукой и лѣвой, тому она воздастъ великимъ обиліемъ, какъ любящая молодая жена своему возлюбленному... Ему такъ говоритъ Земля: 'О ты, который пашешь меня лѣвой рукой и правой, правой рукой и лѣвой! Здѣсь буду я вѣчно рожать безъ устали, производя всякаго рода кормъ, производя хлѣбъ въ изобиліи'.

«Тому же, о Спитама Заратуштра, кто не пашетъ землю лѣвой рукой и правой, правой рукой и лѣвой, тому Земля говоритъ такъ: 'О ты, человѣкъ, который... (и пр., какъ выше) вѣчно будешь ты стоять у чужихъ дверей, между тѣми, которые просятъ хлѣба, вѣчно будешь ты ждать, чтобъ тебѣ вынесли отбросы тѣ, у кого обиліе богатства'».

«Тотъ, кто сѣетъ хлѣбъ, сѣетъ святость» (Вендидадъ, III, 31). Тамъ, гдѣ есть трудъ, обиліе, благоденствіе, нѣтъ мѣста зависти, насилію, алчности и грабительству, нѣтъ мѣста лютымъ стра-

стямъ; притомъ честный трудъ не оставляетъ досуга для недобрыхъ словъ, дѣлъ, помышленій. Эта великая истина высказана въ слѣдующихъ нѣсколько забавныхъ, исто авестійскихъ выраженіяхъ:

«Когда всходитъ ячмень, дэвы содрогаются; когда густѣетъ хлѣбъ, сердце у дэвовъ замираетъ; когда хлѣбъ мелется, дэвы стонутъ; когда всходитъ пшеница, дэвамъ погибель. Въ домѣ томъ имъ уже не житіе; отъ того дома они бѣгутъ, гдѣ уродилась пшеница. Гдѣ хлѣба много, это все равно, какъ если бы въ горлѣ ихъ кто ворочалъ каленымъ желѣзомъ».

Поэтому сѣять хлѣбъ — бо̀льшая заслуга, нежели положить сто земныхъ поклоновъ, поднести тысячу приношеній, десять тысячъ жертвъ.

Уходъ за тѣломъ предписывается; аскетизмъ порицается.

6.—Но для того, чтобы сѣять хлѣбъ (и святость), чтобы обращать дэвовъ въ бѣгство работой «лѣвой руки и правой, правой руки и лѣвой», необходимы физическая сила и выносливость въ трудѣ. Поэтому, этотъ практичный и разумнѣйшій законъ предписываетъ достодолжное попеченіе о первомъ слугѣ человѣка, — его собственномъ тѣлѣ:

«Итакъ, пусть священникъ внушаетъ народу сіе святое слово: Не ѣвши, никто не имѣетъ силъ совершать святыя дѣла, трудиться по своему хозяйству... Ѣдою всякая вещественная тварь жива, безъ ѣды она умираетъ».

Что̀ же касается подвиговъ воздержанія и аскетизма,—такъ-называемое «умерщвленіе плоти»,—они не только не одобряются и не поощряются, но,—и въ этомъ маздеизмъ расходится почти со всѣми другими религіями, — положительно порицаются, осуждаются, какъ нелѣпое и грѣшное заблужденіе, придающее силу Врагу:

«Поистинѣ говорю тебѣ, о Спитама Заратуштра! человѣкъ, имѣющій жену, много выше того, кто не рожаетъ сыновей; тотъ, у кого свой домъ, много выше того, у кого его нѣтъ; имѣющій дѣтей, много выше бездѣтнаго *); имѣющій богатство много выше того у кого нѣтъ ничего. И изъ двухъ человѣкъ, тотъ, который сыто наѣдается, полонъ добраго духа гораздо болѣе того, который не доѣдаетъ. Только такой человѣкъ способенъ давать отпоръ нападеніямъ бѣса Смерти **),—бороться противъ бѣса Зимы въ самой легкой одеждѣ,—сопротивляться злому тирану и разбить ему голову,—бороться противъ безбожнаго *Ашемаога* (еретика, лжеучителя), который не ѣстъ. (Вендидадъ, IV) ***).

Отношеніе къ мертвецамъ.

7.—Симметрія, эта неизбѣжная принадлежность системы всемірнаго дуализма, характеризуетъ Вендидадъ и по формѣ и по сути. Каж-

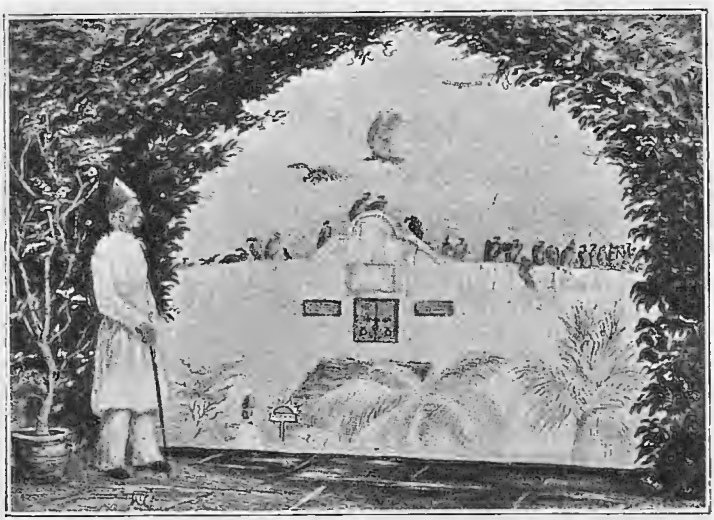
---

*) Геродотъ пишетъ, что, въ его время, въ Персіи царями выдавались преміи тѣмъ, у кого было больше дѣтей; а въ священныхъ текстахъ пехлевійскаго періода прямо сказано, что тотъ, у кого нѣтъ дѣтей, не будетъ пропущенъ на мостъ, ведущій въ рай.

**) Асто-Видхоту, «разрыватель костей», который на шею каждаго человѣка накидываетъ невидимую петлю,—непосредственную причину смерти. Такъ, въ Вендидадѣ (V) сказано, что ни вода, ни огонь никого не убиваетъ, потому что священныя стихіи не могутъ служить орудіями Ангро-Майнью. Нѣтъ, это Асто-Видхоту «стягиваетъ петлю»; тогда «вода схватываетъ человѣка и смываетъ его, или выкидываетъ на берегъ», или же «огонь сжигаетъ тѣло человѣка, предварительно убитаго бѣсомъ».

***) Если это мѣсто сравнительно древнее (до Р. Х.), то можно полагать, что намекъ этотъ направленъ противъ индусскихъ брахмановъ или буддистовъ, такъ какъ оба они сильны въ аскетизмѣ. Если же оно относится къ періоду сассанидовъ, оно вѣроятно мѣтило бы на персидскую секту манихейцевъ, предписывавшую всякаго рода посты и самобичеванія.

дая группа положеній, вопросовъ и отвѣтовъ, имѣетъ свою противоположную группу. Такъ, узнавъ отъ Ахура-Мазды, на какихъ мѣстахъ Земля чувствуетъ себя всего счастливѣе, Заратуштра конечно желаетъ знать, гдѣ Земля чувствуетъ наибольшую печаль, и получаетъ между



Зеленая арка въ живомъ заборѣ, окружающемъ дахму („Башню молчанія"), близъ Бомбея.

прочими, слѣдующій отвѣтъ: «...Тѣ мѣста, гдѣ схоронены трупы собакъ и людей... Тѣ мѣста, на которыхъ стоятъ въ наибольшемъ числѣ тѣ дахмы, гдѣ выставлены трупы людей...».

«Дахма»,—также называемая нынѣшними парсами «Башней Молчанія»,—означаетъ кладбище, если только можно дать это названіе мѣсту, гдѣ маздаяснійцы сѣвернаго Ирана выставляли своихъ

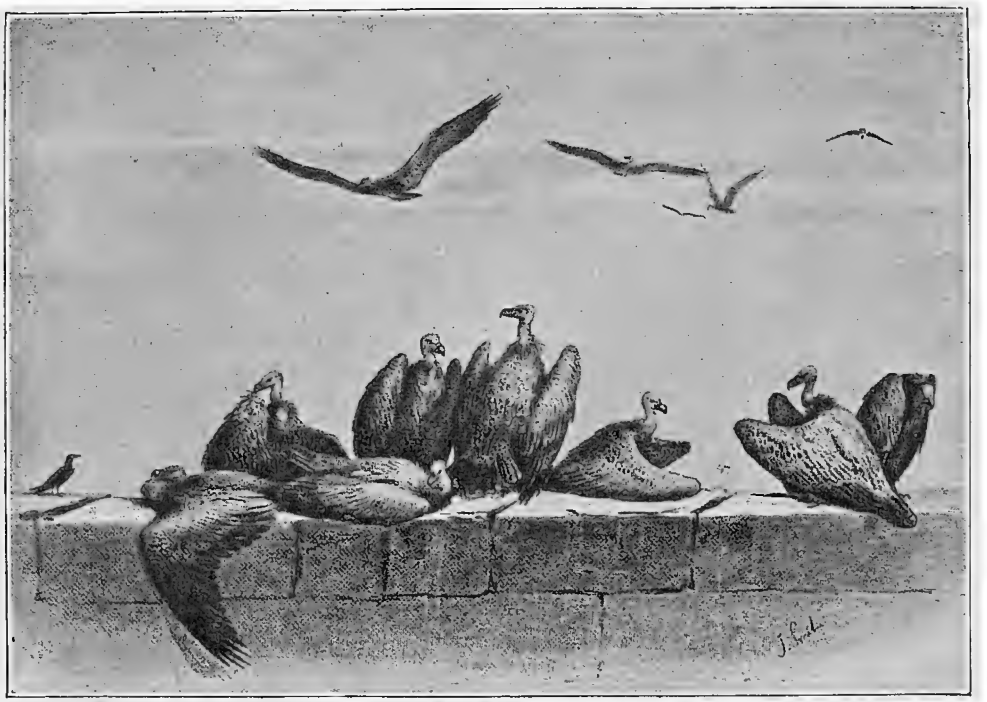
мертвецовъ, согласно странному и, по нашимъ понятіямъ, возмутительному обычаю, предписанному ихъ религіей и до сихъ поръ строго соблюдаемому ихъ потомками. Это—любопытный примѣръ того, куда можетъ довести безусловно ло-

Погребальное шествіе. (Снято съ натуры).
Впереди несутъ тѣло. Родные и друзья слѣдуютъ на предписанномъ разстояніи, непремѣнно попарно, и каждая пара держитъ бѣлый платокъ за два конца. Позади индусъ ведетъ собачку, принимающую участіе въ совершеніи страннаго обряда *Сагдидъ* (см. стр. 109—110). (Собачка—черная: нынѣшніе парсы уже не строго держатся предписанной масти).

гическій процессъ мышленія. Разъ что признаны два основныхъ положенія: 1) Стихіи чисты и святы, и ихъ не должно осквернять; 2) Квинтэссенція всякой скверны — смерть, такъ какъ она — дѣло Ангра-Майнью, «духа, суть котораго есть смерть», и который невозбранно овладѣваетъ тѣломъ человѣка въ ту минуту, какъ его

покидаетъ жизненное дыханіе (даръ Ахура-Мазды), естественно возникаетъ вопросъ: «Что дѣлать съ мертвецомъ?» Присутствіе трупа оскверняетъ воздухъ; опустить его въ землю или въ воду одинаково составляетъ святотатство; предать его огню, какъ это дѣлали индусы и многіе индоевропейскіе народы,— верхъ безбожія, преступленіе, ничѣмъ неискупаемое, навлекающее несказанныя бѣдствія на всю землю. Остается одно: отдавать тѣла умершихъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Законъ такъ и постановилъ: отнести тѣло на нѣкоторое разстояніе отъ жилыхъ мѣстъ и всякихъ святынь, если возможно, въ пустынное, дикое мѣсто, куда не заходятъ ни люди, ни скотъ, и положить «на высокія стремнины, гдѣ всегда водятся трупоядныя собаки и трупоядныя птицы», и тамъ прикрѣпить его за ноги и волосы, тяжестями изъ мѣди, камня или свинца, чтобы собаки и птицы не могли уносить куски мяса или кости къ водѣ и на деревья, и тѣмъ осквернить ихъ. Поклонникамъ Мазды наказывается, «если у нихъ есть къ тому средства, воздвигнуть строеніе для принятія выставляемыхъ мертвецовъ, изъ камня и цемента, куда не могли бы забраться собака, волкъ, лисица, и гдѣ не могла бы застаиваться дождевая вода *); если у нихъ нѣтъ на это

*) Это предписаніе, какъ и много другихъ, обстоятельныхъ до мелочности, основано на вполнѣ правильномъ замѣчаніи, что зараза удерживается и сообщается влагой, и, какъ санитарная предосторожность, заслуживаетъ полнаго одобренія. Тѣло, изсушенное и простоявшее годъ, не



Коршуны нѣжатся на солнцѣ на стѣнѣ дахмы или Башни Молчанія.

средствъ, то положить мертвеца на землю, на собственномъ коврикѣ и подушкѣ, одѣтымъ свѣтомъ небеснымъ (т. е. нагимъ), взирающимъ на солнце».

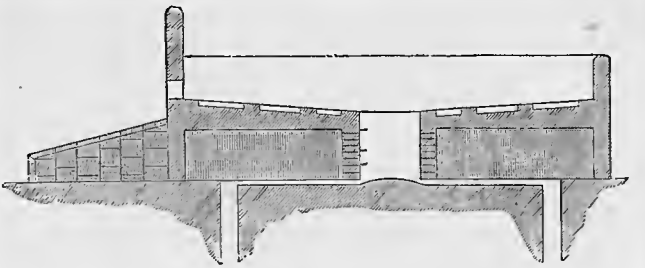
Дахмы или Башни Молчанія.

8.—Вотъ откуда повелись дахмы или Башни Молчанія. Помѣщаемъ здѣсь описаніе одного изъ этихъ единственныхъ въ мірѣ кладбищъ, словами писателя-парса, у котораго мы заимствовали уже одинъ отрывокъ *).

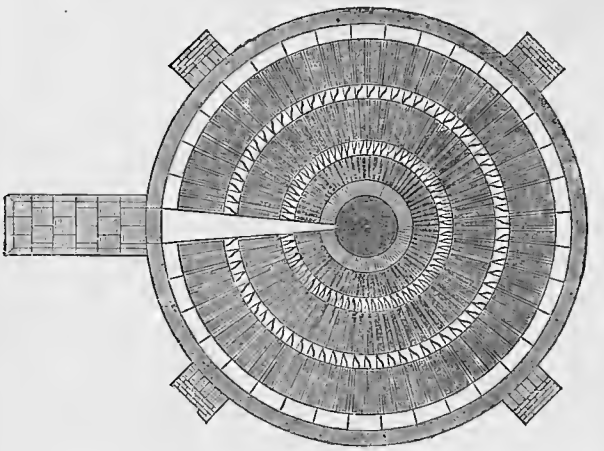
«Для тѣлъ ставится круглая платформа футовъ въ 300 въ окружности, вся вымощенная большими каменными плитами, и раздѣленная на три ряда вмѣстилищъ, называемыхъ *пави*. Такъ какъ въ каждомъ изъ этихъ концентрическихъ круговъ находится одинаковое число вмѣстилищъ, то они съ каждымъ рядомъ, начиная отъ наружнаго, уменьшаются, такъ что первый рядъ (у наружной стѣны) служитъ для мужчинъ, второй для женщинъ, а третій для дѣтей. Эти вмѣстилища отдѣлены одинъ отъ другого каменной грядкой не выше дюйма, и въ каждомъ высѣчено по желобу для стока дождевой воды и жидкостей отъ труповъ въ глубокую круглую яму *(бхандаръ)*, вырытую по серединѣ и вымощенную каменными плитами. Когда коршуны снимутъ все мясо съ костей, *на что требуется не болѣе часа времени*, скелетъ остается лежать, пока тропическое солнце и другія атмосферическія вліянія въ конецъ не изсушатъ его; тогда кости бросаются въ яму, гдѣ онѣ обращаются въ прахъ; такимъ образомъ, богатые и бѣдные послѣ смерти соединяются въ безусловномъ равенствѣ. Четыре подземныя сточныя трубы проведены отъ *бхандара* къ четыремъ колодцамъ, вырытымъ за стѣной башни на равныхъ разстояніяхъ. У отверстія каждой трубы положены песокъ

оскверняетъ, даже мѣсто дахмы снова чисто, когда кости превратятся въ прахъ; сказано: «Сухое съ сухимъ не мѣшается».

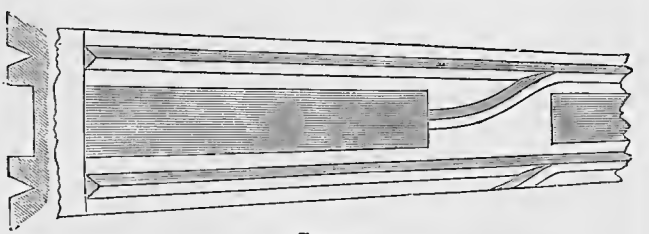
*) Досабхай Фрадженжи Карака, въ его «*Исторіи парсовъ*».



Поперечный разрѣзъ.
Вышина всего около 16 футовъ.



Внутренній видъ.



«Пави».
Планъ „дахмы“ или „Башни Молчанія“.

и древесный уголь для очищенія жидкостей, прежде чѣмъ онѣ всосутся въ почву; это дѣлается въ силу статьи Зороастрова ученія, гласящей, что «Мать Земля не должна быть оскверняема». Дно колодцевъ не вымощено, но на пять или семь футовъ вышины наваленъ песокъ. Эти дахмы или Башни Молчанія всѣ построены по одному плану, но величины бываютъ разной *).

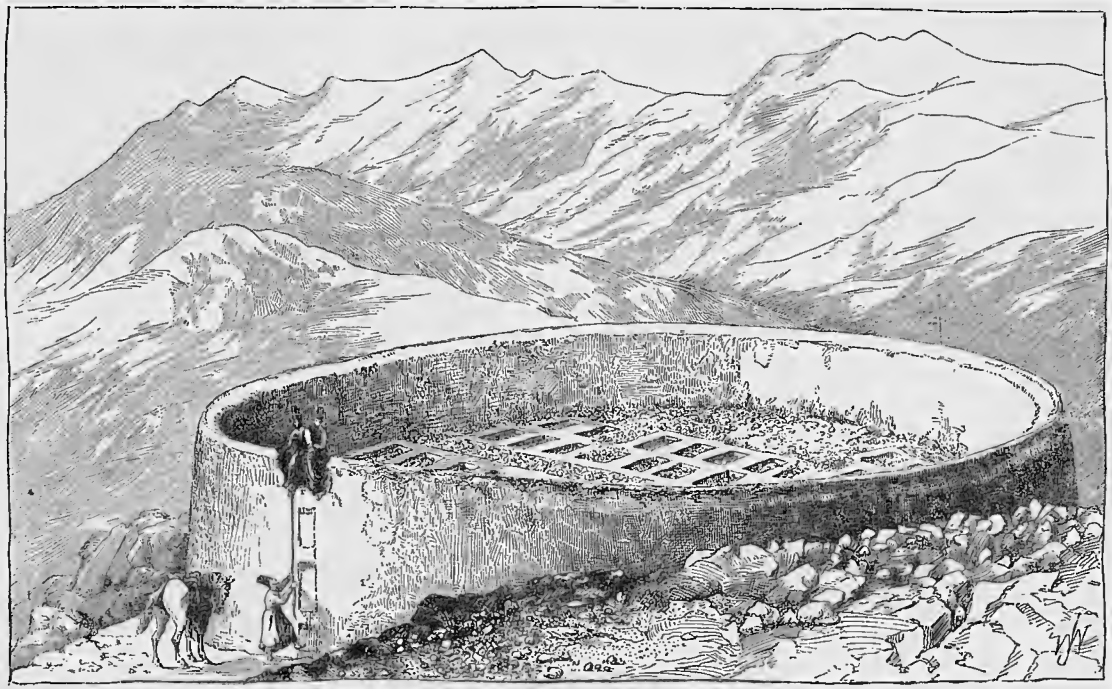
«Когда парсы собираются строить дахму... они вбиваютъ въ землю колья и обводятъ ихъ ниткой, указывая этимъ, какой именно участокъ будетъ отведенъ для мертвыхъ... Колья употребляются желѣзные **). Строеніе отдѣлено отъ окружающей земли канавой, около фута въ ширину и глубину».

Изъ этого описанія видно, что авторъ вполнѣ одобряетъ такое обращеніе съ покойниками. Вѣрно то, что парсы нисколько не гнушаются этимъ обычаемъ и доказываютъ, что имъ, во всякомъ случаѣ, удовлетворительно разрѣшается серьезная санитарная задача; этого нельзя отрицать, особенно имѣя въ виду жаркій и въ то же время насыщенный влагой, тропическій климатъ. Обычай этотъ заслуживаетъ уваженія, какъ торжественное напоминаніе о равенствѣ всѣхъ людей передъ законами природы, дѣлающее, притомъ, невоз-

---

*) Размѣръ дахмы въ Навсари: внутренній поперечникъ—62 фута; наружный (отъ наружной стороны стѣны)—70 ф., поперечникъ *бхандара*—20 фут.; максимальная вышина башни—16 ф.; вышина гранитной платформы—8 ф.

**) Даже носилки, на которыхъ переносятъ тѣло усопшаго, должны быть желѣзныя. Полагается, что металлъ менѣе другихъ веществъ удерживаетъ заразу. По законамъ объ очищеніяхъ, оскверненный металлическій сосудъ можетъ быть очищенъ; деревянный же остается навсегда нечистымъ.



Заброшенная дахма, близъ Тегерана, въ Персіи.

можными суетную погребальную роскошь и посмертныя тщеславныя отличія.

Тонкіе вопросы о чистотѣ и скверне.

9.—Желаніе примѣнять во всей строгости, съ логической послѣдовательностью, преувеличенныя понятія о чистотѣ стихій и скверности смерти вовлекаетъ законодателей въ безконечныя противорѣчія, ставитъ ихъ иногда въ самое затруднительное положеніе. Они должны, наконецъ, сознаться, что возникаетъ такъ много возможностей оскверненія, совершенно не подлежащихъ ихъ контролю, что самое существованіе становится какимъ-то безвыходнымъ лабиринтомъ, если не провести опредѣленной демаркаціонной черты. Они это сдѣлали посредствомъ мнимаго дополнительнаго откровенія въ особой главѣ Вендидада (Фаргардъ V), гдѣ Заратуштра якобы предлагаетъ Ахура-Маздѣ на разрѣшеніе разные тонкіе и затруднительные пункты въ видѣ воображаемыхъ, могущихъ представиться случаевъ. Приводимъ, въ видѣ образчика, все начало этого любопытнаго разговора:

«Человѣкъ умираетъ на днѣ долины. Птица слетаетъ съ вершины горы въ глубину долины и съѣдаетъ лежащій тамъ трупъ; потомъ летитъ изъ глубины долины опять на вершину горы, садится тамъ на какое-нибудь дерево... и на этомъ деревѣ она изрыгаетъ, оставляетъ на немъ испражненія, роняетъ куски мяса отъ трупа.

«И вотъ,—идетъ человѣкъ изъ глубины долины, приходитъ на вершину горы; подходитъ къ тому дереву, на которомъ сидитъ птица, и хочетъ брать отъ этого дерева дрова для огня. Онъ срубаетъ дерево, обрубаетъ его, рубитъ его на полѣна, которыя даетъ на сожженіе Огню, сыну Ахура-Мазды. Какое съ него будетъ взысканіе?

«Ахура-Мазда отвѣтилъ:—Нѣтъ грѣха на человѣкѣ изъ-

за мертвечины, занесенной собаками, птицами, волками, вѣтрами или мухами.

«Потому что, если бы на человѣкѣ былъ грѣхъ изъ-за мертвечины, занесенной собаками, птицами, волками, вѣтрами или мухами, то скоро въ семъ моемъ вещественномъ мірѣ были бы одни *пешотаны* (т. е. люди, подлежащіе смертной казни), совращенные со стези святости, души которыхъ обречены на стоны и плачъ!'» (Послѣ смерти, вслѣдствіе недопущенія въ рай).

Точно такъ же съ земледѣльца снимается отвѣтственность за занесеніе какимъ-либо животнымъ падали въ рѣчку, орошающую его поля. Наконецъ, Заратуштра обличаетъ самого Ахура-Мазду въ несоблюденіи своихъ собственныхъ законовъ:

«О Создатель вещественнаго міра! Пресвятый! Правда ли, что ты, Ахура-Мазда, ниспосылаешь воды изъ моря Вурукаша и изъ тучъ и допускаешь ихъ омывать трупы? Что ты, Ахура-Мазда, ниспосылаешь ихъ на дахмы, на нечистые останки, на кости? И что ты, Ахура-Мазда, допускаешь ихъ возвратиться ввысь, незримыми?!...»

На что Ахура-Мазда отвѣчаетъ: «Дѣйствительно все такъ, какъ ты говоришь, о праведный Заратуштра», — но объясняетъ, что, когда дождевая вода, оскверненная такимъ прикосновеніемъ, незримо возвращается (путемъ испаренія) туда, откуда она снизошла, она сперва очищается въ особомъ резервуарѣ, — Морѣ Пуитика, — и оттуда уже возвращается въ море Вурукаша во всей первобытной чистотѣ, и вполнѣ достойная орошать корни священныхъ деревьевъ, въ немъ растущихъ (Гаокерена и дерева всѣхъ сѣмянъ, см. стр. 78), и снова политься на землю, для доставленія пищи людямъ и скоту.

Оскверненіе земли дахмами.

10.—Съ тою же неумолимой логичностью маздеизмъ относится и къ дахмамъ. Хотя существованіе этихъ строеній составляетъ безусловную необходимость, однако мѣста, на которыхъ они стоятъ, какъ мы видѣли выше, причисляются къ тѣмъ мѣстамъ, «гдѣ Земля чувствуетъ наибольшую печаль». Мало того, дахмы, по совершенно правильнымъ санитарнымъ соображеніямъ, слывутъ сходбищемъ, «куда дэвы стекаются толпами, губить сотни, и тысячи, и тьмы людей... Они тамъ веселятся пока держится зловоніе. Поэтому дахмы распространяютъ заразу болѣзней, лихорадокъ... Тамъ Смерть имѣетъ всего болѣе власти надъ людьми съ того часа, когда солнце заходитъ». Итакъ, несмотря на то, что, строить дахмы всегда считалось богоугоднымъ дѣломъ, писаніе учитъ, что величайшую радость причиняетъ землѣ, во-первыхъ, «тотъ, кто выкопаетъ изъ нея наибольшее число труповъ собакъ и людей», и, во-вторыхъ, «тотъ, кто сроетъ наибольшее число тѣхъ дахмъ, гдѣ выставляются трупы людей»:

«Внушай всѣмъ и каждому въ вещественномъ мірѣ, о Спитама Заратуштра!—говоритъ Ахура-Мазда,—чтобы срывали дахмы. Тотъ, кто сроетъ лишь столько, сколько равняется величинѣ его собственнаго тѣла, искупитъ свои прегрѣшенія словомъ, дѣломъ, помышленіемъ. За его душу оба духа не будутъ тягаться, и когда онъ вступитъ въ блаженный міръ, звѣзды, мѣсяцъ и солнце возрадуются о немъ, и я, Ахура-Мазда, о немъ возрадуюсь, говоря: привѣтствую тебя, о, человѣкъ, только-что перешедшій изъ тлѣннаго міра въ міръ нетлѣнный!» (Вендидадъ, VII).

Предписанія, какъ обращаться съ покойниками зимой.

11.—А между тѣмъ, — такова уже сила обстоятельствъ,—не только землѣ приходится терпѣть оскверняющее присутствіе дахмъ, и люди

вынуждены ихъ строить, но при этомъ могутъ возникать осложненія еще хуже, въ которыхъ необходимо разобраться. Никакое бѣдствіе, никакое поруганіе не сравнится съ присутствіемъ или близостью трупа; между тѣмъ, люди умираютъ во всякое время года; какъ же быть зимою, — въ эти ужасныя зимы средней Азіи, — когда нѣтъ возможности добраться до дахмы, построенной обыкновенно на значительномъ разстояніи отъ селенія? Заратуштра вопрошаетъ о томъ Ахура-Мазду (Вендидадъ, V и VIII):

«О, Творецъ вещественнаго міра, Пресвятый! Если случится, что въ домѣ маздаяснійца умретъ собака или человѣкъ, и идетъ дождь или снѣгъ, или дуетъ сильный вѣтеръ, или надвигается темнота, когда стада и люди сбиваются съ дороги, какъ должны поступить маздаяснійцы?»

Ахура-Мазда предписываетъ, на самомъ уединенномъ и сухомъ мѣстѣ близъ дома, не меньше какъ въ тридцати шагахъ отъ воды, отъ огня и жилыхъ помѣщеній, временно схоронить тѣло въ ямѣ, вырытой на полфута глубины, если земля твердо замерзла, или въ полроста человѣка, если она рыхла, и прикрыть могилу кирпичной пылью, щебнемъ или сухой землей:

«И пусть оставятъ тутъ безжизненное тѣло до тѣхъ поръ, пока прилетятъ птицы, оживутъ растенія, побѣгутъ воды, и вѣтеръ начнетъ осушать отъ влаги поверхность земли... Тогда маздаяснійцы пусть пробьютъ стѣну дома, и пусть призовутъ двухъ мужей, сильныхъ и ловкихъ, которые, снявъ съ себя одежду, должны отнести тѣло къ строенію изъ глины, камня и цемента, гдѣ, какъ имъ извѣстно, всегда бываютъ трупоядныя собаки и трупоядныя птицы».

Въ другомъ мѣстѣ (Фаргардъ V), Ахура-Мазда предписываетъ, чтобы въ каждомъ болѣе значи-

тельномъ селеніи, въ виду возможности такого случая, были построены три небольшія хатки, — мертвецкія, — величины такой, чтобы въ нихъ могъ стоять человѣкъ, не касаясь головою крыши и не достигая стѣнъ протянутыми руками.

Хоронить трупъ—великій грѣхъ.

12.—Соразмѣрно заслугѣ освобожденія земли отъ оскверненія, причиняющаго ей «наибольшую печаль», почитается грѣхомъ нанесеніе ей такой печали погребеніемъ въ ея лонѣ трупа собаки или человѣка; если первымъ дѣйствіемъ искупается всякое прегрѣшеніе, всякая вина, то, наоборотъ, послѣдняго не искупить никакимъ наказаніемъ, даже смертью, если виновный не раскается и не выроетъ трупа до истеченія двухлѣтняго срока: «За такое злодѣяніе ничто не въ состояніи заплатить... ничто не въ состояніи отъ него очистить; это — такое прегрѣшеніе, за которое нѣтъ искупленія во вѣки вѣковъ». Это значитъ, что душа виновнаго пойдетъ въ адъ, и останется тамъ до всеобщаго воскресенія мертвыхъ. Все это, конечно, лишь въ такомъ случаѣ, если провинившійся—маздаясніецъ и наученъ закону; въ противномъ случаѣ, онъ не знаетъ, что грѣшитъ, и не долженъ, по справедливости, быть за то въ отвѣтѣ.

Нечистыя твари, умирая, становятся чистыми.

13.—Это начало, само по себѣ вѣрное, проведенное съ упорной, односторонней логикой, свойственной иранской расѣ, приводитъ къ любопытнымъ несообразностямъ. Такъ, напримѣръ, только трупы маздаяснійцевъ и животныхъ, принадлежащихъ къ «доброму творенію» Ахура-Мазды, оскверняютъ стихіи и представля-

ютъ опасность для живыхъ. Трупъ же Храфстра безвреденъ: «такъ какъ жизнь его была воплощенной смертью, источникъ жизни изсыхаетъ въ немъ съ послѣднимъ дыханіемъ; онъ убивалъ при жизни,—большаго вреда не можетъ причинить по смерти; и смерть очищаетъ его». То же говорится и объ *Ашемаогѣ* или еретикѣ, лжеучителѣ (Вендидадъ, V).

О болѣзни.

14.—Чуть не половина Вендидада состоитъ изъ предписаній для очищенія и искупленія отъ всякаго рода скверноты или нечистоты, принятой недобровольно или по неизбѣжности. Болѣзнь, какая бы ни была, почитается бѣсовскимъ навожденіемъ; съ больными, поэтому, обращаются скорѣе какъ съ преступниками, нежели какъ со страждущими братьями. Заключенный въ нарочно построенныхъ комнатахъ, удаленныхъ отъ огня и отъ солнца, больной получаетъ лишь самую скудную пищу, такъ какъ ѣда только придавала бы силу овладѣвшему имъ бѣсу; къ водѣ, даже для питья, ему тоже едва позволяютъ прикоснуться, изъ опасенія осквернить чистую стихію; домашніе подходятъ къ нему лишь въ случаѣ крайней необходимости, и то съ унизительными предосторожностями, даже пищу подаютъ ему въ ковшахъ на длиннѣйшихъ шестахъ; вмѣсто одѣялъ даютъ ему куски грубой ткани, экономно приберегаемые для подобныхъ случаевъ.

О бережливости.

15.—Бережливость ставится очень высоко, и внушается вѣрующимъ, какъ душеспасительная добродѣтель:

«Ахура-Мазда не велитъ намъ растрачивать попустому

имущество, имѣющее какую-либо цѣнность, хотя бы нитки, вѣсомъ съ малую серебряную монетку, хотя бы столько, сколько дѣвушка роняетъ, когда прядетъ. Тотъ, кто набрасываетъ одежду на мертвое тѣло (потому что она пропадетъ, такъ какъ ничто не можетъ очистить ее отъ такого оскверненія), хотя бы столько, сколько дѣвушка роняетъ, когда прядетъ, тотъ уже не благочестивый человѣкъ при жизни, а по смерти не будетъ имѣть мѣста въ блаженномъ царствѣ. Онъ уйдетъ въ міръ бѣсовскій, въ тотъ темный міръ, созданный изъ тьмы, порожденіе тьмы».

Нынѣшніе парсы, впрочемъ, одѣваютъ своихъ мертвецовъ; только саванъ долженъ быть изъ ветхаго, изношеннаго, но чисто вымытаго старья.

Насу, трупный бѣсъ.

16.—Самый страшный и опасный изо всѣхъ бѣсовъ, это бѣсъ тлѣнія и заразы — Друджъ-Насу, овладѣвающій тѣломъ въ тотъ мигъ, когда вылетаетъ изъ него послѣднее дыханіе:—«мерзѣйшій изъ всѣхъ Храфстръ... налетаетъ изъ сѣвернаго края въ видѣ злой мухи», и «разноситъ кругомъ заразу, скверну, нечистоту», до десятаго ряда стоящихъ вокругъ тѣла, и еще далѣе, такъ какъ каждый присутствующій сообщаетъ оскверненіе своему сосѣду, только въ болѣе слабой степени по мѣрѣ отдаленія отъ центра заразы,— трупа. Юсти, въ своей «Исторіи персовъ», весьма правдоподобно замѣчаетъ, что «въ мухѣ, привлеченной запахомъ мертвечины, видѣли воплощеніе бѣса, вступающаго во владѣніе трупомъ отъ лица Ангра-Майнью». Но позволительно спросить, не кроется ли тутъ болѣе глубокое знаніе явленій природы: не потому ли древніе иранцы въ мухѣ воплотили трупнаго бѣса, подмѣтивъ, что муха можетъ сообщить заразу трупнымъ

ядомъ, нерѣдко со смертельнымъ исходомъ? Вѣдь знали же древніе египтяне и другіе народы, что чума разносится мышами и крысами. Нѣтъ сомнѣнія, что древнимъ было извѣстно много такого, что̀ считается открытіемъ самоновѣйшей науки, только наблюденія ихъ затерялись по неимѣнію книгъ. А именно по санитарной части Зороастровъ законъ содержитъ замѣчательныя постановленія, рядомъ, конечно, съ большими нелѣпостями. Такъ, читатель, вѣроятно, не забылъ любопытнаго обряда *сагдида*, — показыванія умирающаго или умершаго «четвероглазой или желтоухой собакѣ»: цѣль его—отраженіе именно бѣса Насу, и тѣхъ же собакъ проводятъ по нѣскольку разъ по дорогѣ, по которой тѣло снесено въ ближайшую дахму, прежде чѣмъ допустить людей и стада проходить по ней. Что же касается тѣхъ, кому по необходимости пришлось прикоснуться къ трупу (все равно, собаки ли или человѣка, такъ какъ собака—священное животное), они подвергаются основательному процессу очищенія (по-нашему — дезинфекціи), посредствомъ разныхъ омовеній. По мѣрѣ того, какъ «добрая вода» касается той или другой части тѣла, полагается, что Друджъ Насу покидаетъ эту часть и перебѣгаетъ на другую, начиная съ темени и кончая большимъ пальцемъ лѣвой ноги, съ котораго Насу, наконецъ, улетаетъ «въ сѣверные края», въ собственномъ видѣ противной мухи. Перечень всѣхъ этихъ различныхъ мѣстъ на человѣческомъ тѣлѣ, съ повтореніемъ формулы заклинанія, все въ обычной разговорной

формѣ, на многихъ страницахъ, надо признаться, поражаетъ своей нелѣпостью. При чтеніи такихъ мѣстъ, — а ихъ немало въ Авестѣ, — становится понятенъ приговоръ, произнесенный врагами Анкетиля Дюперрона. Всѣ эти очистительныя омовенія, предписанныя въ Авестѣ, и по сіе время совершаемыя парсами, крайне отвратительны. Главную роль въ нихъ играетъ *гомезъ*, попросту— бычачья или коровья моча, которой, какъ и у индусовъ приписывается большая святость. Очищаемое лицо омываетъ *гомезомъ* все тѣло, потомъ до-суха натираетъ землею, наконецъ, отмывается чистой водой. Эта троякая процедура повторяется нѣсколько разъ. «Большое очищеніе» (*Барашнумъ*) продолжается девять ночей подъ-рядъ. Всѣми этими церемоніями, конечно, руководятъ и совершаютъ ихъ священники, и мы видѣли выше (см. стр. 135), какъ ревниво, даже свирѣпо, они отстаиваютъ свои права. *Гомезъ* употребляется также для очищенія домовъ, одежды, сосудовъ для питья, губы новорожденныхъ младенцевъ смачиваютъ имъ, а матерей заставляютъ проглотить значительное количество этой гадости, смѣшанное съ золой, прежде чѣмъ имъ дадутъ испить воды или даже прикоснуться къ водѣ.

Запретъ носить трупъ одному.

17.—Всего опаснѣе трупный бѣсъ, если онъ застаетъ вѣрующаго одного, не защищеннаго присутствіемъ и молитвами брата по вѣрѣ. Человѣкъ, одинъ несущій трупъ, погибъ безвозвратно: Насу кинется на него, ворвется въ него и осквернитъ его на вѣки вѣчные; онъ самъ сдѣлается, такъ

сказать, перевоплощеніемъ страшнаго бѣса, и долженъ быть отрѣзанъ отъ всякаго общенія съ людьми. Вотъ какъ законъ предписываетъ поступить съ такимъ несчастнымъ: на сухомъ, безплодномъ мѣстѣ построить ограду, вдали отъ огня, воды и всякой святыни; поселить тамъ «одно-носильщика», снабжать его самыми грубыми яствами, самой ветхой одеждой, и оставить его дожить до глубокой старости, а тогда умертвить его такою же казнью, какъ самовольно исправляющаго священническія обязанности, съ тѣмъ, что казнь его искупитъ его вину на семъ свѣтѣ и на томъ.

О лѣкаряхъ.

18.—Хотя Авеста на болѣзни смотритъ, какъ на бѣсовское навожденіе, однако въ Вендидадѣ есть коротенькая статья о лѣкаряхъ, объ употребляемыхъ способахъ лѣченія и о вознагражденіи, на которое лѣкаря имѣютъ право. Какъ и слѣдовало ожидать, первое мѣсто дается лѣченію заговорами,—читанію надъ больными священныхъ текстовъ (Мантръ):

«Если нѣсколько лѣкарей въ одно время вызовутся лѣчить больного, а именно: одинъ—ножомъ, другой—травами, третій—святымъ словомъ, послѣдній лучше другихъ отгонитъ болѣзнь отъ тѣла вѣрующаго».

Одинъ коментаторъ позднѣйшаго времени, очевидно, уже зараженный новѣйшимъ духомъ скептицизма, весьма основательно замѣчаетъ: «Онъ, можетъ-быть, и не поможетъ, но и не повредитъ», и потому совѣтуетъ непремѣнно допустить заклинателя испробовать силу «святого слова». Что же касается хирурговъ, «врачующихъ ножомъ», они,

повидимому, не внушали безусловнаго довѣрія: они допускались къ практикѣ только послѣ экзамена, или вѣрнѣе—искуса, дѣлающаго честь практичности этого умнаго народа. Они должны были показать свое искусство на инородцахъ-иновѣрцахъ, которые отдавались студентамъ въ родѣ того, какъ въ средніе вѣка давались имъ приговоренные преступники, когда требовалось произвести опытъ *in animâ vili*:

«На поклонникахъ дэвовъ онъ сначала покажетъ свое искусство... Если онъ будетъ ножомъ пользовать поклонника дэвовъ, и тотъ умретъ»,—и другой, и третій,—«значитъ онъ неспособенъ лѣчить на вѣки вѣчные... Если онъ когда-либо станетъ лѣчить маздаяснійца... и поранитъ его ножомъ, онъ понесетъ за это ту же кару, какъ за преднамѣренное убійство...

«Если онъ станетъ лѣчить ножомъ поклонника дэвовъ, и тотъ выздоровѣетъ»,—и другой и третій,—«тогда онъ способенъ лѣчить на вѣки вѣчные. Онъ можетъ впредь по желанію пользовать маздаяснійцевъ... и лѣчить ихъ ножомъ».

Вознагражденіе платится натурой: быками, ослами, кобылами, верблюдами, овцами, и назначается смотря по положенію и достатку паціента: «областного владыку (царя) врачъ будетъ лѣчить за колесницу съ четверней»; за овцу его накормятъ,—(должность врача не отдѣляли отъ должности ветеринара);—отъ священника единственная плата полагалась—«святое благословеніе».

Собака—священное животное.

19.—Во всемъ Вендидадѣ нѣтъ ничего любопытнѣе закона о чрезвычайномъ почетѣ, воздаваемомъ собакѣ. Мы уже не разъ видѣли, что собака постоянно упоминается наравнѣ съ человѣкомъ: «Трупъ собаки или человѣка»; «Убіеніе собаки или человѣка», и пр. Но это далеко не

все. Цѣлыя главы посвящены исключительно тому, какъ слѣдуетъ обращаться съ собакой, въ здравіи и болѣзни. Причины такой необычайной заботливости объясняетъ самъ Ахура-Мазда:

«Собаку, о Спитама Заратуштра! я, Ахура-Мазда, сотворилъ само-одѣтою, само-обутою; бдительною, чуткою и острозубою, рожденною принимать пищу отъ человѣка и сторожить его добро. Я сотворилъ собаку сильною тѣломъ противъ лиходѣя, сторожемъ вашего имущества, когда она въ здравомъ умѣ. И кого голосъ ея разбудитъ, у того ни воръ ни волкъ не похититъ ничего изъ дома безъ его вѣдома; волкъ будетъ побитъ и разорванъ; онъ отогнанъ, онъ бѣжитъ...»

«...Если двѣ мои собаки,—овчарка и сторожевая,—пройдутъ мимо дома кого-либо изъ моего вѣрнаго люда, пусть никогда не отгоняютъ ихъ. Ибо никакой домъ не устоялъ бы на землѣ богосозданной безъ тѣхъ двухъ моихъ собакъ, овчарки и сторожевой».

Именно изъ уваженія къ ея зависимости отъ человѣка и къ ея безкорыстной службѣ,—(«она сторожитъ добро, отъ котораго ей не достается ничего»),—за собакой должно ходить и кормить ее «молокомъ и мясомъ съ жиромъ»; давать собакѣ дурной кормъ считается такимъ же преступленіемъ, какъ гостю предложить дурную пищу; большимъ грѣхомъ считается даже и то, если дать собакѣ слишкомъ твердыя кости или слишкомъ горячую пищу, такъ, что кости повредятъ ей зубы, а пищей она обожжетъ себѣ горло и языкъ. «Если человѣкъ ударитъ овчарку или сторожевую собаку такъ, что она испуститъ духъ и душа покинетъ тѣло»,—не только человѣкъ тотъ будетъ строго наказанъ, но на томъ свѣтѣ собаки, поставленныя на стражѣ у Моста Чин-

ватъ, не защитятъ душу его отъ дэвовъ, которые съ воемъ будутъ за нею гнаться. Если въ домѣ есть бѣшеная собака или собака лишенная чутья, «ее должно лѣчить такъ же, какъ лѣчили бы одного изъ вѣрующихъ», и если не удастся ее вылѣчить, то на шею ей надѣть деревянный ошейникъ и привязать ее къ столбу, чтобы съ ней не приключилось бѣды, и хозяева дома не остались въ отвѣтѣ за ея смерть или пораненіе. За ощенившейся сукой долженъ быть такой точно уходъ, какъ и за роженицей; ее и щенятъ ея обязанъ содержать тотъ, на чьей землѣ они родились, пока они будутъ въ состояніи сами снискивать себѣ пропитаніе и защищаться, и если онъ этого не сдѣлаетъ, онъ за такое упущеніе подлежитъ такому же наказанію, какъ за преднамѣренное убійство. «Молодыхъ собакъ,—гласитъ законъ,—должно содержать шесть мѣсяцевъ, дѣтей—семь лѣтъ». Наконецъ—

«Если кто ударитъ овчарку или сторожевую собаку такъ, что она сдѣлается неспособной къ труду, если кто отрѣжетъ у нея ухо или лапу, и вслѣдъ затѣмъ ворвется воръ или волкъ и похититъ овецъ изъ овчарни или добро изъ дома, а собака не оповѣститъ, то изувѣчившій ее заплатитъ за похищенное добро, а за увѣчіе собаки понесетъ кару, какъ за намѣренное пораненіе».

Прохожая собака,—не имѣющая ни пріюта, ни хозяина,—ставится нѣсколько ниже помянутыхъ аристократокъ, овчарки и сторожевой собаки, но все же имѣетъ право на уваженіе, такъ какъ именно такія собаки обыкновенно употребляются для обряда *сагдида* (Дарместетеръ сравниваетъ ее съ нищенствующимъ монахомъ или странствующимъ

дервишемъ). Уже четырехъ мѣсяцевъ отъ роду собака «вступаетъ въ общину вѣрующихъ», потому что тогда уже способна отогнать своимъ глазомъ бѣса Насу.

Пѣтухъ — священная птица.

20.—Въ тѣхъ же главахъ упоминаются еще другія животныя, якобы разныхъ собачьихъ породъ, но эти мѣста темны и непонятны. Интереснѣе тѣ, въ которыхъ превозносятся заслуги пѣтуха, птицы спеціально посвященной «бѣсоизбивателю» Сраошѣ, божественнаго посланца, призывающаго людей къ исполненію ихъ религіозныхъ обязанностей:

«...Птица по имени Пародаршъ ... громогласно встрѣчаетъ могущественную Зарю. Воспрянь, о человѣкъ!.. Се идетъ на тебя Бушьянста, «(бѣсъ лѣни)», долгорукая, снова усыпляющая все живое твореніе, лишь только оно проснется: Спите! говоритъ она, — спите, о люди! еще не время...

«...Тогда спящіе вмѣстѣ говорятъ одинъ другому: 'Встанемъ! Пѣтухъ зоветъ!' Кто первый изъ двухъ поднимется, тотъ первый войдетъ въ рай; кто первый, чисто омытыми руками, принесетъ чистыхъ дровъ Атару́, сыну Ахура-Мазды...

«...И если кто любовно и набожно поднесетъ въ даръ одному изъ вѣрующихъ пару этихъ моихъ птицъ, — Пародаршъ, самца и самку (т. е. пѣтуха и курицу), то онъ все равно что подарилъ домъ на ста столпахъ.

«...И кто птицу мою Пародаршъ до́сыта накормитъ, того мнѣ нѣтъ надобности допрашивать: онъ пойдетъ прямо въ рай».

Слѣды кочевого быта въ Вендидадѣ.

21.—Самый бѣглый просмотръ Вендидада покажетъ, какому троякому измѣненію маздеизмъ подвергся, исходя отъ величавой простоты Гатовъ: 1) чрезмѣрное развитіе въ сторону догматизма и дисциплины; 2) возрожденіе нѣкоторыхъ

языческихъ тенденцій и воспоминаній; 3) принятіе въ себя нѣкоторыхъ чужихъ элементовъ. Послѣдній фактъ легко объясняется, если вспомнить, что племя, которому Авеста служитъ духовнымъ памятникомъ, выработало свой духовный складъ, когда у него еще не сложилась цѣльная, окончательно осѣдлая народность, еще не кончился кочевой, скитальческій, переселенческій періодъ. Это съ избыткомъ доказывается такими мѣстами какъ напр., слѣдующее (Вендидадъ, VIII), гдѣ предписывается, какъ поступить съ трупомъ собаки или человѣка, если нѣтъ дахмы по близости:

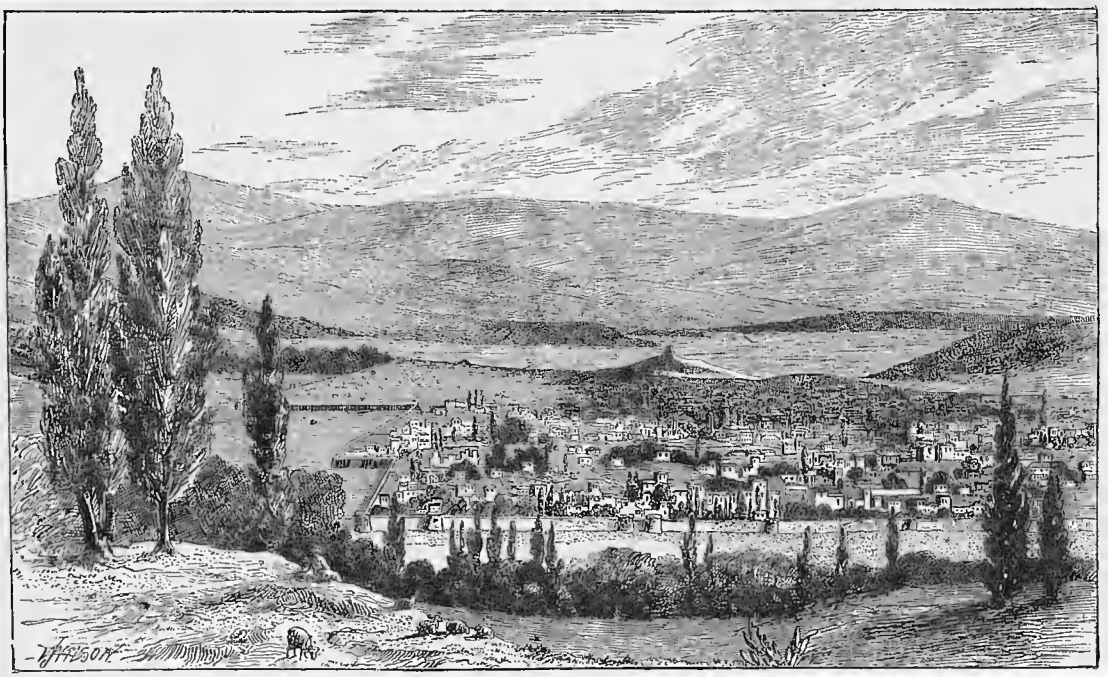
«*Если разсудятъ, что легче убрать мертвеца, чѣмъ домъ*, пусть мертвеца уносятъ, а домъ пусть оставятъ и окуриваютъ душистыми травами.

«*Если же разсудятъ, что легче убрать домъ, чѣмъ мертвеца, пусть уносятъ домъ*, а мертвецъ пусть остается лежать на мѣстѣ; домъ же пусть окуриваютъ душистыми травами».

Что это за передвижной «*домъ*», какъ не шалашъ изъ вѣтвей или палатка, временный пріютъ кочевника?

Туранское вліяніе.

22.—Извѣстно, что переселенія иранцевъ происходили вообще по направленію съ востока на западъ, и, кромѣ того, что они, двигаясь по этому направленію, уперлись, наконецъ, въ восточные отроги и восточныя долины Загросской цѣпи и въ еще болѣе крутое и дикое нагоріе, лежащее между Каспійскимъ моремъ и обширными озерами земли Урартý,—Ванъ и Урмія,—край, нынѣ называемый Адербейджаномъ, отъ древняго названія: Атропатэна, которое само про-

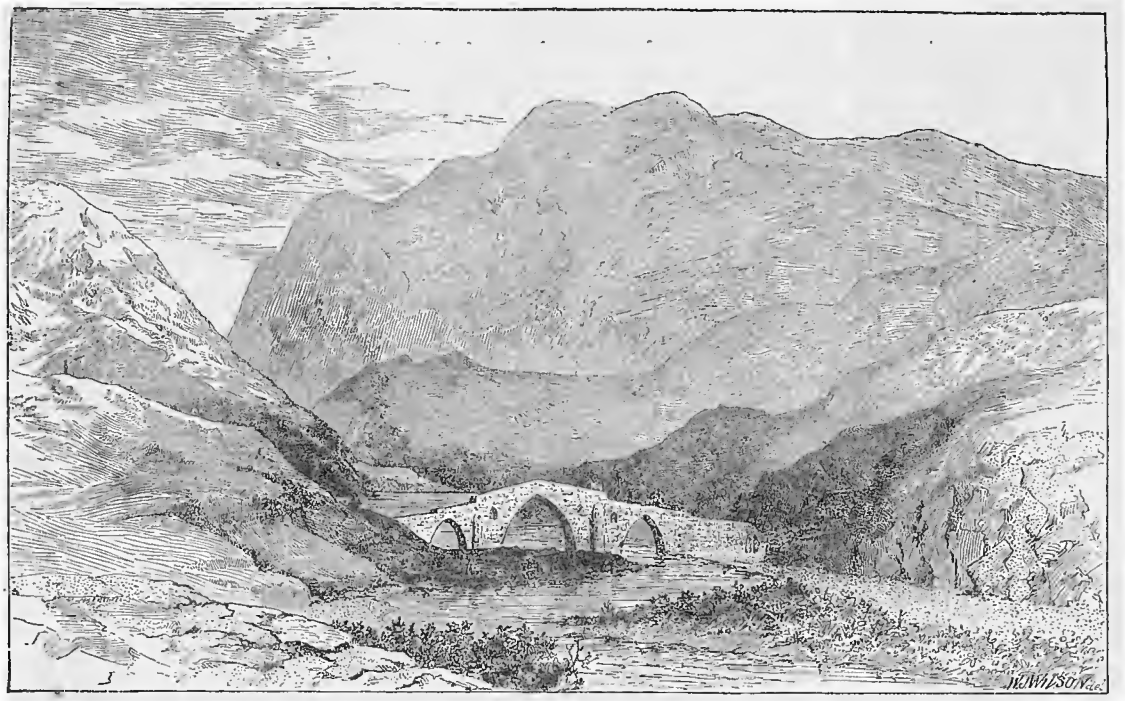


Видъ въ Адербейджанѣ.
(Нынѣшній городъ Марагха).

исходило отъ еще болѣе древняго иранскаго слова, означавшаго «Владѣнія Огня». Существуютъ памятники, доказывающіе, что иранская вѣтвь, тогда уже извѣстная подъ именемъ мидянъ (мадаи), выживала обывателей восточныхъ хребтовъ Загроса и сама терпѣла натиски ассирійскихъ войскъ уже въ IX-мъ вѣкѣ до Р. Х., при царѣ Рамман-Нирари III *), и, вѣроятно, упоминалась даже его дѣдомъ, великимъ Салманассаромъ II. Далѣе, есть основанія полагать, что часть придвигающихся мидянъ прошли землями разныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ, обитающихъ по близости Каспійскаго моря, въ краѣ, исвѣстномъ въ позднѣйшей, классической древности подъ названіемъ Гирканіи. Всѣми этими данными, объясняется происхожденіе нѣкоторыхъ представленій, нѣкоторыхъ предписаній, которыя мы находимъ въ Вендидадѣ, но которыя истекли навѣрно не изъ арійскихъ источниковъ,— каковы, напримѣръ, употребленіе *баресмы*, обращеніе съ мертвыми, врачеваніе заговорами и заклинаніями, чрезмѣрное почитаніе стихій, вѣра въ полчища бѣсовъ, стерегущихъ каждый шагъ людей, чтобы вовлечь ихъ въ погибель. Все это чуждо арійскому духовному складу, но какъ разъ совпадаетъ съ хорошо извѣстными намъ чертами туранскаго религіознаго сознанія и выработавшейся согласно тому системой: стоитъ только припомнить заклинанія и чары Шумира и Аккада **). А населеніе Загроса и Прикаспійскаго

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 219.

**) См. «Исторію Халдеи», гл. VII.



Видъ въ Адербейджанѣ.

края, которое мидяне въ теченіе вѣковъ трехъ или болѣе того вытѣсняли изъ насиженныхъ имъ мѣстъ или покоряли своему владычеству, почти навѣрно по большей части принадлежало къ тому отдѣлу человѣчества, который иранцы называли общимъ именемъ «туранцевъ», т. е. къ желтой расѣ *).

Необходимыя уступки.

23.—Въ томъ, что арійскіе завоеватели отчасти подчинились вліянію народовъ, среди которыхъ имъ довелось поселиться, нѣтъ ничего замѣчательнаго; замѣчательно было бы скорѣе противное, такъ какъ, при сравнительной малочисленности ихъ, здравая политика совѣтовала съ новыми подданными обращаться осторожно, ублажать ихъ въ виду того, что военнаго превосходства, не смягченнаго нравственнымъ вліяніемъ, было навѣрно недостаточно, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи. Первымъ и необходимымъ шагомъ къ установленію таковаго вліянія было, конечно, обращеніе этихъ подданныхъ въ свою вѣру, но этого невозможно было бы достичь безъ многихъ уступокъ мѣстнымъ, давно укоренившимся вѣрованіямъ. Новая вѣра, каково бы ни было ея превос-

*) Таково общепринятое въ наукѣ положеніе. Однако, не должно умолчать о противномъ мнѣніи, яростно отстаиваемомъ извѣстнымъ ассиріологомъ и семитистомъ, французомъ Галеви, который не признаетъ туранскаго элемента въ племенахъ, покоренныхъ мидянами, и даже въ самомъ древнѣйшемъ населеніи Шумира и Аккада. Галеви долгое время стоялъ особнякомъ, но къ нему присоединились еще двое не менѣе извѣстныхъ французскихъ ученыхъ, покойный Станиславъ Гюяръ и Поньонъ. Этому меньшинству не удалось убѣдить ученую братію.

ходство, никогда не замѣщаетъ старѣйшую безъ такихъ уступокъ; дѣлая же ихъ, она неизбѣжно осваивается съ тѣми самыми вѣрованіями, которыя она поставила себѣ задачей искоренить. Такъ мы видѣли, какъ грубое бѣсопоклонничество Шумира и Аккада со всѣмъ истекающимъ изъ него унизительнымъ суевѣріемъ (гаданіями, заклинаніями, чародѣйствомъ и пр.), завоевало себѣ мѣсто въ несравненно болѣе возвышенной и благородной религіозной системѣ семитскаго Вавилона *). Когда вспомнимъ, что иранскій пророкъ родился именно въ этомъ краю, въ которомъ навѣрно преобладали туранскіе элементы, становится понятнымъ, что онъ не встрѣтилъ тамъ сочувствія и долженъ былъ нести свое ученіе восточному, чисто арійскому Ирану, а также и то, что когда оно, торжествующее, пришло съ востока и водворилось на родинѣ пророка, вѣроятно уже послѣ его смерти, оно сразу подпало подъ то же туранское вліяніе, чѣмъ и объясняется отчасти разница между Гатами и другими отдѣлами Авесты. Итакъ, первобытную чистоту Зороастровой вѣры извратили, съ одной стороны, пережитки древне-арійскаго миѳическаго міра, съ другой—туранское суевѣріе.

Слѣды ранскаго вліянія въ Авестѣ.

24.—Этотъ вопросъ,—о слѣдахъ въ Авестѣ туранскихъ вліяній,—вопросъ первой важности для разумѣнія того, что можно бы назвать геологическимъ наслоеніемъ въ религіи, выработанной со временемъ изъ откровенія, возвѣщеннаго въ

*) См. «Исторію Халдеи», гл. IX.

Гатахъ, — основательно изученъ французскимъ переводчикомъ Авесты, монсиньоромъ Де-Гарлэ (de-Harlez) *). Послѣдуемъ за нимъ шагъ за шагомъ въ этомъ любопытномъ изслѣдованіи, насколько дозволятъ размѣры общедоступной работы:

1) «Заклинанія, которыхъ мы въ Вендидадѣ находимъ нѣсколько образчиковъ, несомнѣнно исходятъ изъ Шумира и туранской Мидіи. Такіе длинные, монотонные перечни какъ, напримѣръ, слѣдующее, напоминаютъ аккадскія формулы: «Тебѣ, о Болѣзнь, говорю—чуръ меня! Тебѣ, о Смерть, говорю — чуръ меня! Тебѣ, о Боль, говорю — чуръ меня! Тебѣ, о Лихорадка, говорю — чуръ меня!.. Я отгоняю болѣзнь, отгоняю смерть, отгоняю боль и лихорадку, отгоняю недугъ, гнилость, заразу, которыя Ангра-Майнью своимъ чародѣйствомъ создалъ на гибель тѣлесъ смертныхъ...» (Вендидадъ, XX) **).

«Множество дэвовъ, населяющихъ авестійскій міръ, вѣра въ ихъ неусыпную дѣятельность, въ ихъ безпрестанныя нападенія, въ необходимость употребленія противъ нихъ заклинаній и чародѣйствъ, повѣрія въ родѣ того, что обрѣзки ногтей обращаются дэвами въ оружіе ***),—вся эта мрачная сторона Зороастровой религіи навѣрно представляетъ продуктъ халдейскаго и туранскаго мышленія... Халдейцы считали болѣзнь дѣломъ бѣсовъ, и заговаривали ее

---

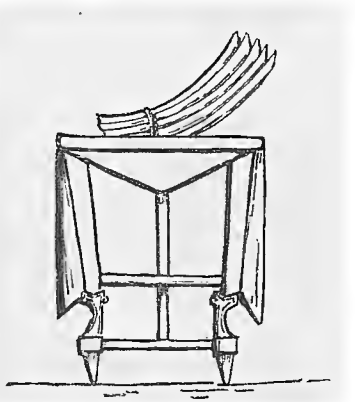
*) «*Les Origines du Zoroastrisme*», см. также того же автора монументальное «Введеніе» къ его переводу Авесты.

**) Сравнить съ этими страницами гл. VII «Исторіи Халдеи».

***) Вѣрующимъ предписывается хоронить обрѣзки ногтей въ спеціально вырытой ямѣ, съ извѣстными молитвами. Если не будетъ принята эта предосторожность, «ногти въ рукахъ дэвовъ обратятся въ копья, ножи, луки, соколинокрылыя стрѣлы и камни для пращей». Очёски волосъ и отрѣзанные или отбритые волоса должно тѣмъ же порядкомъ хоронить (Вендидатъ, XVII).

волшебными словами. Такъ и въ Авестѣ сказано, что лучшій врачъ тотъ, кто лѣчитъ «святымъ словомъ» (Мантра).

2) *Баресма*, по всей вѣроятности, плодъ тѣхъ же вліяній. Всѣ туранскіе народы употребляли гадательные жезлы, и предписаніе священнику,— держать связку прутьевъ протянутой отъ себя во время богослуженія,—указываетъ на повѣріе, что она удаляетъ злыхъ духовъ отъ его особы и отъ алтаря. Этимъ объясняется и то, что мидійскіе жрецы, маги, никогда не показывались безъ *баресмы*. Тутъ возникаетъ другой вопросъ, въ связи съ внѣшними формами месопотамскаго богослуженія, все еще мало извѣстными. На ассирійскихъ изваяніяхъ часто встрѣчается одинъ любопытный предметъ, всегда лежащій на жертвенникѣ или на особомъ столикѣ: напримѣръ, въ изображеніи пира Ашурбанипала, столикъ съ этимъ предметомъ стоитъ у одра царя, рядомъ съ другимъ, на которомъ лежатъ его лукъ и мечъ*). До сихъ поръ еще не объяснено, что̀ это былъ за предметъ, и на что онъ служилъ. Но, если вглядѣться поближе, окажется, что онъ чрезвычайно походитъ на пучокъ связанныхъ вмѣстѣ прутьевъ,



Столъ при жертвенникѣ на ассирійскихъ барельефахъ.

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 449.

неровнаго числа. Не представляется ли вѣроятнымъ, что это —изображеніе священныхъ гадательныхъ прутьевъ, первообразъ иранской *баресмы?* Вопросъ интересный и стоящій разъясненія.

3) «Вѣрованіе въ трупнаго бѣса,—Друджъ Насу,—и въ ничѣмъ не смываемое оскверненіе отъ труповъ, и всѣ исходящія изъ него предписанія относительно погребальныхъ обрядовъ и очищеній, преданіе мертвыхъ на съѣденіе волкамъ и коршунамъ, — всѣ эти понятія и обычаи несвойственны ни арійцамъ, ни халдейцамъ, ни аккадьянамъ. Они, должно-быть, зародились въ горныхъ мѣстностяхъ, очень мало цивилизованныхъ, и подъ вліяніемъ туранскаго народа. Греки положительно указываютъ, гдѣ именно эти предписанія были въ силѣ... Они удостовѣряютъ, что только бактріяне, да прикаспійскіе народы слѣдовали имъ: первые только отчасти, послѣдніе вполнѣ».

Позднѣйшее названіе прикаспійскаго края, — Гирканія, несомнѣнно включаемаго въ общее названіе «Турана», сдѣлалось воплощеніемъ всякой лютости и дикости.

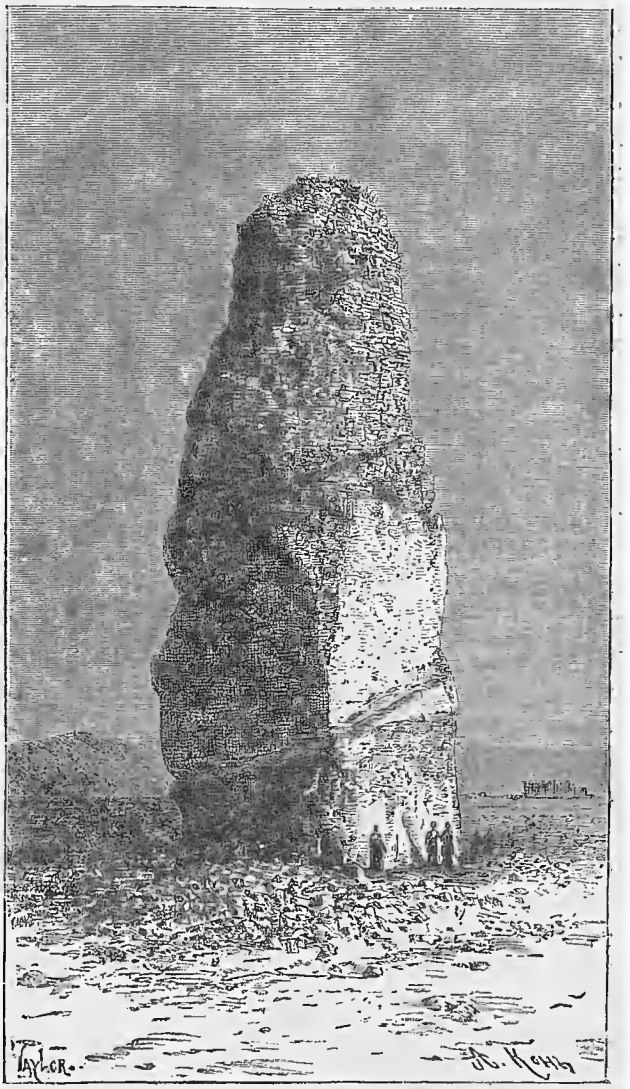
De-Harlez далѣе напоминаетъ, что этотъ самый бѣсъ Насу весьма похожъ на тѣхъ шумиро-аккадскихъ злыхъ духовъ, которые прохода не даютъ людямъ, — дождемъ падаютъ съ неба, — выростаютъ изъ земли, змѣями вползаютъ въ двери, крадутъ дитя съ отцовыхъ колѣнъ, лишаютъ жену благодати дѣторожденія *). Притомъ, бѣсъ Насу не одинъ: какъ и въ туранской Халдеѣ, имя имъ—легіонъ. Глава XI Вендидада, вся состоящая изъ заклинаній и ворожбы для отраженія лихихъ вліяній отъ дома, огня, земли, дерева, коровы и отъ вѣрующихъ, мужчины или женщины, даетъ длинный перечень бѣсовъ, име-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 177.

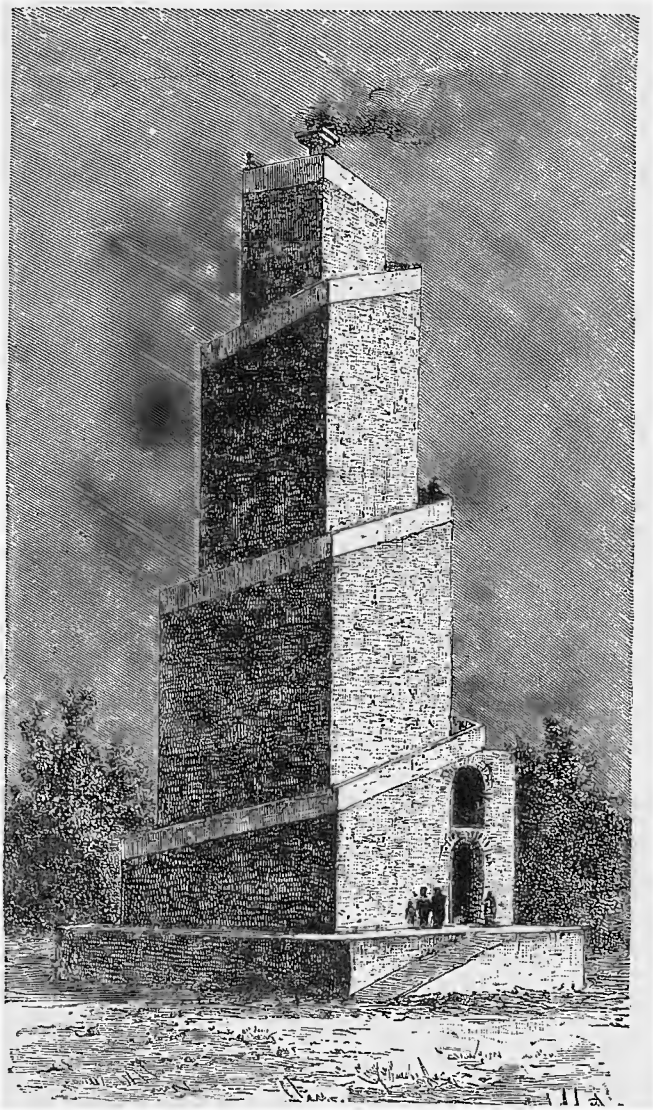
на которыхъ еще не узнаны и не разъяснены. Тутъ, какъ и тамъ, сѣверъ—зловѣщая сторона: на сѣверѣ находится гора Арезура, куда сходятся дэвы, и въ ней — ворота ада, отворяющіяся съ запада.

„Огневыя башни"— Атеш-Гахъ—въ Адербейджанѣ.

25.—Чрезмѣрное почитаніе огня, выразившееся въ такой строгой обрядности, что послѣдователи Зороастра отъ поверхностныхъ наблюдателей получили столь противное имъ названіе «огнепоклонниковъ», тоже, повидимому, можно приписать болѣе позднему развитію. Слово Атраванъ («хранитель огня») во всей Авестѣ означаетъ священника, за исключеніемъ Гатъ: тамъ оно не встрѣчается ни разу; вмѣсто него употребляются такія названія, какъ «Учитель Премудрости», «Вѣстникъ Закона». Почитаніе стихій, какъ извѣстно, составляетъ видную черту туранскаго міросозерцанія; что̀ же касается особенно огня, то весьма вѣроятно, что иранцы застали поклоненіе ему уже въ полной силѣ въ западныхъ прикаспійскихъ земляхъ. Лабиринтъ горъ и долинъ, составляющій переходъ отъ конца Кавказской къ началу Загросской цѣпи (нынѣ Курдистанской), изобилуетъ подземными нефтяными родниками и озерами, и нужно было весьма немного труда, чтобы изъ этого неистощимаго богатства вывести, посредствомъ трубъ, на поверхность земли столько, сколько требовалось огня, чтобы содержать его неугасаемымъ. Сама природа въ этомъ краю какъ бы указываетъ на эту черту богослуженія, что̀ и выражается, какъ выше замѣчено, самымъ названіемъ его: Атропатэна=Адербейджанъ



Развалины Атеш-Гаха въ Фирузабадѣ.



Атеш-Гахъ въ реставрированномъ видѣ.

(см. стр. 166). Въ горахъ Адербейджана и Верхняго Курдистана до сихъ поръ еще встрѣчаются небольшія селенія «гебровъ» или «огнепоклонниковъ», поклоняющихся пламени, которое все еще теплится на вершинахъ нѣсколькихъ старинныхъ «Огневыхъ Башенъ», какъ они называютъ эти исполинскіе «огне-жертвенники», — Атеш-гахъ, — построенные ихъ отцами въ дни своей славы; теперь отъ этихъ величавыхъ сооруженій, не имѣющихъ во всемъ мірѣ себѣ подобныхъ, остались однѣ развалины. Священное пламя, пылая въ чистомъ горномъ воздухѣ, высоко надъ всѣми земными нечистотами, питалось изъ невидимаго подземнаго запаса посредствомъ трубы, которая шла прямо черезъ центръ постройки. Поистинѣ, немного богослужебныхъ обрядовъ наполняютъ душу такимъ благоговѣйнымъ чувствомъ, какъ поклоненіе этому чистѣйшему символу на непорочныхъ горныхъ высяхъ при пѣніи атрававовъ, въ ихъ бѣлоснѣжныхъ ризахъ, среди безмолвія дикой, никѣмъ и ничѣмъ непоруганной природы.

Происхожденіе иранскихъ фраваши и превращенія ихъ.

26.—Было бы легко привести еще немало слѣдовъ туранскаго вліянія, но они такъ неясны и трудно уловимы, что подлежатъ разбору только въ спеціальномъ, техническомъ трудѣ. Есть, однако, одинъ такой слѣдъ, котораго нельзя здѣсь обойти молчаніемъ: это — странное превращеніе, которому подверглись фраваши,—просвѣтленныя души усопшихъ, — по существу своему безспорно, совершенно тождественные съ «Отцами» (Питри) въ Риг-Ведѣ (см. стр. 63—64). Что «добрымъ, сильнымъ, благодѣ-

тельнымъ фраваши вѣрующихъ» (душамъ первыхъ, святыхъ поборниковъ истинной вѣры) воздавалось особенно благоговѣйное почитаніе, — это вполнѣ законно и естественно, и нѣтъ ничего непріятно поражающаго въ длинномъ акаѳистѣ (на двадцати слишкомъ страницахъ), въ которомъ они всѣ поминаются поименно, съ повтореніемъ все той же формулы воззванія, начиная съ фраваши святого первоучителя, Заратуштры, и его первыхъ учениковъ и послѣдователей, и кончая прекраснымъ объявленіемъ мірового братства: «Поклоняемся фравашамъ святыхъ мужей арійскихъ земель... святыхъ женъ арійскихъ земель, святыхъ мужей, святыхъ женъ туранскихъ земель... святыхъ мужей, святыхъ женъ всѣхъ земель». Затѣмъ, легко, и притомъ вполнѣ въ арійскомъ духѣ смѣлаго антропоморфизма, совершается переходъ отъ этихъ безплотныхъ духовъ къ тому ополченію небесныхъ ратниковъ «въ мѣдныхъ шлемахъ, мѣдныхъ латахъ, съ мѣднымъ оружіемъ», которые, «облаченные въ свѣтотканыя ризы, боевымъ строемъ выступаютъ, избивать тысячи дэвовъ»,— которые въ битвахъ помогаютъ своимъ, и сражаются изъ-за водъ, чтобы раздавать ихъ своимъ родичамъ. Но, когда въ томъ же гимнѣ (Іештъ, XIII), мы находимъ длинную канитель воззваній къ фравашамъ людей живыхъ и даже имѣющихъ еще родиться, мало того, животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, — какъ-то: неба, водъ, земли, растеній и пр., — когда, наконецъ, намъ говорятъ, что самъ Ахура-Мазда и Амеша-

Спенты имѣютъ свои фраваши,—тогда мы уже далеки отъ арійскаго міровоззрѣнія. Вотъ нѣсколько такихъ мѣстъ:

«Въ числѣ всѣхъ этихъ древнихъ фраваши, мы поклоняемся фравашамъ Ахура-Мазды, того, кто всѣхъ больше, лучше, краше, и пр... Поклоняемся добрымъ, сильнымъ, благодѣтельнымъ фравашамъ Амеша-Спентовъ, свѣтозарныхъ, и пр... Поклоняемся душамъ: домашнихъ животныхъ; дикихъ животныхъ; животныхъ пребывающихъ въ водахъ,—подъ землею,—летающихъ,—бѣгающихъ, пасущихся; поклоняемся фравашамъ *)... Поклоняемся добрымъ, сильнымъ, благодѣтельнымъ фравашамъ... всерадующаго огня... святого, сильнаго Сраоши, воплощеннаго Слова, могучаго копьеносца, божественнаго владыки... Миѳры, владыки обширныхъ пастбищъ; святого Слова («Мантра-Спента»), неба; водъ; земли; растеній; быка; жертвуемъ фравашамъ тѣхъ, что жили, тѣхъ, что будутъ жить; фравашамъ всѣхъ народовъ и, въ особенности, дружескихъ народовъ»...

«Могущественнѣйшіе изо всѣхъ фраваши вѣрующихъ, о Спитама! это фраваши мужей первобытнаго закона, или Спасителей еще нерожденныхъ, кои имѣютъ возстановить міръ **). Что̀ касается другихъ, то фраваши живыхъ могущественнѣе, чѣмъ фраваши умершихъ».

Тутъ мы видимъ уже въ Авестѣ начало того, что̀ развивается и вырабатывается гораздо основательнѣе въ Бундахишѣ и другихъ пехлевійскихъ книгахъ періода Сассанидовъ. Если бы не изученіе халдейской древности, ясно указывающей на сродство этихъ духовныхъ двойниковъ съ тѣми, которые, въ примитивной вѣрѣ шумиро-

*) Душу тутъ должно представлять себѣ отличной отъ фраваши.

**) Въ свое время на землѣ появятся три пророка «Спасителя» (*Саошьянтъ*), чудеснымъ образомъ рожденные отъ Заратуштры, и подготовятъ міръ къ конечному возрожденію.

аккадьянъ, приписывались каждому лицу,—равно человѣку и божеству,—и каждому предмету и явленію природы *), то было бы крайне непонятно развитіе въ Авестѣ такого начала. Въ данномъ случаѣ ошибка тутъ невозможна. Въ этомъ толкованіи преобразованные фраваши сдѣлались какъ бы предвѣчными, на небѣ созданными *первообразами* всего существующаго или еще имѣющаго родиться и получить видимый обликъ на землѣ, отвлеченною формою, когда-нибудь имѣющей воплотиться въ видимомъ тѣлѣ. Понятнѣе и основательнѣе всѣхъ опредѣленіе этого трудно уловимаго творенія высшей метафизики даетъ д-ръ Э. У. Уэстъ, одинъ изъ величайшихъ современныхъ спеціалистовъ по части пехлевійской литературы: «...Предварительное сотвореніе безплотныхъ, зачаточныхъ бытій, первообразы, прототипы (*фраваши*), духовные двойники и ангелы-хранители духовныхъ и вещественныхъ созданій, впослѣдствіи производимыхъ» **).

Іудейское вліяніе.

27.—Приходимъ, наконецъ, къ родству между іудействомъ и Авестой. Оно поразительно и сказывается во многомъ. Почти полное тождество Анґра-Майнью съ библейскимъ Сатаной, и замѣчательная близость Ахура-Мазды къ величію и верховенству самого Іеговы (не *Яхве*, Бога племени древнѣйшихъ іудеевъ, а Іеговы, Единаго Бога и Господа великихъ пророковъ) давно

*) См. «Исторію Халдеи», объясненіе выраженія: «сынъ своего бога», на стр. 209—210, и о туранскомъ почитаніи духовъ, вообще, въ той же главѣ.

**) Въ примѣчаніи къ гл. I Бундахиша.

признано величайшими учеными, изъ которыхъ многіе склонны приписывать это сходство прямому іудейскому воздѣйствію. Все, что можно сказать здѣсь по этому далеко и глубоко захватывающему вопросу, это то, что имѣется историческое свидѣтельство въ сторону возможности общенія между иранскою мыслію и семитскою уже въ VIII вѣкѣ до Р. Х., такъ какъ извѣстно, что Саргонъ, царь ассирійскій, когда онъ увелъ израильтянъ въ плѣнъ послѣ паденія Самаріи, разослалъ множество іудеевъ по «городамъ мидійскимъ» *). Глубоко-драматическій разсказъ о Товитѣ мѣстомъ своего дѣйствія имѣетъ «мидійскій городъ Экбатану», въ царствованіе Сеннахериба, и «мидійскій городъ Раю», гдѣ іудейскія семьи имѣли свое постоянное жительство, гдѣ онѣ свободно могли соблюдать свой законъ, занимаясь житейскими дѣлами. Бѣсъ Асмодей, съ которымъ юный Товитъ бился за свою жену, не кто иной, какъ иранскій бѣсъ Аэшма-Дэва, измѣненный инороднымъ произношеніемъ. Итакъ, если іудеи много заимствовали у мидянъ, то и обратное отношеніе вполнѣ допустимо. Заратуштра, мать котораго была изъ этого самаго города Рая, ужъ конечно чуткой душой воспринялъ главную суть столь сроднаго ему духа іудейской вѣры. Нѣкоторые мусульманскіе источники даже упорно связываютъ его имя съ именемъ пророка Іереміи, представляя его ученикомъ великаго печальника земли іудейской.

---

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 276.

Загадочныя уголовныя узаконенія.

28.—Остается еще коснуться карательныхъ статей авестійскаго закона. Дѣло въ томъ, что, хотя въ Вендидадѣ и есть цѣлый сводъ такихъ статей, но эта часть книги совсѣмъ ужъ непонятна: постановленія эти, *если* ихъ истолковать точно, сумасбродны до дикости. Наказаніе всегда одно: извѣстное число ударовъ однимъ какимъ-то орудіемъ, потомъ такое же число ударовъ другимъ. Названія этихъ орудій, *Аспахе-Аштра* и *Сраошо-Чарана*, — встрѣчаются чуть не на каждой строкѣ въ данныхъ главахъ, но никто еще не разобралъ, что̀ они изображаютъ. Кромѣ того, ученые еще не пришли къ вѣрному заключенію: *получаются* ли эти удары виновнымъ, или *даются* имъ, т. е. нечистымъ животнымъ, гадамъ и насѣкомымъ (*храфстрамъ*); въ послѣднемъ случаѣ выраженіе «столько-то ударовъ» равнялось бы словамъ: «убить столькихъ-то *храфстръ*, причемъ покаяніе выражалось бы услугой «доброму» творенію, въ ущербъ «лихому». De-Harlez, Шпигель, Юсти—держатся послѣдняго мнѣнія; но большинство ученыхъ спеціалистовъ,—Анкетиль, Хаугъ, Дарместетеръ и другіе, отстаиваютъ первое. Пока наказаніе не переходитъ болѣе или менѣе умѣренныхъ предѣловъ, начиная отъ пяти ударовъ, десять, пятнадцать, тридцать, пятьдесятъ, семьдесятъ, и такъ далѣе до двухсотъ, нѣтъ повода считать его невозможнымъ, или даже безчеловѣчнымъ; но, когда оно доходитъ до тысячи ударовъ, а въ одномъ случаѣ до *десяти тысячъ* (за убіеніе какого-то особенно священнаго, еще не узнаннаго, животнаго, называемаго «водяной со-

бакой»), тогда равно возмущаются разумъ и чувство, и приходится искать другое толкованіе. Одно объясненіе мы находимъ въ томъ, что тѣлесное наказаніе, которое и теперь въ большомъ ходу у парсовъ, какъ вообще на Востокѣ, давно уже замѣнено штрафами, пенями, по строго расписанной градаціи. Дарместетеръ, въ своемъ «Введеніи къ Зендавестѣ», пишетъ, что «въ пехлевійскомъ комментаріи говорится о троякомъ искупленіи: 1) денежномъ, 2) посредствомъ *Сраошо-Чараны*, и 3) черезъ очищеніе». И далѣе: «Въ позднѣйшемъ парсизмѣ каждое прегрѣшеніе (какъ и каждое доброе дѣяніе) соотвѣтствуетъ извѣстному денежному масштабу, по которому оно можетъ быть взвѣшено на вѣсахъ Ангела Правосудія—Рашну». По этому расчету, каждый ударъ цѣнится приблизительно въ рубль на наши деньги.

Невозможныя наказанія.

29.—Какъ бы то ни было, это представляетъ самую загадочную и далеко не назидательную часть Авесты, особенно если принять во вниманіе нелѣпую, на нашъ современный взглядъ, несообразность между виной и наказаніемъ. Можно допустить нанесеніе отъ пяти даже до двухсотъ ударовъ за покушеніе на жизнь, за пораненіе, за случайное или преднамѣренное убійство, смотря по характеру поврежденія, отъ пролитія малаго количества крови до перелома кости или «испусканія духа», и считать наказаніе это справедливымъ и умѣреннымъ; можно допустить также максимальное наказаніе въ двѣсти ударовъ за оскверненіе святыни, напр., за вспахиваніе

земли, въ которой трупъ былъ похороненъ менѣе чѣмъ за годъ передъ тѣмъ, за приношеніе жертвы въ домѣ, гдѣ только-что умеръ человѣкъ, за бросаніе на землю кости отъ трупа и пр., въ силу существовавшаго убѣжденія, что такія святотатства вредно отражаются на всей общинѣ и придаютъ силы злымъ духамъ. Но когда то же наказаніе присуждается за кормленіе дурною пищею овчарки, намъ, по выраженію Дарместетера, «становится не по себѣ»; когда число ударовъ доходитъ до пятисотъ за убійство щенка, шестисотъ за прохожую собаку, семисотъ за сторожевую собаку, восьмисотъ за овчарку, тысячи за ежа, и десяти тысячъ за таинственную «водяную собаку» (выдру?), нашъ современный гуманный умъ не въ силахъ постичь того, что творилось въ мозгахъ нашихъ отдаленныхъ пращуровъ *).

---

*) Профессоръ нью-іоркскаго университета Уильямсъ-Джэксонъ (авторъ книги «Зороастръ») въ частномъ письмѣ высказывается по этому вопросу слѣдующимъ образомъ: «Насчетъ 10.000 ударовъ не знаю, что̀ и сказать. Я всегда думалъ, что загадочный *Сраошо-Чарана* есть не что иное, какъ ужасная, до сихъ поръ сохранившаяся у персіянъ *бастонада* (біеніе палками по подошвамъ), и что такія цифры, какъ 10.000 и пр., представляютъ просто восточную гиперболу, тогда какъ правильная серія,—5, 30, 50, 90, 100 и до 200,—можетъ быть принята буквально». (Приблизительно этого же мнѣнія и Дарместетеръ въ своемъ «Введеніи», особенно когда говоритъ о денежныхъ пеняхъ). «А все-таки у меня теперь являются сомнѣнія. При настоящемъ состояніи науки по авестійскимъ вопросамъ, трудно имѣть опредѣленные взгляды. Вѣрнѣе будетъ держаться подальше отъ догматизма въ этой области. Тамъ, гдѣ каждый день отмѣчается новымъ шагомъ, можно ду-

„Хордэ-Авеста“ (Малая Авеста). — Языческое возрожденіе.

30.—Когда, въ одной изъ предыдущихъ главъ, мы пытались прослѣдить и выдѣлить миѳическіе элементы въ Авестѣ и установить связь ихъ съ натуралистскими миѳами первичной арійской религіи, мы брали примѣры почти исключительно изъ Іештовъ (гимновъ), которые, съ прибавленіемъ еще нѣсколькихъ отрывочныхъ остатковъ, составляютъ сборникъ, называемый «Малой Авестой» (Хордэ-Авеста). Поэтому было бы лишнимъ еще останавливаться на этой части книги. Довольно будетъ замѣтить, что она болѣе поздняго происхожденія, однако несомнѣнно обнаруживаетъ склонность къ многобожію, свидѣтельствуя о томъ возрожденіи языческаго духа, о той реакціи противъ чистой духовности откровенія, возвѣщеннаго въ Гатахъ, первые признаки которой замѣтны уже въ «Седьмиглавѣ» (см. стр. 127 и сл.) и болѣе рѣшительно выступаютъ въ Вендидадѣ. Хотя прежніе боги называются язатами, созданными Ахурой, и подвластными ему *), — однако, стремленіе и духъ несомнѣнно языческіе, и говорится это какъ бы изъ приличія, ради успокое-

---

мать одно *сегодня*, а чрезъ мѣсяцъ мы приходимъ къ заключенію, что ошиблись; тогда придется отказаться отъ своего сужденія. Такъ и надо относиться...»

*) «Мы жертвуемъ Веретрагнѣ, созданному Ахурой...

«Мы жертвуемъ грозному Хварено, созданному Маздою...

«Мы жертвуемъ могучему Друаспѣ (то же что Геушъ-Урванъ, см. стран. 116 и сл.), созданному Маздою, святому, содержащему стада въ здравіи...» «Когда я создавалъ Миѳру, владыку обширныхъ пастбищъ...» говоритъ Ахура, и еще: «Я создалъ звѣзду, Тиштрія...»

нія совѣсти. De - Harlez мастерски дѣлаетъ выводъ:

«Зороастризмъ сначала стремился совершить несравненно болѣе радикальную реформу, какъ это видно изъ Гатъ; но реакція національнаго духа возстановила поклоненіе исконнымъ божествамъ въ прежнемъ блескѣ и влила новую жизнь въ давнія традиціи. Позднѣйшій маздеизмъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ насильно помѣстить эти божества въ небесную іерархію, провозглашая ихъ созданіями Мазды; иранскіе же герои попали въ дуалистскій міровой порядокъ, причемъ разсказы о нихъ передѣлывались смотря по надобности.

«Въ этой эволюціи можно отмѣтить три ступени: иранская религія перешла отъ многобожія къ дуализму... потомъ поднялась до единобожія, но впала опять въ духопоклонство. Настоящій зороастризмъ принадлежитъ къ первому моменту,—скорѣе даже второму: движенію къ единобожію».

Мостъ Чинватъ и посмертное испытаніе души.

31.—Какъ и слѣдовало ожидать, на каждой концепціи, даже на самой существенно иранской, имѣющей наиболѣе глубокіе корни въ иранскомъ духовномъ сознаніи, должны были отразиться эти моменты, прежде чѣмъ достиглась окончательная форма. Такъ было и съ представленіемъ о загробной жизни, съ вѣрою въ существованіе послѣ смерти, въ которомъ должны раздаваться награды и наказанія, заслуженныя каждой душою во время ея земного бытія. Этой вѣры нѣтъ ничего древнѣе въ иранской душѣ. Она постоянно высказывается въ Гатахъ, но, согласно духовному складу эпохи, она тамъ не облекается въ наглядныя формы, хотя Мостъ Чинватъ упоминается неоднократно *). Блаженство или муки, ожидаю-

*) «И когда они приблизятся туда, гдѣ находится Мостъ

щія отлетѣвшую душу, оставлены невыясненными, и иногда кажется, что они представляются скорѣе душевнымъ состояніемъ, чѣмъ дѣйствительными ощущеніями боли или наслажденія *). Въ Вендидадѣ — совсѣмъ другое. Прежнія туманныя мечтанія уже оформились въ прекрасное поэтическое видѣніе, которое позднѣйшій маздеизмъ выдаетъ за откровеніе картины, весьма подробной и опредѣленной, испытанія и суда, ожидающихъ каждую душу. Нѣтъ недостатка и въ языческихъ чертахъ. Мы тутъ встрѣчаемъ и знакомыхъ миѳическихъ собакъ, которыя стерегутъ мостъ, защищаютъ и провожаютъ праведную душу, и небесную гору, и бога Миѳру. Каждая черта до тонкости выработаннаго видѣнія дышитъ реализмомъ. Оно дано отчасти въ Вендидадѣ (гл. XX), въ обычной

Чинватъ, въ обители Лжи (въ аду) навѣки будетъ пребываніе ихъ» (Ясна, XLVI, 11). — «Совѣсть праведника поистинѣ одолѣетъ совѣсть лиходѣя, между тѣмъ какъ душа его будетъ яростно биться на Мостѣ Чинватъ...» (Ясна, LI, 13).

*) По этому поводу Л. Г. Миллзъ, переводчикъ Гатъ, пишетъ слѣдующее въ своемъ «Введеніи» къ переводу: «Дѣло въ томъ, что въ Гатахъ не только выражаются нынѣ знакомыя всѣмъ мысли о духовномъ раѣ и адѣ, какъ о единственномъ будущемъ состояніи, признаваемомъ интеллигентными людьми,—мысли, которыя, несмотря на свою обыденность, никогда не могутъ утратить своего значенія,—но выражается, насколько извѣстно, *впервые*. Въ то время, какъ человѣчество предавалось ребяческому страху передъ ужасами будущихъ мукъ, причиняемыхъ *извнѣ*, древній иранскій мудрецъ возвѣщалъ вѣчную истину, что небесныя награды и наказанія ада могутъ существовать только въ насъ самихъ».

формѣ прямого откровенія пророку, и то, чего тутъ недостаетъ, дополняется въ одномъ изъ послѣднихъ Іештовъ (XXII), такъ что, изъ соединенія обоихъ отрывковъ, получается полный, прекрасно округленный разсказъ, — если можно примѣнить это слово къ видѣнію, раскрывающему передъ нами будущее:

«Заратуштра вопросилъ Ахура-Мазду: 'О ты, всевѣдущій Ахура-Мазда! Долженъ ли я внушать богобоязненнымъ мужу и женѣ, долженъ ли внушать нечестивому бѣсопоклоннику, живущему въ грѣхѣ, что они должны когда-нибудь оставить за собою богосозданную землю, должны покинуть бѣгучія воды, растущій хлѣбъ, и всѣ прочія свои богатства?' Ахура-Мазда отвѣтилъ: 'Долженъ, о Заратуштра'.

«О Творецъ вещественнаго міра, Пресвятый! гдѣ воздаются мзды, которыя они, при жизни своей въ вещественномъ мірѣ, заслужили для душъ своихъ?

«Ахура-Мазда отвѣтилъ: 'Когда человѣкъ умретъ, когда наступитъ конецъ положенному ему времени, тогда адскіе, злодѣйскіе дэвы нападаютъ на него, а по прошествіи третьей ночи, когда покажется заря и засіяетъ, и проводитъ Миѳру, бога о прекрасномъ оружіи, до всеблаженныхъ горъ, и солнце взойдетъ,—тогда бѣсъ по имени Везареша уноситъ связанными души нечестивыхъ бѣсопоклонниковъ, живущихъ въ грѣхѣ *). Душа вступаетъ на дорогу, сооруженную Временемъ и открытую равно для злыхъ, и для праведныхъ». (Вендидадъ, XIX).

Цѣлыя три ночи душа сидитъ въ головахъ у только-что покинутаго ею тѣла (Іештъ XXII). Если усопшій былъ человѣкъ праведный, «душа его въ эти ночи вкушаетъ столько сладости,

*) Комментарій: «У каждаго человѣка на шеѣ петля. Когда онъ умираетъ, если онъ велъ праведную жизнь, петля съ него спадаетъ, если же нечестивую, *они* его за эту петлю тащатъ въ адъ». Добрые и злые духи борются на мосту,—кому душа достанется.

сколько способно вкусить все живое твореніе». Эти три ночи родные проводятъ въ молитвѣ и жертвоприношеніяхъ Сраошѣ, Рашну и Ваю. По истеченіи третьей ночи, когда займется заря, душѣ вѣрующаго почудится, что ее привели въ садъ, гдѣ много растеній и благоуханій; и словно съ юга вѣетъ благоуханный вѣтеръ,— благоуханнѣе всѣхъ вѣтровъ, какіе вѣютъ въ мірѣ *). И чудится душѣ вѣрующаго, будто онъ, вдыхая этотъ вѣтеръ, думаетъ: «Откуда-то вѣетъ вѣтеръ, благоуханнѣе котораго я никогда не вдыхалъ?» (Іештъ XXII).

«Тогда на томъ концѣ Моста Чинватъ, богосозданнаго, святого моста, появляется дѣва, стройная, сильная, рослая...» (Венд. XIX), «бѣлолицая, бѣлокурая, прекрасная тѣломъ, ростомъ, что дѣва на пятнадцатомъ году, прелестная, какъ прелестнѣйшія творенія въ мірѣ...» (Іештъ XXII); «съ нею собаки...» (Венд. XIX). «И душа вѣрующаго обращается къ ней съ вопросомъ:—'Кто ты, о дѣва, прелестнѣе всѣхъ дѣвъ, мною видѣнныхъ?' Она же ему отвѣчаетъ: 'О ты, юноша, добрый помышленіемъ, добрый словомъ, добрый дѣломъ, исповѣдающій добрую вѣру, я — твоя совѣсть...' (Іештъ XXII).

«Она помогаетъ душѣ праведника подняться выше Горы Березанти, выше Моста Чинватъ, и приводитъ ее въ присутствіе самихъ небесныхъ боговъ. Воху-мано встаетъ со своего золотого престола и восклицаетъ: 'Какъ пришла ты къ намъ, святая душа, изъ того тлѣннаго міра въ сей нетлѣнный?' Радостно проходятъ праведныя души туда, гдѣ на золотыхъ престолахъ возсѣдаютъ самъ Ахура-Мазда и

*) Съ юга все хорошее, потому что бѣсовская гора Арезура, въ которой находится входъ въ адъ, помѣщается на сѣверѣ. Дэвы всегда прилетаютъ «съ сѣверной стороны» и туда же удаляются послѣ пораженія или неудачи. Такъ вѣдь и злая трупная муха, Друджъ Насу, налетаетъ съ сѣвера.

Амеша-Спенты, въ Гаро-нмано, обитель Ахура-Мазда, обитель Амеша-Спентовъ, обитель всѣхъ святыхъ». (Венд. XIX).

Въ Іештѣ тутъ маленькій варіантъ: праведную душу привѣтствуетъ одинъ изъ вѣрующихъ, опередившихъ ее въ блаженной обители, и спрашиваетъ: «Какъ ты пришелъ сюда изъ обителей, изобилующихъ скотомъ, желаніями и наслажденіями любви? изъ вещественнаго міра въ міръ духовный? изъ міра тлѣннаго въ нетлѣнный?» Но Ахура-Мазда, какъ бы въ роли заботливаго хозяина, который не хочетъ, чтобы безпокоили усталаго гостя, тутъ вмѣшивается и говоритъ: «Не спрашивай его, только-что прошедшаго тотъ трудный путь, путь страшный и скорбный, гдѣ душа разстается съ тѣломъ. Пусть онъ подкрѣпитъ себя пищею, которую ему подадутъ...»

Разумѣется, конечно, пища безсмертія.

Участь нечестивой души.

32.—Насладившись всей прелестью этого образнаго описанія, не безъ досады читаешь скопированное съ него слово въ слово, только въ обратномъ смыслѣ, описаніе того, что̀ продѣлываетъ нечестивая душа, хотя, согласно правиламъ строгаго дуализма, такая симметрія и неизбѣжна. Нечестивая душа, въ теченіе первыхъ трехъ ночей, вкушаетъ столько горести, «сколько способно вкушать все живое твореніе», смрадный вѣтеръ дуетъ ей навстрѣчу съ сѣвера; ея совѣсть является ей въ видѣ отвратительной вѣдьмы, и т. д. до конца. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первое, прекрасное описаніе — подлинникъ, а копія, наоборотъ, придѣлана ради симметріи, когда стали перерабатывать древній матерьялъ съ догматической цѣлью.

Высокое значеніе маздеизма; высокое мѣсто, подобающее ему между міровыми религіями.

33. — Предыдущія главы на первый взглядъ могутъ показаться черезчуръ длиннымъ отступленіемъ отъ главнаго предмета книги. Въ дѣйствительности это не такъ. Если правъ Карлэйль, говоря, что «главное въ каждомъ человѣкѣ—его религія», то это особенно вѣрно о цѣлыхъ народахъ, потому что народъ скорѣе, чѣмъ отдѣльное лицо, будетъ согласовать свои *поступки* со своей вѣрою. Народъ водружаетъ вѣру какъ знамя, воплощающее его самые высокіе, завѣтные идеалы, выработанные купно и безсознательно массою и оформленные какимъ-нибудь великимъ учителемъ. По этому знамени, по этимъ идеаламъ должно судить данный народъ, оцѣнить его историческую миссію, а не по недочетамъ и ошибкамъ отдѣльныхъ лицъ, точно такъ же, какъ и объ отдѣльномъ лицѣ можно справедливо судить только по тому высшему уровню, котораго оно достигаетъ въ минуты подъема духа и духовнаго прозрѣванія, а не по тѣмъ отмелямъ и болотнымъ низинамъ среди которыхъ жизнь его влачится скорѣе по необходимости, а, можетъ - быть, по слабосилію воли, чѣмъ по его охотѣ, а также не по тѣмъ судорожнымъ прыжкамъ и мгновеннымъ вспышкамъ, на которыя способны страсти въ минуты общей расшатанности. Такъ и о каждой религіи должно судить не по количеству древняго миѳическаго шлака и накипи, приставшихъ къ ней, и не по привитымъ къ ней искусственно тонкостямъ догматизма и жреческой дисциплины, а по тому, сколько въ ней содержится чистой духовной пищи и насколько она практически по-

могаетъ достиженію праведнаго и счастливаго житія. Есть въ Авестѣ два коротенькихъ текста, которые одни искупили бы всю массу хлама, несомнѣнно въ ней содержащагося, потому что въ нихъ сказывается такая духовная высота, которая внушаетъ глубокое уваженіе къ народу способному такъ мыслить и чувствовать. Первый текстъ—стихъ къ концу большого гимна фравашамъ (Іештъ XIII),—гласитъ слѣдующее: «Поклоняемся душамъ святыхъ мужей и женъ, рожденныхъ въ какое бы ни было время, совѣсть которыхъ боролась, борется или будетъ бороться, за добро». Другой текстъ,—молитва въ Малой Авестѣ,—истинный перлъ по глубинѣ мысли и всеобъемлющей шири, по чуткости и сжатости выраженія; вотъ она: «Подай намъ знаніе, прозорливость, живость рѣчи, святомудріе, крѣпкую память; подай намъ пониманіе постепенно возрастающее, *и то пониманіе, которое не отъ ученія*».—Какія бы мѣры и нормы мы ни приложили къ иранской расѣ и ея вѣрѣ, окажется, что имъ подобаетъ весьма высокое мѣсто въ міровой исторіи, и основательное разумѣніе послѣдней должно не мало способствовать оцѣнкѣ того тріумфальнаго шествія, которое эта раса совершила черезъ древній міръ и которое намъ теперь предстоитъ прослѣдить, для чего мы поднимемъ нить историческаго разсказа тамъ, гдѣ мы ее выронили въ концѣ второго тома: у паденія Ниневіи и ассирійской державы.

VII.

Послѣдніе дни Іуды.

Сирійскія дѣла.

1.—Въ то время, какъ Ашуръ, издыхающій гигантъ, лежалъ въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ, и недавно столь гордое сердце трепетно, слабо билось еще въ одной Ниневіи,—дрожь, какъ бы оживающаго сознанія, пробѣгала по наиболѣе отдаленнымъ областямъ, по мѣрѣ того, какъ давившая ихъ желѣзная рука безсильно опускалась. Въ числѣ ихъ была, на первомъ планѣ, Сирія. Еще разъ процессіей проходятъ передъ нами знакомыя имена: Эмаѳъ, Іуда и Дамаскъ, Моабъ, Аммонъ и Эдомъ,—призраки былого величія, одушевленные на краткій срокъ тѣмъ «виномъ ярости», которымъ Господь приказалъ послѣднему изъ великихъ іерусалимскихъ пророковъ напоить всѣ народы, дабы они «обезумѣли и шатались» (Кн. Пр. Іереміи, XXV, 15—16). Египетъ, съ еле заживающими ранами и еще нетвердый на ногахъ, тоже еще разъ,—въ послѣдній разъ,—появляется въ Азіи, попрежнему задорный и неустрашимый, на театрѣ

своихъ вѣковыхъ торжествъ, съ котораго ему теперь предстояло сойти, побитому и понурому, словно ошиканный актеръ.

Нехо II, царь египетскій, готовитъ нашествіе на Азію.

2.—Псамметикъ, освободитель Египта *), въ 610 г. оставилъ престолъ сыну своему Нехо II, который немедленно собрался приводить въ исполненіе отцовскіе замыслы относительно Сиріи. Правда, что Псамметикъ въ нѣсколько лѣтъ дошелъ не далѣе филистимскихъ городовъ, но это оттого, что полившіяся съ сѣвера потокомъ орды скиѳовъ и киммерійцевъ поставили его въ необходимость, прервавъ начатыя операціи, вернуться въ свои земли и тамъ готовиться къ отпору. Этого препятствія болѣе не существовало. Вмѣшательства Ассиріи тоже нечего было опасаться, а со стороны сирійскихъ государей, судя по старинѣ, можно было разсчитывать на радушный пріемъ. Нехо, вѣроятно, имѣлъ въ виду заручиться ихъ поддержкой и тогда уже, оставивъ назади себя живую ограду изъ преданныхъ данниковъ и союзниковъ, идти къ Евфрату и приступить къ настоящему дѣлу,—покоренію Ассиріи. Исполненію этого плана одно только помѣшало: египтянинъ опоздалъ.

Египетская кампанія въ Сиріи.

3.—А впрочемъ, и сирійскіе государи едва ли ему такъ обрадовались, какъ онъ ожидалъ. Теперь, когда ихъ исполинскій врагъ у нихъ на глазахъ погибалъ безвозвратно, они могли мечтать уже о полной свободѣ, а не о замѣнѣ одного рабства другимъ, хотя бы и менѣе тя-

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 424 и 440.

гостнымъ. Что такъ было, на самомъ дѣлѣ, и что Нехо наврядъ ли проходилъ совсѣмъ безпрепятственно, можно заключить изъ того, что шествіе его къ Евфрату тянулось четыре года, и изъ враждебнаго отношенія къ нему царя іудейскаго, Іосіи, о которомъ подробно повѣствуетъ Библія (см. 4-ую Кн. Царствъ, 2-ую Кн. Паралипоменонъ и Кн. Пр. Іереміи).

Битва при Мегиддо и пораженіе Іосіи, царя іудейскаго.

4.—Послѣ неожиданнаго избавленія отъ Сеннахерибовыхъ полчищъ, въ 701 году *), іудейское царство прожило довольно смирно, за исключеніемъ кратковременнаго возстанія Манассіи **) и нашествія скиѳовъ. Внукъ Манассіевъ, Іосія, вступилъ на престолъ въ 638 году, восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Выросши съизмала подъ вліяніемъ священства и пророковъ, онъ сдѣлался религіознымъ реформаторомъ, и святымъ рвеніемъ своимъ возстановилъ служеніе Господу во всей исконной чистотѣ, во всемъ прежнемъ блескѣ. Только приближеніе египетской рати заставило его оторваться отъ своихъ мирныхъ занятій и вспомнить о мечѣ,—на бѣду его и государства, такъ какъ у него не хватало матерьяльныхъ средствъ для борьбы и, рѣшаясь на бой, онъ пошелъ, повидимому, противъ убѣжденій своихъ лучшихъ совѣтниковъ. Въ долинѣ Мегиддо было большое сраженіе. На томъ историческомъ полѣ, гдѣ тысячу лѣтъ назадъ великій Тотмесъ III разнесъ ханаанскую коалицію ***),

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 347—348.

**) См. «Исторію Ассиріи», стр. 382.

***) См. «Исторію Ассиріи», стр. 34.

счастье снова улыбнулось египетскому оружію. Нехо одержалъ полную побѣду, и самъ Іосія палъ въ бою. Сынъ и преемникъ его, Іоахазъ, явился въ лагерь побѣдителя у рѣки Оронта и униженно палъ къ его ногамъ, но ему не удалось умилостивить фараона: низложенный съ престола, онъ былъ увезенъ въ плѣнъ, въ Египетъ, гдѣ вскорѣ умеръ; и былъ по немъ великій плачъ въ землѣ іудейской: «Не плачьте объ умершемъ и не жалѣйте о немъ; но горько плачьте объ отходящемъ въ плѣнъ, ибо онъ уже не возвратится и не увидитъ родной страны своей» (Кн. Пр. Іереміи, XXII, 10).

Битва при Кархемишѣ; Нехо разбитъ Навуходоносоромъ.

5.—Посадивъ на престолъ въ Іерусалимѣ другого сына Іосіева, Іоакима, и взявъ изъ земли великое количество золота и серебра, Нехо пошелъ по слѣдамъ Тотмеса и побѣдоносно придвинулся къ Евфрату. Въ 605 г. онъ сталъ у знаменитой рѣки, но тутъ встрѣтилъ врага, котораго ужъ никакъ не ожидалъ. Событія шли быстрѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ, и совсѣмъ не такъ, какъ онъ себѣ представлялъ: Ниневія уже годъ, какъ пала передъ соединенными силами мидянъ и вавилонянъ, предводительствуемыхъ Кіаксаромъ и Набополассаромъ *). Поэтому фараонъ увидѣлъ передъ собою не стараго, одряхлѣвшаго ассирійскаго льва, а сильнаго, бодраго льва вавилонскаго, сердито рычавшаго и расправлявшаго острые когти. Самъ Набополассаръ былъ старъ и немощенъ; но вавилонскимъ войскомъ командовалъ молодой

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 475.

сынъ его, Навуходоноссоръ, славный уже воинъ и искусный полководецъ. Онъ и встрѣтилъ египетскаго царя подъ Кархемишемъ и разбилъ наголову. Какъ послѣ этого пораженія вернулся Нехо во свояси и сколько времени длилось отступленіе — неизвѣстно; о немъ больше не упоминается.

Мидійское и вавилонское царства.

6.—Навуходоноссоръ энергичнѣе использовалъ бы свою побѣду, если бы не былъ нежданно отозванъ въ Вавилонъ, когда онъ только-что началъ погоню за бѣгущимъ фараономъ. Отецъ его, Набополассаръ, скончался послѣ краткой болѣзни, и, хотя жрецами былъ назначенъ способный правитель, однако присутствіе новаго царя было необходимо, и Навуходоноссору пришлось на время отложить заботы о войнѣ. Обширное досталось новому царю наслѣдство, и надо было не медля привести его въ порядокъ. При раздѣлѣ, послѣдовавшемъ за паденіемъ Ниневіи, древнюю державу Ашура довольно ровно подѣлили между собой два главные борца, — цари мидійскій и вавилонскій. Первый, вѣрный историческому тяготѣнію своего народа, который искони влекло на западъ, оставилъ за собою горный край Загроса, предметъ вѣковой борьбы, и, кромѣ того, землю ассирійскую до черты аллювія, да права, всегда отстаиваемыя Ассиріей, на весь горный край Наири, отъ Каспійскаго моря до Средиземнаго, отъ горъ Урарту до Мазіоса и Аманскихъ горъ: однимъ словомъ, забралъ все, что лежало на востокъ и на сѣверъ отъ Тигра. Эти области, вмѣстѣ съ обширными владѣніями

мидянъ въ ихъ родномъ Иранѣ, составили новое и, на время, могущественное царство мидійское. Въ вавилонское царство вошли: остальная Месопотамія и собственно Халдея, внизъ до залива, и всѣ земли, лежавшія на западъ отъ Евфрата до моря. Это царство, если и уступало первому размѣрами, имѣло передъ нимъ то преимущество, что оно было компактнѣе, и народы, вошедшіе въ него, по большей части семитскаго корня, всѣ принадлежали одной расѣ, имѣли одну культуру и, отчасти, одинъ языкъ. Ясно, что оба царства, принимая ассирійское наслѣдство, должны были взять на себя также и сопряженныя съ нимъ военныя обузы,—особенно южное, которое никакъ не могло поступиться верховенствомъ надъ сирійскими землями, потому что Вавилону было необходимо, какъ съ военной, такъ и съ торговой точки зрѣнія, держать подъ своимъ контролемъ оба большіе караванные тракта: путь отъ финикійскихъ приморскихъ городовъ черезъ пустыню, и другой, отъ тѣхъ же городовъ, на Дамаскъ и Кархемишъ, въ Малую Азію. Что̀ касается Элама, то эту землю, повидимому, къ тому времени уже частью занялъ, подъ предводительствомъ члена персидскаго царскаго дома, передовой отрядъ еще малоизвѣстнаго народа, — персовъ, подвластнаго мидянамъ и, подобно имъ, принадлежавшаго къ иранской вѣтви арійской расы. Однако прошло еще около полувѣка, пока этотъ народъ не выдвинулся на первый планъ, и во все это время объ Эламѣ ничего не слышно. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что земля эта платила

дань Мидіи и мало-по-малу оправлялась отъ недавно постигшаго ее страшнаго разгрома.

Покореніе Сиріи.

7.—Неизвѣстно, платили ли царь іудейскій и прочіе сирійскіе государи дань въ теченіе пятилѣтняго промежутка между битвой подъ Кархемишемъ и врядъ ли неожиданнымъ вторженіемъ Навуходоноссора. Одно они должны были понять: что для нихъ могла быть рѣчь единственно о порабощеніи однимъ или другимъ изъ двухъ соперниковъ. Да и этотъ вопросъ не могъ долго оставаться нерѣшеннымъ, потому что нельзя было допустить, чтобы царь вавилонскій, устроивъ свои домашнія дѣла, потерпѣлъ соперничество Египта. Итакъ, пришествіе его въ 600 году до Р. Х. походило болѣе на возвращеніе законнаго государя въ собственныя владѣнія, нежели на нашествіе иноземнаго завоевателя. Іоакимъ іудейскій благоразумно поспѣшилъ добровольно покориться, и Навуходоноссоръ провелъ слѣдующіе затѣмъ три года въ довольно безсвязныхъ военныхъ операціяхъ, о которыхъ современникъ его, пророкъ Аввакумъ, пишетъ слѣдующее:

«Вотъ я подниму халдеевъ, народъ жестокій и необузданный, который ходитъ по широтамъ земли, чтобы завладѣть не принадлежащими ему селеніями. Страшенъ и грозенъ онъ... Быстрѣе барсовъ кони его и прытче вечернихъ волковъ; скачетъ въ разныя стороны конница его; издалека приходятъ всадники его, прилетаютъ какъ орелъ, бросающійся на добычу. Весь онъ идетъ для грабежа... забираетъ плѣнниковъ какъ песокъ. И надъ царями онъ издѣвается, и князья служатъ ему посмѣшищемъ; надъ всякой крѣпостью онъ смѣется... Онъ ходитъ и буйствуетъ. Сила его—богъ его...» (Кн. Пр. Аввакума, I, 6 и сл.).

Пророкъ Іеремія.

8.—Первымъ человѣкомъ въ Іерусалимѣ въ это

время былъ пророкъ Іеремія. Подобно Исайѣ, но съ еще бо́льшимъ ожесточеніемъ, онъ порицалъ и отвергалъ всякіе помыслы о вооруженномъ сопротивленіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что единственная возможность спасенія—въ безотвѣтной покорности, и не только не поощрялъ, но даже проклиналъ отъ имени Господня всякія мятежныя поползновенія, могущія лишь накликать на городъ гибель, а на народъ смерть и разореніе. Его проповѣдничество считалось противупатріотическимъ и было очень не по душѣ народу. Съ другой стороны, онъ, неустанно и ничѣмъ не стѣсняясь, жестоко въ лицо корилъ и обличалъ богатыхъ и сильныхъ, не щадя и самого царя, чѣмъ, конечно, нажилъ себѣ лютыхъ враговъ среди правящихъ классовъ,—такъ что отстаиваемая имъ политика непротивленія, одно время принятая подъ давленіемъ неминуемой опасности, была изъ личной вражды къ нему, оставлена. Еще разъ былъ разигранъ жалкій старый фарсъ съ трагическимъ исходомъ: безумныя надежды, опирающіяся на посулы Египта, возстаніе, наконецъ, полное разочарованіе, когда «надломленная трость» сгибалась подъ рукою,—и наступало возмездіе, быстрое и жестокое.

Первое взятіе Іерусалима Навуходоноссоромъ.

9.—Три года Іоакимъ прожилъ въ мирѣ, покорный Вавилону,—и вдругъ опять вооружился и отказалъ въ дани. Навуходоноссоръ, самъ занятый другими дѣлами, выслалъ противъ него отряды халдейцевъ, моабитовъ, аммонитовъ и другихъ сирійскихъ народовъ, за вѣрность и усердіе которыхъ ручалась ихъ исконная ненависть къ іудейскимъ сосѣдямъ. Прогнавъ фараона такъ

позорно, что «онъ больше не выходилъ изъ своихъ земель», кромѣ того, «взявъ, отъ рѣки Евфрата до египетской границы, все что̀ принадлежало царю египетскому», Навуходоноссоръ явился среди войскъ, осаждавшихъ Іерусалимъ. Іоакимъ тѣмъ временемъ умеръ. Изъ нѣкоторыхъ словъ пророка Іереміи можно заключить, что народное чувство возмущалось противъ него, выразившись поруганіями надъ его смертными останками. «Не будутъ оплакивать его...»—говоритъ пророкъ:—«ослинымъ погребеніемъ будетъ онъ погребенъ; вытащатъ его и бросятъ далеко за ворота Іерусалима» (Кн. Пр. Іереміи, XXII, 18—19). И на сына и преемника Іоакима, Іехонія, пророкъ излилъ потокъ гнѣвныхъ и зловѣщихъ прорицаній: «...Если бы Іехонія, сказалъ Господь, былъ перстнемъ на правой рукѣ Моей, то и отсюда Я сорву тебя и отдамъ тебя въ руки ищущихъ души твоей и въ руки тѣхъ, кого ты боишься...» (XXII, 24 и сл.). Бѣдный юноша (ему было всего восемнадцать лѣтъ) и не пробовалъ защищаться, а сразу же отправился въ лагерь къ Навуходоноссору съ матерью, князьями своего рода и всѣми слугами. Іерусалимъ на этотъ разъ еще уцѣлѣлъ: «города не срыли, но выселили изъ него 10.000 человѣкъ, «все князей и храброе войско», въ томъ числѣ тысячу плотниковъ и кузнецовъ, строителей и художниковъ, все «храбрыхъ, ходящихъ на войну» (4-ая Кн. Царствъ, 24, 8 и сл.). Пророкъ Іезекіиль былъ уведенъ въ Вавилонъ вмѣстѣ съ царемъ и его домомъ. Навуходоноссоръ воца-

рилъ въ Іерусалимѣ дядю Іехоніи, Седекію, заключилъ съ нимъ договоръ и взялъ съ него присягу.

Народная ненависть къ пророку Іереміи.

10.—Опять четыре года прошли довольно спокойно, но самое спокойствіе было тревожное, опасливое, съ предчувствіемъ грядущей бѣды. Духъ въ іудейскомъ народѣ еще не былъ сломленъ, и у всѣхъ въ душѣ тлѣлъ огонь мятежа. Іеремія, неумолчными увѣщаніями, кое-какъ сдерживалъ опасные порывы, но народъ охотнѣе внималъ другимъ пророкамъ, твердившимъ, что скоро будетъ разбито вавилонское ярмо и что плѣнные вернутся въ непродолжительный срокъ,—иные говорили, черезъ два года. Временами Іереміи прямо запрещалось говорить передъ народомъ. Но онъ черпалъ силу въ сознаніи своей правоты, пренебрегая собственной опасностью. Горько жалуется онъ на гоненія, которымъ его подвергали, клянетъ день своего рожденія, «человѣка, который принесъ вѣсть отцу его и сказалъ: 'у тебя родился сынъ', и тѣмъ очень обрадовалъ его» (XX, 14 и сл.), но не можетъ молчать, хотя бы за каждое слово грозила ему смерть: «Ты влекъ меня, Господи... Ты сильнѣе меня и превозмогъ, и я каждый день въ посмѣяніи, всякій издѣвается надо мною... Слово Господне обратилось въ поношеніе мнѣ и въ повседневное посмѣяніе. И подумалъ я: не буду я напоминать о Немъ, и не буду болѣе говорить во имя Его; но былъ въ сердцѣ моемъ какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и—не могъ» (XX, 7—9). Когда, на

четвертомъ году Седекіи, пришли послы отъ царей моабскаго, эдомскаго, аммонскаго, и даже отъ тирскаго и сидонскаго, предлагая возобновленіе обычной коалиціи, пророкъ говорилъ противъ нихъ съ еще бо́льшей силой и увѣренностью. Онъ «наказалъ имъ сказать государямъ своимъ»:

«Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ... Я отдаю всѣ земли сіи въ руки Навуходоноссора, царя вавилонскаго, раба Моего... И если какой народъ и царство не захотятъ служить ему, Навуходоноссору, и не склонитъ выи своей подъ ярмо царя вавилонскаго,—этотъ народъ Я накажу мечемъ, голодомъ и моровою язвою... И не слушайте словъ пророковъ, которые говорятъ вамъ: 'не будете служить царю вавилонскому', ибо они пророчествуютъ вамъ ложь: Я не посылалъ ихъ... Не слушайте ихъ, служите царю вавилонскому, и живите: зачѣмъ доводить городъ сей до опустошенія?...» (XXVII).

Когда, около этого самаго времени, Седекія отправился въ Вавилонъ, онъ, вѣроятно, сдѣлалъ это по совѣту пророка, съ цѣлью снять съ себя всякое подозрѣніе въ сообщничествѣ съ заговорщиками, происки которыхъ не могли быть неизвѣстны царю.

Пророкъ „гнѣва и печали“.

11.—Не довольствуясь проповѣдничествомъ въ Іерусалимѣ, Іеремія писалъ къ плѣннымъ въ Вавилонъ, увѣщевая ихъ нести долю свою съ терпѣніемъ и стараться уживаться на чужбинѣ; совѣтовалъ имъ «строить дома и жить въ нихъ, разводить сады и ѣсть плоды ихъ, брать женъ и рождать дѣтей, и размножаться, а не умаляться». И еще писалъ онъ: «Заботьтесь о благосостояніи города, въ который я переселилъ васъ, и молитесь за него Господу; ибо при благосостояніи его, и вамъ будетъ миръ» (XXIX, 5 и сл.). И

все-таки душа пророка кипѣла гнѣвомъ, и онъ утѣшалъ себя увѣренностью, что и для надменныхъ побѣдителей настанетъ день униженія и скорби, и въ страницахъ, дышащихъ мстительнымъ восторгомъ, распространялся о грядущей карѣ Господней на мучителей Іуды. Послѣднія главы книги Іереміи, писанныя послѣ того, какъ свершилась судьба его несчастнаго народа, всецѣло пропитаны духомъ мщенія и полны грозныхъ предреканій, въ обычной ему высоко-поэтической формѣ: «Израиль, — говоритъ пророкъ: — разсѣянное стадо; львы разогнали его; прежде объѣдалъ его царь ассирійскій, а сей послѣдній, Навуходоноссоръ, царь вавилонскій, и кости его сокрушилъ... Вотъ, я посѣщу царя вавилонскаго и землю его, какъ посѣтилъ царя ассирійскаго».—И даже въ то самое время, когда онъ проповѣдовалъ терпѣніе и ясность духа въ перенесеніи невзгодъ тяжкаго плѣна, когда онъ убѣждалъ царя противъ воли ѣхать въ Вавилонъ, унижаться передъ побѣдителемъ, Іеремія умѣлъ внушать плѣннымъ братьямъ увѣренность, что скоро кара Господня низойдетъ на гордыхъ притѣснителей. Онъ «вписалъ въ одну книгу всѣ бѣдствія, какія должны были придти на Вавилонъ», и отдалъ книгу одному изъ царскихъ слугъ, наказывая ему, чтобы онъ, придя въ Вавилонъ, «прочиталъ всѣ сіи рѣчи», затѣмъ «привязалъ къ книгѣ камень и бросилъ ее въ середину Евфрата, и сказалъ: 'Такъ погрузится Вавилонъ и не возстанетъ...'» (LI, 60 и сл.).

Упорство Іереміи.

12.—Такъ-то, съ великой для себя опасностью,

пророку удалось отсрочить на нѣсколько лѣтъ роковой часъ. Но когда, въ 589 г. до Р. Х., на египетскій престолъ взошелъ внукъ Нехо *), Хофра—(греки звали его Апріемъ)—и немедленно сталъ собираться походомъ въ Сирію; сторонники войны въ Іерусалимѣ соблазнились случаемъ и заволновались: Седекія, можетъ-быть отчасти и противъ воли, не устоялъ противъ народнаго чувства и отложился отъ Вавилона. Немного прошло времени, и царскіе лазутчики уже донесли, что «Навуходоносоръ идетъ». Іеремія, въ изступленіи, бранилъ царя за такое безуміе и, кромѣ того, за вѣроломство, и сколько къ нему ни посылали, сколько его ни спрашивали, отъ него не могли добиться другого отвѣта, какъ: «*покоритесь!*» «Такъ говоритъ Господь... Я самъ буду воевать противъ васъ рукою простертою и мышцею крѣпкою... Вотъ, Я предлагаю вамъ путь жизни и путь смерти: кто останется въ этомъ городѣ, тотъ умретъ отъ меча и голода и моровой язвы, а кто выйдетъ и предастся халдеямъ, тотъ будетъ живъ...» (XXI, 5, 8—9).

Гоненіе на пророка.

13.—Египетъ, по обыкновенію, опоздалъ. Его армія еще не перешла границы, какъ Навуходоносоръ уже стоялъ подъ Іерусалимомъ. Фараонъ, однако, узнавъ о томъ, ринулся впередъ съ такой быстротой и энергіей, что халдейцамъ пришлось на время снять осаду и поспѣшить на югъ всею ратью. Городъ предался безумной ра-

*) Нехо умеръ въ 594 г. За нимъ послѣдовалъ сынъ его, Псамметикъ II, который царствовалъ недолго и не выходилъ изъ Египта.

дости, воображая, что повторилось достопамятное чудо временъ Сеннахериба. Но Іеремія сурово стоялъ на своемъ, и посланнымъ къ нему отъ царя ежедневно твердилъ одно:—«Вотъ, войско фараоново, которое шло къ вамъ на помощь, возвратится въ землю свою, въ Египетъ, а халдеи снова придутъ и будутъ воевать противъ города сего, и возьмутъ его и сожгутъ его огнемъ. Такъ говоритъ Господь: не обманывайте себя, говоря: непремѣнно отойдутъ отъ насъ халдеи, ибо они не отойдутъ» (XXXVII, 6—9). А посланному, тайно пришедшему отъ царя, съ вопросомъ: «Нѣтъ ли слова отъ Господа?» пророкъ отвѣтилъ: «Есть: ты будешь преданъ въ руки царя вавилонскаго». Тщетно грозили ему смертью, почти каждый день; тщетно его спустили на веревкахъ въ темничную яму, полную жидкой грязи, по приказу князей города, говорившихъ: «Человѣкъ этотъ ослабляетъ руки воиновъ, которые остаются въ этомъ городѣ, и руки всего народа, говоря къ нимъ такія слова, ибо человѣкъ не благоденствія желаетъ народу сему, а бѣдствія». Царь велѣлъ вытащить его изъ ямы и привести къ себѣ, но и тутъ онъ неуклонно повторялъ все тѣ же слова, съ прибавленіемъ подробнаго прорицанія собственной участи царя (XXXVIII). Наконецъ, Седекія, не видя другого средства спасти пророка, повелѣлъ ему остаться во дворцѣ, и онъ, дѣйствительно, оставался подъ стражею до самаго взятія города, когда Навуходоноссоръ приказалъ съ честью отпустить его на свободу.

Взятіе и Разрушеніе Іерусалима.—586 до Р. Х.

14.—Все сбылось въ точности по словамъ пророка. Египетское войско было разбито однимъ ударомъ, и Навуходоноссоръ со всей арміей вернулся подъ стѣны Іерусалима и снова началъ осаду. Самъ онъ, со своей главной квартирой, сталъ поодаль отъ столицы, близъ города Рибла на Оронтѣ, въ землѣ эмаѳской, откуда онъ могъ не только руководить военными дѣйствіями противъ Іуды, но и держать подъ своимъ наблюденіемъ всѣ сирійскія земли и приморскіе города. Осада длилась почти полтора года, и ужасы ея не поддаются описанію. По словамъ Іереміи (въ «Плачѣ»), народъ больше всего терпѣлъ отъ голода:

«...Священники и старцы издыхаютъ въ городѣ, ища пищи себѣ, чтобы подкрѣпить душу свою... Дѣти и грудные младенцы умираютъ отъ голода среди городскихъ улицъ. Матерямъ своимъ говорятъ они: 'гдѣ хлѣбъ и вино?..' изливая души свои въ лоно матерей своихъ... Ѣвшіе сладко истаеваютъ на улицѣ; воспитанные на багряницѣ—жмутся къ навозу... Князья ея были въ ней чище снѣга, бѣлѣе молока... а теперь темнѣе всего чернаго лицо ихъ... кожа прилипла къ костямъ ихъ, стала суха, какъ дерево. Умерщвляемые мечомъ счастливѣе умерщвляемыхъ голодомъ... Руки мягкосердыхъ женщинъ варили дѣтей своихъ, чтобы они были для нихъ пищей во время гибели народа...»

Наконецъ, въ стѣнѣ была пробита брешь, и халдейцы овладѣли одними воротами. Тогда царь съ отборными воинами сдѣлалъ смѣлую вылазку, въ надеждѣ пробиться сквозь массу осаждающихъ. Имъ дѣйствительно удалось вырваться въ открытое поле, но погоня настигла ихъ, и они разбрелись, кто куда. Седекія былъ взятъ и отведенъ къ царю вавилонскому въ Риблу, гдѣ съ

нимъ обошлись съ варварскою жестокостью. Сыновей его при немъ умертвили; ему же самому выкололи глаза, и въ оковахъ отправили его въ Вавилонъ кончать жизнь въ заточеніи. Стѣны Іерусалима срыли, храмъ и дворецъ, построеные Соломономъ, разрушили до тла, равно и дома богатыхъ обывателей, сперва, конечно, унеся изъ нихъ всѣ драгоцѣнности; громоздкіе предметы, какъ, напримѣръ, бронзовыя колонны и бронзовый бассейнъ въ храмѣ (такъ-называемое «море»), разбили на куски. Населеніе все увели, кромѣ самыхъ бѣдныхъ обывателей, которыхъ оставили воздѣлывать землю и ходить за виноградниками.

Осада Тира.

15. — Покончивъ съ Іудой, Навуходоноссоръ тотчасъ же приступилъ къ осадѣ Тира. Іудеи не безъ основанія подозрѣвали надменную царицу морей въ затаенномъ злорадствѣ по поводу бѣдствія, исключившаго ихъ изъ списка державныхъ народовъ, и плѣнный пророкъ Іезекіиль укоряетъ ее и предсказываетъ ей скорую погибель:

«За то, что Тиръ говоритъ объ Іерусалимѣ 'а! а! онъ сокрушенъ — врата народовъ; ...я наполнюсь, онъ опустошенъ',—зато такъ говоритъ Господь: 'Вотъ Я на тебя, Тиръ, подниму многіе народы, какъ море поднимаетъ волны свои. И разобьютъ стѣны Тира и разрушатъ башни его; и вымету изъ него прахъ его и сдѣлаю его голою скалою. Мѣстомъ для разстиланія сѣтей будетъ онъ среди моря... Ибо Я приведу противъ Тира отъ сѣвера Навуходоноссора, царя вавилонскаго, царя царей, съ конями и съ колесницами, и со всадниками, и съ войскомъ'» и пр., и пр. (Кн. Пр. Іезекіиля, XXVI).

Что финикійская столица жестоко пострадала,—

несомнѣнно, ибо осада, по свидѣтельству древнихъ писателей, длилась около тринадцати лѣтъ. Съ другой стороны, самый фактъ, что она могла тянуться такъ долго, и все-таки не окончиться взятіемъ города, показываетъ, что блокада не могла быть выдержана съ надлежащей строгостью. Это и понятно,—вѣдь море оставалось открытымъ. Дѣло кончилось, повидимому, капитуляціей, по условіямъ которой тирскій народъ признавалъ верховенство царя вавилонскаго и принималъ отъ него новаго царя, вмѣсто отставленнаго «бунтовщика». Пророкъ Іезекіиль, убѣдившись, что его предсказаніе до поры до времени сбылось лишь наполовину, взглянулъ на дѣло весьма своеобразно. Онъ какъ будто считалъ разграбленіе богатаго города какъ бы платой, подобающей вавилонскому царю и его войскамъ за труды ихъ, въ качествѣ орудія гнѣва Господня на Іуду, и ему словно жаль, что награда на этотъ разъ ускользнула отъ нихъ:

«Навуходоноссоръ, царь вавилонскій, утомилъ свое войско большими работами при Тирѣ; всѣ головы оплѣшивѣли (отъ долгаго тренія шлемовъ) и всѣ плечи стерты (ремнемъ отъ щита); а ни ему, ни войску его нѣтъ вознагражденія отъ Тира за работы, которыя онъ употребилъ противъ него» (Кн. Пр. Іезек. XXIX, 18).

И пророкъ обѣщаетъ взятіе Египта въ видѣ вознагражденія.

«*Посему*, такъ говоритъ Господь Богъ: 'Вотъ, Я Навуходоноссору даю землю египетскую, чтобъ онъ обобралъ богатство ея, и произвелъ грабежъ въ ней, и ограбилъ награбленное ею, и это будетъ вознагражденіемъ войску его. Въ награду за дѣло, которое онъ произвелъ, Я отдаю ему землю египетскую, *потому что они дѣлали это для Меня*'..»

Но Навуходоноссоръ вовсе не ходилъ въ Египетъ. Онъ былъ хотя и отмѣннымъ полководцемъ, но не по образцу ассирійскихъ царей. Прежде всего, онъ былъ государственный человѣкъ; его влекло къ мирному труду, и главное свое вниманіе онъ обратилъ на то, чтобы домашнее управленіе въ Вавилонѣ установить на широкихъ, прочныхъ основахъ, а для этого необходимо было его личное пребываніе въ собственной столицѣ, въ родной Халдеѣ. Война была для него дѣломъ необходимости, не выбора, и онъ даже старался о водвореніи общаго мира, неоднократно принимая на себя роль миротворца, что было въ тѣ вѣка большой рѣдкостью.

VIII.

Лидія и Малая Азія.—Политическое равновѣсіе на Востокѣ.

Малая Азія независима отъ Вавилона.

1.—Одинъ взглядъ на карту покажетъ, что погибель Іуды и другихъ сирійскихъ государствъ была неизбѣжна. Географическое положеніе ихъ дѣлало обладаніе ими обязательнымъ для всякаго, кто бы ни владѣлъ Месопотаміей. Ихъ нельзя было отдѣлять отъ ассирійскаго наслѣдства, и, когда основатели халдейской державы въ Вавилонѣ вступили въ это наслѣдство, рука ихъ естественно должна была потянуться къ морю и тяжело лечь на все, лежащее по пути къ нему. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находились земли, отдѣленныя естественными преградами отъ семитскаго и ханаанскаго міра, — земли, лежащія въ районѣ горъ Таврскихъ и Наири, и за предѣлами ихъ, т. е. въ Малой Азіи и въ широкой горной полосѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Изъ этихъ земель иныя, какъ-то: царство Ванъ и другія части края Урарту съ одной стороны, Киликія и Каппадокія съ другой, — были подвластны Ассиріи только отчасти, иныя же никогда

не были ею покорены, хотя подвергались постоянной опасности отъ ея близости; это—земли той передовой части Малой Азіи, которую рѣка Галисъ (нынѣ Кизилъ-Ирмакъ), по справедливому замѣчанію Геродота, обращаетъ почти въ полуостровъ. Ассирійцы навѣрно никогда не видали Эгейскаго моря—(той части Средиземнаго моря, которая омываетъ іонійскіе берега и греческіе острова), равно какъ и Чернаго моря. И если Лидія, въ минуту горькой нужды, промѣняла свою независимость на ассирійскій протекторатъ, то она рѣшилась на это лишь временно и почти тотчасъ же раскаялась въ своемъ шагѣ *).

Перемѣны въ земляхъ Наири.

2.—Вскорѣ послѣ этого мимолетнаго торжества, Ашурбанипалъ, какъ извѣстно, былъ слишкомъ поглощенъ борьбой не на животъ, а на смерть противъ халдейскаго Вавилона, Элама и придвигающихся мидянъ, чтобы обращать вниманіе на болѣе отдаленныхъ подданныхъ и вассаловъ. Его слабосильные преемники и подавно не были въ состояніи заниматься чѣмъ-либо, кромѣ самыхъ насущныхъ нуждъ, и въ то время, какъ нашествіе скиѳовъ дѣйствовало на расшатанную державу, какъ землетрясеніе на полуразрушенное зданіе, на сѣверной границѣ и за нею происходили перемѣны, которыхъ невозможно въ точности прослѣдить. Въ тревожные годы общей сумятицы и растерянности историческія событія не записывались, результаты же ихъ выяснялись

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 421—425.

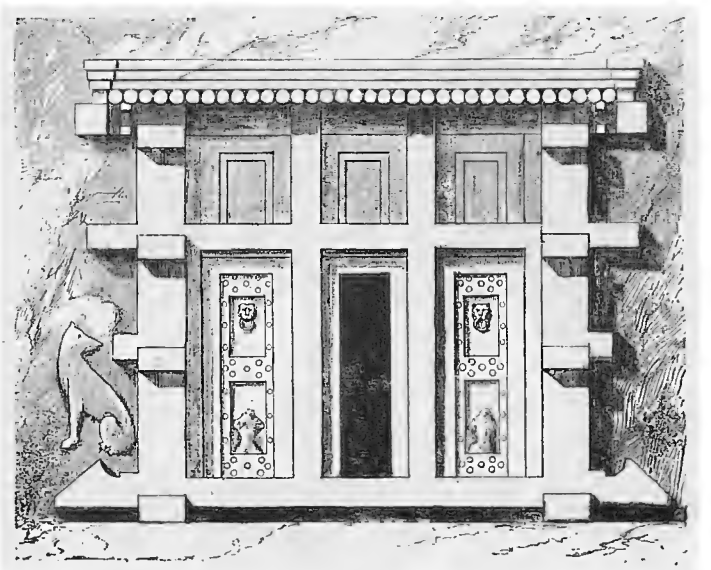
только съ водвореніемъ мира и возстановленіемъ порядка. Такъ, напримѣръ, объ Урарту не упоминается ничего въ теченіе долгаго времени. Достовѣрно только то, что въ VII вѣкѣ до Р. Х. хеттейскіе народы уступили мѣсто ѳрако-фригійской вѣтви арійской расы, обозначаемой въ исчисленіи яфетидовъ въ гл. X Книги Бытія, именемъ Ѳогармы, сына Гомера *), а греческимъ писателямъ извѣстной подъ именемъ армянъ, съ тѣхъ поръ такъ и оставшимся за ними.

Лидія, Кандавлъ и Гигъ.

3.—Лидія, по своей отдаленности, находилась въ еще болѣе благопріятныхъ условіяхъ и, подъ управленіемъ умнаго и предпріимчиваго царскаго дома, пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы расширять свои владѣнія въ ущербъ сосѣдямъ. Династію эту, Мермнадовъ, основалъ тотъ самый Гугу (Гигъ), который призвалъ ассирійцевъ на помощь противъ киммерійцевъ и въ борьбѣ погибъ. Мермнады были родъ туземный, лидійскій; на престолъ попали вслѣдствіе дворцоваго переворота: Гигъ убилъ Кандавла, послѣдняго царя династіи, нѣсколько вѣковъ управлявшей землею, и, вѣроятно, женился на вдовѣ убитаго, чтобы создать себѣ нѣкоторое право на престолъ, не забывая, однако, заручиться поддержкой наемныхъ войскъ изъ сосѣдней земли,—Каріи. Объ этомъ переворотѣ ходили разныя преданія, одно невѣроятнѣе. другого Всѣхъ болѣе распространенъ разсказъ Геродота; онъ же и правдоподобнѣе другихъ, хотя тоже лишенъ настоящей авторитетности, но зато занимателенъ, какъ все, что

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 411—412.

ликое множество гробницъ. Изъ нихъ иныя, — напр., гробницы лидійскихъ царей, — имѣютъ видъ простыхъ могильныхъ кургановъ и содержатъ довольно просторный погребальный склепъ, прочно выложенный тесанымъ камнемъ. Остальныя, — а таковыхъ находится неимовѣрное множество въ



Гробница, высѣченная въ скалѣ, близъ Телмесса (въ Ликіи).

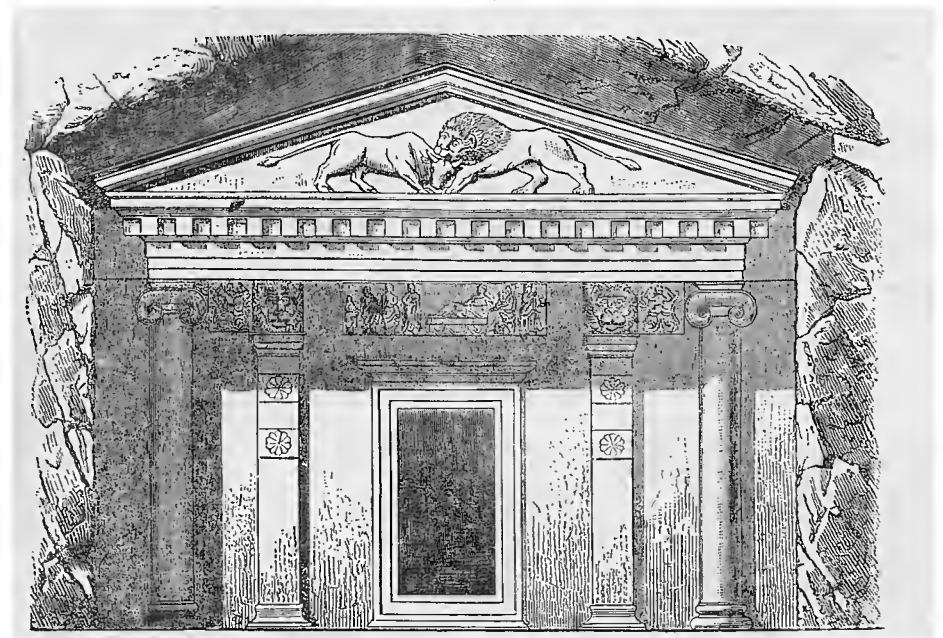
Ликіи, — высѣчены въ живой скалѣ. Гробницы эти, — истинно художественной работы, — представляютъ точное подобіе жилищъ живыхъ, которыя, насколько можно судить по этимъ же подражаніямъ, были деревянныя, изъ искусно пригнанныхъ бревенъ и брусьевъ и свидѣтель-

ствовали о высокомъ развитіи столярнаго мастерства. Изображенъ обыкновенно фасадъ дома: крыльцо, сѣни, выходная дверь съ пилястрами и окнами; и вездѣ видно тщательное подражаніе

Другая гробница близъ Телмесса.
(Глыба сорвалась со скалы и соскользнула къ подножію ея).

столярной работѣ, даже до вязки частей шипами и бревенчатой застрѣхи; однимъ словомъ, копія безукоризненна до мельчайшихъ подробностей. Гдѣ изображена затворенная дверь, тамъ не только отмѣчены панели и даже украшающіе ихъ гвозди,

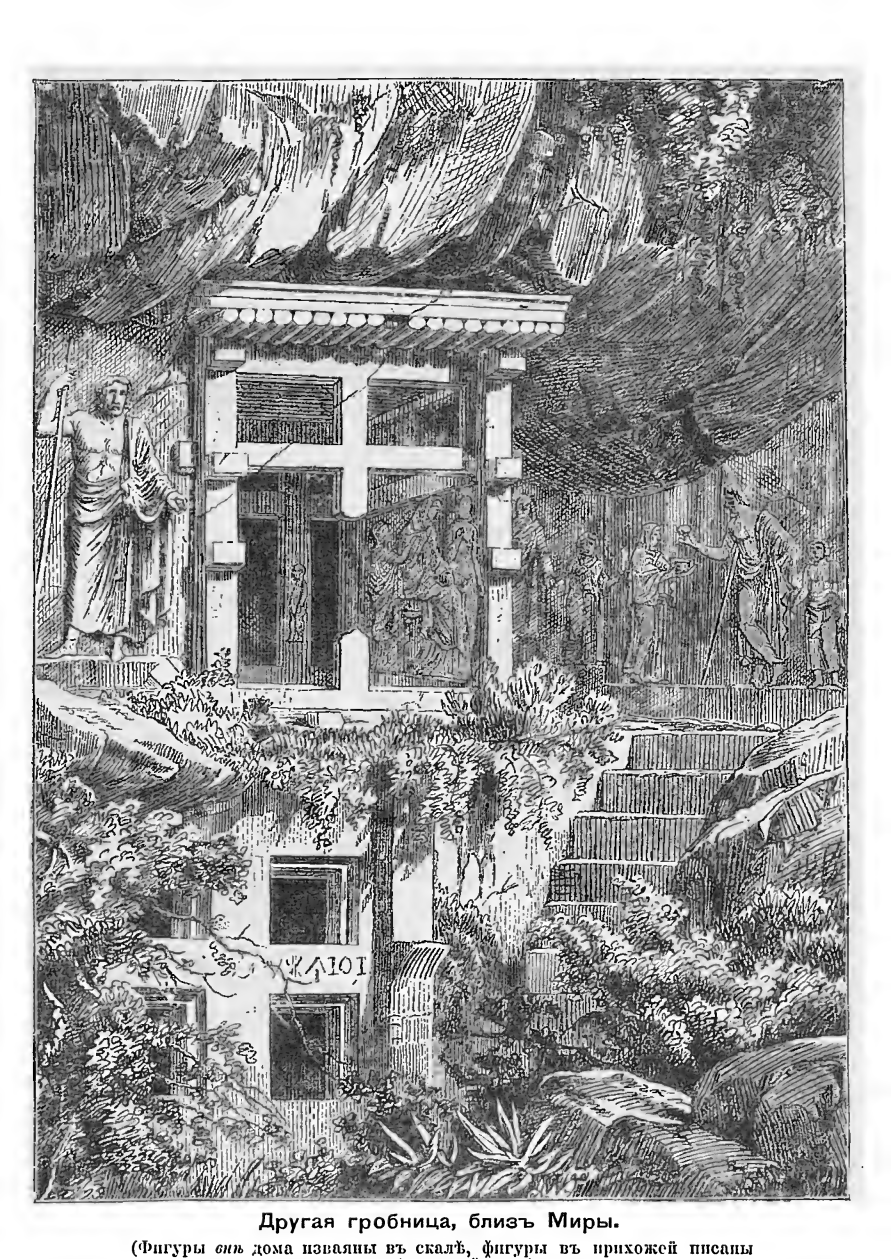
но и самое стукальце. Обыкновенно одна дверь, или половинка двери, отворена, открывая доступъ во внутренность гробницы. По высотѣ, на которой эти склепы высѣчены въ почти отвѣсныхъ скалахъ, должно заключить, что тамъ, гдѣ не вы-



Фасадъ гробницы, высѣченной въ скалѣ, близъ Миры (въ Ликіи).

(Поздній греческій стиль).

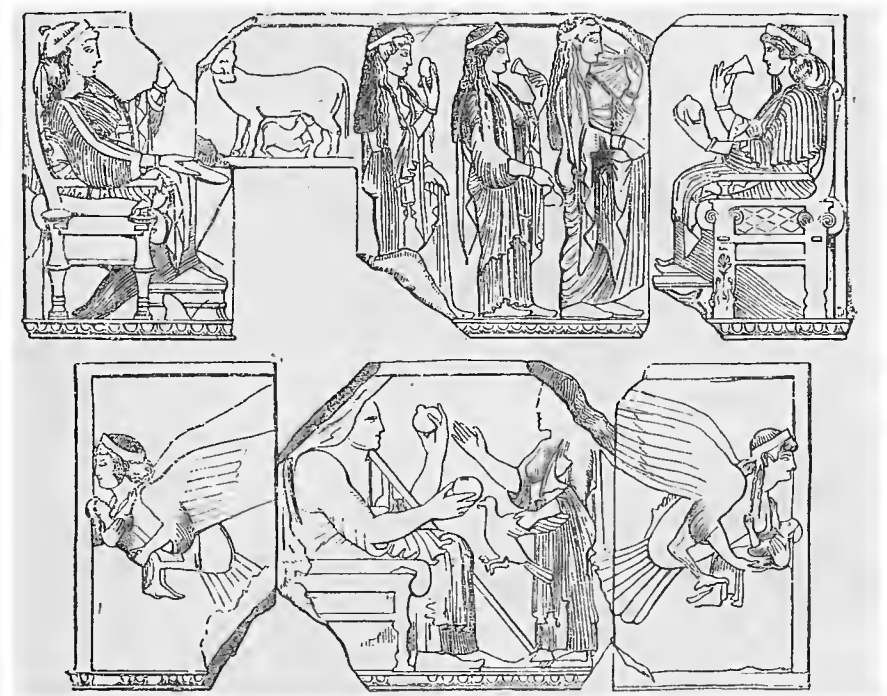
сѣчено ступеней, можно было работать лишь съ помощью приставленныхъ лѣстницъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отверстіе закрывалось плотно пригнанной плитой, или каменной глыбой; но слухи о богатствахъ, погребенныхъ, будто бы, съ тѣлами богачей, не могли не привлекать алчности мно-



Другая гробница, близъ Миры.

(Фигуры *внѣ* дома изваяны въ скалѣ, фигуры въ прихожей писаны на стѣнахъ—фрески).

гихъ поколѣній грабителей, такъ что ученые изслѣдователи ни въ одной гробницѣ не нашли никакихъ вещей; да и самыхъ тѣлъ не осталось и слѣда. Эти изваянные фасады также разнятся

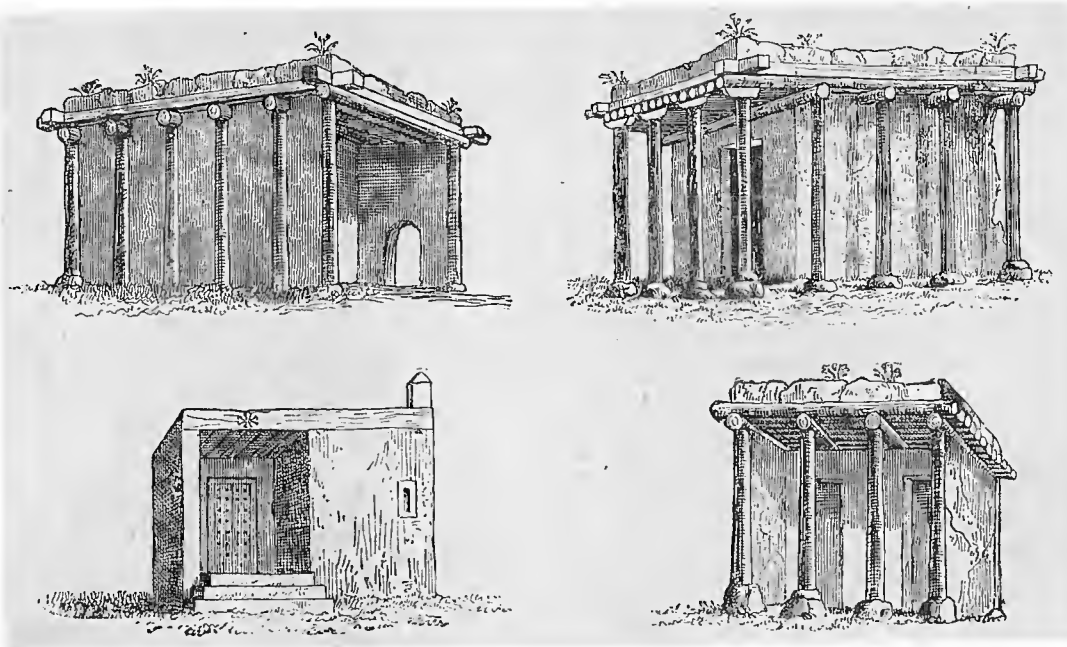


Барельефы на фасахъ башневидной гробницы близъ Ксанта, въ Ликіи.

(Такъ-называемая Башня Гарпій).

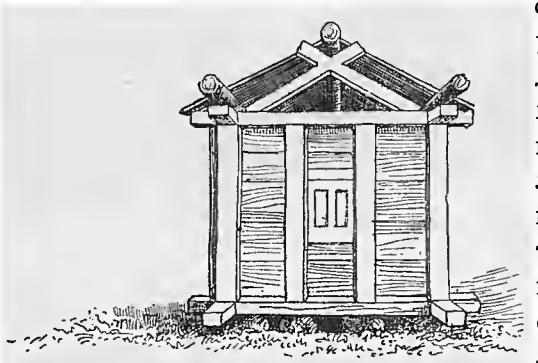
другъ отъ друга въ декоративномъ отношеніи, какъ и настоящіе дома, начиная отъ простыхъ бревенчатыхъ построекъ до изысканныхъ архитектурныхъ изощреній, въ которыхъ сказывается поздній, чисто греческій періодъ развитія искус-

Надгробный памятникъ близъ Ксапта, въ Ликіи.

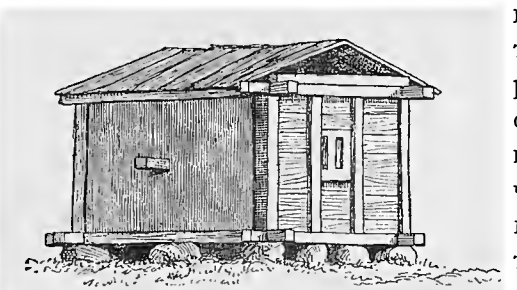


Современныя постройки въ Линіи.

ства. Сразу видно, что тутъ прошло нѣсколько вѣковъ. Этотъ оригинальный видъ надгробныхъ памятниковъ, въ точности воспроизводящихъ собственные дома усопшихъ, нашелъ подражателей не только между греками, но какъ мы увидимъ далѣе, и у персовъ. Есть и такіе памятники, которые стоятъ отдѣльно, изображая не одинъ фасадъ, а цѣлое деревянное зданіе, иногда башню. Таковъ знаменитый башневидный памятникъ въ Ксантѣ, въ Ликіи. Онъ возвышается надъ другими высѣченными въ скалѣ гробницами, которыя удалось расчистить отъ окружавшихъ ихъ глыбъ. Всѣ четыре фаса памятника покрыты изваяніями, и всѣ они относятся къ посмертной участи души. Крылатыя богини смерти, Гарпіи, уносятъ душу въ видѣ новорожденнаго младенца, а надъ входомъ помѣщено изображеніе священной



Амбаръ въ Ликіи.
(Современный).



Амбаръ въ Ликіи.
(Современный).

коровы, символъ живой природы, — отрадное и утѣшительное напоминаніе о неизсякающей жизненности природы. Нѣкоторыя изъ стоящихъ отдѣльно гробницъ представляютъ саркофаги (очевидно, подражаніе деревяннымъ подлинникамъ). На изваянной крышѣ красуются четыре рукоятки, въ видѣ львиныхъ головъ. Поразительный примѣръ того, какъ долго одинъ какой-нибудь строительный типъ способенъ продержаться въ данной мѣстности, представляетъ намъ Ликія: тамъ по сіе время существуютъ еще сельскія постройки, крайне грубыя, но несомнѣнно того же типа какъ жилища, изображенныя въ самыхъ древнихъ гробницахъ, высѣченныхъ въ ликійскихъ скалахъ.

Различные языки въ Малой Азіи.

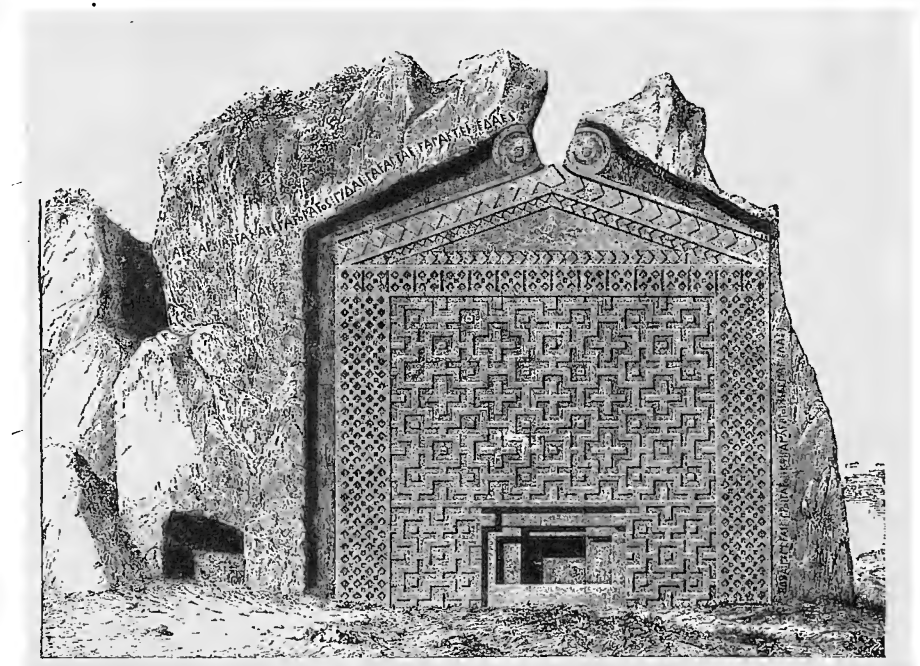
5. — Какъ ни замѣчательны эти памятники, однако, мы въ нихъ не находимъ того, что̀ мы всего усерднѣе ищемъ, а именно—ключа къ той эпохѣ, къ которой можно отнести позднѣйшіе изъ нихъ, такъ какъ надписей по большей части на нихъ нѣтъ. Зато на многихъ изъ древнѣйшихъ встрѣчаются такъ-называемыя «двуязычныя» надписи, т. е. надписи, составленныя на двухъ языкахъ,—мѣстномъ и греческомъ. Изъ нихъ видно, что алфавиты, употребляемые для обоихъ языковъ, весьма схожи между собою. То же можно сказать и объ открытыхъ до сихъ поръ фригійскихъ надписяхъ. Итакъ, благодаря сходству алфавитовъ, дешифрировка не представила особенной трудности; однако, по скудости и отрывочности надписей, не удалось еще возстановить самихъ языковъ сколько-нибудь удо-

влетворительно. Но и при этихъ малыхъ пособіяхъ, нельзя не усмотрѣть существованія по крайней мѣрѣ двухъ группъ языковъ въ Малой Азіи въ историческія времена: языки Мизіи, Фригіи и другихъ земель, лежащихъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, склоняются къ очень древнему арійскому филологическому типу, — пелазгійскому, отъ котораго произошелъ и греческій языкъ. Относительно языковъ Ликіи и сопредѣльной ей Каріи, еще ничего положительнаго сказать нельзя. Впрочемъ, профессоръ Сэйсъ съ увѣренностью утверждаетъ, что языки эти—«не арійскіе», не взирая на всѣ попытки доказать противное.

Хеттейскій элементъ въ Малой Азіи.

6.—Очевидно, немыслимо изъ такихъ скудныхъ и разбросанныхъ данныхъ набрать матерьялъ для настоящей исторіи края; но все же есть возможность набросать, въ очень широкихъ чертахъ, схему разныхъ фазисовъ развитія, черезъ которые должна была пройти Малая Азія до того времени, когда она является въ полномъ историческомъ освѣщеніи, раздѣленная на множество болѣе или менѣе самостоятельныхъ государствъ, съ разноплеменнымъ населеніемъ и не менѣе разнообразными религіями и типами культуры. Если вѣрить древнѣйшимъ преданіямъ, передаваемымъ писателями классической древности, вся западная Азія,—а сюда конечно принадлежитъ и Малая Азія, — была, съ незапамятныхъ временъ и въ теченіе многихъ вѣковъ, заселена туранцами, и новѣйшая наука не находитъ повода оспаривать это преданіе. Громадный пробѣлъ между

этимъ отдаленнѣйшимъ, туманнымъ прошлымъ и зарею историческихъ временъ, хотя еще сильно смѣшанныхъ съ миѳическими элементами, отчасти заполняютъ открытія, сдѣланныя по части хеттейской древности. Сравнительное изученіе своеоб-



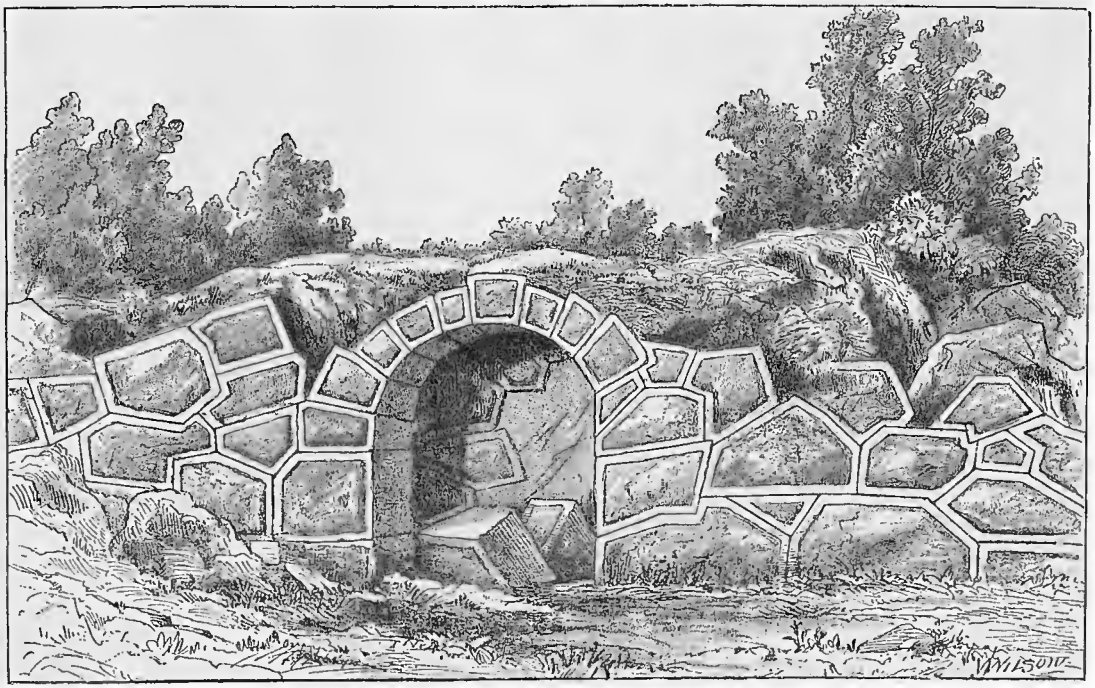
Высѣченная въ скалѣ гробница царя Мидаса, въ Фригіи

разныхъ изваяній на скалахъ Богазъ-Кеви въ Каппадокіи, Ибриза въ Киликіи, близъ Карабела, невдалекѣ отъ Смирны, и во многихъ еще мѣстностяхъ Малой Азіи, съ ихъ надписями, письмена которыхъ тождественны съ письменами, найден-

ными въ Эмаѳѣ *), показываетъ, что это могущественное и даровитое племя нѣкогда владѣло всѣми землями, лежащими между Чернымъ и Средиземнымъ морями, доходя съ восточной стороны до рѣки Галиса, а, можетъ-быть, и нѣсколько далѣе; слѣдами же его являются не только эти изваянія, но еще многія святилища, посвященныя той же богинѣ природы, которая, подъ разными видами, почиталась всѣми семитскими и ханаанскими народами, и храмы которой, съ ихъ толпою прислужницъ, подали поводъ къ греческой легендѣ объ амазонкахъ. Баснословное царство этихъ воинственныхъ женъ,—самое ядро, такъ сказать, легенды,—греки помѣщали на берегахъ рѣки Термодонта, невдалекѣ отъ нынѣшнихъ развалинъ Богазъ-Кеви; извѣстно, что въ томъ же сосѣдствѣ,—въ Команѣ, въ Каппадокіи, которая въ очень древнія времена простиралась далѣе къ Черному морю, чѣмъ въ позднѣйшіе, классическіе вѣка, находился одинъ изъ главныхъ храмовъ богини, называемой здѣсь просто Ма («Мать»), и въ этомъ храмѣ прислуживало не меньше 6.000 женщинъ. Амазонки, будто бы, основывали города. Гдѣ сохранилось такое преданіе, навѣрно нѣкогда стояло хеттейское святилище. Такъ было съ Эфесомъ, Смирною и многими другими городами іонійскаго поморья.

Индо-европейское вліяніе. 7.—Хеттейская культура и владычество въ Малой Азіи, вѣроятно, достигли крайнихъ своихъ

*) См. «Ист. Ассиріи», стр. 407—409.



Городская стѣна въ древнемъ Книдѣ, въ Малой Азіи.
(Древнѣйшей греческой кладки).

западныхъ предѣловъ вскорѣ послѣ XV-го вѣка до Р. Х. и удержались приблизительно до начала X-го; въ Сиріи же,—«Землѣ Хатти» ассирійскихъ надписей, — они къ этому времени уже начали отступать передъ наступательнымъ движеніемъ ассирійцевъ и вообще поддавались давленію разныхъ семитскихъ элементовъ. Но даже въ Малой Азіи великое ѳрако-фригійское переселеніе племенъ подернуло забытую уже туранскую подпочву и хеттейскую воздѣланную почву тонкимъ арійскимъ слоемъ *); да и помимо этого движенія, Малая Азія въ теченіе X-го и отчасти IX-го вѣка подвергалась постоянному притоку индоевропейскихъ вліяній, изъ несравненно болѣе симпатичнаго и культурнаго источника, а именно съ греческихъ острововъ и материка, — Архипелага и Пелопоннеса.

Эллада, дорійское кочеваніе и іонійскія колоніи.

8.—Въ это время надъ довольно пестрымъ сборищемъ крошечныхъ государствъ и республикъ и вольныхъ городовъ, долженствовавшихъ лѣтъ двѣсти спустя гордиться общимъ, объединяющимъ именемъ Эллады, совершался коренной переворотъ, медленно, но отнюдь не мирно. Эллины, которыхъ мы у римлянъ научились называть ГРЕКАМИ, дробились на множество племенъ, все крайне даровитыхъ и происходившихъ отъ древнѣйшаго корня—ПЕЛАЗГОВЪ. Двое изъ этихъ племенъ, АХЕЙЦЫ и ІОНІЙЦЫ, владѣли Пелопоннесомъ и значительной полосой побережья на сѣверъ отъ Коринѳскаго перешейка,

*) См. «Ист. Ассиріи», стр. 410—411.

съ полуостровомъ Аттикой включительно. Третья вѣтвь,—дорійцы, прожила невѣдомо сколько вѣковъ въ горной полосѣ Эпира и Ѳессаліи, гдѣ они выработали себѣ суровый и сильный нравъ, любовь къ войнѣ и презрѣніе къ торговлѣ и ремесламъ,—всѣ черты, свойственныя вообще горцамъ. Около 1000-го г. до Р. Х. между ними произошло сильное броженіе. Пробудились ли въ нихъ жажда власти и стремленіе къ завоеваніямъ, или имъ стало тѣсно въ своихъ долинахъ, только они начали спускаться къ морю, гдѣ и земли лучше, и мѣстность красивѣе, и климатъ мягче. Они вездѣ брали себѣ земли, а владѣльцевъ порабощали, заставляя работать на себя. Въ городахъ они учреждали желѣзное правленіе, а гдѣ встрѣчали сопротивленіе, воевали до истребленія непокорныхъ. Это движеніе, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ «дорійскаго кочеванія», продолжалось около ста лѣтъ, пока дошло до Коринѳскаго перешейка, узкой натуральной плотины, безъ которой Пелопоннесъ былъ бы островомъ, оторваннымъ отъ греческаго материка, какъ Сицилія оторвана отъ Италіи. Они черезъ этотъ проходъ наводнили Пелопоннесъ, перебирались туда также и на судахъ, черезъ длинный и узкій заливъ.

Характеръ дорійскаго владычества.

9.—Вторженіе дорійцевъ подѣйствовало подобно паденію въ сосудъ съ водой тяжелаго тѣла, отъ котораго поднимутся во всѣ стороны плескъ и брызги. Отдѣлаться отъ нихъ нельзя было, потому что это были не какіе-нибудь разбойники, а геніальные мастера военнаго дѣла, и потому

они дѣйствовали дружно и систематически, разбивая всякое противленіе. Одаренные въ одинаковой мѣрѣ и тѣми качествами, которыя научаютъ устраивать государства и обезпечиваютъ ихъ долговѣчность, они, своей бдительностью и энергіей, предупреждали или подавляли заговоры и возстанія. Стариннымъ ахейскимъ общинамъ и позднѣйшимъ федераціямъ іонійскихъ вольныхъ городовъ оставался одинъ выборъ: покориться или выселиться. Тысячи народа, подъ предводительствомъ древнихъ, знатныхъ родовъ, выбирали послѣднее, — и наступилъ вѣкъ колонизаціи. На греческихъ судахъ отплывали большія партіи переселенцевъ, всѣхъ возрастовъ и званій, и высаживались на разныхъ точкахъ береговъ окружающихъ морей: въ Сициліи, южной Италіи, вдоль береговъ Иллиріи и Эпира по одну сторону греческаго материка, въ Македоніи и Ѳракіи по другую, до самаго Босфора и даже по берегамъ Чернаго моря. Многіе такіе отряды располагались на томъ или другомъ изъ безчисленныхъ острововъ, разбросанныхъ по окрестнымъ водамъ. И вездѣ, гдѣ горсть печальныхъ выходцевъ ставила свои шалаши и палатки, не принеся съ собою изъ родины ничего, кромѣ кое-какихъ завѣтныхъ драгоцѣнностей, да немного родной земли и нѣсколькихъ искорокъ священнаго огня отъ городского очага,—тамъ, въ невѣроятно короткое время выростало и расцвѣтало поселеніе, а вскорѣ и прекрасный, благоустроенный городъ, такъ что колоніи сдѣлались эллинскими торговыми и культурными станціями, и со временемъ грече-

скіе города стали уже добровольно высылать избытокъ своего населенія и насаждать колоніи единственно съ цѣлью расширить свое вліяніе и увеличить собственное благоденствіе, открытіемъ новыхъ торговыхъ путей и поприщъ для предпріимчивости въ отдаленныхъ и лишь отчасти заселенныхъ земляхъ. Немало колоній основали и сами дорійцы.

Іонійскія колоніи на побережьѣ Малой Азіи.

10.—Изо всѣхъ этихъ передовыхъ постовъ Эллинской культуры, ни одни такъ быстро и роскошно не расцвѣли, какъ колоніи, основанныя большей частью бѣглыми іонійцами вдоль той части побережья Малой Азіи, которая по нимъ назвалась Іоніей. Это движеніе,—прямое послѣдствіе вторженія дорійцевъ, началось скоро послѣ 1000-го г. до Р. Х. и продолжалось болѣе двухъ столѣтій. Выходцы очень ловко выбирали себѣ мѣста, большей частью у устій рѣкъ,—Гермоса, Каистра, Меандра,—у подножія горъ, охраняющихъ отъ вѣтровъ, на высокихъ мысахъ,—однимъ словомъ, на точкахъ, благопріятствующихъ торговлѣ и, въ то же время, въ случаѣ надобности, и оборонѣ; а это было далеко не лишнее удобство, потому что пришельцы основывались не въ пустыряхъ, а на земляхъ населенныхъ и уже цивилизованныхъ, гдѣ они не могли надѣяться прочно устроиться, не встрѣтивъ никакого сопротивленія отъ туземцевъ. И лидійцы и карійцы были народы воинственные и наврядъ ли можно было разсчитывать, чтобы они допустили пришлыхъ инородцевъ безпрепятственно занять лучшія ихъ земли, ихъ побережіе, устья ихъ

рѣкъ. Однако, ничего положительнаго неизвѣстно о войнахъ, которыми должно было сопровождаться заселеніе края эллинскими выходцами. И войны эти, повидимому, не были черезчуръ свирѣпы, потому что, когда начинается настоящая исторія, она показываетъ намъ греческіе города въ Малой Азіи собранными въ благоустроенные цвѣтущіе союзы или федераціи, и, насколько можно судить, находящимися въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ окрестнымъ населеніемъ. Религія, повидимому, тоже не составляла непреодолимой преграды. Въ Смирнѣ, Эфесѣ, Миринѣ и другихъ мѣстахъ, греки нашли святилища хеттейской богини, съ ея женской прислугой, и не колеблясь усвоили этотъ столь новый для нихъ культъ, только измѣнивъ имя ея на знакомое имъ имя ихъ родной богини Артемиды *). Восточное происхожденіе концепціи, воплощенной въ хеттейской богинѣ, явствуетъ изъ грубаго, но прозрачнаго символизма ея статуи въ Эфесскомъ храмѣ, совершенно чуждаго греческимъ началамъ искусства и красоты, но зато крайне мѣтко выражающаго именно то, что̀ требовалось наглядно представить зрителямъ: понятіе о природѣ всеродительницѣ и всекормилицѣ. Солнечнаго бога азіатовъ, въ его различныхъ видахъ, греки тоже легко слили со своимъ юнымъ, лучезарнымъ Аполлономъ, или со своимъ полубожественнымъ героемъ Геракломъ, который самъ является наслѣдіемъ отъ Халдеи и Финикіи, пересозданнымъ типомъ вавилонскаго Гиль-

*) См. «Ист. Ассиріи» стр. 407—409.

гамеша и тирскаго Мелькарта. У лидійцевъ богъ-Солнце назывался Сандономъ и имѣлъ высокочтимое народное святилище близъ того мѣста, гдѣ греки построили Милетъ, царицу іонійскихъ городовъ. При этомъ святилищѣ наслѣдственно служилъ мѣстный жреческій родъ Бранхидовъ. Когда пришли греки, они тотчасъ же усвоили и это святилище, которое у нихъ пользовалось славою наравнѣ съ храмомъ Эфесской Артемиды, подъ названіемъ храма «Дидимейскаго Аполлона» и оставили его на попеченіи его исконныхъ, именитыхъ хранителей. Народы Малой Азіи, со своей стороны, вовсе не чуждались

Статуя Артемиды Эфесской.
(Характерны *херувимы*,—крылатыя бычачьи головы внутри диска, окружающаго голову богини).

Развалины храма Аполлона Дидимейскаго близъ Милета.

Обломокъ орнамента, найденный въ храмѣ Аполлона Дидимейскаго.

этого духовнаго родства; такимъ образомъ случилось, что, привлеченные красотой эллинской культуры и эллинскихъ миѳовъ, они стали посылать дары въ наиболѣе знаменитые центры эллинскаго богопочитанія и испрашивать совѣты у эллинскихъ боговъ черезъ ихъ оракуловъ,—т. е. черезъ тѣхъ служителей ихъ, которые считались одаренными божескимъ вдохновеніемъ и способностью передавать отвѣты божества и толковать посылаемыя имъ знаменія. Всемірной славой и наивысшимъ почетомъ пользовались храмъ и оракулъ Апполлона въ Дельфахъ, и сокровищницы храма обогащались дарами «варваровъ», которые со всѣхъ сторонъ стекались туда за совѣтами. Поэтому, разсказъ о томъ, какъ Гигъ послалъ къ дельфійскому Аполлону и повергъ на его разрѣшеніе вопросъ о своемъ правѣ на лидійскій престолъ, можно считать наименѣе невѣроятнымъ изо всѣхъ повѣствованій о переворотѣ, передавшемъ царскую власть династіи Мермнадовъ. Геродотъ исчисляетъ дары, посланные по этому случаю Гигомъ, въ благодарность за благопріятное рѣшеніе: они состояли изъ огромнаго количества серебра и «великаго множества золотыхъ сосудовъ». Гигъ, по словамъ того же историка, первый изъ «варваровъ» послалъ дары въ Дельфы,—за исключеніемъ нѣкоего царя фригійскаго, посылавшаго туда еще ранѣе Гига и посвятившаго богу тронъ, на которомъ онъ самъ возсѣдалъ, когда творилъ судъ надъ подданными,—«предметъ, заслуживающій внимательнаго осмотра», присовокупляетъ Геродотъ.

11.—Относительно матерьяльной цивилизаціи, лидійцы, вѣроятно, далеко опередили греческихъ выходцевъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ колонизаторскаго періода. Они были весьма искусны въ разныхъ промышленныхъ мастерствахъ, напримѣръ краскѣ шерсти и тканьѣ, и лидійскіе ковры пользовались славою, дожившей до самыхъ нашихъ дней, какъ это видно изъ великаго спроса на смирнскіе ковры. Стало-быть, вліяніе было взаимное, больше духовное со стороны грековъ, и больше матерьяльное со стороны лидійцевъ. Земля послѣднихъ, кромѣ того, изобиловала драгоцѣнными металлами, и это привело къ изобрѣтенію, открывшему новую эру въ общественныхъ и международныхъ сношеніяхъ и причинившему прямо переворотъ въ торговыхъ пріемахъ, а именно—къ чеканенію монетъ. Этимъ изобрѣтеніемъ, столь простымъ по мысли, но имѣвшимъ столь необъятныя послѣдствія, міръ обязанъ, вѣроятно, Гигу, первому изъ Мермнадовъ.

Взаимодѣйствіе между греками и лидійцами.

12.—Торговля, даже до столь поздняго времени, какъ VII вѣкъ до Р. Х., велась между личностями и народами большей частью самымъ примитивнымъ образомъ, просто обмѣномъ одного товара на другой, сырого матерьяла на разработанные продукты, предметовъ роскоши на предметы необходимости или опять-таки роскоши. Такъ въ особенности должны были вестись торговыя сдѣлки между цивилизованными народами и дикарями, или народами полуцивилизованными, для которыхъ прямой обмѣнъ былъ единственно понятной и безопасной финансовой операціей.

Мѣновая торговля. Продажа и купля.

Но для сдѣлокъ между купцами одной и той же національности или принадлежащими къ разнымъ, но одинаково цивилизованнымъ національностямъ, стала ощущаться потребность въ менѣе обременительномъ посредствѣ, и отчасти удовлетворялась,—замѣщеніемъ *мѣновой* торговли *куплей и продажей*, т. е. обмѣномъ товара не на товаръ же, а на нѣчто одинаковой цѣнности, удобное по величинѣ и формѣ, могущее во всякое время, въ свою очередь, быть мѣняемо на товаръ, какой понадобится. При этомъ, конечно, необходимо было, чтобы цѣнность избраннаго мѣнового посредника была общепризнанная, установленная по взаимному соглашенію. Съ незапамятныхъ временъ такою нормою служила цѣнность, придаваемая такъ-называемымъ драгоцѣннымъ металламъ,—золоту и серебру. Разъ, что была установлена цѣнность извѣстнаго количества (по вѣсу) металла, оставалось раздѣлить данную массу, признанную за единицу, на множество бо̀льшихъ и меньшихъ кусочковъ, вѣсившихъ каждый извѣстную дробную долю вѣса нормальной единицы. Отнынѣ торговцу, продающему коверъ, или кинжалъ, или изящный стеклянный сосудъ, уже не приходилось брать въ уплату столько-то живыхъ овецъ, или овечьихъ шкуръ, или мѣръ зерна, или возовъ сѣна, или чего бы ни было, грузнаго и громоздкаго, что у покупателя имѣлось въ большемъ запасѣ; или же хлѣбопашецъ, продающій излишекъ своего зерна или скота, не былъ поставленъ въ необходимость брать взамѣнъ предметы, въ какихъ онъ, можетъ-быть, не имѣлъ

никакой надобности. Брусокъ, или нѣсколько колецъ, изъ золота или серебра, скорѣе и легче обдѣлывали дѣло, и притомъ могли во всякое время пригодиться для покупки чего-нибудь. Переходъ изъ рукъ въ руки недвижимаго имущества,—земель, домовъ,—безконечно облегчился, и какъ рано уже люди умѣли пользоваться этимъ способомъ, мы видимъ изъ того интереснаго мѣста въ Книгѣ Бытія (гл. XXIII), гдѣ сказано, что Авраамъ, современникъ эламитскаго царя Худур-Лагамара *), заплатилъ хетамъ, среди которыхъ онъ поселился, за поле, которое онъ просилъ ихъ уступить ему, «400 сикловъ серебра, какіе въ ходу между купцами».

Чеканка денегъ—изобрѣтена, вѣроятно, лидійцами.

13.—Золото и серебро, такимъ образомъ употребляемыя, съ точно установленной нормальной единицей цѣнности, раздѣляемой на дробныя доли, очевидно, отвѣчали нашимъ нынѣшнимъ деньгамъ при торговыхъ сдѣлкахъ. Но можно ли такіе бруски, слитки или кольца называть «деньгами»? Можно бы, если бы не одно обстоятельство: *за нихъ нѣтъ поручительства.* Кто удостовѣритъ продавца, получающаго ихъ въ плату за свой товаръ, въ полновѣсности и чистотѣ металла? Никто. Вотъ почему Авраамъ, когда платитъ за поле, *отвѣшиваетъ* 400 сикловъ. Такимъ способомъ, по вѣсу, совершаются всѣ платежи; доброкачественность металла, кромѣ того, испытывается оселкомъ. И за продавцомъ остается право принять или не принять слитки или кольца,

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 258—259.

смотря по тому, признаетъ ли онъ вѣсъ полнымъ или нѣтъ, чистоту металла удовлетворительною или сомнительною. Мы же не вѣшаемъ денегъ, которыя мы выплачиваемъ или получаемъ, и намъ не дозволяется не принимать ихъ. Мы обязаны брать ихъ *на вѣру*, потому что въ ихъ полновѣсности и чистотѣ по установленной нормѣ *ручаются наши правительства* своимъ штемпелемъ, т. е. отчеканенными на каждой монетѣ извѣстными изображеніями и надписями, употреблять которыя частнымъ лицамъ запрещено. Поручительство и довѣріе — таковъ обоюдный договоръ между правящими и управляемыми, которымъ простой товаръ разомъ превращается въ *деньги*, имѣющія законное обращеніе. Только этотъ одинъ шагъ оставалось сдѣлать, и странно, что не финикіяне, геніальные торговцы, догадались его сдѣлать. Трудно объяснить, почему такая важная финансовая мѣра совершилась именно въ Лидіи, а не въ другой какой странѣ, развѣ тѣмъ, что Лидія была такъ богата драгоцѣнными металлами, что они безъ большого труда добывались изъ легко доступныхъ пріисковъ въ лидійскихъ горахъ, Тмолѣ и Сипилѣ; мало того: песокъ, образующій русло рѣки Пактола, протекавшей черезъ столицу, Сарды, содержалъ богатый процентъ особаго вида блѣднаго золота, смѣшаннаго съ серебромъ и добываемаго просто промываніемъ. Эта смѣсь, содержащая отъ 20% до 40% серебра и болѣе, носитъ особое названіе: *электронъ*, все равно въ натуральномъ ли видѣ она встрѣчается, какъ въ Лидіи, или при-

готовляется искусственно. Изъ этого-то электрона, который цѣнился ниже золота, но выше серебра, были сдѣланы первыя лидійскія монеты. Ихъ найдено большое множество, а также не мало и чисто золотыхъ, и чисто серебряныхъ, въ районѣ миль въ тридцать вокругъ Сардъ. Древнѣйшія монеты очень грубы, и на нихъ отчеканенъ только квадратный штемпель. Постепенно совершенствуясь, монеты при знаменитомъ Крезѣ, четвертомъ потомкѣ Гига, наконецъ являются съ хорошо обрисованнымъ девизомъ лидійскихъ царей, — львиной головой, или львомъ съ быкомъ. Самому Гигу, однако, упорно приписывалась честь первоначальнаго изобрѣтенія, и поздніе греческіе писатели называютъ древнія монеты «гиговыми золотыми». Такимъ образомъ, изъ полдюжины великихъ изобрѣтеній, о которыхъ справедливо можно сказать, что каждое, въ свою очередь, произвело

Первыя лидійскія монеты.

міровой переворотъ: алфавитъ, чеканка монетъ, книгопечатаніе, порохъ, паръ, электричество, — мы двумя первыми обязаны отдаленной древности и восточнымъ народамъ *).

Расширеніе лидійскихъ владѣній.

14.—Лишь только династія Мермнадовъ,—въ лицѣ Гига,—вступила на престолъ, тотчасъ же почувствовалось новое вѣяніе какъ во внутренней, такъ и въ иностранной политикѣ: новый правитель всюду внесъ энергію и честолюбіе. Предначертанную имъ твердой рукой политику расширенія своихъ владѣній, онъ открылъ немедленнымъ присоединеніемъ сосѣдней Мизіи. Онъ рѣшился по возможности исправить ошибку прежнихъ царей, допустившихъ греческія поселенія вытянуться длинной цѣпью вдоль всего побережія, и потому сразу началъ наступать на греческіе города, начиная съ наиболѣе близкихъ. Онъ поставилъ себѣ задачей подчинить ихъ Лидіи, понимая всю необходимость снова завладѣть устьями своихъ же рѣкъ и гаванями своего собственнаго побережія. Онъ, конечно, былъ правъ, но — опоздалъ. Города, многолюдные и богатые, успѣли окрѣпнуть и могли постоять за себя. Притомъ, ему помѣшало столь бѣдственно для него окончившееся вторженіе киммерійцевъ.

---

*) Нѣсколько писателей, и древнихъ и современныхъ, приписываютъ изобрѣтеніе чеканки монетъ Греціи, а именно — Фейдону, тирану города Аргоса, современнику того же Гига. На самомъ дѣлѣ Фейдонъ, вѣроятно, первый изъ грековъ оцѣнилъ новое изобрѣтеніе и первый ввелъ его у себя на родинѣ.

Война Лидіи съ греческими приморскими городами.

15.—Сынъ Гига, Ардисъ, и внукъ его Садіаттъ, избавившись отъ набѣговъ несносныхъ разбойниковъ, первымъ дѣломъ опять взялись за прерванную, истинно національную задачу,—войну противъ греческихъ приморскихъ городовъ. Изъ нихъ нѣсколько были взяты, другіе отстояли себя, въ особенности Милетъ, который, полвѣка назадъ давъ отпоръ Гигу, теперь при Садіаттѣ не только все еще стоялъ не побѣжденный, но высылалъ отъ себя колонистовъ, и точно дразнилъ осаждавшихъ его лидійцевъ своею дѣятельностью и благоденствіемъ. Тогда Садіаттъ, чтобы не исчерпать силъ и терпѣнія своихъ воиновъ, придумалъ новый способъ вести войну, который Геродотъ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Когда хлѣба созрѣли, онъ приказалъ войску своему вступить на милетскую территорію подъ музыку дудокъ, арфъ и флейтъ. Строеній, разсѣянныхъ по полямъ, онъ не срывалъ и не жегъ, даже дверей не уносилъ, а оставлялъ ихъ какъ были. Но онъ косилъ хлѣба и рубилъ деревья, и, въ конецъ опустошивъ всю землю, возвратился въ свои владѣнія. Безполезно было бы войску его стать подъ самымъ городомъ, такъ какъ милетцы владѣли моремъ. Строеній же онъ не разрушилъ для того, чтобы жители соблазнились вновь поселиться въ нихъ и могли бы опять вспахать и засѣять свои нивы, будучи увѣренъ, что, каждый разъ, какъ будетъ нападать на ихъ землю, онъ найдетъ, что́ грабить. Эту тактику онъ поддерживалъ одиннадцать лѣтъ, и за это время нанесъ милетцамъ два жестокихъ удара».

Война между Лидіей и Мидіей.

16.—Изъ этихъ одиннадцати лѣтъ только шесть пришлись на долю Садіатта; другія пять принадлежали царствованію сына его, Аліатта. Это былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ лидійскихъ государей. При немъ династія Мермнадовъ, ко-

торой суждено было такъ трагически погибнуть уже при сынѣ его, достигла своей высшей славы. Лидійская монархія постепенно поглотила всю Малую Азію до рѣки Галиса, которая сдѣлалась ея границей съ востока. Но тутъ она столкнулась съ новообразовавшимся мидійскимъ царствомъ, которое тоже дошло до Галиса, двинувшись съ противуположной стороны. Каждому монарху, конечно, хотѣлось перейти раздѣлявшую ихъ легкую черту, и они стояли на-сторожѣ, словно два звѣря, скалившіе другъ на друга зубы, высматривая удобный предлогъ для нападенія. Предлогъ этотъ случайно выпалъ Кіаксару, царю мидійскому. Чѣмъ-то обиженный отрядъ скиѳскихъ воиновъ,—тайно ушелъ отъ Кіаксара. Отрядъ этотъ состоялъ изъ тѣлохранителей, набранныхъ изъ скиѳовъ, уцѣлѣвшихъ отъ побоища съ мидянами *). Бѣжавъ отъ Кіаксара, отрядъ перешелъ черезъ Галисъ и просилъ убѣжища у Аліатта. Кіаксаръ потребовалъ выдачи бѣглецовъ и, получивъ отказъ, объявилъ сосѣду войну.

Битва Затменія (585 г. до Р. Х.).—Заключеніе мира и скрѣпленіе его браками.

17.—Аліаттъ былъ вполнѣ готовъ, незадолго передъ тѣмъ окончивъ борьбу съ приморскими городами, въ общемъ, удовлетворительно для себя: города, которые послабѣе, согласились признать верховенство Лидіи и платить дань; но съ гордымъ, неукротимымъ Милетомъ Аліаттъ радъ былъ заключить мирный договоръ и даже вступить въ союзъ. Итакъ, у него руки были развязаны для новой войны, на которую онъ шелъ

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 473—474.

охотно, не предвидя того, что она вскорѣ обратится въ смертельный поединокъ двухъ державъ. Въ молодомъ мидійскомъ государѣ онъ нашелъ противника, какого едва ли ожидалъ встрѣтить. Однако, Лидія постояла за себя такъ, что борьба продолжалась цѣлыхъ пять лѣтъ, и только подъ конецъ побѣда стала клониться на сторону Кіаксара; возможно, что онъ однимъ удачнымъ ударомъ забралъ бы всю Малую Азію, если бы не вмѣшались сосѣди, которые въ такомъ внезапномъ возвеличеніи столь недавняго соперника усмотрѣли великую опасность для себя. Къ такому вмѣшательству имъ подалъ поводъ совершенно неожиданный случай. Въ самое время жестокаго сраженія, которое, вѣроятно, оказалось бы рѣшительнымъ, произошло затменіе солнца,—такое полное, что день обратился въ ночь. Болѣе культурнымъ народамъ такое явленіе уже не внушало особеннаго ужаса, и греки увѣряли, что именно это затменіе было давно предсказано Ѳалесомъ Милетскимъ, однимъ изъ ихъ знаменитѣйшихъ мудрецовъ. Но мидяне, съ одной стороны, значительно отстали отъ вѣка по части всякихъ знаній, а съ другой,—и лидійцы не далеко отъ нихъ ушли, такъ что произошла общая паника, и обѣ арміи отказались продолжать сраженіе въ виду столь бѣдственнаго предзнаменованія; лучшаго случая не могло представиться для миротворцевъ. Навуходоноссоръ, царь вавилонскій, и Сіеннесъ, царь киликійскій, который, вслѣдствіе паденія Ассиріи, вернулъ себѣ независимость и, подобно царю лидійскому, отстаивалъ

ее противъ всѣхъ, взялись мирить враговъ. Послѣдніе видно сами не прочь были придти къ какому-нибудь соглашенію, такъ какъ они научились уважать другъ друга и убѣдились, что союзъ будетъ для нихъ выгоднѣе вражды. Чтобы скрѣпить завязавшіяся добрыя отношенія, рѣшено было сочетать бракомъ дочь Аліатта, Аріэниду, съ Астіагомъ, старшимъ сыномъ и наслѣдникомъ Кіаксара. Такъ какъ дочь Кіаксара, Амита или Амуйа, уже была царицей вавилонской *), то эти три крупныя державы,—Мидія, Вавилонъ и Лидія, — составили тройственный союзъ, всемогущій въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ: западная Азія оказалась почти поровну раздѣленной между членами его, ибо, если Лидія и уступала нѣсколько другимъ собственно по количеству земли, это вознаграждалось необычайной плодородностью ея почвы, ея цвѣтущей торговлей и безконечными природными богатствами, да еще многолюднымъ населеніемъ и неисчерпаемымъ богатствомъ ея городовъ, въ число которыхъ теперь входило большинство греческихъ колоній. Такимъ образомъ, на Востокѣ установилось настоящее равновѣсіе державъ, — первый извѣстный въ исторіи примѣръ той ревнивой политики, которою такъ давно руководятся наши европейскіе государственные люди.

Смерть Кіаксара (584 г. до Р. Х.).

18.—О томъ, въ какомъ именно году происходила битва, прерванная затменіемъ солнца,

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 475.

ученые много спорили, потому что, на бѣду, какъ разъ около того времени, въ теченіе какихъ-нибудь тридцати лѣтъ, было нѣсколько затменій, вслѣдствіе чего оказалось очень трудно опредѣлить, которое именно было предсказано Ѳалесомъ. Однако, по разнымъ историческимъ и хронологическимъ соображеніямъ, большинство ученыхъ склоняется на сторону самой поздней возможной даты,—585-го г. до Р. Х. Въ 584-мъ году Кіаксаръ скончался.

IX.

Великій Вавилонъ.—Банкирскій домъ Эгиби.

Непрочность равновѣсія державъ.

1.—Тамъ, гдѣ, съ общаго согласія, установлено строгое равновѣсіе владѣній и власти, непремѣнно возникаютъ взаимная подозрительность и бдительный взаимный надзоръ. Образуется ассоціація, каждый членъ которой обязуется довольствоваться тѣмъ, что онъ имѣетъ, и не искать приращенія къ своимъ владѣніямъ въ ущербъ другимъ. Но въ то самое время, какъ они заключаютъ договоръ, каждый знаетъ очень хорошо (судя о другихъ по себѣ), что они останутся ему вѣрны до тѣхъ поръ, пока это будетъ имъ удобно, или пока не представится возможности и удобнаго случая нарушить этотъ договоръ. Такой-то случай каждый членъ ассоціаціи выжидаетъ съ двоякою мыслью: не пропустить его самому, и не дать другому воспользоваться имъ. Сверхъ того, такъ какъ подобный договоръ обыкновенно имѣетъ затаенною цѣлью придержать чрезмѣрный ростъ какого-нибудь черезчуръ сильнаго и предпріимчиваго сосѣда, — въ воздухѣ

чуется опасность, грозящая съ извѣстной стороны, и сторона эта естественно дѣлается предметомъ наиболѣе ревниваго надзора и подозрѣнія. Но въ концѣ концовъ, все это обыкновенно ни къ чему не ведетъ: сила, такъ или иначе, беретъ свое, по тому же закону природы, по которому наибольшая тяжесть оттягиваетъ свою сторону вѣсовъ. И если есть урокъ, который исторія внушаетъ съ особенной настойчивостью, такъ это то, что расы и націи имѣютъ свой чередъ, и что, когда для данной націи настаненъ этотъ чередъ, никакое сопротивленіе не помѣшаетъ ей исполнить возложенную на нее историческую задачу, точно такъ же, какъ ту же расу не сохранитъ въ живыхъ никакое подпираніе, ни подстреканіе, разъ ея вѣкъ дожитъ и плодотворныя силы въ ней истощены.

Опасенія Навуходоноссора.

2.—Въ западной Азіи насталъ чередъ иранцамъ. Раса эта къ тому времени вполнѣ возмужала, расцвѣла во всей юношеской силѣ и разыгралась въ ней страсть къ завоеваніямъ. Нимало не изнуренные своими долгими кочеваніями, иранцы рвались неодолимо впередъ, и задержать ихъ можно было только временно. Никто этого не сознавалъ лучше Навуходоносора, дальновиднаго, прозорливаго царя вавилонскаго, юнаго годами, но умудреннаго старческой мудростью своей отживающей расы. Онъ отказался отъ завоеваній, какъ ни манила его военная слава, и всѣ свои попеченія сосредоточилъ на упроченіи державы, которую онъ вполнѣ разсчитывалъ передать длинному ряду потомковъ,—

только бы удалось уберечь ее отъ Мидіи; а что именно съ этой стороны грозила опасность,—въ томъ онъ былъ такъ увѣренъ, что всю жизнь готовился къ ней. Кіаксара уже не было въ живыхъ,—великаго устроителя, котораго потомство признало основателемъ мидійской державы, хотя онъ и не былъ далеко первымъ мидійскимъ государемъ. Сынъ и преемникъ его, котораго греки называютъ Астіагомъ, а клинописныя лѣтописи—Иштувэгу, приходился Навуходоноссору шуриномъ, да и самъ по себѣ онъ былъ не страшенъ, такъ какъ онъ не представлялъ исключенія изъ того страннаго закона, по которому сыновья великихъ людей обыкновенно оказываются ничтожностями; но вавилонянинъ все-таки ни минуты не дремалъ. Чутко прислушиваясь къ опасности, грозившей съ сѣвера, онъ старался отвратить ее грандіозными фортификаціонными работами, которыя онъ сумѣлъ сочетать съ общественной пользой и украшеніемъ своей столицы.

Инженерныя работы.

3.—Прежде всего онъ позаботился укрѣпить Сиппару, самый сѣверный изъ городовъ Вавилоніи, который, перейдя въ руки непріятеля, могъ сдѣлаться опаснымъ операціоннымъ центромъ,—и совершилъ это такъ, чтобы заодно содѣйствовать торговлѣ и земледѣлію. Съ этой цѣлью онъ не только приказалъ расчистить полузасоренные старые каналы и привести въ порядокъ ихъ шлюзы и плотины, но создалъ цѣлую новую водяную систему: прорѣзалъ четыре канала поперекъ, отъ Тигра къ Евфрату, шириною и глубиною достаточною для торговаго судоходства, съ цѣлой сѣтью

развѣтвленій для орошенія полей. Чтобы имѣть въ полномъ своемъ распоряженіи всю водную массу, добытую такимъ образомъ, онъ велѣлъ выкопать громадный бассейнъ или водоемъ близъ Сиппары, у лѣваго берега Евфрата, около тридцати-пяти миль въ окружности и столькихъ же футовъ глубины, съ полнымъ комплектомъ гидравлическихъ сооруженій, чтобы по желанію набирать или выпускать воду *). Чтобы окончательно покорить царственную рѣку, пришлось нѣсколько измѣнить направленіе ея русла, сдѣлавъ его слегка извилистымъ. Это уменьшило силу теченія, слишкомъ порывистаго въ пару половодья, и облегчило не только рѣчное судоходство, но и контроль надъ рѣкою, когда, во время разливовъ, надо было часть водъ ея отвлекать въ сиппарскій резервуаръ. Такимъ образомъ, одна и та же мѣра устранила опасность отъ весеннихъ разливовъ и обезпечила запасъ водъ, для распредѣленія въ засуху. Такъ искусно всѣ эти силы были разсчитаны и подогнаны, что, при постройкѣ знаменитаго моста черезъ Евфратъ въ самомъ Вавилонѣ, оказалось возможнымъ отвести на время всю воду изъ рѣки, чтобы дать рабочимъ поставить громадные, подпертые быками, устои изъ каменныхъ глыбъ, связанныхъ желѣзными скобами и спаянныхъ расплавленнымъ свинцомъ, и выложить набережную облицовкой изъ обожженнаго кирпича.

*) Эти цифры сообщаетъ Геродотъ; онѣ умѣреннѣе и правдоподобнѣе тѣхъ, которыя мы находимъ у другихъ, позднѣйшихъ, писателей.

Работы въ Вавилонѣ.

4.—Очевидно, что эти водяныя сооруженія,—четыре канала и водоемъ въ Сиппарѣ, — являлись въ то же время частью весьма надежной системы обороны противъ возможныхъ нашествій съ сѣвера. Они не только должны были надолго задержать непріятеля, но, въ крайнемъ случаѣ, давали возможность затопить цѣлый край и сдѣлать пребываніе въ немъ немыслимымъ для врага. Но и это еще не удовлетворяло предусмотрительнаго царя. Граница, легко отмѣченная чертой аллювія *), никогда особенно не уважалась, и онъ рѣшился укрѣпить ее стѣной, которую и построилъ поперекъ долины, отъ одной рѣки къ другой, нѣсколько пониже этой черты, но выше другой, образуемой каналами и прекрасно укрѣпленнымъ имъ же городомъ Сиппарой. Въ наше время стѣна кажется почти ребяческимъ способомъ защиты; но совсѣмъ не то было до введенія осадной артиллеріи, и еще нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Навуходоноссора, римляне, величайшіе стратеги древности, строили стѣны поперекъ узкихъ мѣстъ британскаго острова, для охраны отъ набѣговъ дикихъ сѣверныхъ племенъ. Навуходоноссорова стѣна была сплошь сложена изъ лучшаго обожженнаго кирпича, скрѣпленнаго асфальтовымъ цементомъ. Ксенофонтъ еще видѣлъ части ея. Онъ называетъ ее «мидійской стѣной» и измѣряетъ вышину ея въ сто футовъ, а толщину въ двадцать.

„Мидійская стѣна“.

5.—Во всѣхъ своихъ надписяхъ,—а ихъ най-

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 5.

дено очень много,—Навуходоноссоръ особенно гордится своими постройками. Всѣ знаменитые храмы обязаны ему основательнымъ ремонтомъ, и онъ построилъ не мало новыхъ. Изъ его подробнаго отчета о томъ, въ какомъ состояніи онъ засталъ «Храмъ Семи Свѣтилъ» въ Борсиппѣ, и о своихъ тамъ работахъ, ясно, что онъ считаетъ окончаніе и украшеніе этого храма и зиккурата, посвященныхъ его богу, Набу, одною изъ главныхъ заслугъ своихъ передъ богами и передъ потомствомъ *). Но сооруженія его въ Вавилонѣ превосходятъ не только всѣ прочія его работы, но и все, что сдѣлано другими царями, не исключая работъ Саргона въ Дур-Шаррукинѣ, не столько по великолѣпію, сколько по обширности и оригинальности замысловъ; а эта оригинальность, вѣроятно, происходила отъ его неотступной мысли: сочетать красоту съ военною пригодностью, которая чувствуется во всѣхъ работахъ, имъ самимъ задуманныхъ. Впрочемъ, онъ отчасти слѣдовалъ предначертаніямъ отца своего. О нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ своихъ построекъ, какъ-то: о новомъ дворцѣ, новой городской стѣнѣ, набережной Евфрата, онъ прямо говоритъ, что онѣ начаты Набополассаромъ, но при смерти его остались не оконченными. Вавилонъ, разграбленный и срытый Сеннахерибомъ, вновь построенный Асархаддономъ, отчасти сгорѣлъ во время осады его Ашурбанипаломъ, и халдеецъ Набополассаръ засталъ городъ въ ужасномъ видѣ

*) См. «Ист. Халдеи», стр. 93, 326—328.

когда сдѣлалъ его столицей великой державы. Оттого, вѣроятно, у него и зародилась мысль, при перестройкѣ его, имѣть въ виду не одну красоту и великолѣпіе, но и стратегическія соображенія, такъ чтобы сдѣлать изъ него и истинно царственную столицу и неприступную крѣпость.

Стѣны Вавилона.

6.—Ашурбанипалъ одолѣлъ Вавилонъ не столько оружіемъ, сколько голодомъ *). Противъ этого врага прежде всего слѣдовало принять мѣры. Для этого рѣшено было обвести городъ двойной оградой, такъ чтобы внутренняя стѣна въ точности слѣдовала очертанію его, наружная же чтобъ отстояла отъ первой на разстояніе, дозволяющее воздѣлывать и засѣвать столько земли, сколько нужно для продовольствованія столицы хлѣбомъ для людей и кормомъ для скота. Это пространство, кромѣ того, должно было служить убѣжищемъ для обывателей окрестныхъ селъ и деревень въ случаѣ осады. До сихъ поръ не удалось отыскать черты этой наружной ограды, получившей названіе Нимитти-Бэлъ, а слѣдовательно и опредѣлить, сколько квадратныхъ миль она охватывала; описанія же древнихъ писателей противорѣчивы, такъ какъ никто, конечно, не занялся точными измѣреніями на манеръ нашихъ ученыхъ землемѣровъ. Если вѣрить Геродоту, окружность ограды равнялась слишкомъ пятидесяти милямъ. Цифра почтенная, однако, едва ли превышающая окружность наружной ограды нынѣшняго Парижа; притомъ можно по-

*) См. «Ист. Ассиріи», стр. 440.

лагать, что, кромѣ пахотной земли и пастбищъ, сюда, вѣроятно, включались и предмѣстья,—можетъ-быть, даже Борсиппа, тоже тщательно укрѣпленныя въ это же время. Есть позднѣйшая смѣта, дающая только сорокъ миль. Стѣна Немитти-Бэлъ снаружи защищалась глубокимъ и широкимъ рвомъ, который въ то же время доставилъ матерьялъ для стѣны. Геродотъ по этому поводу даетъ очень вѣрное и живое описаніе этого способа строенія, намъ теперь хорошо знакомаго, но его, повидимому, сильно удивившаго:

«При этомъ случаѣ, я не долженъ умолчать о томъ, какое употребленіе дѣлалось изъ земли, которая выкапывалась изъ большого рва, ни о томъ, какъ сооружалась стѣна. По мѣрѣ того, какъ копали ровъ, изъ вынимаемой земли дѣлали кирпичи, и когда ихъ надѣлано было достаточное число, обжигали въ печахъ. Тогда принимались строить, и начинали съ того, что выкладывали кирпичомъ края рва, и затѣмъ уже приступали къ сооруженію самой стѣны, причемъ вмѣсто цемента употребляли горячую земляную смолу и послѣ каждаго тридцатаго ряда кирпича клали пластъ плетенаго камыша».

Отчеты о вышинѣ и толщинѣ этой знаменитой стѣны еще болѣе разнорѣчивы. Геродотъ опредѣляетъ вышину въ 350 футовъ (очевидно включая и вышину башенъ, поставленныхъ на равномѣрномъ разстояніи одна отъ другой), а толщину въ 75 футовъ. Между тѣмъ, самое живое воображеніе, даже въ виду того, что эта стѣна числится однимъ изъ «Семи Чудесъ Міра», не способно представить себѣ городскую стѣну длиною въ семьдесятъ пять верстъ, а вышиною превышающею Исаакіевскій соборъ. Болѣе поздніе писатели даютъ цифры все разныя, вплоть до 75-ти фу-

товъ; а это пожалуй, будетъ маловато, потому что ограда Нимитти-Бэлъ безспорно была неимовѣрной вышины и толщины; нѣтъ сомнѣнія, что на ней были построены башни, по краямъ, попарно, и что между башнями каждой пары свободно проѣзжала и *заворачивала* колесница, запряженная четвернею въ рядъ. И современный іудейскій пророкъ Іеремія говоритъ о Вавилонѣ, «воздымающемся къ небу», о его «высокихъ воротахъ» и «стѣнахъ». Воротъ же, по словамъ Геродота, было всего сто, «все бронзовыя, съ бронзовыми притолоками и косяками» *).

Мостъ и набережная.

7.—Эту наружную ограду Геродотъ называетъ «главной обороной города». Вторая, внутренняя стѣна, названная Имгур-Бэлъ, по его словамъ, «толщины меньшей, нежели первая, но весьма мало уступаетъ ей по крѣпости». Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть объ оградахъ обоихъ царскихъ дворцовъ: стараго, на правомъ берегу Евфрата, и новаго, на лѣвомъ, обратившихся такимъ образомъ въ весьма почтенныя крѣпости. Въ планъ строителя входило, чтобы городъ прочно сидѣлъ на обоихъ берегахъ рѣки и держалъ въ полной своей зависимости этотъ первостатейный путь сообщенія. Дѣйствительно, на лѣвомъ берегу, вокругъ новаго великолѣпнаго дворца, выросъ цѣлый новый кварталъ. А такъ какъ было весьма желательно, и ради удобства и въ видахъ обороны, чтобы обѣ части города соединялись постояннымъ сообщеніемъ,

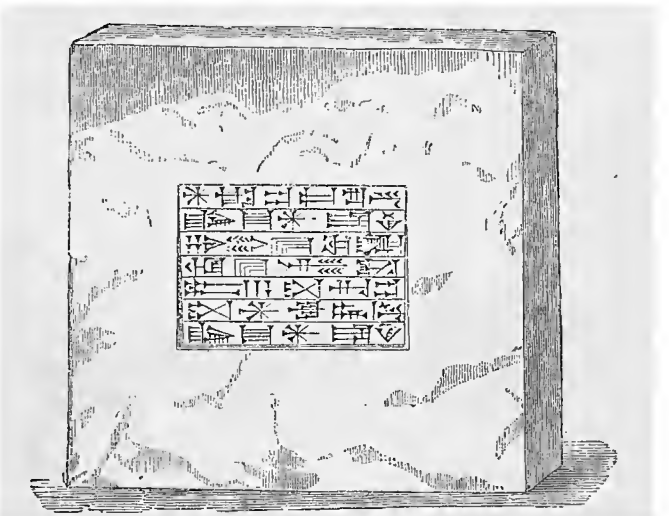
*) Вѣроятно, съ бронзовыми барельефами, на манеръ «Балаватскихъ воротъ»; см. «Исторію Ассиріи» стран. 213—216.

то Навуходоноссоръ построилъ упомянутый выше большой мостъ (см. стр. 255), но такъ, чтобы онъ разводился и наводился по желанію, тѣмъ обезпечивая столицу отъ неожиданныхъ нападеній. Эта цѣль достигалась посредствомъ помостовъ изъ брусьевъ и досокъ, которыя днемъ наводились съ одного устоя на другой, а на ночь снимались. Одного моста, конечно, было мало для движенія полумилліоннаго населенія; поэтому рѣка пестрѣла сотнями лодокъ и челноковъ, перевозившихъ пассажировъ съ берега на берегъ, скользившихъ по теченію или работавшихъ противъ него. Было много пристаней, но не было широкихъ мощеныхъ набережныхъ съ рядами красивыхъ зданій, какія, по нашимъ понятіямъ, составляютъ непремѣнную принадлежность величественной рѣки въ большомъ городѣ. Евфратъ протекалъ словно между глухими тюремными стѣнами изъ обожженнаго кирпича, и эти стѣны тянулись вдоль самаго края рѣки, черезъ весь городъ. Улицы, расположенныя на равныхъ разстояніяхъ, прямыми линіями и прямыми углами, упирались въ рѣку низкими воротами, черезъ которыя пѣшеходы спускались къ пристанямъ. Общій эффектъ получался, должно-быть, своеобразный и довольно мрачный.

Новый дворецъ.

8.—Мѣсто собственнаго дворца Навуходоносора («новаго дворца») опредѣлено безошибочно: это — курганъ, извѣстный подъ именемъ «Касръ», одинъ изъ первыхъ изслѣдованныхъ, привлекавшій вниманіе путешественниковъ необыкновенно красивыми, тщательно выдѣланными,

отчетливо штемпелеванными кирпичами и связывающимъ ихъ цементомъ, который считается лучшимъ въ мірѣ, не исключая и самаго высокаго сорта, изготовляемаго въ Англіи въ наше время. Еще привлекало особенное вниманіе присутствіе въ мусорѣ великаго множества обломковъ раскрашенныхъ и глазированныхъ изразцовъ, на ко-



Кирпичъ изъ дворца Навуходоноссора („Касръ").
(Площадь кирпича—квадратный футъ при толщинѣ въ 3 дюйма).

торыхъ ясно видны части тѣлъ, людей и животныхъ: здѣсь львиная лапа, тамъ—конское копыто, тутъ опять кусочекъ курчавой бороды или кудрявой головы съ повязкой. Древніе писатели говорятъ, что наружныя стѣны дворца расписаны разноцвѣтными охотничьими сценами; стало-быть, за объясненіемъ недалеко ходить. Нѣкоторые

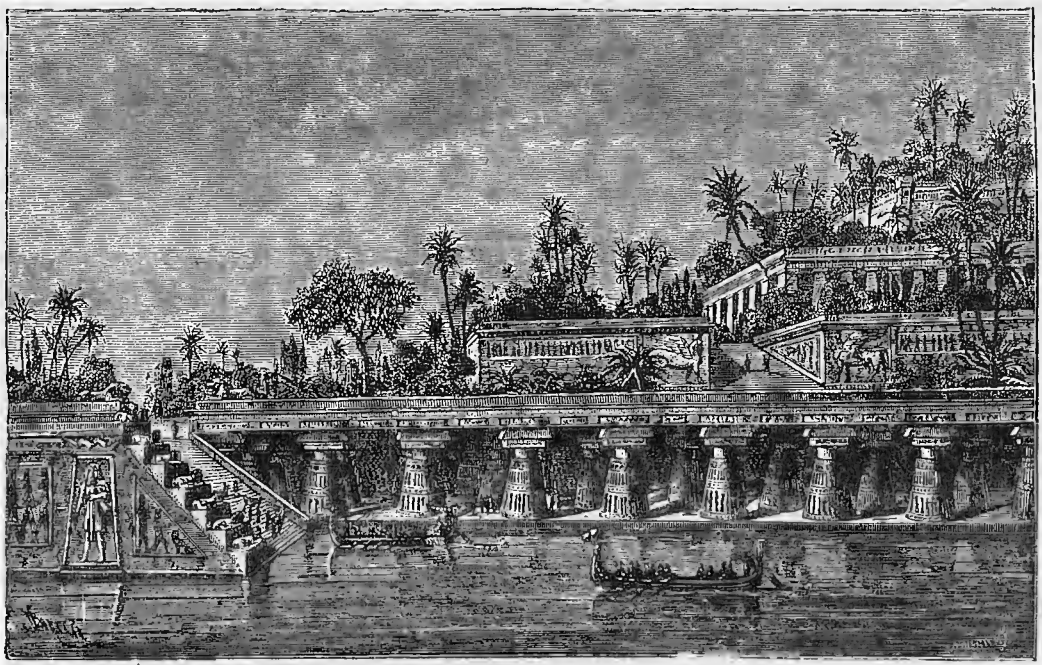
обломки такъ велики, что можно разобрать нумеръ на верху и надпись внизу,—бѣлую на синемъ фонѣ. Іудейскій историкъ Іосифъ, жившій въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., оставилъ краткую замѣтку, гласящую, что «дворецъ этотъ былъ построенъ въ пятнадцать дней»,—и это показалось такимъ явнымъ преувеличеніемъ, что никто на эти слова даже не обратилъ вниманія. Каково же было изумленіе ученыхъ, занимающихся дешифрировкой надписей въ Британскомъ Музеѣ, когда, на одномъ попавшемся имъ цилиндрѣ Навуходоноссора, они прочли слова: «*Въ пятнадцать дней окончилъ я сію великолѣпную работу!*» Если даже предположить, что весь матерьялъ былъ снесенъ на мѣсто, что вся художническая работа была исполнена заранѣе, такъ что въ этотъ промежутокъ времени оставалось только все собрать и поставить, то и тогда невольно содрогаешься при мысли о томъ, какую массу человѣческаго труда представляетъ это сухое заявленіе.

Висячіе сады.

9.—Самый характерный изъ вавилонскихъ кургановъ, по своему рѣзкому плосковерхому очертанію,—тотъ, который одинъ сохранилъ древнее названіе: Бабилъ. Долгое время принимали его за зиккуратъ знаменитаго храма Бэл-Мардука, хотя онъ, противно обычаю, оріентированъ не углами, а *фасами* къ четыремъ странамъ свѣта *). Но изслѣдованія, которыя Хормуздъ Рассамъ произвелъ въ 1883—4 г. съ блестящими результа-

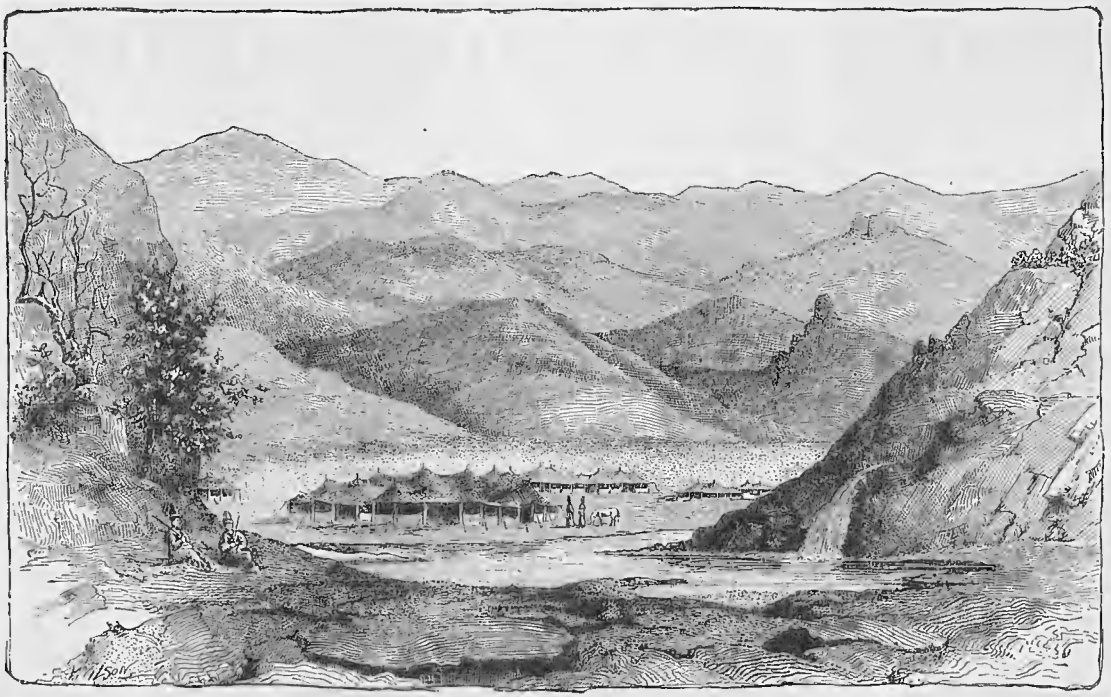
*) См. «Ист. Халдеи», стр. 328—330.

тами, поколебали это мнѣніе: по его соображеніямъ, въ этомъ курганѣ схоронено сооруженіе совершенно иного рода. Эта масса сплошной кирпичной кладки, съ двухъ сторонъ отлого спускавшаяся къ рѣкѣ, тогда какъ задъ представлялъ отвѣсную стѣну, вѣроятно немного уступающую вышиной городской стѣнѣ, изображаетъ собою остатокъ одного изъ немногихъ истинно поэтическихъ твореній тѣхъ свирѣпыхъ временъ, — творенія поэтическаго и само по себѣ, и по обстоятельствамъ, подавшимъ къ нему поводъ: это— знаменитые Висячіе Сады. Сказывали, что супруга Навуходоноссора, мидійская царевна Амита, дочь великаго Кіаксара, среди скучной плоскости и изнуряющаго зноя халдейской низи, тосковала по роднымъ горамъ, съ ихъ прохладной тѣнью и зелеными рощами, и что царь оказалъ ей вниманіе, достойное лучшихъ преданій рыцарства: приказалъ соорудить искусственный холмъ въ нѣсколько террасъ, которыя, будучи покрыты толстымъ слоемъ нанесенной земли и насажены деревьями, составляли тѣнистое, благоуханное убѣжище, тогда какъ на самомъ верху, среди волшебнаго сада, возвышалось строеніе въ родѣ павильона или виллы, въ которомъ царица могла наслаждаться не только болѣе чистымъ воздухомъ и сравнительной прохладой, но и обширнымъ, прекраснымъ видомъ. Если эта милая легенда основана на фактѣ,—а зачѣмъ бы мы отказали себѣ въ удовольствіи вѣрить ей, такъ какъ ничто ея не опровергаетъ?—то женщина, внушившая такую любовь, могла найти въ ней вознагражденіе



Вавилонскіе висячіе сады.
(Попытка художественной реставраціи).

даже за покинутую навѣкъ красоту своихъ родныхъ горъ, которыя уступы террасъ въ какіе-нибудь 500 квадратныхъ футовъ могли замѣнить ей, конечно, лишь въ весьма малой степени. Однако, какъ ни ничтожно такое сооруженіе въ сравненіи съ горнымъ зодчествомъ самой природы, все же оно представляло такое торжество человѣческаго искусства, что греки включили вавилонскіе «висячіе сады» въ число признанныхъ ими «Семи Чудесъ», наравнѣ со стѣнами Вавилона, храмами Бэла и Артемиды Эфесской и нѣсколькими другими памятниками. По описаніямъ греческихъ и римскихъ писателей, террасы поддерживались сводами на столбахъ изъ кирпича, прочно связаннаго цементомъ. На верхней террасѣ помѣщалось строеніе съ водоподъемными машинами, которыми вода для орошенія приводилась черезъ трубы прямо изъ Евфрата или легко доступныхъ каналовъ, но такъ, что механизмъ не былъ замѣтенъ снаружи. Рассамъ нашелъ куски трубъ, проведенныхъ сквозь известнякъ, одну трубу очистилъ отъ мусора, и она оказалась наполовину полной водой. Земля, какъ видно, доставлялась наверхъ на возахъ, и раскладывалась на свинцовыхъ листахъ, для охраненія кирпичной кладки отъ разъѣдающаго дѣйствія влажности, которую приходилось содержать у корней деревьевъ. Террасъ было четыре, столбы, имѣвшіе 22 фута въ окружности, отстояли другъ отъ друга на 60 футовъ. Въ сущности, этотъ *парадисъ,* или паркъ (какъ называли его греки), напоминающій отчасти зиккураты, не



Горный ландшафтъ въ Мидіи.
(Въ Загросскихъ горахъ,—нынѣ Курдистанѣ.)

былъ нововведеніемъ: на ассирійскихъ стѣнныхъ изваяніяхъ задолго до Навуходоноссора изображались террасы на сводахъ, образовавшія отлогіе склоны съ искусственнымъ орошеніемъ и носившія на себѣ рощи или сады *). Самый же типъ зиккурата и висячихъ садовъ былъ, въ глубокую древность, принесенъ на сѣверъ изъ Халдеи, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, зародился, въ тѣсной связи со священными преданіями о Святой Горѣ и Священномъ Древѣ **).

Храмъ Бэла-Мардука.

10.—Приводимъ изъ Геродота описаніе храма Бэла-Мардука и зиккурата при немъ, съ капищемъ на верхней малой террасѣ:

«Священная ограда заключала въ себѣ пространство въ двѣ квадратныхъ *стадіи* (1.200 футовъ), съ воротами изъ сплошной бронзы, которыя тоже существовали еще при мнѣ. По серединѣ ограды стояла башня, кладеная изъ кирпича, въ одну *стадію* (600 футовъ) въ длину и столько же въ ширину, а на ней другая башня, а на той третья и такъ до восьми. Всходъ наверхъ — снаружи, по тропѣ вьющейся кругомъ всѣхъ башенъ ***). Взойдя до половины, находишь мѣсто для отдыха съ сидѣніями, гдѣ посѣтители обыкновенно останавливаются на нѣкоторое время по пути къ вершинѣ. На самой верхней башнѣ находится просторный храмъ, а внутри храма стоитъ необыкновенныхъ размѣровъ ложе, богато убранное, а возлѣ него—золотой столъ... Увѣряютъ,—но самъ я этому не вѣрю,—будто богъ самолично нисходитъ въ этотъ покой, и почиваетъ на этомъ ложѣ... Въ той же оградѣ находится еще другой храмъ, а въ немъ сидячая статуя Зевса (т. е. Бэла-Мардука), вся изъ золота. Передъ статуей стоитъ большой золотой столъ; и тронъ, на которомъ она сидитъ, и цоколь, на которомъ поставленъ

*) См. «Ист. Халдеи», иллюстрація на стр. 324.

**) См. «Ист. Халдеи», стр. 321—325.

***) См. «Ист. Халдеи», иллюстр. на стр. 61.

тронъ,—все это тоже изъ золота... Внѣ храма находятся два жертвенника, одинъ изъ массивнаго золота, на которомъ по закону можно приносить однихъ только сосуновъ; другой—простой, но большихъ размѣровъ, на которомъ приносятся въ жертву взрослыя животныя. На этомъ же большомъ жертвенникѣ халдейцы сожигаютъ ѳиміамъ, который воскуривается каждый годъ въ праздникъ бога...»

Четыреста лѣтъ спустя, отъ этого удивительнаго храма уже оставалась одна только память. «На самой серединѣ города,—пишетъ историкъ Діодоръ Сицилійскій *):—нѣкогда стояло святилище Бэла. Такъ какъ разные писатели говорятъ о немъ разное, самое же зданіе рушилось отъ ветхости, то ничего вѣрнаго о немъ допытаться нельзя. Въ одномъ, однако, всѣ согласны: что оно было непомѣрной вышины, и что халдейцы съ вершины его дѣлали астрономическія наблюденія, потому что вышина строенія облегчала наблюденія за восхожденіемъ и захожденіемъ звѣздъ». Александръ Македонскій, жившій всего сто лѣтъ послѣ Геродота, уже засталъ храмъ развалиной. Нѣкоторые біографы его пишутъ, что онъ намѣревался перестроить его, но по смѣтѣ оказалось, что для одной расчистки мѣста потребуется работа 10.000 человѣкъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, а онъ не могъ удѣлить на это дѣло ни столько времени, ни столько людей. Притомъ, онъ раньше этого умеръ. Такъ-то всѣ эти строенія, размѣровъ исполинскихъ и цѣнности неизмѣримой, но непрочныя и громоздкія, погибали, лишь только были предоставлены са-

*) Геродотъ умеръ около 425 г. до Р. Х.; Діодоръ былъ современникомъ Юлія Цезаря и Августа.

мимъ себѣ, буквально разваливаясь въ прахъ и мусоръ, даже когда въ разрушительной работѣ не участвовала рука человѣческая, какъ это слишкомъ часто бывало въ этихъ краяхъ,—вѣчномъ поприщѣ всякихъ вторженій и переворотовъ. Удивляться слѣдуетъ не этому, а тому, что Геродотъ нашелъ Вавилонъ еще столь похожимъ на столицу, созданную Навуходоносоромъ, потому что въ то одно столѣтіе, которое раздѣляло историка отъ монарха, злополучный городъ былъ трижды взятъ силою оружія,—одинъ разъ послѣ долгой осады.

Легенды о Семирамидѣ и Нитокридѣ.

11.—Любопытно, что работы, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что онѣ были исполнены Навуходоносоромъ, греки приписывали не ему, а двумъ царицамъ, изъ которыхъ одна всецѣло принадлежитъ области басни, даже миѳа, о другой же сказаніе, если и не совсѣмъ баснословно, все же весьма сомнительно. Легенда о Семирамидѣ (см. «Исторію Ассиріи», стр. 219—225). гласитъ, что эта царица построила Вавилонъ вообще и въ особенности храмъ Бэла, городскія стѣны, большой мостъ и висячіе сады. Геродотъ, съ другой стороны (кн. I, 184—186), приписываетъ сооруженіе моста, водохранилища въ Сиппарѣ и отклоненіе русла Евфрата нѣкой царицѣ Нитокридѣ, о которой въ современныхъ писаніяхъ не упомянуто вовсе. Такое извращеніе исторіи тѣмъ удивительнѣе, что между Вавилономъ и Греціей въ то время существовали постоянныя сношенія, такъ какъ въ арміи Навуходоносора служило немало грековъ-доброволь-

цевъ, въ томъ числѣ одно извѣстное, выдающееся лицо—родной братъ поэта Алькмана, современника знаменитой Сапфо. Имѣется даже камей, греческой работы, съ изображеніемъ головы Навуходоноссора въ греческомъ боевомъ шлемѣ.

Величіе личности Навуходоноссора.

12.—Гордость, съ которою Навуходоноссоръ взиралъ на столицу, почти-что созданную имъ, вошла въ пословицу, благодаря знаменитому описанію пророка Даніила, который представляетъ царя расхаживающимъ на террасѣ своего дворца, любующимся развернутой вокругъ него и у ногъ его несравненной панорамой, и восклицающимъ: «Не это ли тотъ великій Вавилонъ, который я построилъ для царскаго пребыванія, силой моего могущества, и для славы моего величія?» Какъ вѣрно слова эти, переданныя очевидцемъ, совпадаютъ съ разными мѣстами изъ надписей того же монарха: «...Людямъ на удивленіе построилъ я домъ этотъ; страхъ передъ могуществомъ моего величія окружаетъ стѣны его... Храмы великихъ боговъ я сдѣлалъ блестящими, подобно солнцу, подобно сіянію дня... Въ одномъ Вавилонѣ воздвигъ я тронъ своего владычества, болѣе ни въ какомъ городѣ...» Эта чрезмѣрная гордыня сказывается во всѣхъ его надписяхъ; странно только то, что она относится лишь къ его строительной дѣятельности; о своихъ войнахъ и побѣдахъ онъ молчитъ, и мы бы не знали даже того, что онъ усмирилъ много аравійскихъ народовъ, не будь нѣкоторыхъ довольно темныхъ мѣстъ въ книгѣ пророка Іереміи. Ясно, что глав-

ной чертой царствованія этого великаго государя должно считать его внутреннее правленіе, его административную дѣятельность. Если къ его обширной фортификаціонной и оросительной системѣ на сѣверѣ прибавить улучшеніе и урегулированіе дренажныхъ работъ въ халдейскихъ болотахъ близъ устій обѣихъ большихъ рѣкъ, да основаніе торговаго города съ гаванью, Тередонта или Тиридота, у устья Евфрата, и колоніи,—Герры,—на аравійскомъ берегѣ персидскаго залива,—окажется, что онъ равно много сдѣлалъ для торговли, земледѣлія, обороны и украшенія городовъ, и открылъ удобнѣйшее водяное сообщеніе, для прямой перевозки товаровъ изъ Индіи и Аравіи, вверхъ по Евфрату до самаго Кархемиша. Наконецъ, онъ осуществилъ завѣтную національную мечту, которую князья земли Калдѝ болѣе трехъ вѣковъ преслѣдовали, тайно или открыто, ради которой Меродахъ-Баладанъ и весь его геройскій бит-якинскій родъ бились и хитрили, страдали и умирали,—мечту о возстановленіи халдейской державы болѣе чѣмъ въ исконномъ блескѣ и славѣ *). А если слава оказалась мимолетною, держава скоротечною, то это оттого, что одинъ человѣкъ, какъ ни великі его геній и могущество, не въ состояніи остановить или отклонить теченіе историческаго закона, развѣ только задержать на короткій срокъ. Навуходоноссоръ и его народъ принадлежали къ расѣ, покончившей съ порою предводительства

*) См. «Ист. Ассиріи», гл. VII—XI.

надъ другими народами, и, со смертью его, все снова пошло по склону естественнаго тяготѣнія.

Геродотъ о нѣкоторыхъ вавилонскихъ обычаяхъ.

13.—Вавилонъ, подобно большимъ ассирійскимъ городамъ, уцѣлѣлъ лишь въ зарытыхъ развалинахъ своихъ общественныхъ и царскихъ строеній. Слѣдовъ его улицъ, площадей, частныхъ жилищъ мы напрасно ищемъ. Мы только знаемъ изъ описанія Геродота, что улицы были прямолинейныя, не только продольныя, проложенныя параллельно рѣкѣ, но и поперечныя, упиравшіяся въ рѣку, у которой они кончались низкими воротами. Отъ того же путешественника мы узнаемъ, что дома были по большей части въ три или четыре этажа. Весьма вѣроятно, что наше любопытство по многимъ пунктамъ никогда не будетъ удовлетворено. До весьма недавняго времени приходилось довольствоваться отрывочными свѣдѣніями изъ греческихъ источниковъ, въ родѣ слѣдующаго изъ Геродота:

«Одежда вавилонянъ состоитъ изъ холщеваго хитона до пятъ, сверхъ котораго надѣта шерстяная туника; кромѣ того у нихъ на плечи накинутъ короткій бѣлый плащъ, а на ногахъ башмаки особаго покроя... У нихъ длинные волосы, они носятъ турбаны и умащиваютъ все тѣло благовонными елеями. Каждый носитъ печать и трость, съ рѣзнымъ набалдашникомъ, въ видѣ яблока, розы, лиліи, орла, потому что у нихъ не въ обычаѣ, чтобы трость была безъ украшенія».

Въ этомъ описаніи, хотя оно и поверхностно и касается лишь такихъ внѣшнихъ чертъ, которыя естественно должны были привлечь вниманіе иностранца, есть однако двѣ подробности, ручающіяся за его вѣрность, такъ какъ онѣ

вполнѣ подтверждаются новѣйшими открытіями: въ «печатяхъ», которыя носитъ при себѣ каждый вавилонянинъ, легко узнать хорошо знакомые намъ печатные цилиндры, и общимъ употребленіемъ ихъ объясняется найденное огромное число,—до нѣсколькихъ тысячъ,—такихъ цилиндровъ, разсѣянныхъ по разнымъ коллекціямъ, частнымъ и публичнымъ. Рѣзные набалдашники тоже часто попадаются въ развалинахъ. Геродотъ еще описываетъ нѣсколько любопытныхъ обычаевъ, которые не могли не поразить иностранца. даже не знающаго самаго языка. Таковъ, напримѣръ, обычай выносить на улицу безнадежно больныхъ, въ надеждѣ, что авось какой-нибудь прохожій подастъ удачный совѣтъ *); да еще ежегодный брачный аукціонъ,—нѣчто въ родѣ ярмарки, на которой въ одно мѣсто собирались невѣсты, а мужчины приходили смотрѣть ихъ, образуя вокругъ нихъ кругъ **). Но смотринами дѣло не кончалось. Глашатай выкрикивалъ имена невѣстъ, и начинался аукціонъ. Первыми предлагались самыя красивыя, и за нихъ, конечно, платились самыя высокія цѣны. Когда всѣ кра-

*) О значеніи и происхожденіи этого обычая см. «Ист. Халдеи», стр. 192.

**) Геродотъ говоритъ: «*всѣ невѣсты*», считая обычай обязательнымъ для всѣхъ. Это конечно невѣрно, что̀ доказывается множествомъ документовъ, касающихся частной жизни, о которыхъ далѣе будетъ рѣчь. Однако обычай этотъ упоминается и позднѣйшими писателями; это, вѣроятно — пережитокъ варварской древности, благочестиво сохраненный любителями «доброй старины», какихъ много всегда и вездѣ.

савицы были пристроены, наставала очередь дурнушекъ, только на нихъ аукціонъ производился наоборотъ: онѣ предлагались съ приданымъ, и кто довольствовался наименьшимъ приданымъ, тотъ получалъ невѣсту. Приданое же давалось изъ денегъ, полученныхъ за красавицъ. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Геродотъ, «красивыя дѣвицы выдавали за́мужъ дурнушекъ». Онъ весьма одобряетъ этотъ обычай, находя его какъ нельзя болѣе практичнымъ и справедливымъ.

Банкирскій домъ Эгиби.

14.—Лѣтъ тридцать назадъ неожиданно получился богатѣйшій матерьялъ по части вавилонскаго быта, нравовъ, обычаевъ. Опять-таки случаю мы обязаны этой изумительной находкой: открытъ былъ секретный архивъ, хранившійся у одного богатаго рода, нынѣ извѣстнаго подъ названіемъ: Банкирскій Домъ Эгиби. Еще въ 1874 г. партія арабскихъ рабочихъ выкопала изъ одного большого кургана, который звался у нихъ Джумджума, нѣсколько отлично сохранившихся глиняныхъ сосудовъ, туго набитыхъ малыми исписанными плитками. Зная по опыту, что за такія находки глупые «франки» платятъ хорошія деньги, арабы отнесли сосуды съ ихъ содержаніемъ въ Багдадъ, къ одному купцу, отъ котораго Джорджъ Смитъ купилъ ихъ для Британскаго Музея, хотя онъ далеко не подозрѣвалъ, на какое сокровище онъ наткнулся. Плитокъ было около *трехъ тысячъ*, величиною отъ одного квадратнаго дюйма до двѣнадцати (цѣлаго фута). При осмотрѣ оказалось, что это все документы по всевозможнымъ торговымъ и юридическимъ

дѣламъ и сдѣлкамъ, съ именами и подписями главныхъ лицъ и свидѣтелей. Въ числѣ этихъ именъ всегда являлось имя какого-нибудь сына, внука, или потомка нѣкоего Эгиби, очевидно основателя фирмы, обладающей огромнымъ богатствомъ и вліяніемъ. Фирма эта въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, даже вѣковъ, обдѣлывала всевозможныя денежныя дѣла, отъ займа нѣсколькихъ *минъ* до сдѣлокъ, ворочающихъ многими талантами, отъ засвидѣтельствованія частнаго духовнаго завѣщанія или купчей крѣпости, или компаньонскаго договора между скромными вавилонскими гражданами до сбора податей съ цѣлыхъ областей, снятыхъ фирмой на аренду отъ правительства. Такъ какъ эти документы, по содержанію своему подходящіе подъ рубрику «контрактныя плитки», тщательно помѣчены мѣсяцемъ и числомъ, а также годомъ царствующаго государя, то оказалось возможнымъ составить родословную фирмы, глава которой, повидимому, всегда при жизни бралъ себѣ въ компаньоны сыновей. Изъ этой таблицы видно, что родоначальникъ, Эгиби, основалъ фирму около 685-го г. до Р. Х., при царѣ Сеннахерибѣ. Фридрихъ Деличъ доказываетъ на филологическихъ основаніяхъ, что имя Эгиби есть ничто иное, какъ переложенное на ассирійскій языкъ еврейское имя Якубъ (Яковъ). Изъ этого онъ заключаетъ, что первый банкиръ былъ Іудей, вѣроятно изъ числа выселенныхъ царемъ Саргономъ жителей Самаріи. Деличъ далѣе указываетъ на то, что имена на многихъ плиткахъ безспорно іудейскія,

и полагаетъ, что этотъ архивъ со временемъ прольетъ желанный свѣтъ на жизнь и дѣятельность іудейскихъ выселенцевъ въ Вавилонѣ и другихъ халдейскихъ городахъ. Рано же начало осуществляться благословеніе, изреченное надъ іудейскимъ народомъ во Второзаконіи (XXVIII, 12): «...и будешь давать взаймы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать взаймы».

Долговѣчность фирмы.

15.—Фирма Эгиби достигла высшаго блеска и богатства при Навуходоноссорѣ, сто лѣтъ спустя послѣ основанія своего, выйдя невредимою изъ двухъ осадъ (при Сеннахерибѣ и Ашурбанипалѣ), какъ предстояло ей въ будущемъ еще выйти изъ многихъ политическихъ кризисовъ, благодаря своему богатству и исключительному положенію. Эти люди были слишкомъ полезны, даже необходимы, чтобы ихъ трогать. «Всѣ придворныя финансовыя дѣла,—пишетъ Деличъ,—ввѣрялись этой фирмѣ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Они собирали подати, налагаемыя на землю, хлѣба, финики и пр., также пошлины за пользованіе большими дорогами, оросительными каналами и пр. и пр. Такимъ образомъ, эти ничтожныя на видъ плитки изъ простой глины развертываютъ передъ нами живую картину народнаго быта въ Вавилоніи; мы видимъ передъ собою людей всѣхъ званій и сословій, отъ высшаго придворнаго сановника до нижайшаго поселянина и невольника, какъ они толпятся въ дворахъ этого казначейства, чтобы обдѣлывать свои дѣла». Сначала (въ 1878-мъ г.), полагали, что процвѣтаніе фирмы простиралось

лишь до персидскаго царя, Дарія Гистаспа, и родословная таблица шла не далѣе нѣкоего Мардук-назирпала, который появляется въ первый годъ этого царя и продолжаетъ дѣйствовать до тридцать пятаго его года. Но Деличъ заявилъ (въ 1882-мъ г.), что Хормуздъ Рассамъ прикупилъ еще нѣсколько сотъ плитокъ къ первымъ, купленнымъ Смитомъ, и между этими нашлись такія, которыя помѣчены годами царствованія *царя Алик-са-ан-дира*, т. е. Александра Македонскаго. Слѣдовательно, эти вавилонскіе Ротшильды процвѣтали по крайней мѣрѣ четыреста лѣтъ, и это доказано неоспоримыми документами.

Дѣловой архивъ фирмы.

16.—Если изъ среды ассиріологовъ когда-нибудь выступитъ ученый съ живымъ воображеніемъ и литературнымъ талантомъ, въ родѣ Георга Эберса, гордости египтологіи, онъ найдетъ богатый готовый матерьялъ для историческихъ романовъ самаго высшаго достоинства въ глиняномъ архивѣ фирмы «Эгиби и Сыновья». Многія эпохи наполовину не столь отдаленныя отъ насъ по времени, не въ состояніи предъявить одной четверти такого документальнаго матерьяла. Эти плитки, съ ихъ сухими записями сдѣлокъ по всевозможнымъ отраслямъ общественной жизни и отношеній между людьми, представляютъ весьма совершенный остовъ, который было бы крайне занимательно и не слишкомъ трудно облечь плотью и оживить кровью творчески возсозданныхъ живыхъ людей. Главная трудность заключалась бы въ множествѣ непонятныхъ словъ.

Само собой разумѣется, что языкъ повседневной жизни и дѣловыхъ сношеній долженъ быть весьма различенъ отъ языка историческаго лѣтописанія, знакомаго намъ по царскимъ цилиндрамъ и стѣннымъ надписямъ. Въ этихъ однообразныхъ, часто безжизненныхъ произведеніяхъ постоянно повторяются одни и тѣ же не только слова, но цѣлыя фразы и обороты. Значительную часть ихъ можно сравнить съ нашими печатными бланками, въ которые остается только вписать имена. Однимъ словомъ, публичные документы писаны слогомъ стереотипнымъ, офиціальнымъ, тогда какъ частныя плитки представляютъ то, что̀ можно назвать разговорнымъ языкомъ, съ примѣсью техническихъ дѣловыхъ выраженій; а всякому извѣстно, насколько легче научиться книжному языку, нежели разговорному, даже имѣя дѣло съ современными намъ народами, и при всѣхъ пособіяхъ, которыми мы располагаемъ, не говоря уже о языкѣ мертвомъ.

Характеръ дѣятельности фирмы.

17.—Было замѣчено, что названіе «банкирскій домъ» въ примѣненіи къ фирмѣ «Эгиби и сыновья», невѣрно, потому что изъ архивовъ видно, что они занимались ростовщичествомъ и были, кромѣ того, нотаріусами. Между тѣмъ, положительно доказано, что банковые вклады, а слѣдовательно и чеки и денежные переводы, были въ ходу задолго до введенія чеканныхъ денегъ. Франсуа̀ Ленорманъ, въ своей (увы, неоконченной) книгѣ «La Monnaie dans l'Antiquité» (томъ I, стр. 117), приводитъ такого рода документъ царствованія Набонида, послѣдняго царя

вавилонскаго, — настоящій денежный переводъ, данный человѣкомъ живущимъ въ Урѣ, другому, на человѣка, живущаго въ Эрехѣ. Въ другомъ такомъ чекѣ или переводѣ, царствованія Навуходоносора, отправитель (въ Кутѣ) и плательщикъ (въ Борсиппѣ) названы, получатель же не названъ: это — чекъ «предъявителю» (тамъ же, стр. 120). Что такіе документы могли переходить изъ рукъ въ руки, подобно нашимъ чекамъ и векселямъ, т. е. могли, за надписью получателя, быть мѣняемы на поименованную въ нихъ сумму золотомъ или серебромъ (допускались къ дисконту), и это съ очень давнихъ временъ, доказывается двуязычнымъ текстомъ (на аккадскомъ и на ассирійскомъ языкѣ), гласящимъ слѣдующее:—«Свой переводъ, не выплаченный, а еще имѣющій быть отправленнымъ,—онъ промѣнялъ на серебро». Это вѣдь настоящія банкирскія операціи, изобрѣтеніе которыхъ до сихъ поръ всегда приписывалось средневѣковымъ евреямъ, между тѣмъ какъ онѣ, оказывается, были зауряднымъ дѣломъ у праотцевъ и единоплеменниковъ ихъ, болѣе двадцати вѣковъ до нихъ.

«И однакоже, — замѣчаетъ по этому поводу Фр. Ленорманъ (тамъ же, стр. 121—122):—если мы задумаемся надъ своеобразными условіями, при которыхъ велась торговля у ассирійцевъ и вавилонянъ, мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ этотъ, на первый взглядъ, странный фактъ; мы поймемъ, какія причины привели эти народы къ изобрѣтенію системы переводовъ и векселей столькими вѣками раньше другихъ. Торговля у нихъ, вслѣдствіе географическаго положенія ихъ родныхъ земель, по необходимости производилась сухимъ путемъ, караванами, пересѣ-

кавшими по всѣмъ направленіямъ пустыни, по которымъ бродили хищники-кочевники. При такихъ условіяхъ, купцы должны были прежде всего придумать способъ, какъ бы не перевозить наличныхъ денегъ въ отдаленныя мѣста. Грузность металлическихъ цѣнностей, число вьючнаго скота, необходимаго для перевоза большихъ суммъ, небезопасныя дороги,—все это дѣлало отысканіе такого способа въ высшей степени желательнымъ. Поэтому, какъ только на одномъ концѣ караваннаго пути оказался кредиторъ, а на другомъ—должникъ, мысль о вексельной системѣ должна была придти сама собою на умъ кредитору. Это такъ естественно, что возобновленіе тѣхъ же условій породило и тѣ же результаты, послѣ долгаго забвенія, въ средніе вѣка, когда купцы,—итальянцы и евреи,—затруднялись перевозомъ чеканныхъ денегъ и, подвергаясь безчисленнымъ рискамъ, вновь изобрѣли вексель, но въ болѣе совершенной формѣ, удержавшейся до нашихъ дней».

Нѣтъ причины полагать, что фирма «Эгиби и Сыновья» не занималась такого рода дѣлами, а въ такомъ случаѣ, она имѣла бы полное право именоваться «банкирскимъ домомъ», даже если давала деньги взаймы въ обширныхъ размѣрахъ: дѣлаютъ же это и нынѣшніе банки, отнюдь не ограничивающіе своей дѣятельности храненіемъ, размѣномъ и переводомъ денегъ.

Имущественныя юридическія сдѣлки.

18.—Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣхъ многочисленнѣе документы, относящіеся къ продажамъ: рабовъ, скота, лошадей, домовъ, земель, домашней утвари и пр.,—да еще заемныя письма, на разные сроки, съ вычетомъ процентовъ деньгами или хлѣбомъ *), иногда даже рабочими днями, и нерѣдко съ обозначеніемъ пени, на

*) Это было удобно для обѣихъ сторонъ, потому что многіе налоги и подати вносились хлѣбомъ.

случай просрочки долга,—напримѣръ такъ, что, если уплата не послѣдуетъ въ извѣстный день, долгъ увеличится на одну треть. Свидѣтелей обыкновенно бывало нѣсколько: писецъ вписывалъ имена безграмотныхъ, а они ногтемъ вдавливали какой-нибудь знакъ въ мягкую глину. Во многихъ случаяхъ деньги давались подъ обезпеченіе, представленное третьимъ лицомъ (съ поручительствомъ), или подъ закладъ имущества, а въ эту рубрику заемщикъ нерѣдко включалъ своихъ дѣтей и даже самого себя. Увѣряютъ, что по этимъ документамъ можно бы составить таблицу цѣнъ рѣшительно на все, что въ Вавилонѣ продавалось, покупалось, или даже нанималось, потому что сплошь и рядомъ отдавались внаймы рабы; были даже, какъ видно, спекулянты, промышлявшіе воспитаніемъ и отдачей въ наемъ рабовъ, по контракту, съ обезпеченіемъ хозяину извѣстнаго вознагражденія, въ случаѣ продажи, убіенія или искалѣченія раба. Иногда въ контрактъ ставилось условіе, что наниматель долженъ научить раба какому-нибудь ремеслу. Рабы часто клеймились именемъ хозяина,— на плечѣ, на рукѣ или на кисти руки. Этимъ облегчалась еще другая сдѣлка, очень удобная для лицъ, находившихся временно въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а именно — условная продажа рабовъ, съ тѣмъ, что проданный рабъ возвращался продавцу по внесеніи послѣднимъ полученныхъ за него денегъ. Если за это время у раба или рабыни рождались дѣти, покупателю предоставлялось право оставить ихъ за собою за

небольшую плату. Всѣ такія сдѣлки могли совершаться черезъ третье лицо, по довѣренности. Въ богатыхъ домахъ такая довѣренность обыкновенно давалась главному рабу,—управляющему. Если повѣреннымъ былъ свободный человѣкъ, ему надлежало быть очень осторожнымъ въ составленіи документа, такъ какъ незнаніе тонкостей юридическихъ формъ или невниманіе къ нимъ могло поставить его въ затруднительное положеніе, точно такъ же, какъ это бываетъ въ наше время. Такъ, имѣется контрактъ, которымъ нѣкто Иба, сынъ Силлы, обязуется купить нѣкую недвижимую собственность «для и по довѣренности» нѣкоего человѣка и жены его Бунаниту. Если бы были упущены слова «по довѣренности», и если бы довѣритель впослѣдствіи захотѣлъ отказаться отъ покупки или сдѣлать ее недѣйствительною, т. е. поступить нечестно, Иба, сынъ Силлы, былъ бы вынужденъ оставить ее за собою и заплатить изъ своего кармана, потому что законъ прямо гласитъ: «Если человѣкъ законтрактовалъ землю и домъ отъ имени другого, но не получилъ на это довѣренности, или не предъявилъ дубликата плитки, человѣкъ, писавшій плитку и контрактъ отъ своего имени, утрачиваетъ домъ тотъ и землю» (т. е. цѣну за нихъ).

Документы, служащіе прецедентами.

19.—Въ своихъ судоговореніяхъ законники и судьи руководились сборникомъ очень древнихъ узаконеній, которыя наши ученые называютъ «таблицами прецедентовъ». Такихъ плитокъ найдено и разобрано нѣсколько штукъ. Подлинный текстъ на аккадскомъ языкѣ съ ассирійскимъ

переводомъ. Это не столько законы, сколько,—по опредѣленію одного ученаго,—«правила или поученія для руководства человѣка въ его различныхъ занятіяхъ» *). Если бы имѣлся налицо весь сборникъ, то вѣроятно оказалось бы, что эти «правила или поученія» представляли собою плодъ многовѣкового опыта и наблюденій, обнимающихъ весь кругозоръ жизни человѣка, какъ частнаго лица, гражданина и члена общества. Въ нихъ и такъ заключается богатый матерьялъ. Одна плитка учитъ земледѣльца, «когда и какъ запахивать и засѣвать поля, строить домъ и амбары, объясняетъ его отношенія къ землевладѣльцу при такихъ-то и такихъ обстоятельствахъ». Важнѣе всѣхъ плитка, поучающая человѣка о его обязанностяхъ въ частной жизни и къ своимъ роднымъ. Начиная съ простыхъ правилъ, она кончаетъ почти-что уголовными законами.

О семейныхъ отношеніяхъ.

20.—Въ § 1 опредѣляется, когда ребенка должно «объявить вольнымъ мужемъ», т. е. совершеннолѣтнимъ, а въ § 2 описывается обрядъ, которымъ сопровождается это заявленіе; §§ 3 и 4 предписываютъ первый государственный актъ, совершаемый юношей по возмужаніи, а именно—онъ вноситъ за себя дань, на этотъ разъ двойную; §§ 5 и 6 объясняютъ, что «юноша отнынѣ самъ отвѣчаетъ за свои поступки и долженъ нести послѣдствія своихъ грѣховъ». Статья о

*) См. статью Джорджа Бертина (Bertin) «Аккадскія правила для руководства человѣка въ частной жизни», въ «Transactions of the Society of Biblical Archaeology» vol. VIII, 1884.

воспитаніи и обученіи ребенка повреждена безнадежно; одна только строка выступаетъ съ совершенной ясностью, — зато знаменательная: «*Онъ* (отецъ) *заставляетъ его учить надписи*». Потомъ другая строка: «Онъ заставляетъ *его взять жену*». Это относится къ «главной женѣ», которую, какъ видно, выбираетъ и сватаетъ отецъ, совершая этимъ послѣдній актъ родительской власти. Союзъ этотъ былъ неразрывенъ: это можно заключить изъ слѣдующихъ строкъ: «*Отнынѣ супругъ не можетъ оттолкнуть отъ себя ту, которая владѣетъ его сердцемъ*». Невѣста, долженствовавшая до конца жизни пребывать главою дома, должна была быть «вольнорожденною дѣвицею», и принести приданое, которое, однако, по смерти мужа, оставалось ей и ея дѣтямъ, или, если дѣтей не было, ея родителямъ, т. е. возвращалось къ первоначальному источнику своему*).

Вторая часть плитки содержитъ нѣчто въ родѣ уголовнаго положенія.

1) Сыну воспрещалось отрекаться отъ своихъ обязанностей къ отцу; за такое непочтеніе онъ лишался воли и продавался, какъ простой рабъ: «*Если сынъ скажетъ отцу,—ты мнѣ не отецъ, — отецъ обрѣжетъ ему ногти...*(?) **) *продастъ его за деньги*».

*) См. «Законы царя Хаммураби» въ «Ист. Халдеи»; 2-е изданіе, стр. 269—286.

**) Г-нъ Бертинъ, который долженъ нести всю отвѣтственность за свой переводъ, замѣчаетъ по этому поводу: «Длинные ногти, стало-быть, были отличительнымъ знакомъ свободы, какъ длинные волосы и борода у семитовъ. Рабы и люди низкаго званія всегда изображались на изваяніяхъ бритыми».

2) За такое же непочтеніе къ матери, сынъ кромѣ того выставлялся посреди города (вѣроятно, что-нибудь въ родѣ позорнаго столба).

3) Если мужъ такъ дурно обращается съ женою, что она отъ него отрекается, его бросаютъ въ рѣку: совсѣмъ ли даютъ ему утонуть, или въ видѣ наказанія погружаютъ, не объяснено: «*Если жена мужу, обидѣвшему ее, скажетъ: — ты мнѣ не мужъ, — его помѣщаютъ въ рѣкѣ*». (Переводчикъ, Дж. Бертинъ, употребляетъ именно довольно любопытное выраженіе «помѣщаютъ»).

4) «*Если мужъ скажетъ женѣ,—ты мнѣ не жена,—онъ отвѣшиваетъ полмины серебра*».

Это, вѣроятно, означаетъ содержаніе, которое мужъ обязанъ выплатить брошенной имъ безъ вины женѣ. Отецъ и мать, отрекающіеся отъ сына, тоже подвергаются наказаніямъ.

Наконецъ, если человѣкъ, нанявъ у другого раба, такъ дурно обходится съ нимъ, что рабъ умираетъ, или если рабъ сбѣжитъ, или расхворается, наниматель «отвѣшиваетъ» хозяину полмѣры зерна въ день въ видѣ вознагражденія *).

Положеніе женщины.

21.—Женщинѣ эти древнія узаконенія,—повидимому, современныя самому Хаммураби, осно-

*) Здѣсь нужно замѣтить, что ассиріологи совѣтуютъ отнестись очень осторожно къ переводу приведеннаго документа, и не забывать, что любопытныя подробности въ немъ далеко не окончательно уяснены. «Текстъ поврежденъ и переводъ поневолѣ несовершененъ, пишетъ д-ръ Д. Лэйонъ (въ частномъ письмѣ):—чтеніе этой плитки еще такъ сомнительно, что ей не слѣдуетъ отводить большого мѣста въ исторіи Вавилоніи». Это относится особенно къ частностямъ; общій смыслъ довольно ясенъ.

вателю перваго вавилонскаго царства,—отводятъ положеніе не только почетное и вліятельное, но и вполнѣ независимое. Законы о собственности и наслѣдствахъ въ данномъ государствѣ служатъ вѣрнымъ мѣриломъ положенія, занимаемаго въ немъ женщинами. А мы сейчасъ видѣли, что приданое жены вовсе не дѣлалось собственностью мужа. Законъ этотъ дополняется другимъ, еще болѣе для нея благопріятнымъ: если вдова желала вступить въ новый бракъ,—(*«обращалась лицомъ идти въ другой домъ»*)—она забирала съ собою не только свое приданое, но и все имущество, оставленное ей первымъ мужемъ. По смерти ея, приданое дѣлилось между дѣтьми обоихъ браковъ. Плитка тутъ обрывается; но изъ законовъ Хаммураби мы знаемъ, что имущество отъ перваго мужа, какъ и слѣдовало по справедливости, переходило къ однимъ его дѣтямъ. Особенно интересно одно завѣщаніе, составленное въ полной легальной формѣ, которымъ мужъ, для обезпеченія жены своей, оставляетъ ей нѣкое имущество, съ тѣмъ, чтобы трое дѣтей его управляли имъ въ пользу вдовы при ея жизни; по смерти ея, имущество идетъ къ дѣтямъ.

Женщина передъ судомъ.

22. — На плиткахъ архива фирмы Эгиби, а равно и на болѣе древнихъ «контрактныхъ плиткахъ», нерѣдко женщины не только являются главными дѣйствующими лицами въ разныхъ торговыхъ и юридическихъ сдѣлкахъ, въ которыхъ мужъ часто является простымъ свидѣтелемъ, или даже повѣреннымъ своей жены,—но и лично отстаиваютъ

свои права передъ царскими судьями и выигрываютъ процессы. Такъ Бунаниту, та самая женщина, которая вмѣстѣ съ мужемъ выдавала довѣренность на покупку какой-то земли въ Борсиппѣ,—опять появляется, уже вдовой, и начинаетъ гражданскій искъ противъ деверя, желавшаго оттягать у нея и ея дочери эту самую землю съ домомъ. Она доказала, что земля и домъ были куплены на ея приданныя деньги, къ которымъ мужъ ея прибавилъ сумму занятую имъ, и что, по ея просьбѣ, въ обезпеченіе ея «на будущее время», онъ выдалъ ей свидѣтельство въ томъ, что покупка эта совершена ими совмѣстно, на ея приданое. «Онъ приложилъ печать свою къ плиткѣ и написалъ на ней проклятіе великихъ боговъ... Я принесла ее показать вамъ. Постановите рѣшеніе». Судьи «выслушали рѣчи», осмотрѣли плитки и рѣщили въ пользу истицы. Изъ подлинныхъ документовъ вся эта исторія выступаетъ гораздо рельефнѣе, съ бо́льшими подробностями, и кончается общимъ устройствомъ всѣхъ семейныхъ дѣлъ. Очень занимательно встрѣчать опять и опять все тѣхъ же лицъ, въ качествѣ то главныхъ дѣйствующихъ, то повѣренныхъ, то свидѣтелей. Такъ, деньги, которыя мужъ Бунаниту призанялъ къ ея приданому, онъ взялъ у нѣкоего Иддинна-Мардука, сына Баши, имя котораго является въ качествѣ свидѣтеля на купчей крѣпости, а еще другая плитка оказывается его брачнымъ контрактомъ. Это показываетъ, что фирма Эгиби, подобно нынѣшнимъ фирмамъ, имѣла свой кругъ постоянныхъ кліентовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что,

если хорошенько перебрать и изучить ея архивъ, можно бы прослѣдить ея судьбы и взаимныя отношенія нѣсколькихъ семействъ черезъ цѣлый рядъ поколѣній. Эта заманчивая задача выпадаетъ на долю будущаго ассиріолога-романиста, и ему не придется, вѣроятно, даже выдумывать фабулы къ своему роману. Онъ, кромѣ того, найдетъ тутъ не мало своеобразныхъ и мѣткихъ оборотовъ рѣчи, которые придадутъ его разсказу мѣстный колоритъ, напримѣръ: два человѣка, составляя компанію и внося каждый такую-то сумму, для начала оборотовъ, называютъ капиталъ «*матерью торговаго дѣла*».

Частныя письма.

23.—Другой разрядъ документовъ, который для нашего романиста будетъ истиннымъ кладомъ, это—ежедневно возрастающая коллекція частныхъ писемъ. Мы можемъ дать здѣсь мѣсто лишь одному образчику. Старикъ отецъ проситъ помощи у сына.

Лицевая сторона. «Грамота отъ Иддина-аха къ сыну своему, Ремуту.—«Бэлъ и Набў да даруютъ сыну моему миръ. Онъ, сынъ мой, знаетъ, что въ домѣ нѣтъ хлѣба. Двѣ или три мѣры хлѣба черезъ кого-нибудь знакомаго прислалъ бы мой сынъ. Совсѣмъ нѣтъ. Пришли съ лодочникомъ, тобою указаннымъ,

Оборотная сторона. «ко мнѣ. Пришли даръ. Отправь отцу. Бэлъ и Набў да хранятъ жизнь моего сына. Рематъ спрашиваетъ о мирѣ сына своего, Ремута» (т. е. «мать спрашиваетъ о твоемъ здоровіи»).

Учебники и дѣтскія упражненія.

24.—Мы уже видѣли, что одной изъ первыхъ обязанностей отца считалось—учить сына грамотѣ. Что къ этой обязанности относились вполнѣ добросовѣстно, доказывается цѣлой массой плитокъ, пожалуй, самыхъ забавныхъ изо всѣхъ,—которыя оказались просто-на́-просто дѣтскими учебниками чтенія и ученическими упражненіями. Тутъ есть маленькіе разсказы, списанные по многу разъ, для практики въ правописаніи и чистописаніи, такъ какъ и то и другое сильно хромаетъ. Многія такія плитки писаны на обоихъ языкахъ, и профессору Сэйсу попалась одна, настолько хорошо сохраненная, что можно разобрать нѣсколько строкъ подъ рядъ. Это оказывается простой дѣтской сказочкой, и Сэйсъ переводитъ начало, подъ заглавіемъ: «*Сказка о Найденышѣ*», какъ слѣдуетъ:

«Дитя не знало ни отца ни матери. Оно попало въ прудъ, очутилось на улицѣ. Изъ пасти собакъ кто-то взялъ его; отъ клювовъ вороновъ кто-то отнялъ его; при гадателѣ кто-то отнялъ его отъ нихъ. Стопы ногъ его намѣтили печатью гадателя. Отдали его кормилицѣ. Кормилицѣ на три года обезпечили его хлѣбъ, его пищу, его рубаху, его одежду. Такъ онъ воспитывался нѣкоторое время. Воспитатель его радовался. Желудокъ его онъ наполнилъ женскимъ молокомъ и сдѣлалъ его своимъ роднымъ сыномъ.».

Тутъ плитка обрывается. Но и по этому обрывку уже можно составить себѣ понятіе объ этого рода литературѣ. Выписываемъ интересную замѣтку профессора Сэйса по этому поводу. Онъ причисляетъ этотъ текстъ къ «аккадскимъ учебникамъ, имѣвшимъ цѣлью ознакомить дѣтей бо-

лѣе поздняго времени съ началами мертваго языка древней Халдеи», и продолжаетъ:

«Для этого выбирались легкіе аккадскіе тексты и снабжались ассирійскими переводами, причемъ текстъ пересыпался упражненіями на отдѣльныя слова. Такъ напр., за фразой «онъ сдѣлалъ его своимъ роднымъ сыномъ», слѣдуютъ примѣры разныхъ сочетаній тѣхъ же словъ съ другими частями рѣчи или замѣненія ихъ другими равносильными выраженіями: «сынъ его»;—«сыновній»;—«за сына почиталъ»,—«въ сыновья записалъ»; и пр. *). Подобно нашимъ дѣтскимъ учебникамъ, древняя вавилонская книжка даетъ такіе разсказы, которые способны занимать дѣтей, и авторъ весьма благоразумно взялъ для этого отрывокъ изъ дѣтской сказки, предпочитая сказку серьезной литературѣ для взрослыхъ...» **).

Такимъ точно порядкомъ наши дѣти сначала учатся мертвымъ языкамъ своего племени,—латинскому и греческому, изъ басенъ, анекдотовъ и коротенькихъ разсказовъ.

Долговѣчность клинописи.

25.—Эти упражненія уцѣлѣли не одни, и методъ запоминанія посредствомъ записыванія повидимому примѣнялся не къ однимъ дѣтямъ. Хормуздъ Рассамъ привезъ множество плитокъ съ отрывками изъ «прецедентовъ», тщательно выписанными по три раза, очевидно студентами-

*) Усыновленіе повидимому часто практиковалось въ Вавилоніи, особенно въ семьяхъ, въ которыхъ не было родныхъ сыновей. Въ упомянутомъ выше документѣ, Бунанитту заявляетъ судьѣ, что она родила мужу одну дочь, и что онъ формально усыновилъ чужого мальчика:—«взялъ его въ сыновья и написалъ о томъ плитку».

**) См. статью А. Г. Сэйса «Вавилонскій Фольклоръ» *(Babylonian Folk-Lore)* въ «Журналѣ Фольклора» *(Folk-Lore Journal)* томъ I. Январь 1883, стр. 16 и сл.

юристами, чтобы лучше запомнить. Что же касается документовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «контрактныхъ плитокъ», то они далеко не прекращаются съ вавилонской державой. Попадаются экземпляры изъ удивительно позднихъ временъ,— даже изъ первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х., какъ видно по одной плиткѣ, отъ царствованія персидскаго государя, жившаго около 100 г. по Р. Х. — что доказываетъ, что клинопись вымирала весьма медленно и употреблялась гораздо долѣе, нежели вообще полагали.

X.

Мидія и возвышеніе Персіи.

Астіагъ, преемникъ Кіаксара.

1.—Если бы Мидіей, во все многолѣтнее царствованіе Навуходоноссора, правилъ Кіаксаръ или другой государь такого же высокаго ума, такой же дѣятельный и честолюбивый, вавилонянину весьма вѣроятно еще при жизни своей представился бы случай испытать крѣпость тѣхъ многочисленныхъ оплотовъ, которые онъ съ такой предусмотрительностью воздвигалъ. Родство, особенно искусственное породненіе браками, не много значитъ въ политикѣ, и если бы основатель мидійской державы усмотрѣлъ малѣйшую возможность «закруглить» ее (по современному выраженію), въ ущербъ того или другого союзника, или обоихъ, его наврядъ ли удержало бы вниманіе къ дочери или снохѣ. Но Кіаксаръ умеръ еще въ началѣ царствованія Навуходоноссора (584 г.), а сынъ и преемникъ его, Астіагъ (на клинописныхъ памятникахъ Иштувегу), былъ человѣкъ ничтожный, изнѣженный, склонный къ лѣни и наслажденіямъ,—настоящій типъ наслѣд-

ника - мота, умѣющаго только расточать то, что не имъ нажито, чваниться величіемъ, не имъ созданнымъ, пока по собственной безпечности не лишится всего. Его восшествіе на престолъ, поэтому, было великимъ счастьемъ для его шурина, царя вавилонскаго, и для его свекра, Аліатта, царя лидійскаго, который, съ помощью сына своего Креза, продолжалъ упрочивать и расширять свою державу и сводить старые счеты съ приморскими греческими городами.

Великолѣпіе мидійскаго царскаго дома.

2.—Да и со всѣмъ мидійскимъ народомъ произошла не менѣе прискорбная перемѣна. Мидяне были уже не прежніе суровые воины, выносливые, привычные къ лишеніямъ и трудамъ, не знавшіе цѣны богатству (по словамъ пророка Исаіи—XIII, 17:—«...Мидяне, которые не цѣнятъ серебра и не пристрастны къ золоту»). Сокровища, награбленныя въ Ниневіи и другихъ ассирійскихъ городахъ, познакомили ихъ съ роскошью, и царскій дворъ въ Экбатанѣ по пышности не отставалъ отъ Сардъ и Вавилона. Царскій дворецъ могъ поспорить великолѣпіемъ съ дворцами старшихъ столицъ; возможно даже, что онъ превзошелъ ихъ наглой варварской роскошью, напримѣръ, безвкуснымъ расточеніемъ золота и серебра, далеко уступая имъ относительно художественности украшеній. У арійскихъ завоевателей еще не было своего искусства, и они не успѣли перенять его у сосѣдей, а можетъ-быть, еще не познали цѣну искусству вообще, такъ какъ самое это понятіе первоначально было чуждо суровому и практическому складу иранскаго ума.

Но, такъ какъ національное достоинство требуетъ нѣкотораго великолѣпія въ царской обстановкѣ, то желанный, внушительный и величественный эффектъ вѣроятно достигался иными средствами.

Роль колонны въ архитектурѣ.

3.—Мидяне, если и не занимались спеціально искусствомъ, особенно декоративнымъ, однако, ввели строительные пріемы, долженствовавшіе принести богатые плоды въ будущемъ и положить начало зодчеству, совершенно отличному отъ типа, столь хорошо знакомаго намъ доселѣ въ земляхъ Тигра и Евфрата. Въ обильныхъ лѣсами горахъ и долинахъ Восточнаго Ирана строительнымъ матерьяломъ, указаннымъ самой природой, былъ именно лѣсъ. Передвижной шалашъ или шатеръ кочевникъ сталъ замѣнять деревянной лачугой, нѣсколько увеличенной, и получилась изба изъ бревенъ или досокъ, съ крылечкомъ и навѣсомъ, подпертымъ грубо обтесанными древесными стволами. Изъ этого скромнаго типа развивается, когда требуется общественное зданіе большихъ размѣровъ, обширная зала съ боковыми ходами на колоннахъ, съ широкимъ крыльцомъ, тоже на столбахъ. Отсюда переходъ уже не труденъ къ царскому дворцу, вмѣщающему въ себѣ и частные покои, и палаты для всякихъ пріемовъ и засѣданій. Расширеніемъ общаго плана, выборомъ твердыхъ и красивыхъ сортовъ дерева, высокихъ, стройныхъ стволовъ, наконецъ тщательной до тонкости работой, можно было достичь истинной красоты, сохраняя первоначальную, своеобразную черту,—обиліе колоннъ,

распредѣленныхъ такъ, чтобы образовать всевозможные ходы, крыльца, галлереи, портики кругомъ внутреннихъ дворовъ, и пр. Такимъ именно строеніемъ былъ дворецъ въ Экбатанѣ, потому что лѣса Загроса могли ставить лѣсъ ничѣмъ не хуже и не мельче лѣсовъ Бактріи.

Царскій дворецъ въ Экбатанѣ.

4.—По разсказамъ древнихъ греческихъ писателей, этотъ дворецъ мидійскихъ царей (начатый, можетъ-быть, Дейокомъ *) и расширенный Кіаксаромъ), занималъ площадь въ цѣлыхъ двѣ трети мили, у подножія горы Оронта (нынѣ Эльвендъ). Онъ былъ весь изъ драгоцѣнныхъ кедровъ и кипарисовъ; но дерева нигдѣ не видать было, такъ какъ не только колонны и бревна, но потолки и стѣны были покрыты золотыми и серебряными листами; кровля же была сдѣлана изъ серебряныхъ плитъ. Геродотъ съ восхищеніемъ говоритъ объ эффектѣ, который производила дворцовая ограда, «состоявшая изъ семи стѣнъ, возвышавшихся кругами, одна надъ другой, какъ разъ на вышину зубцовъ. Этому,—пишетъ онъ,—отчасти благопріятствуетъ легкая наклонность почвы, но эффектъ достигается главнымъ образомъ искусствомъ. Посреди седьмого (внутренняго) круга стоятъ царскій дворецъ и сокровищницы... Зубцы первой (наружной) стѣны выкрашены въ бѣлый цвѣтъ, второй въ черный, третьей—въ ярко-красный; четвертой—въ синій; пятой — въ оранжевый; зубцы послѣднихъ двухъ стѣнъ покрыты золотомъ и серебромъ».

*) О Дейокѣ, первомъ собирателѣ мидійскихъ племенъ, см. «Ист. Ассиріи», стр. 465—467.

Городъ былъ построенъ внѣ ограды. Однимъ только грѣшило это живописное и превосходное для обороны мѣстоположеніе,—недостаткомъ воды. Ближе не было воды, какъ по ту сторону горы Оронта, гдѣ горную рѣчку питало небольшое озеро. Рѣчку эту отклонили и привели въ городъ черезъ туннель, имѣвшій 15 футовъ въ ширину. Эту инженерную работу мидійская легенда, которую повторяли греки, приписывала все той же баснословной царицѣ Семирамидѣ. На самомъ же дѣлѣ задумалъ ее и исполнилъ вѣроятно Кіаксаръ.

Богатство царскаго дворца.

5.—Дѣйствительно, общій эффектъ, особенно издали, съ равнины, долженъ былъ получиться поразительный и до-нельзя своеобразный. Расположенныя ступенями разноцвѣтныя концентрическія ограды сразу напоминаютъ большой зиккуратъ бога Набу въ Борсиппѣ *), и нельзя не подозрѣвать, что общая идея была позаимствована оттуда. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что число семь священно и въ иранской религіи. Кромѣ того, сказаніе о Священной Горѣ, на которое намекали халдейскіе зиккураты, было общее обѣимъ расамъ, и историкъ Дункеръ несомнѣнно весьма близокъ къ истинѣ, когда въ слѣдующихъ словахъ объясняетъ любопытное расположеніе и украшеніе мидійскаго царскаго дворца: «Какъ Ахура-Мазда возсѣдалъ на своемъ золотомъ престолѣ въ сферѣ чистаго Свѣта, на золотой вершинѣ Хукаи-

*) См. «Ист. Халдеи», стр. 326—328.

рія, такъ земному правителю подобало пребывать въ своемъ дворцѣ въ Экбатанѣ, въ золотыхъ чертогахъ, обведенныхъ золотой оградой. Авеста показываетъ намъ бога Миѳру въ золотомъ шлемѣ и серебряной бронѣ; колеса его колесницы— золотыя; у бѣлоснѣжныхъ коней его переднія копыта кованы золотомъ, заднія — серебромъ. Такъ и царской кровлѣ и стѣнамъ надлежало сіять въ серебрѣ и золотѣ». Невѣроятнаго тутъ тоже нѣтъ ничего. Богатства, награбленныя въ Ассиріи, ужъ вѣрно могли покрыть и не такой расходъ, далеко не истощая казну. Разсказываютъ же, что когда Александръ Македонскій завоевалъ Азію, онъ сорвалъ все серебро съ дворцовой кровли и все-таки, семьдесятъ пять лѣтъ спустя, другой завоеватель нашелъ въ Экбатанѣ добычу на десять милліоновъ рублей, золотыми и серебряными листами и серебряными плитами. А между тѣмъ, масса серебра и золота, милліоновъ на семнадцать рублей, была вывезена персидскими царями еще до пришествія Александра. Не должно забывать, что сокровища, накопленныя въ Калахѣ и въ Ниневіи, были буквально несмѣтныя, и что однимъ изъ самыхъ послѣднихъ подвиговъ ассирійскаго владычества было разграбленіе до-чиста сокровищницъ эламскихъ царей въ Шуши, «куда никогда не запускалась непріятельская рука» *) во всѣ двадцать вѣковъ благополучнаго существованія эламской державы.

---

*) См. «Ист. Ассиріи», стр. 444.

Скудность свѣдѣній о мидянахъ.

6.—Неизвѣстно, была ли Экбатана, подобно Вавилону, окружена оборонительной оградой. При Геродотѣ такой ограды не было, иначе онъ упомянулъ бы о ней. Впрочемъ, такъ какъ Экбатана была взята до него, то очень возможно, что стѣна существовала, но была срыта. Этотъ вопросъ и много другихъ вѣроятно разъяснятся, когда кто-нибудь серьезно займется раскопками въ Гамаданѣ. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, по этой части мало сдѣлано, и невозможно сказать рѣшительно, къ какой эпохѣ принадлежатъ немногіе найденные остатки. Такія же сомнѣнія встрѣчаются на каждомъ шагу, едва начинаешь подробно освѣдомляться о мидійскомъ народѣ, его учрежденіяхъ и бытѣ. Наврядъ ли найдется еще царство такое обширное и могущественное, которое оставило бы такъ мало слѣдовъ, такъ мало данныхъ для исторіи: ни одной надписи, ни одного достовѣрно подлиннаго образчика искусства или ремесла; ничего, кромѣ эпическихъ сказаній, да и то не въ своемъ подлинномъ видѣ, а въ греческой передѣлкѣ, въ отрывкахъ, полученныхъ греческими писателями отъ невѣжественныхъ, не особенно правдивыхъ толмачей, и выдаваемыхъ греками за исторію. О достоинствахъ такой «исторіи» можно судить по легендѣ о Семирамидѣ. Но, если новѣйшіе изслѣдователи разобрали отрицательныя качества всѣхъ этихъ греческихъ розсказней, однако имъ до сихъ поръ удалось добыть еще весьма немного положительныхъ свѣдѣній о мидянахъ и ихъ недолговѣчной державѣ.

Мидійскія племена, арійскія и не-арійскія.

7.—Кое-какіе факты, однако, можно признать достовѣрными. Главный изъ нихъ — тотъ, что мидяне сами себя называли арійцами, и что такъ называли ихъ и сосѣди ихъ и подданные. Потомъ еще достовѣрно извѣстно, что населеніе владѣній ихъ было смѣшанное. Геродотъ исчисляетъ по имени шесть такъ-называемыхъ «племенъ», и эти имена оказались искаженными на греческій ладъ иранскими названіями, значеніе которыхъ совершенно ясно. Одно изъ нихъ означаетъ «туземцевъ», другое — «кочевниковъ», третье — «живущихъ въ шатрахъ», четвертое — «владѣльцевъ почвы», и лишь одно «племя»,—пятое, названо прямо «арійскимъ» («*Аризанты*», по-персидски — «*Аріязанту*»). Такое отличительное названіе указываетъ на то, что остальныя «племена» не-арійцы, и прекрасно совпадаетъ съ теоріей о постепенномъ шествіи арійскихъ мидянъ съ востока и о занятіи ими Эллипа и другихъ частей Загросскаго погорья, гдѣ они составили правящее сословіе, военную аристократію, поработившую «туземцевъ», «владѣльцевъ почвы», по большей части туранской крови. Семистѣнная ограда, которою иноплеменные цари окружили себя, быть-можетъ была необходимымъ оплотомъ противъ ожидаемыхъ возстаній. Со временемъ, по мѣрѣ того, какъ различіе стало обозначаться менѣе рѣзко и племенная вражда стала теряться въ общемъ національномъ сознаніи, все населеніе присвоило себѣ названіе завоевателей, всѣ одинаково стали называть себя мидянами. Что же касается «кочевниковъ» и «живущихъ въ шатрахъ», то

эти прозвища очевидно вмѣщали неосѣдлые и полуосѣдлые народы, скитавшіеся со стадами по степямъ Средняго и Западнаго Ирана и состоявшіе лишь отчасти изъ иранскихъ элементовъ. Вѣдь мидійское царство, въ пору своего наибольшаго территорьяльнаго расширенія, простиралось отъ рѣкъ Галиса и Аракса съ одного конца, черезъ широкую пустынную полосу, до дикаго горнаго края, и чуть ли не до самой рѣки Инда съ другой. Впрочемъ, предѣлы его съ восточной стороны никогда не удалось въ точности опредѣлить, хотя едва ли подлежитъ сомнѣнію, что земли, составлявшія Восточный Иранъ, какъ-то: Гирканія Парѳія, Бактрія и другія, значащіяся на древнихъ картахъ, были подвластны и платили дань Мидіи; нѣкоторыя, должно-быть, управлялись мидійскими намѣстниками.

Маги—мидійское священство.

8. — Шестое мидійское «племя» Геродотъ называетъ Магами; что это были жрецы, образовавшіе особое сословіе, о томъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія. Подъ этимъ названіемъ, — и только подъ этимъ,—мидійское жреческое сословіе было извѣстно всѣмъ иностраннымъ народамъ. Однако, не такъ, какъ мы видѣли, называетъ ихъ Авеста. Тамъ жрецы, съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ они сплотились въ отдѣльное сословіе, неизмѣнно зовутся «Атраванами». Тутъ есть противорѣчіе, тѣмъ болѣе что Маги, безспорно хранители авестскаго закона и богослуженія, дѣлали много такого, что̀ не только чуждо этому закону, но прямо противно ему, въ особенности упражняясь въ гаданіи и волхвованіи, — однимъ

словомъ, занимаясь тѣмъ, что до сихъ поръ на всѣхъ языкахъ называется «магіей» и представленіе о чемъ такъ и осталось неразрывно съ ихъ именемъ. Геродотъ разсказываетъ, что маги приносили жертвы, причемъ распѣвали гимны, и что они съ особеннымъ наслажденіемъ собственноручно убивали муравьевъ, змѣй, всякую летучую и ползучую тварь, словомъ всякихъ животныхъ кромѣ собакъ. Все это вполнѣ согласуется съ авестскимъ закономъ. Гораздо позднѣйшіе писатели говорятъ, что маги поклонялись и жертвовали Злому Духу, а одинъ, кромѣ того, разсказываетъ, что они толкли въ ступѣ траву *Омоми* (очевидно — Хаома), призывая при этомъ Силу Зла и Тьмы, затѣмъ смѣшивали сокъ съ кровью закланнаго волка и выливали это приношеніе на землю, на такое мѣсто, котораго никогда не касается лучъ солнца *). Такіе обряды, если судить о нихъ по положеніямъ Авесты, — прямое безбожіе, богохульство и никоимъ образомъ не могли быть совершаемы Атраваномъ—иранцемъ и маздеистомъ. Но они ничуть не несовмѣстимы съ духомъ бѣсопоклонническаго туранскаго шаманизма, какой практиковался шумиро-аккадьянами. Шаманы или волхвы многихъ нынѣшнихъ туранскихъ или урало-алтайскихъ племенъ, отъ Лапландіи черезъ Сибирь до Средней Азіи включительно, остаются представителями этого безобразнаго суевѣрія, пережитка древнѣйшаго варварства. Мало того, между курдами, живущими

*) Плутархъ, въ трактатѣ «*De Iside et Osiride*»

въ Ассиріи, въ Синджарскихъ горахъ, гдѣ Лэйардъ посѣтилъ и изучалъ ихъ, до сего дня существуетъ престранная секта, которая, при многихъ старо-христіанскихъ и мусульманскихъ чертахъ, представляетъ пережитокъ того, что̀, вѣроятно, было религіей до-арійской Мидіи. Ихъ называютъ Іезиди, т. е. «Чертопоклонники». Они вѣруютъ въ Бога, но не молятся ему, тогда какъ раболѣпно служатъ дьяволу, которому они воздвигли храмъ, и символу его, — Змію, они оказываютъ великое почитаніе. Не безъ нѣкоторой дикой логики, они разсуждаютъ такъ, что Богъ, будучи благъ по существу своему, можетъ дѣлать одно добро, и просить Его о томъ нѣтъ надобности; дьяволъ, напротивъ, будучи злой, отъ природы склоненъ вредить, если не ублажать его постоянно просьбами и дарами. Слѣды подобныхъ понятій можно еще встрѣтить у разныхъ племенъ въ Арменіи и Курдистанѣ (древнемъ Загросѣ).

Маги, вѣроятно, происхожденія не-арійскаго.

9. — Изъ всего сказаннаго можно заключить, что маги первоначально были жрецами туземнаго населенія обширнаго края, впослѣдствіи занятаго мидянами и извѣстнаго подъ именемъ Западнаго Ирана. Когда иранскіе государи, отчасти силой оружія, водворили чистую, благородную вѣру, апостоломъ которой явился Заратуштра, начался тотъ процессъ взаимныхъ уступокъ, который, какъ мы видѣли выше, можно назвать третьей ступенью развитія Авесты, и къ которому можно отнести иновѣрческія, большей частью туранскія черты, составляющія такую значительную часть

Вендидада За сліяніемъ обѣихъ религій послѣдовало сліяніе ихъ служителей, и Атраваны перешли въ то шестое «племя», кототорое Геродотъ называетъ Магами. Какъ именно совершилось это сліяніе и почему названіе это замѣнило собою иранское, вѣроятно, никогда не узнается. Да и самое названіе до сихъ поръ еще подаетъ поводъ къ спорамъ между учеными. Всего вѣроятнѣе, что оно происходитъ отъ аккадскаго *имга*, семитскаго *маг*, знакомаго намъ изъ титула *Раб-магъ* («главный волхвъ»), встрѣчающагося въ Библіи *). Нѣкоторые отрицаютъ это происхожденіе и объясняютъ названіе «магъ» санскритскимъ словомъ *мага*, — «великій», а можетъ-быть, и «святой», которое встрѣчается въ Ведахъ. Можно ли признать слѣды исконной вражды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Авесты, и должно ли подъ названіемъ «лже-Атрававовъ», обличаемыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, разумѣть до-арійскихъ жрецовъ, это — вопросъ слишкомъ сложный, чтобы мелькомъ заняться имъ. Приходится довольствоваться увѣренностью, что, въ историческія времена «магами» называлось жреческое сословіе въ Мидіи и Западномъ Иранѣ, что они были хранителями авестскаго закона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ Вендидадѣ, причемъ не должно терять изъ вида того важнаго факта, что нѣкоторыя черты этого закона, какъ, напр., чрезмѣрное почитаніе стихій и обычай выставлять покойниковъ на съѣденіе птицамъ, соблюдались

*) См. «Исторію Халдеи», 2-е изд. стр. 313.

далеко не всѣми иранскими народами. Лишь въ послѣднемъ фазисѣ развитія магизма по Зороастрову ученію, при Сассанидахъ, законъ древней Мидіи былъ провозглашенъ единственнымъ правовѣрнымъ, обязательнымъ для всего Ирана (см. стр. 36).

Политическое могущество магов.

10. — Маги этого позднѣйшаго періода являются отдѣльнымъ, могущественнымъ сословіемъ, владѣющимъ обширными землями, даже цѣлыми городами, главнымъ изъ которыхъ и центромъ ихъ власти былъ Рай (или Рага), встарину первый мидійскій городъ послѣ Экбатаны. На своихъ земляхъ маги являются почти-что независимыми государями, и въ Раѣ пребывалъ ихъ верховный глава. Они выдавали себя за родовое, прямое потомство самаго пророка Заратуштры, стало-быть образовали нѣчто въ родѣ особаго клана, а ихъ первосвященникъ представляется чѣмъ-то въ родѣ папы, облеченнаго властью и духовной и мірскою, съ титуломъ: Заратуштротэма (буквально: «самый настоящій Заратуштра»). Имя пророка, значитъ, употреблялось и какъ титулъ. Оно такъ употребляется, между прочимъ, и въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ катихизиса, гдѣ ясно излагаются именно эти порядки. Дѣло идетъ о раздѣленіи общества на четыре сословія съ пятью главами:

«*Вопросъ.* Какія это сословія?

«*Отвѣтъ.* Жрецъ, воинъ, земледѣлецъ и ремесленникъ.

«*Вопросъ.* А главы какія?

«*Отвѣтъ.* Домохозяинъ, сельскій старшина, племенной глава и областной глава (царь), да пятый — Заратуштра. Это въ тѣмъ земляхъ, которыя лежатъ внѣ Заратуштровыхъ

владѣній. Въ Раѣ, Заратуштровомъ городѣ, всего четыре главы.

«*Вопросъ.* Кто же они?

«*Отвѣтъ.* Домохозяинъ, сельскій старшина, племенной глава, да четвертый — Заратуштра».

Въ Раѣ, очевидно, нѣтъ царя, и мѣсто его занимаетъ первосвященникъ, который, надо замѣтить, поставленъ выше царя въ іерархіи другихъ областей. Значитъ — государство въ государствѣ. Невозможно опредѣленно сказать, когда именно священство достигло такого высокаго положенія; что-нибудь такое было, можетъ-быть, уже при Геродотѣ, и этимъ объяснялось бы, что онъ сдѣлалъ изъ маговъ особое племя. Вѣрно, что религія Зороастра, въ той передѣлкѣ, которой подвергли ее маги, простиралась на западъ до самыхъ предѣловъ мидійскаго владычества. Нѣсколько вѣковъ послѣ паденія мидійской державы, греческіе писатели находили молельни со священнымъ огнемъ въ Лидіи и Каппадокіи, и въ нихъ служили маги съ лицевымъ платомъ *(пайтидана)* и пучкомъ священныхъ прутьевъ *(бареcма)*, распѣвая гимны по книгѣ. Какъ далеко на востокъ простиралась мидійская держава, трудно сказать. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что она простиралась отъ рѣки Галиса до рѣки Инда, и только потому не достигла до іонійскаго побережія, что росту ея положилъ неожиданный конецъ родственный и дотолѣ подвластный ей народъ — персы.

Персы. Сомнѣнія о ихъ происхожденіи.

11. — За неимѣніемъ данныхъ, невозможно опредѣлить, когда именно и какимъ образомъ совершилось переселеніе этого иранскаго народа,

ни когда онъ занялъ гористую и довольно бѣдную, но здоровую и не совсѣмъ неблагодарную землю у Персидскаго залива, которой онъ далъ свое имя, — нынѣшнюю область Фарсистанъ или Фарсъ. Вѣроятно, никогда навѣрно не узнается, пришли ли персы съ сѣверо-востока, черезъ пустыню, особымъ своимъ путемъ, сами по себѣ, особо отъ общаго иранскаго теченія, направлявшагося больше на западъ,—или же отдѣлились отъ него уже дойдя до первыхъ высотъ Адербейджана и Курдистана и, круто повернувъ къ югу, по направленію долинъ, лежащихъ между семью грядами Загросской цѣпи, этимъ путемъ дошли до продолженія ея, Бахтіарскихъ горъ, которыя, заворачивая вдоль Персидскаго залива, высылаютъ, такъ сказать, понижающіеся постепенно отроги навстрѣчу такимъ же отрогамъ большой цѣпи Сулейманскихъ горъ. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ главнымъ образомъ то, что, съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ въ ассирійскихъ лѣтописяхъ появляется имя мидянъ (Мадаи, Матаи, Амадаи), т. е. уже при Салманассарѣ II, оно почти неизмѣнно сопровождается другимъ именемъ, или же это другое имя встрѣчается въ тѣхъ же надписяхъ; это—имя земли и народа Барсуа или Парсуа, и мѣсто имъ опредѣлено почти съ полной увѣренностью какъ разъ за землями Урарту (Арменія), гдѣ-нибудь въ Адербейджанѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что эти «Парсуа» сначала заняли Загросскія высоты вмѣстѣ съ мидянами, потомъ отдѣлились отъ нихъ и основали свое особое и отчасти незави-

симое княжество подальше на югѣ. Они во всякомъ случаѣ, также какъ и мидяне, называли себя арійцами, и одинъ изъ самыхъ могущественныхъ царей ихъ, Дарій I, въ своей знаменитой надписи на скалѣ Бегистунской (о которой рѣчь впереди), съ гордостью величаетъ себя «персомъ, сыномъ перса, арійцемъ, арійскаго сѣмени».

Земля „собственно Персія". Ея климатъ и общій характеръ.

12. — По своимъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ Персія (въ тѣсномъ смыслѣ) должна была взростить племя высокаго нравственнаго и физическаго достоинства. Вопреки почти тропической широтѣ, возвышенный уровень земли надѣляетъ ее умѣренными полосами, какъ это видно изъ одного перечня мѣстной растительности, включающаго, рядомъ съ чинаромъ, кипарисомъ, миртомъ, смоковницей, финиковой пальмой, апельсинами, лимонами и гранатами, деревья и плоды, свойственные гораздо болѣе сѣвернымъ странамъ, какъ-то: тополь, иву, акацію, даже можжевельникъ, яблони, груши, сливы, орѣховое дерево и всякія ягоды. Персики разныхъ сортовъ первоначально привезены въ наши края изъ страны, имя которой этотъ плодъ носитъ на нѣсколькихъ языкахъ. Въ долинахъ прекрасно растутъ разные хлѣба и овощи: пшеница, ячмень, просо, бобы и пр. и пр. Такое богатство нивъ и садовъ одно уже обезпечиваетъ благосостояніе народа; въ то же время, требуя постоянной работы и заботливаго ухода, не даетъ ему впасть въ праздность и безпечность. Климатъ же, въ высокихъ мѣстностяхъ умѣренный въ лѣтнее время, суровый зимою, съ морозами и снѣгами

въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, порождаетъ здоровье тѣла и бодрость духа, и ужъ конечно не склоняетъ къ изнѣженности и лѣни. Недостатокъ воды, — великій бичъ иранскихъ равнинъ, ощутительный уже со склоновъ горъ къ сѣверу и востоку—не даетъ себя чувствовать въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, изобилующихъ горными ключами, хотя рѣкамъ негдѣ разбѣжаться въ длину и развернуться въ ширь, такъ какъ пересѣкающія страну пять горныхъ грядъ не представляютъ просторныхъ долинъ, а однѣ лишь узкія и крутыя тѣснины. Лѣсныя пастбища на горныхъ склонахъ, и роскошные луга вездѣ, гдѣ не одолѣли пески, были истымъ раемъ для скота, такъ что сама природа указывала иранскимъ поселенцамъ на занятія, по вѣрѣ ихъ достойнѣйшія и даже священныя, — земледѣліе и скотоводство. Греки приписывали выносливость и воинскія доблести, за которыя они уважали персовъ, главнымъ образомъ жизни ихъ на открытомъ воздухѣ и бдительности, къ которой они сызмала пріучались, денно и нощно сторожа стада. Верховая ѣзда тоже была у нихъ въ большомъ почетѣ; любимымъ же ихъ развлеченіемъ была охота, такъ какъ горы ихъ кишѣли фазанами, куропатками, тетеревами и прочей дичью, тогда какъ по открытымъ мѣстамъ рыскали львы, медвѣди, антилопы, дикіе ослы и пр., приглашая къ царской потѣхѣ ассирійцевъ. Само собой разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, персы всѣ до едина замѣчательно стрѣляли изъ лука. При этомъ невольно вспоминается одно знаменитое мѣсто у Геродота,

гдѣ онъ говоритъ, что «сыновья персовъ тщательно обучались, отъ пятаго до двадцатаго года жизни, ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду, — и больше ничему». Это, конечно, примѣняется лишь къ воинскому сословію, такъ какъ земледѣльцамъ и жрецамъ поневолѣ приходилось учиться еще многому, но даетъ понятіе о простомъ, мужественномъ воспитаніи, вполнѣ согласномъ съ началами чистѣйшаго

Мидійскіе и персидскіе пѣхотинцы.

маздеизма. Одежда тоже была простая: короткій кафтанъ да узкіе штаны, то и другое изъ дубленой кожи, съ ремневымъ поясомъ: костюмъ, придуманный единственно въ видахъ удобства и возможно большей свободы движеній. Къ несчастью, персы были до-нельзя переимчивы и потому, сойдясь съ мидянами, успѣвшими до-нельзя изнѣжиться и привыкнуть къ роскоши, нимало не медля начали перенимать у нихъ, вмѣстѣ съ болѣе изящными, свѣтскими нравами, и длинную одежду съ широкими рукавами, драпированную вокругъ стана и подобранную на одномъ

боку въ красивыя складки, которая у грековъ такъ и называлась «мидійскою». Понятно, что цѣнность такой одежды можно было увеличить до какой угодно цифры тонкостью матеріи и дорогой окраской (взять, напр., тирскій пурпуръ), да отдѣлкой и вышивкой.

Персидскія племена, арійскія и не-арійскія.— Эламъ и Аншанъ.

13.—Въ Персіи населеніе было не менѣе смѣшано, чѣмъ въ Мидіи. Туземцы, по обыкновенію, не были истреблены пришельцами, а порабощены. Вотъ почему, изъ десяти или двѣнадцати «племенъ», на которыя греческіе писатели дѣлятъ народъ, только три, — Пасаргады, Марафіи и Маспіи,—называются ими «главными, которымъ остальныя всѣ подвластны». Это, очевидно, иранскіе завоеватели, правящее сословіе, аристократія. Изъ «остальныхъ», четыре прямо названы кочевниками, и навѣрно не-арійцы; прочія же могли быть смѣшанной крови. Изъ четырехъ «кочевыхъ племенъ», только въ одномъ, обитавшемъ въ западныхъ горахъ, Мардіанахъ, можно съ увѣренностью признать вѣтвь хорошо извѣстныхъ Амардіанъ. Послѣдніе произошли, вѣроятно, отъ смѣшенія касситовъ (Кашши) съ эламитами и занимали мѣстность, нынѣ называемую Бахтіарскими горами (продолженіе древняго Загроса). Языкъ ихъ совсѣмъ или почти тотъ же, что въ Эламѣ (по-гречески — Сузіанѣ), и принадлежалъ къ агглютинирующему типу (туранскому или урало-алтайскому), слѣдовательно приходился близко сродни древнему языку Шумира и Аккада *). Этотъ-то край

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 166.

по всей вѣроятности, и упоминается многократно въ ассирійскихъ лѣтописаніяхъ подъ названіями Анзанъ, Аншанъ, а иногда и Ассанъ и Андуанъ. Эта область была принадлежностью Эламскаго царства и упоминалась иногда въ числѣ союзниковъ Элама, иногда же включалась въ эламскій царскій титулъ.

Объединеніе племенъ при Ахеменѣ.

14. — Начало Персіи, какъ націи, не отличалось отъ начала Мидіи и любой другой націи. Процессъ неизмѣнно одинъ и тотъ же. Собираются отдѣльные, въ большой мѣрѣ независимые другъ отъ друга, роды или кланы подъ предводительство одного, болѣе другихъ многолюднаго и даровитаго. Понятно, что такое движеніе можетъ совершиться лишь по почину и подъ вліяніемъ одного какого-нибудь особенно властнаго и почитаемаго лица, и такой вождь, достигнувъ успѣха, неизбѣжно становится княземъ, правителемъ созданнаго имъ государства. Таково было начало и персидской наслѣдственной монархіи, основателемъ которой, по общепринятымъ, неоспоримымъ свидѣтельствамъ, былъ Хакхаманишъ (болѣе извѣстный подъ огреченнымъ именемъ: Ахеменъ), князь клана Пасаргадовъ, благороднѣйшаго изъ трехъ правящихъ «племенъ», должно-быть, современникъ Ашурбанипала, — родоначальникъ славной династіи Ахеменидовъ, послѣдній отпрыскъ которой потерялъ вѣнецъ и жизнь въ борьбѣ съ юнымъ греческимъ героемъ, Александромъ Македонскимъ (331 до Р. Х.). Главный городъ этого клана, тоже называемый Пасаргады, сдѣлался столицей

объединенной націи и всегда глубоко почитался персами, какъ колыбель ихъ государства, такъ что, когда это государство расширилось до размѣровъ величайшей, дотолѣ небывалой державы, и цари располагали четырьмя столицами съ ихъ дворцами, они, при вступленіи на престолъ, ѣздили въ свой скромный родовой городъ короноваться, — совершенно такъ, какъ французскіе короли короновались въ Реймсѣ, а шотландскіе короли въ городкѣ Сконъ. Мѣсто, на которомъ нѣкогда стояли Пасаргады, нынѣ называется Мургабъ; тамъ до сихъ поръ есть красивыя развалины, древнѣйшія въ Персіи.

Раздѣленіе Ахеменидовъ на двѣ линіи—аншанскую и персидскую.

15.—Персы были отъ природы народъ задорный, и хотя въ эту раннюю эпоху своего національнаго бытія они еще не отваживались на далекія экспедиціи, у нихъ подъ рукой оказался случай къ легкому пріобрѣтенію, слишкомъ соблазнительный, чтобы пренебречь имъ. Какъ разъ въ это время послѣдовало полное сокрушеніе эламскаго царства; народъ былъ уведенъ и разбросанъ; князья—убиты или увлечены въ неволю; города разграблены, срыты, обращены въ притоны для дикихъ звѣрей, даже деревья сожжены, колодцы засыпаны *). Могла ли страна, доведенная до такого уничиженія, отстоять даже сердцевину свою,—національную святыню, не говоря уже объ окраинахъ? Итакъ, сосѣди-персы нашли землю аншанскую широко раскрытой, и ее, должно-быть, тогда же занялъ Теиспъ (Чишпаишъ), сынъ Ахемена, и присвоилъ себѣ

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 444—446.

титулъ: «Великій царь, царь Аншана», или «города Аншана». По смерти его царскій родъ Ахеменидовъ раздѣлился на двѣ линіи: одинъ изъ сыновей его, Киръ I (Курушъ), вступилъ на аншанскій престолъ, другой же, Аріарамнъ (Аріярамана), сталъ править Персіей. За ними послѣдовали ихъ сыновья: въ Аншанѣ — Камбизъ I (Камбуджія), въ Персіи — Арсамъ (Аршама). Въ высшей степени вѣроятно, что Киръ и Аріарамнъ находились въ числѣ союзниковъ или вассаловъ, помогавшихъ Кіаксару одолѣть Ассирію. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Персія была подвластна Мидіи и платила ей дань, такъ какъ періодъ величія ея начинается лишь съ Кира II (Великаго), покорившаго эту державу Персіи.

Цилиндры Набонида и Кира.

16. — Ни въ одной изъ исторій, унаслѣдованныхъ отъ древнихъ, цѣльной или въ отрывкахъ, и слѣдовательно ни въ одной изъ новѣйшихъ исторій, составленныхъ изъ этихъ матерьяловъ, мы не находимъ фактовъ, кратко изложенныхъ на предыдущихъ немногихъ страницахъ. Еще очень недавно никто не подозрѣвалъ, что Киръ былъ не только царемъ персидскимъ, или что Ахемениды царствовали въ двухъ отдѣльныхъ линіяхъ, и самое имя «Аншанъ» не было извѣстно. Нѣсколькимъ памятникамъ, открытымъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, мы обязаны этими свѣдѣніями, которыя, являясь прямыми неоспоримыми современными показаніями, неожиданно опрокинули знакомое намъ съ дѣтства зданіе, состроенное изъ разсказовъ, — напо-

ловину баснословныхъ, какъ теперь оказывается,— принятыхъ греческими писателями на вѣру изъ мидійскихъ и персидскихъ источниковъ, т. е. больше былинъ, не безъ примѣси миѳическаго элемента. Изъ этихъ памятниковъ особенное вниманіе заслуживаютъ три вавилонскихъ цилиндра; одинъ принадлежитъ Набониду, послѣднему царю вавилонскому, другіе же два содержатъ описаніе взятія этой столицы Киромъ (который на обоихъ названъ и самъ себя называетъ «царемъ аншанскимъ», *не* персидскимъ). Не подлежитъ сомнѣнію, что Киръ, когда былъ взятъ Вавилонъ, былъ уже царемъ персидскимъ. Но Персія довольно далека отъ Вавилона и была, вѣроятно, мало извѣстна халдейцамъ, тогда какъ земля и городъ Аншанъ лежали близко отъ нихъ и были имъ хорошо знакомы, какъ, по всей вѣроятности, и водворившійся тамъ новый царскій домъ. И вотъ, какъ самъ Киръ излагаетъ свою родословную въ прокламаціи, изданной имъ при вступленіи на вавилонскій престолъ:

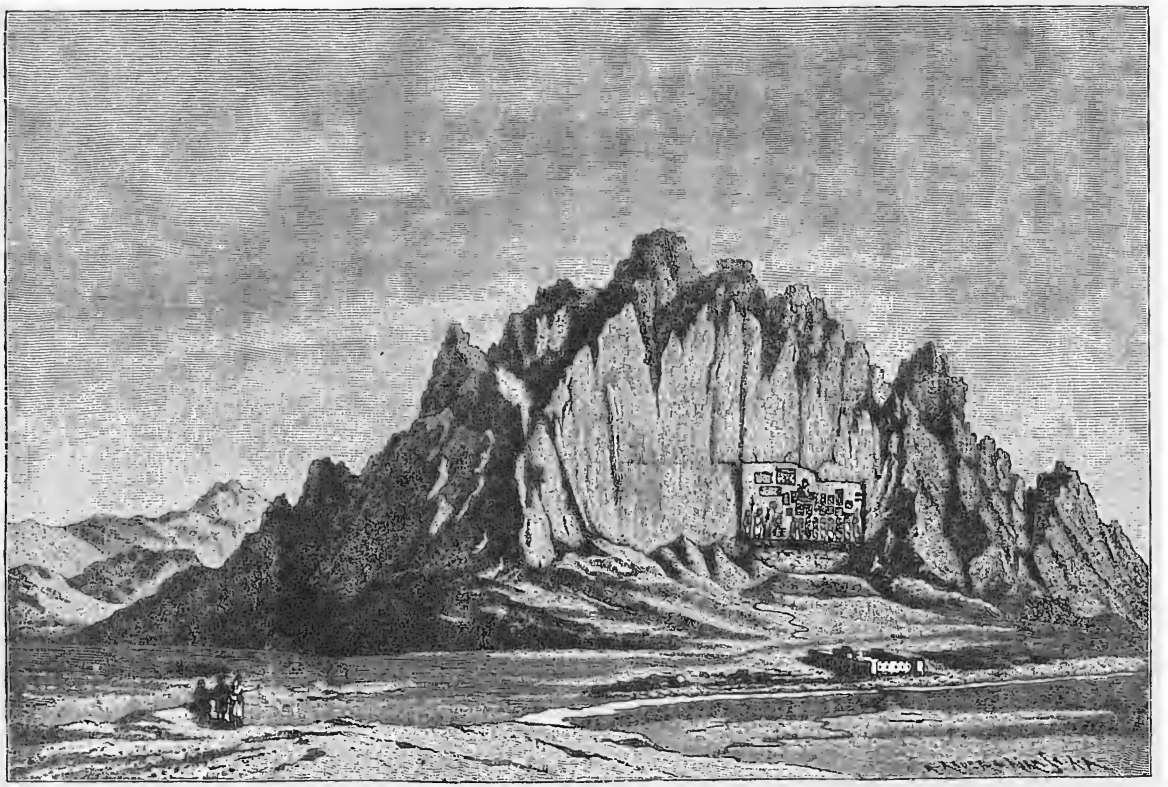
«Я—Киръ (Курушъ), царь великій, царь могущественный, царь Тин-тира *), царь Шумира и Аккада царь четырехъ странъ свѣта; сынъ Камбиза (Камбуджія), великаго царя, *царя города Аншана*, внукъ Кира, великаго царя, царя города Аншана, правнукъ Теиспа (Чишпаишъ), великаго царя, царя города Аншана».

Бегистунская скала и надпись на ней.

17.—Весьма отличается на видъ отъ этихъ миніатюрныхъ вавилонскихъ памятниковъ памятникъ персидскій, принадлежащій значительно

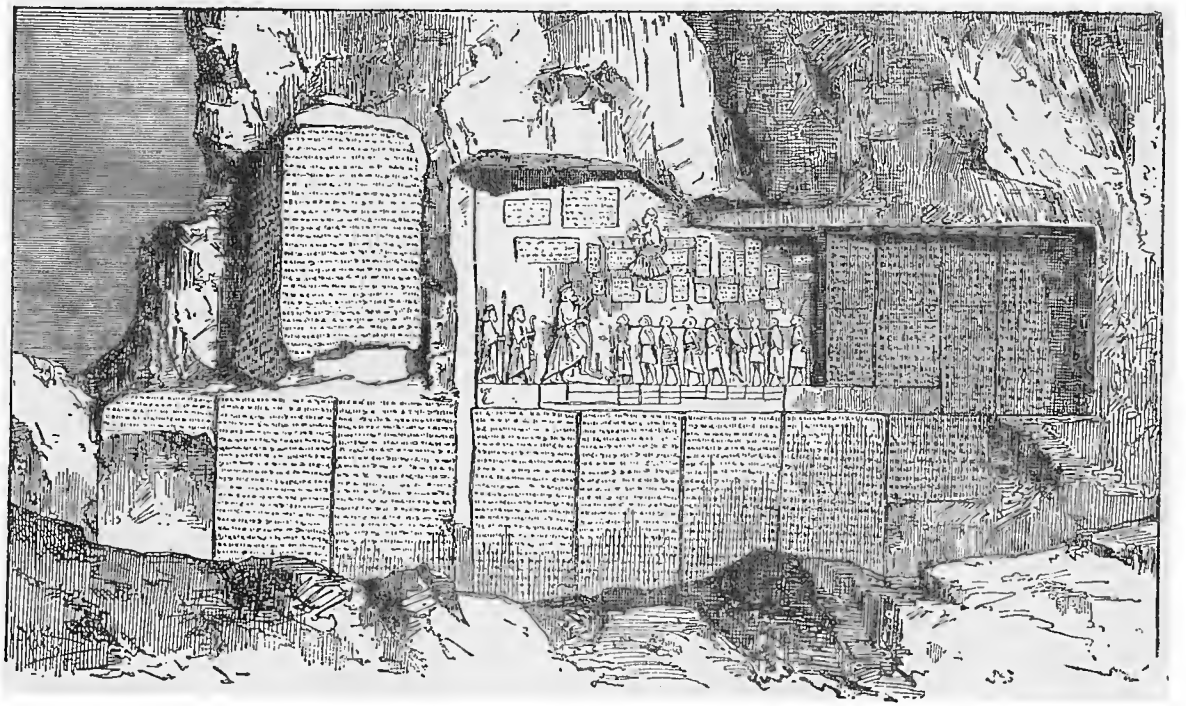
*) Древнѣйшее имя Вавилона. См. «Исторію Халдеи», 2-е изд. стр. 260.

позднѣйшему времени:—знаменитая скала Бегистунская или Бисутунская, или, вѣрнѣе, надпись съ изваяніями, высѣченная на этой скалѣ Даріемъ, вторымъ преемникомъ Кира и, послѣ него, величайшимъ изъ Ахеменидовъ. Скала, замѣченная съ очень древнихъ временъ, благодаря своему одинокому положенію и любопытной формѣ, возвышается почти отвѣсно до 7.000 футовъ, на пути отъ Гамадана (древней Экбатаны) къ Багдаду, не далеко отъ нынѣшняго города Кирманшаха. На лицевой сторонѣ скалы, отъ природы почти гладкой, Дарій рѣшился увѣковѣчить, съ помощью письма и ваянія, великія дѣянія своего царствованія. Памятникъ долженъ былъ быть совершенно неразрушимымъ, а главное — недосягаемымъ для святотатственной руки иноземнаго или домашняго врага. Дѣйствительно, на такой высотѣ, — слишкомъ 300 футовъ отъ земли, надписи и изваянія не то что испортить,— разсмотрѣть и срисовать оказалось дѣломъ чрезвычайно труднымъ, почти невозможнымъ. Французскіе ученые, гг. Фланденъ и Костъ (Flandin et Coste), послѣ многихъ попытокъ, отказались отъ задачи, которую, однако, удалось исполнить, къ великой своей славѣ, англичанину, сэру Генри Раулинсону (брату историка); но это стоило ему три года упорнаго труда (1844—47), безконечныхъ опасностей и лишеній и 10.000 рублей деньгами. Какими ухищреніями въ старину удалось доставить на мѣсто художниковъ и рѣзчиковъ,— это такой вопросъ, который, при крутизнѣ скалы, намъ кажется неразрѣшимымъ; развѣ что были



Бегистунская скала.

какія-нибудь тропинки, можетъ-быть, нарочно высѣченныя и сглаженныя по окончаніи работъ; но все же и тогда безъ лѣстницъ и лѣсовъ дѣло не могло обойтись. Притомъ, скалу необходимо было подвергнуть кропотливой подготовкѣ: не только сравнять всю поверхность возможно глаже, но малѣйшія трещинки и ямочки замазать чѣмъ-то въ родѣ цемента, цвѣта до того подходящаго къ скалѣ, что и теперь отличить его отъ камня почти невозможно. Въ результатѣ получилась замѣчательная изваянная историческая группа, окруженная надписями на многихъ столбцахъ, — всего слишкомъ 1.000 строкъ клинописи. Содержаніе повторено три раза, на трехъ языкахъ, для поученія трехъ разноплеменныхъ народовъ, собранныхъ новой державой подъ свое владычество: на персидскомъ, ассирійскомъ и аншанскомъ; на послѣднемъ говорилъ, вѣроятно, весь Эламъ (или Сузіана), — а можетъ-быть, и не-арійское населеніе всего Загроса. Послѣ долгаго изученія оказалось, что этотъ языкъ не принадлежитъ ни къ арійскому, ни къ семитическому типу, а къ туранскому, агглютинирующему. Ученые сначала было назвали его «протомидійскимъ», т. е. «древнѣйшимъ мидійскимъ», но потомъ рѣшили, что вѣрнѣе назвать его «скиѳскимъ», т. е. туранскимъ, или «амардскимъ», въ честь народа, обитавшаго, по всей вѣроятности, въ Аншанѣ. Этотъ исполинскій памятникъ человѣческой гордыни, труда и терпѣнія греками приписывался, какъ и все выходящее изъ ряда вонъ въ этой части Азіи, миѳической царицѣ Семирамидѣ.



Изваяніе и надписи на Бегистунской скалѣ.

Возстановленіе начала династіи Ахеменидовъ по этимъ документамъ.

18.—Персидскіе цари, присвоивъ себѣ наслѣдство долгихъ рядовъ ассирійскихъ и вавилонскихъ государей, усвоили также и ихъ литературный слогъ, который съ тѣхъ поръ такъ и остался обязательной и неизмѣнной формой ораторства и офиціальнаго писанія на Востокѣ. Этотъ же слогъ мы узнаемъ и въ трехъязычной бегистунской надписи, только какъ будто въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Подобно Киру и каждому родовитому правителю, Дарій начинаетъ изложеніемъ своей родословной:

«Я—Дарій («по-персидски Дараявушъ»), великій царь, царь царей, царь персидскій, царь народовъ, сынъ Гистаспа, внукъ Арсама, Ахеменидъ.

«Говоритъ Дарій царь: Мой отецъ былъ Гистаспъ (Виштаспа); Гистаспа отецъ былъ Арсамъ (Аршама); Арсама отецъ былъ Аріарамнъ (Аріярамана); Аріарамна отецъ былъ Теиспъ (Чишпаишъ); Теиспа отецъ былъ Ахеменъ (Хакхаманишъ).

«Говоритъ Дарій царь: Поэтому мы зовемся Ахеменидами. Съ древнихъ временъ мы ведемъ родъ свой; съ древнихъ временъ мужи нашего рода были царями.

«Говоритъ Дарій царь: Восьмеро изъ моего рода до меня были царями; я — девятый. *Въ двухъ линіяхъ были мы царями*».

Бегистунскую надпись знали и дешифрировали задолго до открытія цилиндровъ Набонида и Кира. Поэтому послѣднія слова (напечатанныя курсивомъ), показались до такой степени загадочными, что ученые, разобравшіе надпись, отнеслись къ нимъ съ большимъ недоумѣніемъ и отмѣтили свой переводъ значкомъ, давая этимъ понять, что они считаютъ его временнымъ, неокончательнымъ. Но если сравнить все это мѣсто

съ приведеннымъ выше отрывкомъ изъ прокламаціи Кира, сразу видно будетъ, какъ точно одинъ документъ дополняетъ другой: каждый изъ двухъ царей проводитъ свою отдѣльную линію, и обѣ линіи соединяются въ общемъ предкѣ, Теиспѣ, завоевавшемъ или просто занявшемъ Аншанъ. Онъ очевидно раздѣлилъ свое царство между своими двумя сыновьями, Киромъ I и Аріарамномъ, и Ахемениды продолжали царствовать уже «въ двухъ линіяхъ», одна въ Аншанѣ, другая въ самой Персіи. Исчисляя царствовавшихъ до него мужей своего рода, Дарій очевидно включаетъ въ это число родичей аншанской линіи. Получается слѣдующая родословная таблица:

1. Ахеменъ, основатель персидской державы.
2. Теиспъ, присоединившій Аншанъ.

Аншанск. линія:
3. Киръ I.
5. Камбизъ I.
7. Киръ II (Великій).
8. Камбизъ II

Персидская линія:
4. Аріарамнъ.
6. Арсамъ.

соединяетъ обѣ линіи въ ущербъ Гистаспа.

съ нимъ кончается аншанская (старшая) линія. Ему наслѣдуетъ 9. Дарій I.

Если бы Гистаспъ царствовалъ, Дарій былъ бы *десятымъ*. Но онъ вѣрно не безъ умысла напираетъ на тотъ фактъ, что до него царствовали *восемь* Ахеменидовъ, и онъ *девятый*. Съ другой стороны, Гистаспъ не титулуется царемъ ни въ одной изъ многочисленныхъ надписей, повторяющихъ родословную Дарія и его потом-

ковъ на стѣнахъ дворцовъ ихъ въ царскомъ городѣ Персеполѣ. Все это ведетъ къ тому заключенію, что Киръ, прежде чѣмъ онъ низвергъ мидійскую державу и выступилъ на свое блестящее завоевательское поприще, неизвѣстно какими путями сдѣлался царемъ и Аншана, и родовой вотчины,— Персіи, устранивъ Гистаспа, повидимому, съ его согласія, такъ какъ онъ неизмѣнно впослѣдствіи является его другомъ и совѣтникомъ своего великаго родича, пользующимся и полнымъ его довѣріемъ, и почетомъ при дворѣ, наконецъ, намѣстникомъ весьма важной области,—Гирканіи. Когда старшая линія угасла въ лицѣ сына Кира, Камбиза, ближайшее право на престолъ имѣлъ, конечно, Гистаспъ, представитель младшей линіи; но это былъ, видно, человѣкъ, не знавшій честолюбія, такъ какъ онъ опять устраняется, на этотъ разъ въ пользу своего родного сына, Дарія, въ долгое и славное царствованіе котораго онъ, отецъ, довольствуется званіемъ главнокомандующаго нѣкоторыми его арміями и правителя той же Гирканіи.

Пришлось забѣжать значительно впередъ, чтобы разобраться, согласно новѣйшимъ авторитетнымъ даннымъ, въ событіяхъ, разыгравшихся не такъ, какъ насъ учили, слѣдуя источникамъ общепризнаннымъ до весьма недавняго времени. Возвратимся же къ слѣдующему по порядку первому изъ этихъ событій,—паденію мидійской державы.

XI.

„Курушъ, царь, Ахеменидъ“.

Паденіе мидійскаго царства.

1.—Изъ трехъ упомянутыхъ выше цилиндровъ, привезенныхъ Рассамомъ, самый важный, какъ историческій документъ, тотъ, который содержитъ краткій отчетъ о царствованіи Набонида, послѣдняго царя вавилонскаго, и о взятіи Вавилона Киромъ. На второмъ столбцѣ читаемъ слѣдующее:

«...Противъ Кураша (Кира), царя аншанскаго, выступилъ Иш... Войско Иштувэгу (Астіага) возстало противъ него, схватило его и выдало Курашу. Курашъ вступилъ въ землю Агамтуну (Экбатана), царскаго города. Онъ взялъ серебро, золото, всякую утварь и драгоцѣнности; изъ Агамтуну онъ вывезъ все и привезъ въ Аншанъ сокровища и добро, взятое имъ».

Далѣе Киръ разъ названъ «царемъ персидскимъ». Этотъ цилиндръ былъ писанъ въ бытность Кира царемъ вавилонскимъ. Другой цилиндръ, извѣстный подъ названіемъ «Набонидова цилиндра *), составленный нѣсколько ранѣе, короче касается того же событія:

*) Это—знаменитый цилиндръ, помощью котораго установили года Саргона Древняго, царя Агадэ. См. «Исторію Халдеи», 2-е изд. стр. 253—254.

«...Онъ (богъ Мардукъ) внушилъ Курашу, царю аншанскому, юному служителю своему, идти со своей малой ратью. Онъ низвергъ широко раскинувшихся *Сабманда* («варваровъ»; такъ здѣсь названы мидяне); онъ взялъ въ плѣнъ Иштувэгу, царя народа Сабманда, и увезъ казну его въ свою землю».

Всѣмъ этимъ вполнѣ подтверждается одна часть Геродотова разсказа. Вотъ суть его: Киръ провелъ отрочество свое и часть юности при дворѣ Астіага и тамъ составилъ себѣ партію между мидянами. Во главѣ этой партіи стоялъ нѣкто Гарпагъ, знатный вельможа, родственникъ царю. Съ нимъ Киръ впослѣдствіи переписывался и дождался его совѣта, прежде чѣмъ поднялъ персовъ на возстаніе. Сдѣлалъ же онъ это воззваніемъ къ ихъ національной чести:—«Слѣдуйте моему наученію и будьте свободны. Что̀ меня касается, то я чувствую, что призванъ Провидѣніемъ предпринять ваше освобожденіе; вы же, я въ томъ увѣренъ, ничуть не ниже мидянъ ни въ чемъ, и ужъ подавно не въ храбрости». Весьма можетъ статься, что онъ поджигалъ рвеніе своихъ сравнительно бѣдныхъ соотечественниковъ отчасти пріятной перспективой,—легкаго обогащенія и наслажденія всѣми прелестями неиспробованной дотолѣ роскоши. «Персы,—поясняетъ Геродотъ,—давно съ нетерпѣніемъ сносили владычество мидянъ, и теперь, найдя себѣ вождя, съ радостью стряхнули съ себя иго». Астіагъ не мѣшкая выслалъ войско противъ инсургентовъ, но такъ какъ имъ командовалъ Гарпагъ, то легко угадать исходъ: «Когда обѣ арміи сошлись и завязался бой, то лишь немногіе мидяне, ни о чемъ

не знавшіе, стали честно сражаться; другіе открыто передались на сторону персовъ, большинство напустило на себя притворную панику и бѣжало». Киръ пошелъ прямо на Экбатану; старый царь вышелъ къ нему навстрѣчу съ нà-скоро набраннымъ отрядомъ гражданъ, старыхъ и молодыхъ, но былъ разбитъ въ конецъ и взятъ въ плѣнъ: «Такъ-то, процарствовавъ тридцать пять лѣтъ, Астіагъ лишился престола, а мидяне подпали подъ владычество персовъ». Его не любили и обвинили въ томъ, что онъ самъ былъ причиной постигшаго страну бѣдствія своей жестокостью и деспотическими пріемами. Однако, Киръ, отъ природы великодушный и сострадательный, не только пощадилъ своего плѣнника, но до конца жизни держалъ его при себѣ въ почетѣ и полномъ обезпеченіи. Этотъ переворотъ совершился въ 549-мъ г. до Р. Х. Мидійская держава продержалась ровно 57 лѣтъ, считая отъ паденія Ниневіи.

Баснословное преданіе о рожденіи и дѣтствѣ Кира у Геродота.

2.—Значитъ, Геродотовъ разсказъ подтверждается памятниками, но только до извѣстной степени и въ цѣломъ. Подробности совершенно также исторически невѣрны, какъ греческія легенды о Семирамидѣ, и очевидно взяты изъ тѣхъ же источниковъ, а именно: мидійскихъ и персидскихъ былинъ съ сильной примѣсью миѳа. Но разсказъ этотъ слишкомъ всемірно извѣстенъ, чтобы можно было обойти его молчаніемъ; приходится хотя вкратцѣ передать его, рискуя испортить сокращеннымъ пересказомъ одну изъ прелестнѣйшихъ страницъ неподражаемаго разсказ-

чика. Былина въ одномъ только сходится съ исторіей,—что у Астіага не было сына, затѣмъ немедленно сворачиваетъ въ вымыселъ, или пожалуй—фольк-лоръ.

Первымъ дѣломъ, царю видится сонъ и онъ призываетъ маговъ истолковать его. Маги объявляютъ, что сынъ его дочери Манданы будетъ владыкой всей Азіи. Тогда царь спѣшитъ выдать дочь за перса, по имени Камбизъ, незнатнаго человѣка «изъ хорошаго рода, но спокойнаго нрава и стоящаго, на его взглядъ, гораздо ниже мидянина, даже средняго званія». Мандана, стало-быть, удалена. Но, вслѣдствіе новаго сновидѣнія, отецъ посылаетъ за нею, чтобы залучить ее и дитя ея въ свою власть, и какъ только родится это дитя, маленькій Киръ, онъ тотчасъ же приказываетъ своему родичу и довѣренному слугѣ Гарпагу унести младенца и умертвить. У Гарпага не хватило духа собственноручно исполнить жестокосердый приказъ; онъ передалъ дитя одному изъ царскихъ пастуховъ, котораго районъ находился въ горахъ, гдѣ водились всякіе дикіе звѣри, и велѣлъ положить его на землю, «въ самой дикой мѣстности, гдѣ его навѣрно настигнетъ скорая смерть». У пастуха только-что умеръ ребенокъ, и жена упросила его подмѣнить дѣтей, такъ что три дня спустя показали посланнымъ Гарпага мертваго младенца, въ дорогомъ одѣяніи маленькаго князя, самого же князька вскормила и выростила жена пастуха,—Спака (по-персидски «собака»), подъ вымышленнымъ именемъ, какъ свое родное дитя.

Десяти лѣтъ отъ роду, Киръ уже отличался среди товарищей заносчивымъ, властолюбивымъ нравомъ. Въ играхъ онъ всегда былъ царемъ, требовалъ полнаго себѣ повиновенія и больно наказывалъ за малѣйшее ослушаніе. Дѣти жаловались родителямъ, между которыми были люди родовитые, возмущавшіеся дерзостью мнимаго маленькаго плебея, и дѣло дошло до царя. Царь велѣлъ позвать къ себѣ всѣхъ дѣтей. Что-то такое въ осанкѣ мальчика, въ его свободной, надменной манерѣ держать себя и отвѣчать на обвиненія и, вѣроятно, нѣкоторое фамильное сходство поразило старика и возбудило въ немъ подозрѣніе; отъ испуганнаго пастуха не трудно было добиться полнаго признанія. Астіагу внукъ полюбился, и онъ искренно порадовался его спасенію. Подержавъ его нѣсколько времени при себѣ, онъ отправилъ его въ Персію къ родителямъ, предварительно посовѣтовавшись съ магами, которые успокоили его, объяснивъ, что, разъ мальчикъ въ играхъ былъ царемъ, то сновидѣніе буквально исполнилось, и всякая опасность миновалась. Все это, однако, не спасло Гарпага отъ наказанія. Жестокій и мстительный Астіагъ скрылъ гнѣвъ свой подъ видомъ самаго дружескаго расположенія и велѣлъ родственнику прислать во дворецъ своего подростка сына,—въ товарищи новонайденному внуку, да и самому придти ужинать въ тотъ же вечеръ. Гарпагъ за ужиномъ поѣлъ съ особеннымъ аппетитомъ, и, когда онъ похвалилъ блюдо, ему показали, въ корзинѣ, голову, руки и ноги его собственнаго ре-

бенка. У него даже лицо не дрогнуло, но онъ въ то же мгновеніе поклялся въ душѣ отмстить царю, и тотчасъ началъ свою подпольную работу, возстановляя противъ него знатнѣйшихъ вельможъ и подготовляя исподволь общее возстаніе въ пользу Кира, съ которымъ онъ сталъ списываться, лишь только мальчикъ подросъ. Съ этого пункта разсказъ, приведенный выше, въ сущности вѣренъ, хотя не свободенъ отъ фантастическихъ прикрасъ.

Объясненіе преданія.

3.—Итакъ, Геродотъ ничего не знаетъ о царскомъ происхожденіи Кира съ отцовской стороны. Это сразу заставляетъ предполагать, что онъ свѣдѣнія свои получалъ отъ мидянъ. Тщеславію побѣжденнаго народа, даже послѣ того, какъ онъ давнымъ-давно примирился съ новымъ государемъ и жилъ счастливо подъ его правленіемъ, лестно было установить связь между нимъ и своимъ царскимъ домомъ, а слѣдовательно и наслѣдственное право на мидійскій престолъ, и пріятно въ то же время съ пренебреженіемъ относиться къ его отцу, стоявшему, будто бы, «гораздо ниже мидянина, даже средняго званія». Между тѣмъ, тутъ выходитъ такое сплетеніе несообразностей, нелѣпость которыхъ прямо бросается въ глаза. Взять одно то, что если Киръ былъ роднымъ внукомъ Астіага, его прямымъ наслѣдникомъ, то почему бы старому царю придти въ изступленіе, доходящее до дѣтоубійства, отъ одной мысли, что онъ наслѣдуетъ престолъ его? Ему бы радоваться, не имѣя сыновей, что дочь подарила ему внука, который продолжитъ дина-

стію, да еще распространитъ ея славу и владычество «на всю Азію». Не прямое ли сумасшествіе—пресѣчь собственный родъ, въ противность самому первобытному инстинкту всѣхъ людей, даже животныхъ, не говоря уже о государяхъ, всегда страстно желающихъ быть основателями или продолжателями династіи, такъ что монарху гораздо естественнѣе восполнить пробѣлъ усыновленіемъ, хотя бы даже обманомъ, чѣмъ истреблять собственныхъ, богоданныхъ наслѣдниковъ? Что же касается сказанія о чудесномъ спасеніи Кира и его воспитаніи въ убогомъ званіи, то это—старая-престарая исторія, которая разсказывалась о многихъ національныхъ герояхъ,—и не одного арійскаго міра: вспомнимъ только семитскія сказанія о Саргонѣ Древнемъ *) и о Моисеѣ.

Каждый народъ, разумѣется, помѣчаетъ разсказъ клеймомъ какой-нибудь племенной особенности. Въ иранскомъ разсказѣ такой чертой является имя женщины: Спака. Въ настоящемъ, не искаженномъ тенденціей сказаніи, Кира вскармливаетъ вовсе не женщина, а именно *собака*, священная любимица самого Ахура-Мазды въ знакъ чудеснаго вмѣшательства, божественнаго покровительства. Геродотъ въ одномъ мѣстѣ даже какъ будто намекаетъ на это. Но греки не понимали своихъ собственныхъ миѳовъ, а ужъ чужихъ подавно; ихъ изящный и въ то же время практическій умъ шокировался такой нелѣпостью,

*) См. «Ист. Халдеи», 2-изд. стр. 238.

и они объяснили ее по-своему. Вотъ это мѣсто у Геродота: «Итакъ, случилось, что родители его, услыхавъ это имя и желая увѣрить персовъ, что онъ былъ спасенъ особымъ вмѣшательствомъ Провидѣнія, распустили слухъ, будто Кира, брошеннаго въ горахъ, вскормила собака. Только этимъ и объясняется слухъ». На самомъ дѣлѣ было какъ разъ наоборотъ.

Вѣроятный ходъ дѣла

4.—О юности Кира были и другія сказанія. Ихъ записали разные греческіе писатели, безъ малѣйшей критики, но ни одно не заслуживаетъ вѣры болѣе выбраннаго Геродотомъ, который, между прочимъ, и объ этомъ упоминаетъ: «Исторія Кира разсказывается, насколько мнѣ извѣстно, еще на три лада, все различные отъ моего повѣствованія» (Гер., кн. I, 95). По всѣмъ этимъ разсказамъ, Киръ проживаетъ отрочество и первую молодость при мидійскомъ дворѣ, а одинъ называетъ его мардіаниномъ (или амардіаниномъ), безсознательно приближаясь къ истинѣ и какъ бы намекая на его связь съ Аншаномъ, существованія котораго эти писатели однако не подозрѣвали, какъ и мнимаго родства Кира съ Астіагомъ. Одна изъ этихъ версій даетъ весьма правдоподобный разсказъ о его поступкахъ послѣ побѣды. Астіагъ, будто бы, имѣлъ дочь, Амиту (*не* Мандану), и она была замужемъ за знатнымъ мидяниномъ, по имени Спитама, который такимъ образомъ очутился наслѣдникомъ престола. Этого опаснаго соперника Киръ, будто бы, умертвилъ, когда завладѣлъ мидійской столицей и царской семьей, но пощадилъ его

двухъ сыновей; съ царевной же обошелся крайне почтительно, даже взялъ ее къ себѣ въ жены, этимъ перенося ея право на себя. Самого стараго царя онъ почиталъ, какъ отца, и сдѣлалъ его сатрапомъ (намѣстникомъ) Гирканіи. Есть преданіе, будто царь армянскій, Тигранъ I (которымъ начинается длинный и славный рядъ армянскихъ государей), помогъ Киру, несмотря на то, что родная сестра его была второй женой Астіага. Армянскіе историки разсказываютъ, что вѣроломный старый мидянинъ пригласилъ шурина посѣтить его, съ тѣмъ, чтобъ убить его, но что сестра успѣла во-время предупредить брата. Далѣе повѣствуютъ, что Тигранъ, до конца оставшійся преданнымъ другомъ и совѣтникомъ Кира, при этомъ случаѣ самъ принялъ Зороастрову вѣру и ввелъ ее въ своихъ владѣніяхъ. Это, впрочемъ, одинъ слухъ, къ которому должно отнестись съ осторожностью, такъ какъ онъ не подтверждается положительными доказательствами. Весьма возможно, однако, что именно благодаря союзу съ Арменіей, Киръ успѣлъ въ слѣдующіе два года простереть свое владычество до рѣки Галиса, т. е. до крайняго западнаго предѣла мидійскаго царства. Въ самомъ дѣлѣ, не видно, чтобы онъ съ этой стороны встрѣтилъ особенно сильное сопротивленіе, такъ какъ мы у Геродота находимъ всего одну коротенькую замѣтку по этому поводу: «Каппадокійцы подчинились Киру, бывши дотолѣ подвластны Мидіи». Есть преданіе, будто царь каппадокійскій былъ женатъ на сестрѣ Камбиза, родной теткѣ Кира; но это,

можетъ-быть, выдумано, съ цѣлью объяснить и оправдать то, что̀ иначе могло бы показаться малодушіемъ.

Расширеніе персидской державы на востокѣ.

5. — Неизвѣстно, сколько времени и труда Киръ потратилъ на земли Восточнаго Ирана, составлявшія столь важную долю мидійскаго наслѣдства, на которое онъ систематично и неукоснительно предъявлялъ свои права. Весьма вѣроятно, что занятія по этому направленію хватило ему на всю остальную жизнь, такъ какъ, подчинивъ себѣ эти земли, нужно было еще держать ихъ въ повиновеніи, и можно полагать, что онъ не одинъ разъ лично ходилъ походомъ на востокъ и сѣверо-востокъ, въ видѣ антракта между его походами на западъ, куда его больше тянуло. Было бы трудно, да и не особенно интересно, услѣдить за судьбами всѣхъ этихъ темныхъ народовъ,—Бактріанъ, Согдіанъ, Хорасміанъ, Гирканіанъ, Саковъ (т. е. Скиѳовъ, арійскихъ и туранскихъ), и пр.,—которые въ міровой исторіи остаются почти одними безличными именами. Въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, какъ и къ другимъ, Киръ выказалъ себя человѣкомъ, опередившимъ свой вѣкъ и непохожимъ ни на кого изъ дотолѣ нарождавшихся завоевателей. Достаточно сказать, что, покоривъ какой-нибудь народъ, онъ ему самому предоставлялъ установить цифру дани, какую онъ признавалъ возможнымъ платить, не разоряя себя.

Мудрое правленіе Кира. Сліяніе мидянъ и персовъ.

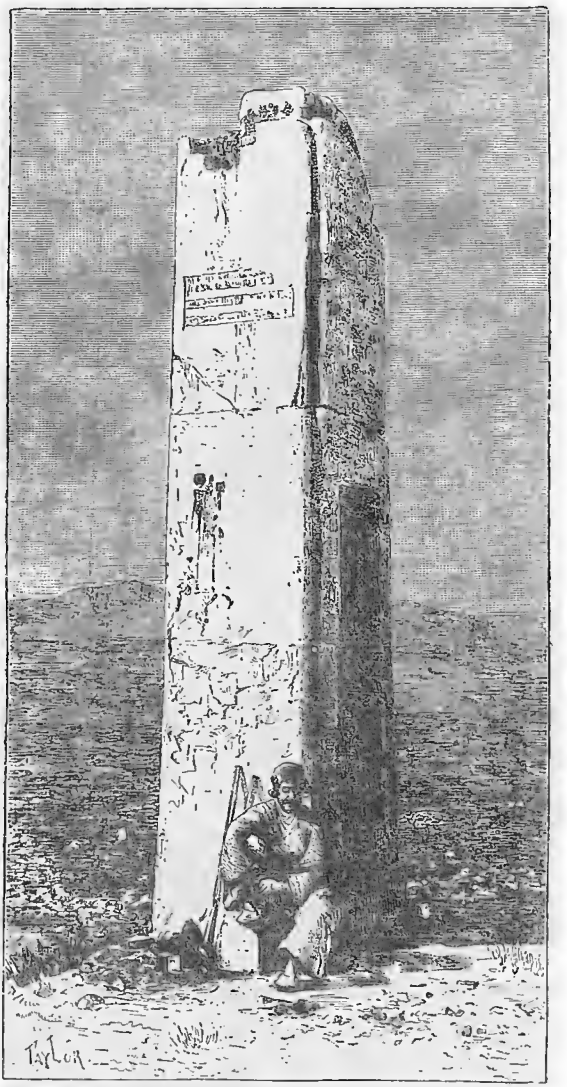
6.—Его справедливость и гуманность скоро примирили мидянъ съ перемѣною подданства; притомъ онъ прилагалъ особенное стараніе, что-

бы расположить ихъ къ себѣ. Онъ, правда, никогда не забывалъ, что любовью своей и заботой онъ прежде всего обязанъ своему народу, и сразу показалъ, что персы у него всегда будутъ первыми: онъ освободилъ ихъ отъ податей и налоговъ, изъ ихъ среды избиралъ своихъ воеводъ и сатраповъ (намѣстниковъ), и отборныя войска его всегда набирались изъ персовъ. Его главная жена,—настоящая супруга, царица—была изъ рода Ахеменидовъ. Греческіе писатели зовутъ ее Кассанданой и говорятъ о ней, какъ о женщинѣ замѣчательнаго ума, имѣвшей на супруга большое вліяніе. Киръ былъ глубоко къ ней привязанъ и, когда она скончалась, велѣлъ быть «великому плачу по ней во всемъ царствѣ». Но второе мѣсто вездѣ и во всемъ предоставлялось мидянамъ. Послѣ перваго упоенія войной и побѣдой, онъ никогда не обходился съ ними какъ съ покореннымъ народомъ, а какъ съ народомъ - братомъ. Въ войнѣ и мирѣ, въ рати и совѣтѣ, въ служеніи царской особѣ, они всегда являются немедленно вслѣдъ за персами; не прошло и десяти лѣтъ послѣ паденія мидійской державы, какъ мидяне уже назначались на важные военные посты. Единство племени и, въ значительной мѣрѣ, языка и вѣры, конечно, много этому способствовали, но едва ли бы такъ было при государѣ менѣе мудромъ и умѣренномъ во всѣхъ своихъ взглядахъ и поступкахъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ взялъ въ жены дочь Астіага, то это могло только порадовать мидянъ, хотя она никогда не могла первенствовать надъ пер-

сіанкой, такъ что обѣ царицы въ своемъ лицѣ воплощали относительное положеніе своихъ народовъ при дворѣ и въ государствѣ. Все же сліяніе совершилось такое полное, что на чужой глазъ не замѣтно было никакой черты раздѣленія, и иностранцы всегда говорили о «мидянахъ и персахъ», какъ объ одномъ народѣ, и нерѣдко смѣшивали имена.

Развалины Пасаргадъ.

7.—На вопросъ: гдѣ была столица персидскаго царства?—нелегко отвѣтить. На самомъ дѣлѣ столицъ было нѣсколько, смотря по тому, въ которой изъ земель, составлявшихъ царство, цари въ данное время пребывали. Киръ, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ своему народу и племени, считалъ своей столицей свой родовой городъ, Пасаргады. Онъ тамъ построилъ дворецъ и сокровищницу, и тѣло его покоилось тамъ по смерти, вслѣдствіе чего мѣсто это считалось священнымъ и каждый царь изъ рода Ахеменидовъ тамъ же вѣнчался на царство. Но тутъ не было условій, необходимыхъ для многолюднаго, процвѣтающаго государственнаго центра; жить тамъ постоянно оказалось неудобнымъ для царей. Нынѣ тамъ нѣтъ ничего кромѣ немногихъ развалинъ, не особенно замѣчательныхъ, въ долинѣ Мургабъ, черезъ которую протекаетъ Пульваръ, нѣкогда называвшійся Киромъ, именемъ самого великаго царя: ничтожная, скудоводная рѣчонка, которая лѣниво плетется по песчаной пустынѣ и, принявъ одинъ единственный, еще болѣе жалкій притокъ, теряется въ соляномъ озеркѣ. Нѣсколько обломанныхъ колоннъ и гораздо большее число цоколей

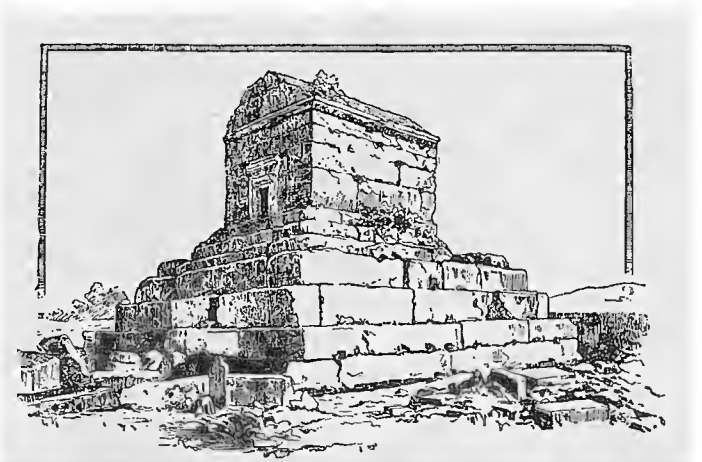


Косякъ отъ воротъ Кирова дворца въ Пасаргадахъ, съ надписью: „Я—Курушъ, царь, Ахеменидъ“.

Изваяніе, изображающее, вѣроятно, просвѣтленный духъ (Фраваши) Кира, съ надписью на трехъ языкахъ: „Я—Курушъ, царь, Ахеменидъ"—въ Пасаргадахъ.

безъ колоннъ, да нѣсколько массивныхъ косяковъ отъ воротъ и одна терраса, очень красивая и

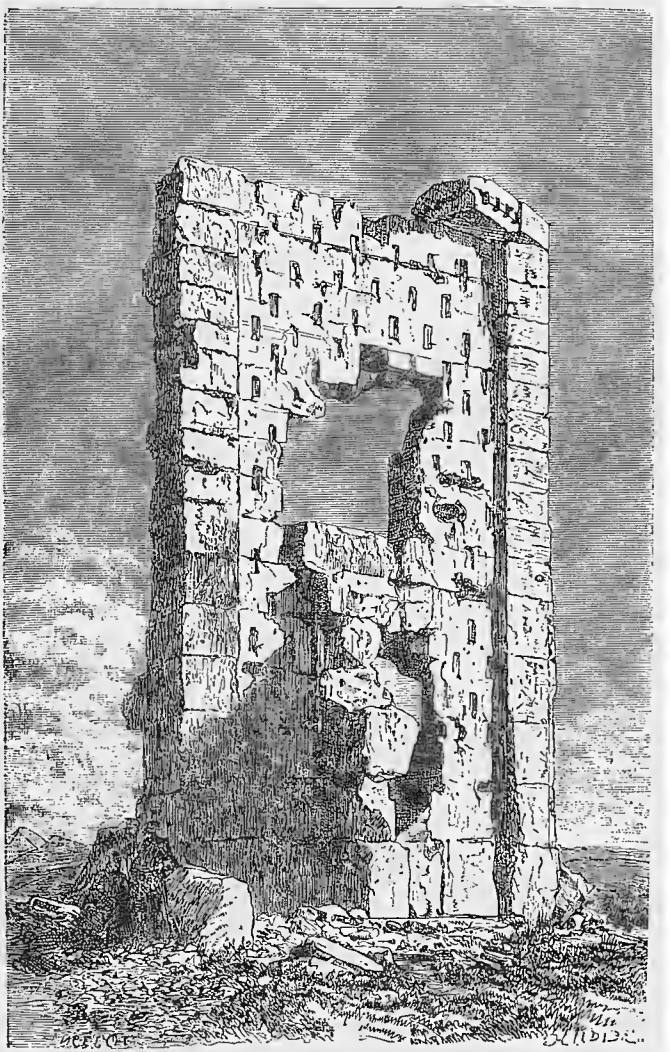
плотно облицованная камнемъ,—вотъ все, что осталось отъ царскихъ построеній. Истинно интересными можно назвать только два предмета, сильно затрагивающіе воображеніе: одинъ — необыкновенно массивный каменный столбъ, и на немъ барельефъ, изображающій человѣческую фигуру съ четырьмя распростертыми крыльями и



Мавзолей Кира въ Пасаргадахъ.
(Вся вышина—36 фут.; внутренняя вышина склепа—7 фут., толщина стѣнъ—5 фут.; все пространство—7×10½ фут.

какимъ-то удивительнымъ головнымъ уборомъ. Что эта странная фигура должна изображать самого Кира, о томъ свидѣтельствуетъ надпись надъ головой. Сомнительно только, живой ли Киръ тутъ изображенъ; вѣрнѣе, что его просвѣтленный духъ,—*Фравагши*,—по смерти. Другой—гробница того же царя, или, вѣрнѣе,—склепъ, прекрасно сохранившійся, но пустой,—на террасѣ изъ семи

платформъ или высокихъ уступовъ, на манеръ зиккурата, изъ большихъ глыбъ бѣлаго мрамора; кругомъ—остатки колоннады. Когда Александръ Македонскій посѣтилъ этотъ памятникъ, онъ былъ еще невредимъ. Историки въ своихъ описаніяхъ называютъ его «домомъ на пьедесталѣ», съ такимъ тѣснымъ входомъ (дверь, къ тому же, не выше четырехъ футовъ), что человѣку насилу можно проползти. Подлѣ позолоченнаго саркофага стоялъ одръ съ золотыми ножками и наброшеннымъ пурпурнымъ пологомъ, а стѣны были увѣшаны вавилонскими тканями. Тутъ же лежали одежды изъ дорогихъ матерій и художественной работы. Былъ, кромѣ того, столъ, а на немъ лежали разныя драгоцѣнности, принадлежавшія царю: персидское оружіе, золотыя вещи, собственный лукъ царя, его щитъ и мечъ. Надпись краткая и простая: «О, человѣкъ! Я—Курушъ, сынъ Камбуджія, основавшій величіе Персіи и правившій Азіей. Не жалѣй памятника для меня». Внутри ограды находился маленькій домъ, и въ немъ жили маги, получавшіе большое поденное содержаніе провизіей; на обязанности ихъ лежала чистка памятника съ оградой и содержаніе ихъ въ порядкѣ. Эту должность установилъ Камбизъ, сынъ Кира, и сдѣлалъ ее наслѣдственною. Когда Александръ вернулся изъ своей неудачной экспедиціи въ Индію, онъ нашелъ святыню уже поруганной и ограбленной; саркофагъ исчезъ, Александръ успѣлъ только отдать приказаніе, чтобы памятникъ привели, по крайней мѣрѣ снаружи, въ сколько-нибудь приличный видъ.



Надгробный памятникъ Камбиза I (?) въ Пасаргадахъ.
(Можетъ-быть—просто Атеш-гахъ).

Персидское искусство—подражаніе ассирійскому.

8.—Развалины въ Пасаргадахъ—самые древніе изъ имѣющихся памятниковъ персидскаго искусства, и самаго бѣглаго взгляда довольно, чтобы убѣдиться, что, съ самаго начала, и по самой сути своей, это искусство основано на подражаніи, за единственнымъ исключеніемъ: великимъ обиліемъ колоннъ; а это, какъ извѣстно, чисто арійскій мотивъ. Персы, къ счастію, употребляли камень; поэтому памятники ихъ сохранились, тогда какъ отъ деревянныхъ мидійскихъ построекъ ничего не осталось. Памятники эти показываютъ явные слѣды вліянія каждой земли, которою они проходили или завладѣли. Если бы не имѣли другого образчика персидскаго ваянія, кромѣ упомянутаго барельефа, то и тогда мы могли бы съ увѣренностью заявить, что онъ представляетъ подражаніе ассирійскимъ образцамъ; это видно, хотя бы только по плотно облегающей фигуру одеждѣ съ бахромою. Головной же уборъ въ родѣ здѣсь изображеннаго часто встрѣчается на египетскихъ царяхъ и божествахъ, а самый столбъ—неуклюжее подражаніе ассирійской *стэлѣ*. Что гробница Кира, въ малыхъ размѣрахъ и изъ другого матерьяла, есть ничто иное, какъ тотъ же ассиро-вавилонскій зиккуратъ,—это такъ очевидно, что не стóитъ и доказывать, тогда какъ часовня—чисто греческаго рисунка, и то немногое, чтó осталось отъ Кировыхъ строеній, прямо указываетъ на то, что онъ призывалъ греческихъ художниковъ изъ городовъ іонійскаго побережья: цоколи колоннъ совершенно подобны найденнымъ въ Іоніи, въ развалинахъ храмовъ, а кладка камней

большой платформы напоминаетъ кладку древнегреческихъ стѣнъ. Мы скоро познакомимся съ гораздо болѣе многочисленными, обширными и величественными памятниками персидскаго искусства, но даже въ наиболѣе совершенныхъ его произведеніяхъ не найдется ничего такого, что̀ заставило бы отмѣнить приговоръ въ отсутствіи самостоятельнаго творчества, который былъ произнесенъ надъ этимъ искусствомъ съ самаго дня открытія его.

Киръ угрожаетъ равновѣсію державъ.

9.—Но возвратимся къ политическому міру Западной Азіи, который мы покинули на много лѣтъ, слѣдуя за восходящей звѣздой Персіи. Пока Киръ не переходилъ рѣки Галиса, равновѣсіе державъ, установленное послѣ битвы Затменія (см. стр. 248), еще не было нарушено, такъ какъ не произошло перемѣнъ въ ихъ взаимныхъ территорьяльныхъ отношеніяхъ. Только величайшая изъ трехъ державъ, заключившихъ тотъ достопамятный договоръ, называлась теперь не мидійскимъ царствомъ, а персидскимъ. Въ 546-мъ г. до Р. Х., все, повидимому, оставалось на прежнемъ положеніи,—и однако все висѣло на волоскѣ. Мелочный, нерадивый, жестокій мидянинъ долженъ былъ уступить мѣсто молодому, геніальному богатырю; въ Вавилонѣ тоже произошла перемѣна, но наоборотъ: жезлъ великаго Навуходоносора перешелъ въ слабосильныя, неспособныя руки; распри и неурядица водворились въ землѣ, которой онъ правилъ такъ умно и энергично, и открыли широкій путь вторженію, противъ котораго онъ настроилъ столько,

какъ вскорѣ оказалось,—безполезныхъ укрѣпленій. Судьба Вавилона была рѣшена такъ неотвратимо, что грозный сосѣдъ могъ отложить на время окончательную расправу съ нимъ и заняться сперва болѣе неотложными дѣлами: очередь была за Лидіей.

Крезъ, царь лидійскій, преемникъ Аліатта (560 г. до Р. Х.).

10.—Аліаттъ, между тѣмъ, уже сошелъ со сцены: въ 560-мъ г. до Р. Х., или около того, смерть положила конецъ его болѣе чѣмъ полувѣковому царствованію (58 лѣтъ). Онъ былъ самымъ замѣчательнымъ, по уму и характеру, изо всѣхъ лидійскихъ царей. Онъ оставилъ Лидію самымъ могущественнымъ государствомъ Малой Азіи, съ большою, прекрасно организованной арміей, особенно грозной своей великолѣпной, примѣрно выдресированной конницей, и съ казной, черезъ край переполненной всякими богатствами. Благодарный народъ на общія добровольныя пожертвованія воздвигъ ему гигантскій надгробный курганъ, цѣлыхъ полмили въ окружности, до сихъ поръ возвышающійся среди равнины у рѣки Гермоса, близъ развалинъ Сардъ *). Геродотъ называетъ его «огромныхъ размѣровъ сооруженіемъ, уступающимъ по величинѣ однимъ только памятникамъ Египта и Вавилона». За нимъ послѣдовалъ сынъ его Крезъ

*) Въ этомъ курганѣ не разъ производились раскопки и даже былъ раскрытъ склепъ (11 футовъ въ длину, 8 въ ширину и 7 въ вышину), весь выложенный плитами полированнаго бѣлаго мрамора, но пустой, неизвѣстно когда дочиста разграбленный искателями легкой добычи; конечно въ него положено было въ свое время много драгоцѣнностей.

(иные говорятъ—внукъ)*), въ своемъ родѣ тоже замѣчательный человѣкъ: блестящаго ума, высокообразованный, натуры доброй и симпатичной, но одержимый чрезмѣрнымъ тщеславіемъ, страстью къ пышности и наружному блеску, а также слабостью при всякомъ удобномъ случаѣ почваниться своимъ богатствомъ. Неслыханное благоденствіе этого счастливца и его нежданное паденіе сдѣлали жизнь его любимой темой нравоученій греческихъ писателей, и имя его вошло въ пословицу: мы и теперь говоримъ «богатъ, какъ Крезъ».

Крезъ готовится къ войнѣ съ Киромъ.

11.—На Кира Крезъ смотрѣлъ просто какъ на наглаго узурпатора и первый протестовалъ противъ его воцаренія. Къ этому побуждали его разныя соображенія, какъ весьма мѣтко указываетъ Геродотъ: «Узнавъ, что Киръ низвергъ мидійскую державу и что персы съ каждымъ днемъ становятся сильнѣе, онъ сталъ обсуждать въ душѣ, нельзя ли какъ-нибудь задержать возрастающее могущество этого народа...» Кромѣ того, «онъ самъ желалъ присоединить Каппадокію къ своимъ владѣніямъ»; наконецъ, онъ считалъ своимъ долгомъ мстить за обиженнаго родственника. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ побѣдѣ, однако очень хорошо понималъ, что будетъ имѣть дѣло съ врагомъ недюжиннымъ, и потому сталъ подыскивать себѣ союзниковъ. Всего ближе было подумать о Вавилонѣ, кото-

*) См. Dr. Victor Floigl, «*Cyrus und Herodot*», стран. 132—138.

рому угрожала та же опасность, что и ему, да о Египтѣ, обязанномъ Лидіи благодарностью за помощь, полученную отъ Гига въ свою недавнюю войну за независимость *), хотя династія, царствовавшая въ ту пору, была впослѣдствіи свергнута съ престола однимъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые за послѣдніе вѣка стали и тамъ дѣломъ почти заурядным: выскочка, простой офицеръ, по имени Аахмесъ—(у грековъ Амазисъ),—съ помощью преданнаго ему войска низвергъ царя Хофру (569 до Р. Х.) и скоро затѣмъ лишилъ его жизни. Но Крезъ не довольствовался одной человѣческой помощью. Онъ отправилъ пословъ съ дарами въ Грецію, къ наиболѣе знаменитымъ оракуламъ, освѣдомиться, что̀ выйдетъ изъ того, если онъ перейдетъ черезъ Галисъ и нападетъ на персовъ. Отвѣты показались ему благопріятными, особенно отвѣтъ дельфійскаго оракула, объявившаго, что если онъ это сдѣлаетъ, то «онъ сокрушитъ могущественную державу». Въ радости сердечной, не замѣчая двусмысленности словъ, могущихъ отнестись къ его собственной державѣ не менѣе, чѣмъ къ персидской, Крезъ завалилъ дарами храмъ Аполлона, припомнивъ вѣроятно и благопріятный отвѣтъ, данный богомъ на запросъ предка его Гига,—и тутъ, опять-таки, забывая про непріятную присказку о «пятомъ потомкѣ», или, во всякомъ случаѣ, про то, что онъ-то самъ и есть тотъ пятый потомокъ, который долженъ понести кару за прадѣдовскую вину (см. стр. 218). Оракулы

*) См. «Ист. Ассиріи», стр. 424.

всѣ кончали совѣтомъ: узнать, который всѣхъ сильнѣе изъ греческихъ народовъ, и съ тѣмъ заключить союзъ. Это былъ совѣтъ патріотическій, имѣвшій цѣлью выдвинуть Грецію и доставить ей вліяніе въ дѣлахъ болѣе обширнаго политическаго міра,—побужденіе вполнѣ похвальное съ точки зрѣнія грековъ. Въ то время сильнѣйшимъ изъ греческихъ народовъ были безспорно спартанцы; поэтому Крезъ отправилъ къ нимъ пословъ, конечно съ богатыми дарами, и тѣ, сообщивъ имъ о наказѣ, полученномъ отъ бога, объявили имъ отъ имени царя:—«Мнѣ извѣстно, что вы занимаете первое мѣсто въ Греціи, и потому я желаю сдѣлаться вашимъ другомъ, вѣрой и правдой». Спартанцы, которые притомъ были благодарны Крезу за нѣкогда полученныя отъ него одолженія, «очень обрадовались пріѣзду пословъ и немедленно присягнули въ дружбѣ и союзѣ».

Посольство Креза и дары его дельфійскому храму.

12.—Перечень—(у Геродота),—даровъ, присланныхъ Крезомъ дельфійскому Аполлону, прямо ошеломляетъ читателя. Между тѣмъ, они еще существовали въ храмовыхъ сокровищницахъ и показывались посѣтителямъ во времена Геродота; сталобыть его нельзя заподозрить въ преувеличеніи.

Вотъ его описаніе:

«Крезъ, рѣшившись домогаться расположенія дельфійскаго бога великолѣпнымъ приношеніемъ, принесъ въ жертву три тысячи головъ всякаго скота, и кромѣ того, воздвигъ огромный костеръ и, наставивъ на немъ одры, покрытые пластинками золотыми и серебряными, да множество золотыхъ кубковъ и пурпурныхъ одеждъ, все это сжегъ, въ надеждѣ тѣмъ вѣрнѣе снискать себѣ милостивое расположеніе бога. Затѣмъ

онъ издалъ приказъ всѣмъ народамъ своей земли, чтобы каждый принесъ въ жертву, кто сколько могъ по своимъ средствамъ. Когда свершилось жертвоприношеніе, царь велѣлъ сплавить великое количество золота *) и изъ этого сплава надѣлать слитковъ, шесть пядей въ длину, три пяди въ ширину и одну пядь въ толщину. Слитковъ вышло сто семнадцать: четыре изъ очищеннаго золота, остальные изъ блѣднаго золота» (вѣроятно *электронъ;* см. стр. 244).

«...Еще заказалъ онъ статую льва (левъ—гербъ Лидіи), изъ очищеннаго золота, вѣсомъ въ десять талантовъ» (таланты бывали разнаго вѣса: древній греческій—около 57 фунтовъ, позднѣйшій—около 95 фунт.).

«..Когда эти работы были окончены, Крезъ отправилъ ихъ въ Дельфы, и съ ними еще два чана, одинъ золотой, другой серебряный: они, бывало, стояли, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону входной двери въ храмъ... Серебряный вмѣщалъ шестьсотъ *амфоръ*» (амфора=39,39 литра).

«...Еще послалъ онъ четыре серебряныхъ боченка... и два сосуда для святой воды... Сверхъ всѣхъ этихъ приношеній, Крезъ послалъ въ Дельфы множество менѣе цѣнныхъ, въ томъ числѣ множество круглыхъ серебряныхъ вазъ. Да еще посвятилъ онъ богу женскую фигуру изъ чистаго золота, вышиною въ три локтя... наконецъ, послалъ ожерелье и пояса своей жены».

Начало войны.

13.—Теперь уже не предвидѣлось задержки исполненію плановъ, столь умно задуманныхъ Крезомъ. Если вѣрить Геродоту, въ числѣ его приближенныхъ совѣтниковъ оказались и такіе, которые увѣщевали его подумать, принять въ соображеніе, что персы бѣдны, что имъ нечего терять, а ему побѣда не принесетъ большихъ выгодъ, ставка же съ его стороны такая непомѣр-

*) Это золото освящалось жертвеннымъ огнемъ, въ которомъ оно плавилось. Объ обычаѣ сжигать большія количества драгоцѣнностей въ видѣ жертвоприношенія—см. «Исторію Ассиріи», стр. 137—138.

ная, что, если онъ проиграетъ, ему незачѣмъ останется и жить; что, поэтому, ему не только не слѣдуетъ нападать на персовъ, а скорѣе должно благодарить боговъ, за то, что они внушили имъ мысль напасть на Лидію. Впрочемъ, персы именно это и сдѣлали бы, если бы Крезъ не опередилъ ихъ. Онъ вполнѣ могъ надѣяться на успѣхъ, потому что имѣлъ вдоволь казны, войска, оружія и союзниковъ, и не оставлялъ въ тылу ни тайныхъ враговъ ни сомнительныхъ друзей. Въ самую послѣднюю минуту, Киръ посылалъ къ іонійскимъ приморскимъ городамъ, приглашая ихъ отпасть отъ лидійскаго царя, но города отказали ему. Стало-быть, никто никогда не пускался въ важное предпріятіе болѣе обдуманно, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но люди судятъ по исходу дѣла, и потому Крезъ одинъ остался въ отвѣтѣ передъ историками, которые, между прочимъ, винили его въ опрометчивости за то, что онъ, будто бы, слишкомъ поторопился вести армію свою черезъ рѣку Галисъ; между тѣмъ, извѣстно, что разъ военныя дѣйствія открыты, по правиламъ стратегіи слѣдуетъ какъ можно скорѣе вступить въ непріятельскую территорію, — а Киръ уже подходилъ.

Паденіе Сардъ и взятіе въ плѣнъ Креза.

14.—Первое сраженіе было дано въ Каппадокіи. Оно, по словамъ Геродота, «было жаркое и кровавое; и побѣда еще не объявилась въ пользу той или другой стороны, когда ночь снизошла на поле битвы. Обѣ арміи храбро бились». Такой исходъ, хотя далеко не бѣдственный, однако сильно обезкуражилъ Креза, именно потому, что

онъ слишкомъ понадѣялся на немедленный рѣшительный успѣхъ. Это—единственная ошибка, которою можно его попрекнуть, и дорого же онъ за нее поплатился. Такой великій полководецъ, какъ его противникъ, конечно не могъ не воспользоваться смятеніемъ и колебаніемъ, происшедшими въ совѣтахъ и дѣйствіяхъ еще вчера столь самоувѣреннаго царя лидійскаго. На бѣду еще союзники замѣшкались, и упавшій духомъ Крезъ, благодаря этому и быстротѣ движеній персидской арміи, долженъ былъ одинъ продолжать войну. Выручать его было уже поздно, и развязка не заставила себя ждать. Какъ она произошла, всего лучше покажутъ слѣдующія выдержки изъ нѣсколько растянутаго разсказа словоохотливаго Геродота:

«Крезъ винилъ въ своей неудачѣ малочисленность своего войска, далеко уступавшаго непріятельскому; и такъ какъ Киръ на другой день не возобновилъ аттаки, то онъ вернулся въ Сарды, намѣреваясь собрать союзниковъ и возобновить военныя дѣйствія весной.

«Онъ задумалъ просить египтянъ послать ему помощь... Онъ также собирался звать на помощь вавилонянъ... затѣмъ послать и въ Спарту... Присоединивъ эти войска къ своимъ, онъ снова выступилъ бы противъ персовъ, лишь только кончилась бы зима и настала бы вешняя пора. Порѣшивъ на этомъ, Крезъ, тотчасъ по своемъ возвращеніи, отправилъ пословъ ко всѣмъ своимъ союзникамъ, съ просьбою, чтобы они сошлись у него въ Сардахъ, на пятомъ мѣсяцѣ со времени отъѣзда его пословъ. Тогда онъ распустилъ войска, которыя были у него все наемныя... никакъ не воображая, чтобы Киръ, послѣ сраженія, въ которомъ побѣда такъ ровно клонилась на обѣ стороны, отважился идти на Сарды...

«Киръ, между тѣмъ, когда Крезъ такъ внезапно снялъ свой лагерь послѣ сраженія, догадался, что онъ ушелъ съ

намѣреніемъ распустить войско и, подумавъ, сообразилъ, что хорошо будетъ двинуться противъ Сардъ нимало не медля, прежде чѣмъ лидійцы успѣютъ во второй разъ собраться силами. Придя къ такому рѣшенію, онъ не сталъ откладывать его исполненія, а двинулся впередъ такъ быстро, что самъ первый своимъ появленіемъ оповѣстилъ о томъ лидійскаго царя. Послѣдній, поставленный въ крайне затруднительное положеніе такимъ образомъ дѣйствій, разстраивавшимъ всѣ его расчеты, все же однако вывелъ своихъ лидійцевъ въ бой. Во всей Азіи не было въ то время народа храбрѣе и болѣе воинственнаго. Они сражались верхами, съ длинными копьями, и ловко правили конями.

«Обѣ арміи встрѣтились на равнинѣ подъ Сардами. Это— обширная площадь безъ деревъ, орошаемая множествомъ рѣчекъ, которыя всѣ стекаются въ одну рѣку больше другихъ, по имени Гермесъ... Бой длился долго, и было убито много народа съ обѣихъ сторонъ, но кончилось тѣмъ, что лидійцы повернулись тыломъ и бѣжали. Персы загнали ихъ внутрь стѣнъ и начали осаду города *).

«Между тѣмъ, Крезъ, полагая, что городъ продержится немало времени, опять разослалъ гонцовъ ко всѣмъ своимъ союзникамъ... оповѣстить ихъ, что онъ уже подъ осадой, и умолять ихъ спѣшить къ нему на помощь по возможности скорѣе. Въ числѣ другихъ союзниковъ не забылъ онъ послать и въ Лакедемонъ **). Случилось такъ, что у спартанцевъ у самихъ объ эту пору была какая-то ссора ...именно когда гонецъ приспѣлъ изъ Сардъ, просить ихъ идти выручать осаждаемаго царя; несмотря на это, они немедленно стали снаряжать ему помощь. Они только-что справились со сборами, и суда ихъ готовились выходить въ море, когда при-

*) Объ этой битвѣ есть преданіе, будто Киръ выигралъ ее хитростью, поставивъ верблюдовъ впереди своего войска, чтобы обратить въ бѣгство лидійскую конницу, такъ какъ лошади отъ природы питаютъ отвращеніе къ виду и особенно къ запаху этихъ животныхъ, и только дрессировка и привычка могутъ превозмочь въ нихъ это чувство.

**) Лакедемонъ — другое имя Спарты, въ особенности земли, въ отличіе отъ города.

былъ другой гонецъ съ вѣстью, что городъ уже взятъ и Крезъ въ плѣну. Глубоко огорченные его бѣдой, спартанцы прекратили сборы».

Такъ-то судьба однимъ ударомъ покончила и съ династіей Мермнадовъ и съ самимъ царствомъ лидійскимъ. Паденіе его было столь же быстрое и безвозвратное, какъ паденіе Ассиріи, но возбудило въ современникахъ совсѣмъ другія чувства. Ни противъ Лидіи, какъ націи, ни противъ ея правителей никто не питалъ враждебнаго чувства. Мермнады были кроткіе государи и добрые, великодушные друзья, доступные вліянію благородной, изящной культуры, и не знали бо́льшаго удовольствія, какъ бесѣдовать съ умными, образованными иностранцами. Катастрофа, настигшая ихъ съ истинно молніеносной быстротой, должна была казаться божескимъ наказаніемъ за прадѣдовскіе грѣхи; сосѣди и подданные смотрѣли на нее не то съ соболѣзнованіемъ, не то со страхомъ за себя, и это чувство еще усугубилось при видѣ послѣдняго трагическаго дѣйствія великой драмы, — дѣйствія, которое греки поняли совершенно превратно и потому превратно передали въ своихъ запискахъ.

Покушеніе Креза на самосожженіе.

15. — Вотъ какъ Геродотъ, Діодоръ и другіе разсказываютъ то, что́ происходило послѣ взятія Сардъ, съ небольшими варіантами. Киръ, говоритъ Геродотъ, рѣшился,—*для примѣра*, чтобы застращать могущихъ представиться противниковъ,—поступить съ Крезомъ со всей строгостью и приговорилъ его къ сожженію, вмѣстѣ съ четырнадцатью знатными юношами. Одинъ авторъ

даже описываетъ печальное шествіе: какъ женщины съ плачемъ и воемъ рвали на себѣ волосы и платья, шествуя впереди и позади царя и юношей, когда ихъ въ оковахъ вели черезъ городъ; какъ богатѣйшія дамы посылали рабовъ съ дарами,—драгоцѣнными одеждами и украшеніями, которыя клались на костеръ и должны были сожигаться вмѣстѣ съ жертвами. Костеръ уже загорѣлся, когда Киръ смиловался, тронутый предсмертными словами Креза, и приказалъ тушить пламя. Но оно уже слишкомъ расходилось и справиться съ нимъ не оказалось возможности. Тогда Крезъ сталъ громко молиться Аполлону, и богъ послалъ ливень, который немедленно потушилъ огонь. Такимъ образомъ Крезъ былъ спасенъ и послѣ того жилъ при персидскомъ дворѣ, скорѣе въ качествѣ друга, чѣмъ плѣнника. Весь этотъ разсказъ такъ и колетъ глаза противорѣчіями и несообразностями. Во-первыхъ, такая жестокость совершенно несовмѣстима съ извѣстными, всѣми восхваляемыми гуманностью и великодушіемъ персидскаго героя; притомъ только-что передъ тѣмъ сказано, что Киръ настрого приказалъ, еще передъ самой битвой, пощадить жизнь царя. И никогда, ни на минуту не могло придти ему въ голову обречь на смерть и муки четырнадцать невинныхъ отроковъ. Далѣе: Киръ былъ послѣдователь Зороастра, и никоимъ образомъ не могъ такъ кощунственно поступить со священной стихіей,—огнемъ, даже если допустить, что маздеизмъ, исповѣдуемый персами, не вдавался въ столь преувеличенное почитаніе огня, какъ ми-

дійскій магизмъ. Совсѣмъ другое дѣло, если пораженный непріятель, самъ великій царь, по собственному выбору *пожелалъ* лучше умереть, чѣмъ нести посрамленіе пораженія и неволи, и хотѣлъ окружить себя при этомъ торжественностью религіознаго обряда, освященнаго традиціями его родины и вѣры: — тогда побѣдитель, уже изъ одной деликатности, не могъ противиться его волѣ, а присутствіемъ своимъ при торжественномъ актѣ только заявлялъ о своемъ сочувствіи и уваженіи къ геройскому рѣшенію своего плѣнника. Такъ теперь и объясняютъ почти единодушно разсказъ, бывшій доселѣ чѣмъ-то въ родѣ скандала въ глазахъ любителей исторіи. Такія царскія жертвоприношенія, въ собственномъ лицѣ или лицѣ первороднаго сына, не были рѣдкостью на Востокѣ; подавно не было рѣдкостью и приношеніе дѣтей или отроковъ въ видѣ искупительныхъ жертвъ. Все указываетъ на такое объясненіе, даже множество драгоцѣнностей, возложенныхъ на костеръ *). Если Крезъ вслухъ молился, то конечно о томъ, чтобы богъ милостиво принялъ его добровольную жертву и пощадилъ его народъ. Когда же ливень помѣшалъ самосожженію въ то самое время, какъ оно уже совершалось, изъ этого естественно заключили, что жертва не угодна богу. И ужъ конечно умный, гуманный Киръ воспользовался случаемъ, чтобы уговаривать глубоко удрученнаго плѣнника отказаться отъ

*) См. «Исторію Ассиріи», стр. 141—146.

своего отчаяннаго намѣренія, увѣряя его, что съ нимъ будетъ поступлено такъ, какъ достойно благороднаго врага, царя. Съ другой стороны нѣтъ ничего удивительнаго, если Крезъ, увидѣвъ, что̀ за человѣкъ его побѣдилъ, уступилъ его настояніямъ и согласился жить у него уже не какъ плѣнникъ, а какъ другъ. Киръ, ничего не дѣлавшій наполовину, подарилъ ему городъ невдалекѣ отъ Экбатаны, съ тѣмъ, чтобы онъ «кормился» доходами съ него, и такъ полюбилъ мудраго и кроткаго бывшаго царя, что рѣдко отпускалъ его отъ себя; онъ не разставался съ нимъ, даже отправляясь въ далекіе походы, всегда спрашивалъ его совѣтовъ и часто слѣдовалъ имъ, а передъ смертью поручилъ сына своего, Камбиза, его отеческимъ попеченіямъ, предвидя, какъ часто пылкій, своенравный юноша будетъ нуждаться въ укрощеніи добрымъ словомъ и разумнымъ совѣтомъ. Внукъ Креза, бывшій младенцемъ, когда на его родъ и родину обрушилось великое бѣдствіе, дожилъ до глубокой старости и умеръ при одномъ изъ позднѣйшихъ Ахеменидовъ, въ большомъ почетѣ.

Покореніе іонійскихъ городовъ и остальной Малой Азіи.

16.—Киръ носился съ обширными замыслами. Его присутствіе требовалось не только на дальнемъ Востокѣ, гдѣ бактріяне и нѣкоторыя кочующія племена вели себя безпокойно, но еще болѣе на Западѣ. Онъ собирался лично вести походъ противъ Вавилона, и даже противъ Египта: — онъ отнюдь не забылъ и не простилъ вмѣшательства фараоновъ въ пользу Лидіи, несмотря на то, что дѣло, благодаря неожиданнымъ обстоятельствамъ, и

кончилось одними поползновеніями. Кира поэтому разбирало нетерпѣніе скорѣе уйти изъ Сардъ, и онъ поручилъ покореніе греческихъ приморскихъ городовъ,—неизбѣжную придачу къ побѣдѣ надъ Лидіей, своему старому пріятелю Гарпагу. Передъ самымъ выступленіемъ въ походъ, къ нему явились посланные отъ Лакедемона, которые, обращаясь къ нему съ безстрашной смѣлостью, отъ имени своего народа, запретили ему трогать греческіе города и объявили, что Спарта этого не потерпитъ. Можно себѣ представить изумленіе могучаго царя-завоевателя, когда толмачъ перевелъ ему эту, на его взглядъ, безумную рѣчь. Онъ въ недоумѣніи спросилъ бывшихъ при этомъ грековъ, что̀ за люди эти лакедемонцы, и сколько ихъ счетомъ, что они осмѣливаются посылать къ нему съ подобными словами. «Если я доживу,—отвѣтилъ онъ посламъ:—спартанцамъ будетъ не до чужихъ бѣдъ: своихъ хватитъ». Этотъ маленькій инцидентъ былъ первой, крошечной тучкой-провозвѣстницей страшной бури, имѣвшей разразиться надъ Элладой полвѣка спустя. Греческіе приморскіе города, между тѣмъ, покорились безъ большого сопротивленія. Въ теченіе трехъ лѣтъ они, одинъ за другимъ, попали подъ ярмо, за исключеніемъ Милета, который заключилъ особыя условія и сохранилъ отчасти свою независимость. Киръ не требовалъ отъ своихъ новыхъ подданныхъ особенно большихъ жертвъ, ни денежныхъ, ни другихъ. Но онъ надъ каждымъ городомъ поставилъ правителя, выбраннаго имъ изъ городской же знати, котораго онъ сдѣлалъ отвѣтствен-

нымъ лицомъ за уплату дани и вообще за поведенiе гражданъ,—настоящаго тирана, облеченнаго почти царской властью, но состоящаго подъ постояннымъ надзоромъ и въ послушанiи у персидскаго сатрапа *) или намѣстника, сидѣвшаго въ Сардахъ. При первыхъ Ахеменидахъ персидское владычество было умѣренное и заботилось о благосостоянiи различныхъ подчиненныхъ ему народовъ, если и нельзя того же сказать о правленiи позднѣйшихъ царей этой династiи. Ликiя и Киликiя поёжились, пожались, но въ концѣ тоже покорились необходимости. Замѣчательно, что во всю его жизнь, Киру не было никакихъ хлопотъ съ этой частью его владѣнiй, хотя онъ самъ болѣе туда не ходилъ. Одинъ только разъ, немедленно послѣ его ухода, въ Сардахъ вспыхнуло-было возстанiе; но усмирить его не стоило большого труда, отчасти благодаря увѣщанiямъ самого Креза, котораго бывшiе его подданные продолжали любить и почитать; его же ходатайству они приписывали и то, что наказанiя не послѣдовало и, отчасти изъ благодарности къ обоимъ царямъ, не возобновляли своей попытки. И такъ основательно примирились лидiйцы съ новыми порядками, что съ тѣхъ поръ предались исключительно мирнымъ занятiямъ и промысламъ, нѣкогда раздѣлявшимъ вниманiе ихъ съ воинственными потѣхами и упражненiями, и въ скоромъ времени снискали себѣ не совсѣмъ завидную славу величайшихъ во всей Азiи любителей и

*) *Сатрапъ* — древне-персидское слово *Кхшатрапа*, — «защитникъ государства», или «царской власти».

знатоковъ роскоши и всякихъ наслажденій, изнѣженныхъ до женоподобности. Они въ этомъ направленіи сильно повліяли на своихъ побѣдителей, и далеко не къ ихъ благу.

Первое, неудачное нападеніе на Вавилонъ.—Полное покореніе Элама.—Суза—одна изъ столицъ персидской державы.

17.—Дошла, наконецъ, очередь и до Вавилона. Уже въ томъ же 546 г. до Р. Х., или слѣдующемъ, была направлена противъ него попытка изъ Элама, вѣроятно, преждевременная и плохо задуманная, потому что не имѣла успѣха. Тутъ кстати возникаетъ вопросъ: когда именно *весь* Эламъ былъ покоренъ и присоединенъ къ персидскимъ владѣніямъ? На это понадобилось, вѣроятно, немного времени и труда, и, при неимѣніи никакихъ свѣдѣній по этому вопросу, весьма правдоподобна догадка, что это случилось какъ разъ послѣ паденія Лидіи, и до первой атаки на Вавилонъ. Геродотъ говоритъ, что Киръ изъ Сардъ, съ главнымъ корпусомъ арміи возвратился прямо въ Экбатану, а изъ Экбатаны ближайшая дорога въ Аккадъ несомнѣнно черезъ Эламъ. Разъ занявъ столицу, Шуши (впредь лучше извѣстную подъ именемъ Сузы), онъ пришелъ въ восторгъ отъ мѣстоположенія этого города и сдѣлалъ его своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Дѣйствительно, его родовой городъ, Пасаргады, по своей уединенности, отдаленности, невыгодному географическому положенію, не выдерживалъ сравненія съ Сузою, и ужъ никакъ не годился въ столицы обширнаго царства, обнимающаго множество странъ и народовъ, тогда какъ Суза, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, была точно именно для этого создана. Отнынѣ она и сдѣла-

лась главной столицей Персидскаго Царства, и ея рѣка Хоаспъ, вѣтвь Евлая (по-ассирійски «Улаи»), имѣла честь снабжать царей единственной водой, которую они удостаивали самолично испивать. Киръ первый ввелъ этотъ обычай, который преемники его свято соблюдали. «Гдѣ бы ни путешествовалъ великій царь, — пишетъ Геродотъ: — его всегда сопровождаетъ цѣлый поѣздъ четырехколесныхъ повозокъ — запряженныхъ мулами. На этихъ повозкахъ везутъ воду изъ рѣки Хоаспа, кипяченую и разлитую въ серебряныя фляги, и эту воду повсюду возятъ за нимъ съ мѣста на мѣсто» *). Другіе цари Ахемениды построили тамъ дворцы, великолѣпіе которыхъ не такъ давно стало извѣстно по многочисленнымъ и чудесно сохранившимся образцамъ, привезеннымъ французскими изслѣдователями Дьёляфуà съ женой **). Тамъ, подобно тому, какъ ассирійскіе цари это дѣлали въ Ниневіи, они складывали богатства, получаемыя ими отъ даней и военной добычи, и о томъ, сколько этихъ богатствъ накопилось за двѣсти лѣтъ въ этихъ сокровищницахъ, можно судить по тому, что, когда Александръ Македонскій (въ 331 г. до Р. Х.) завладѣлъ ими, онъ въ нихъ нашелъ, кромѣ громадныхъ суммъ чистыми деньгами, 50.000 талантовъ серебра рудой и слитками (что̀ равняется приблизительно 76-ти мил-

*) Не любопытно ли, что тогда уже извѣстна была эта гигіеническая предосторожность: кипяченіе воды, которую мы привыкли считать такимъ современнымъ открытіемъ?

**) См. Приложеніе къ этой главѣ.

ліонамъ рублей),—да еще 5.000 *квинталовъ* лучшей пурпурной краски; *квинталъ* же равняется приблизительно ста фунтамъ, а фунтъ чистаго пурпура цѣнился не менѣе какъ въ 250 рублей.

Преемники Навуходоноссора въ Вавилонѣ.— Воцареніе Набонида.

18. — Дѣла Вавилона за это время, т. е. за пятнадцать лѣтъ отъ смерти Навуходоноссора (561 г. до Р. Х.) до перваго нашествія персовъ (546 г.), потребуютъ всего нѣсколько строкъ. Сынъ его Авил-Мардукъ (Евильмеродахъ въ Библіи) правилъ, повидимому, безтолково. Въ архивѣ Эгиби оказалось нѣсколько плитокъ, помѣченныхъ его краткимъ царствованіемъ; да еще упоминается онъ съ благодарностью въ Библіи, за милость, оказанную имъ плѣнному царю іудейскому, Іехоніѣ, котораго онъ, въ тридцать седьмой годъ заточенія, «вывелъ изъ дома темничнаго»,

«и... говорилъ съ нимъ дружелюбно, и поставилъ престолъ его выше престола царей, которые были у него въ Вавилонѣ, и перемѣнилъ темничныя одежды его, и онъ всегда имѣлъ пищу у него, во всѣ дни жизни его. И содержаніе его, содержаніе постоянное, выдаваемо ему было отъ царя, изо дня въ день, во всѣ дни жизни его». (4-ая Кн. Царствъ, XXV, 27—30).

Авил-Мардука, всего два года по вступленіи на престолъ (559 г. до Р. Х.), умертвилъ его шуринъ Нергал-шар-Уззуръ (или Нериглиссаръ, какъ называли его греки), который, занявъ его мѣсто, довольно спокойно процарствовалъ четыре года, занимаясь довершеніемъ нѣкоторыхъ работъ, оставшихся неоконченными послѣ Навуходоноссора, — напр. стѣнъ вдоль Евфрата, — да ремонтомъ храмовъ. Сынъ его Лабаши-Мар-

дукъ *), лѣтами еще отрокъ, однако выказалъ крайне развратный и жестокій нравъ, и всего черезъ девять мѣсяцевъ погибъ отъ дворцоваго заговора. Убійцы посадили на престолъ нѣкоего Набў-Нахида,—у грековъ Набонида (555 г. до Р. Х.). Онъ былъ сыномъ *раб-мага* (т. е. первосвященника, главы вавилонскаго жреческаго сословія), и до сихъ поръ неизвѣстно навѣрно, былъ ли онъ въ родствѣ съ царскимъ домомъ. Но матерью его была Нитокрида, та самая царица, которой Геродотъ ошибочно приписываетъ многія изъ работъ, на самомъ дѣлѣ совершенныхъ Навуходоноссоромъ. (См. стр. 270). По тому, какъ о ней отзывается Киръ въ одномъ изъ своихъ цилиндровъ, можно заключить, что она была женщина съ замѣчательными способностями и необыкновенно большимъ вліяніемъ въ государственныхъ дѣлахъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что она была дочерью Навуходоноссора, и этимъ объяснялись бы и характеръ ея и положеніе, а также и то, что сынъ ея царствовалъ столько лѣтъ невозбранно. Весьма вѣроятно также, что многія изъ публичныхъ работъ еще оставались недоконченными, и что царица-мать принимала въ нихъ дѣятельное участіе; этимъ обстоятельствомъ совершенно естественно объяснялась бы ошибка Геродота.

Набонидъ возстановляетъ противъ себя вавилонскихъ жрецовъ.—Первая неудачная попытка Кира.

19.—По всему видно, что Набонидъ возвышеніемъ своимъ былъ обязанъ преимущественно жрецамъ, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ

*) Греки всячески коверкали это имя: Лабассоаракхосъ, Лаворасоарходъ, и пр. и пр.

родомъ. Рвеніемъ въ построеніи и особенно ремонтѣ храмовъ онъ превосходилъ самыхъ набожныхъ своихъ предшественниковъ, и, кромѣ того, какъ будто проявлялъ нѣчто въ родѣ археологическихъ вкусовъ, такъ какъ онъ все разыскивалъ цилиндры первыхъ основателей, чтобы въ точности установить древность каждаго зданія. Этой его замѣчательной особенности мы обязаны нѣсколькими драгоцѣнными открытіями по части древне-халдейской хронологіи *). На свою бѣду, онъ посвящалъ наибольшую заботу и оказывалъ явное предпочтеніе наидревнѣйшимъ святынямъ, вслѣдствіе чего столичные жрецы, и въ особенности служители Мардука и Набў, обидѣлись за своихъ боговъ, считая, что и сами они, жрецы, оскорблены въ своемъ достоинствѣ и своихъ интересахъ царемъ, которому, по ихъ мнѣнію, надлежало быть за нихъ самымъ преданнымъ борцомъ. Хотя это чувство обиды и выражалось открыто, однако Набонидъ, повидимому не особенно старался умиротворить этотъ опасный народъ. Въ большомъ цилиндрѣ, содержащемъ лѣтописаніе за время его царствованія, поражаетъ ябедное упорство, съ которымъ повторяется, при каждомъ новомъ годѣ, слѣдующая фраза: «Набў не пришелъ въ Баб-Илў, Бэлъ не вышелъ изъ святыни...», т. е. не совершались обычные обходы города съ изображеніями боговъ, для чего привозили въ Вавилонъ изображеніе бога Набў изъ его святыни въ Борсиппѣ (Храмъ Семи Свѣтилъ), а

*) См. объ открытіи цилиндровъ этого царя въ Сиппарѣ и Ларсѣ, «Ист. Халдеи», стр. 245.

изображеніе Бэла-Мардука выносилось изъ его храма въ Вавилонѣ. Киръ, слова нѣтъ, былъ и великій полководецъ и великій государственный мужъ; а все же болѣе чѣмъ сомнительно, справился ли бы онъ такъ легко съ Вавилономъ, если бы для него тамъ не поработала измѣна. Вѣроятно, полагаясь на свои тайныя связи въ столицѣ, онъ поторопился своей первой попыткой, о которой говорится въ большомъ цилиндрѣ: «Въ девятомъ году (546 до Р. Х.) царь Набунахидъ находился въ Тэвѣ*); сынъ же царевъ, воеводы и рать были въ Аккадѣ». Здѣсь говорится о старшемъ сынѣ Набонида, Бэл-шар-Уззурѣ (въ Библіи Валтассаръ), котораго отецъ сдѣлалъ своимъ соправителемъ, какъ когда-то Асархаддонъ сдѣлалъ своимъ соправителемъ Ашурбанипала. Въ Урѣ, въ храмѣ бога Сина (Мѣсяца), найденъ маленькій цилиндрикъ, съ горячей молитвой царя Набонида этому богу, за себя и за сына:—«Что до меня, Набў-нахида, царя Баб-Илў, въ полнотѣ твоего божественнаго величія, даруй мнѣ долголѣтіе, до далекихъ дней, также и Бэл-шар-Уззуру, моему первородному сыну, желанному души моей. Благоговѣніе къ твоей великой божественности всели въ его душу; да не будетъ онъ преданъ грѣху!»

Жрецы призываютъ Кира.

20.—Въ книгѣ пророка Даніила (V, 2) Валтассаръ названъ сыномъ Навуходоноссора. Если будетъ окончательно доказано, что его бабка,

*) Тэва—вѣроятно отдѣльный кварталъ Вавилона,—быть можетъ новый кварталъ, построенный Навуходоноссоромъ на лѣвомъ берегу Евфрата.

царица Нитокрида, въ самомъ дѣлѣ была дочерью этого царя, то названіе это окажется совершенно вѣрнымъ, такъ какъ въ рѣчи Востока, сыномъ часто называютъ не только родного внука, но и вообще потомка. И царемъ онъ конечно имѣлъ право титуловаться, по своему положенію при царѣ. Изъ одной надписи даже видно, что у него были отдѣльный дворъ и полное отдѣльное царское хозяйство. Какъ бы то ни было, царь, какъ видно, матери своей и сыну предоставлялъ бо́льшую долю государственнаго бремени, потому что сказано, что «въ мѣсяцѣ Низанѣ (мартѣ, первомъ мѣсяцѣ года) царь въ Баб-Илу̀ не прибылъ», а въ пятый день того же мѣсяца скончалась царица-мать, пребывавшая въ укрѣпленномъ станѣ на Евфратѣ, за городомъ Сиппарой. Сынъ царевъ и войска плакали по ней три дня; «былъ великій плачъ». «Въ мѣсяцѣ Шиванѣ (май—іюнь) былъ плачъ въ землѣ аккадской по матери царевой». Смерть столь важной особы, чуть ли не участвовавшей въ командованіи оборонительной арміей, стоявшей станомъ на сѣверной границѣ, не могла не причинить горя, а можетъ-быть и смятенія, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Киръ нарочно поспѣшилъ походомъ, чтобы воспользоваться этимъ благопріятнымъ для него моментомъ. «Въ мѣсяцѣ Низанѣ, — продолжаетъ лѣтопись: — Курашъ, царь народа Парсу, собралъ рать свою и перешелъ черезъ Тигръ пониже города Арбелы». Слѣдующія строки такъ сильно повреждены, что трудно извлечь изъ нихъ смыслъ; но что-нибудь, видно,

задержало персидскаго царя—(ужъ не оккупація ли Элама?)—такъ какъ только въ третьемъ мѣсяцѣ слѣдующаго года (Шиванъ, десятаго года Набонида) «Курашъ пришелъ въ Аккадъ изъ земли Эламской». Далѣе читаемъ: «Градоначальникъ города Эреха..» и тутъ строка отломана. Очевидно, что Киръ встрѣтилъ отпоръ подъ Эрехомъ, однимъ изъ главныхъ городовъ Вавилонскаго царства. Во всякомъ случаѣ о персахъ нѣтъ болѣе рѣчи до семнадцатаго года Набонида, 538 г. до Р. Х.

Открытая вражда жрецовъ.

21.—Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, какъ Киръ провелъ семь-восемь лѣтъ между первымъ, преждевременнымъ и неудачнымъ нападеніемъ на Вавилонъ, и второй, успѣшной вавилонской кампаніей. Ужъ вѣрно не въ праздности: надо было и на дальній Востокъ сходить, и строиться въ Пасаргадахъ, и упрочить и упорядочить домашнее управленіе. Что̀ касается Набонида, цилиндръ обрывается отъ одиннадцатаго его года до семнадцатаго, т. е. послѣдняго, такъ что мы и тамъ оставлены впотьмахъ. Одно ясно: онъ не нашелъ,—можетъ-быть, и не искалъ, средствъ къ примиренію съ надменными и алчными вавилонскими жрецами. Напротивъ, онъ еще болѣе отдалилъ ихъ отъ себя. Правда, онъ таки показался наконецъ въ Вавилонѣ и повелѣлъ устроить обходъ столицы съ богами. Набу̀ прибылъ изъ Борсиппы и Бэлъ «вышелъ» изъ своей святыни. Было, кромѣ того, жертвоприношеніе «о мирѣ». Но въ то же время онъ смертельно оскорбилъ жрецовъ, пославъ за богами и

другихъ городовъ и поставивъ ихъ въ святилища великихъ боговъ,—покровителей Вавилона: «боги Аккада, тѣ, что выше атмосферы, и тѣ, что ниже, сошли въ Баб-Илу», за исключеніемъ боговъ изъ Борсиппы, Куты и Сиппары. Что этимъ неосторожнымъ поступкомъ царь самъ запечатлѣлъ свою участь, видно изъ тона, которымъ писана прокламація, сочиненная жрецами для Кира послѣ паденія Набонида: «Владыка боговъ, — читаемъ мы на этомъ цилиндрѣ:—за такое поруганіе разгнѣвался безмѣрно, и всѣ боги, пребывающіе въ Вавилонѣ, покинули свои скиніи». Ихъ уже не видали на празднествахъ и въ процессіяхъ, потому что они переселились къ другимъ общинамъ, уготовившимъ для нихъ мѣста. Другими словами,—жрецы увезли изображенія оскорбленныхъ боговъ, вѣроятно какъ можно торжественнѣе и съ самыми печальными церемоніями, чтобы произвести елико возможно глубокое впечатлѣніе. Они достигли своей цѣли: «Тогда народъ Шумира и Аккада, оставленный во тьмѣ, взмолился къ Мардуку, чтобы онъ вернулся. Онъ услыхалъ молитву его, возвратился, обрадовалъ землю». Но не безусловно. Богъ, хотя и смиловался надъ своими неповинными поклонниками, не могъ терпѣть присутствія нечестиваго государя: «И онъ (Мардукъ) избралъ царя, который совершилъ по душѣ ему то, что онъ поручилъ рукамъ его. Онъ провозгласилъ имя Кураша, царя города Аншана: быть ему царемъ надъ всею землей, и всѣмъ народамъ возвѣстилъ его титулъ... Въ свой собственный городъ Баб-Илу онъ пове-

лѣлъ ему идти, повелъ его по пути въ Тинтиръ; подобно другу и благодѣтелю, онъ проводилъ его войска». Невозможно еще яснѣе сказать, что вавилонскіе жрецы составили заговоръ противъ своего царя, предали его и призвали непріятеля.

Іудеи тайно потворствуютъ Киру.

22.—Впрочемъ, тутъ дѣйствовало еще одно вліяніе, тайное, даже можно сказать—подпольное, но навѣрно дѣятельное и упорное: это—вліяніе іудейскихъ переселенцевъ. Въ сорокъ восемь лѣтъ плѣна (586—538 гг.), они, подъ руководствомъ своихъ пророковъ, стали, во многихъ отношеніяхъ, другимъ народомъ, обновленнымъ, облагороженнымъ: сплотились, научились самообладанію, тверже стали на почву абсолютнаго единобожія, вѣры, разработанной, цѣною безконечныхъ усилій и жертвъ, ихъ великими учителями. При ихъ богатствѣ, при той силѣ, которою обладаетъ всякая община изъ нѣсколькихъ тысячъ людей, воодушевленныхъ единымъ духомъ, единой надеждой, направляемыхъ единымъ вліяніемъ, при высокомъ положеніи, занимаемомъ нѣкоторыми изъ ихъ богачей и князей (вспомнимъ банкировъ Эгиби и пророка Даніила съ его юными друзьями), они, незамѣтно для вавилонянъ, стали силой и опасностью въ государствѣ. На ихъ небосклонѣ Персія взошла, словно желанная звѣзда избавленія, и невозможно сомнѣваться въ томъ, что они либо участвовали въ заговорѣ жрецовъ противъ Набонида, либо дѣйствовали самостоятельно и, независимо отъ жрецовъ, завязали тайныя сношенія съ Киромъ, предлагая ему свою помощь. Другого заключенія нельзя вывести изъ

замѣчательнаго сходства тогдашнихъ вавилонскихъ документовъ съ іудейскими. Возьмемъ такія мѣста, какъ слѣдующія: «...Возбудилъ Господь духъ Кира, царя персидскаго, и онъ велѣлъ объявить по всему царству своему... и сказать: «Всѣ царства земли далъ мнѣ Господь Богъ небесный...» (2-ая Кн. Паралипоменонъ, XXXVI, 22—23); или: «...(Господь), говоритъ о Кирѣ, Пастырь Мой, и онъ исполнитъ всю волю Мою...» (Кн. Пр. Исаіи, XLIV, 28); тутъ больше чѣмъ случайное совпаденіе съ мыслями и словами, уже приведенными изъ Кировой прокламаціи (см. стр. 364). Эти два документа и далѣе безусловно параллельны, какъ видно изъ ихъ сопоставленія:

«Такъ говоритъ Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебѣ народы... Я пойду передъ тобою и горы уравняю, мѣдныя двери сокрушу и запоры желѣзные сломаю; и отдамъ тебѣ хранимыя во тьмѣ сокровища и сокрытыя богатства...» (Книга Пр. Исаіи, XLV, 1—3).	«Землю Гути и всѣ войска ея онъ (Мардукъ) заставилъ склониться передъ его ногами, также и весь народъ черноголовыхъ (халдейцевъ), который онъ предалъ въ его руку... Мардукъ, великій Владыка... направлялъ его руку и сердце... Въ свой собственный городъ Вавилонъ онъ повелѣлъ ему идти, и повелъ его по пути въ Тинтиръ; подобно другу и благодѣтелю онъ проводилъ его войско. (Прокламація Кира).

Сдача Вавилона и тріумфальное вступленіе Кира.

23.—Атака велась одновременно съ разныхъ сторонъ. Въ прокламаціи сказано, что Кировы войска «простирались далеко, подобно рѣчнымъ водамъ; числа ихъ не сосчитать было». Началось съ возстанія въ низинахъ у залива, и самъ Киръ

явился на югѣ отъ Вавилона въ мѣсяцѣ Думузи (іюнь—іюль); тутъ онъ, должно-быть, встрѣтилъ вѣрную царю армію, потому что говорится о сраженіи. Въ то же время его воевода, мидянинъ Гобрій, руководилъ операціями на сѣверѣ. Перейдя черезъ Тигръ пониже такъ-называемой «мидійской стѣны», построенной для обороны Навуходоноссоромъ, онъ двинулся прямо на Сиппару, такъ какъ было очень важно завладѣть большимъ водоемомъ и четырьмя каналами. Съ этого пункта лѣтописный цилиндръ прекрасно сохранился и весь остальной разсказъ читается легко:

«Люди Аккада возстали. Войска взяли Сиппару въ 14-й день безъ боя. Набу-нахидъ бѣжалъ. Въ 16-й день Угбару (Гобрій), намѣстникъ земли Гути (Загросское погорье, нынѣшній Курдистанъ) и армія Кураша спустилась къ Баб-Илу безъ боя. Тогда онъ получилъ Набу-нахида, связаннаго, въ свои руки *). Въ концѣ мѣсяца Думузи непокорные въ землѣ Гути затворили двери храма Мардука, но не было ничего, что̀ могло бы служить имъ для обороны, ни тамъ, ни въ другихъ храмахъ, не было оружія. Въ мѣсяцѣ Арахъ-Шамна (октябрь—ноябрь, почти четыре мѣсяца послѣ оккупаціи), въ трѐтій день, Курашъ спустился въ Баб-Илу̀. Улицы передъ нимъ чернѣли народомъ. Онъ обѣщалъ миръ городу и всѣмъ въ немъ живущимъ. Угбару онъ утвердилъ своимъ намѣстникомъ, назначилъ губернаторовъ и, отъ мѣсяца Кислева до мѣсяца Адара (ноябрь—мартъ), разослалъ по ихъ святилищамъ боговъ Аккада, которыхъ Набу-нахидъ привезъ въ Баб-Илу. Въ темномъ мѣсяцѣ Арахъ-Шамна, въ 11-й день, ...царь скончался...»

Изъ этого безцѣннаго памятника, авторитет-

*) Авторъ другого цилиндра, съ истинно клерикальнымъ ехидствомъ говоритъ: "Набу-нахида, царя, его не почитавшаго, Мардукъ (читай: жрецы), предалъ въ руки Кураша.

ность котораго положительно неопровержима, такъ какъ онъ подтверждается другимъ цилиндромъ, мы узнаемъ, какъ на самомъ дѣлѣ произошло взятіе Вавилона,—совсѣмъ не такъ, какъ выходитъ по разнымъ источникамъ, которымъ поневолѣ приходилось слѣдовать до этихъ новѣйшихъ открытій. Нѣтъ ни войны, ни осады, ни обороны, ни излитія Евфрата въ большой водоемъ, ни ночной атаки; вмѣсто того: возстаніе, измѣна, добровольная сдача, мирная оккупація и тріумфальный въѣздъ черезъ улицы, «чернѣющія народомъ». Единственное сраженіе, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ-быть совпадаетъ съ тѣмъ, которое Геродотъ упоминаетъ (кн. I, 190), но его повѣствованіе, за этимъ исключеніемъ, невѣрно ни по одному пункту. Набонидъ, очевидно, былъ преданъ въ руки Гобрія собственными подданными, измѣнниками, вѣроятно жрецами же. Смерть его на восьмой день послѣ прибытія Кира—черта некрасивая; но, принимая во вниманіе хорошо извѣстныя качества Кира, наврядъ ли можетъ коснуться его подозрѣніе. Во всякомъ случаѣ, свидѣтельство этого неоспоримаго памятника окончательно опровергаетъ разныя неизвѣстно откуда взявшіяся розсказни, въ родѣ того, что царь, будто, самъ сдался Киру, который, будто бы, принялъ его очень милостиво и далъ ему какую-то область близъ Персіи, куда онъ удалился и тамъ мирно дожилъ свой вѣкъ. Темноватое мѣсто о «непокорныхъ въ землѣ Гути» какъ будто относится къ попыткѣ вѣрнаго отряда горцевъ выдержать осаду въ одной изъ храмовыхъ

оградъ. Очень можетъ быть, что ими командовалъ царевичъ, Валтассаръ, имя котораго не упоминается; ужъ не погибъ ли онъ въ отчаянной свалкѣ? Этимъ объяснился бы разсказъ въ книгѣ пророка Даніила, описывающій часть событія. Что̀ же касается пиршества, то вѣдь было какъ разъ время ежегоднаго праздника Думузи (или Ѳаммуза), въ посвященномъ ему мѣсяцѣ, и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что его, изъ религіознаго усердія, отпраздновали даже въ эту отчаянную годину.

Киръ ублажаетъ жрецовъ и освобождаетъ іудеевъ.

24.—Киру нельзя было засиживаться въ какой-либо части своего царства, теперь уже обширнѣйшаго въ мірѣ. Однако, онъ пробылъ въ Вавилонѣ нѣсколько мѣсяцевъ, устраивая, учреждая, примиряя, дѣлая все, что̀ только можетъ дѣлать самый просвѣщенный государственный человѣкъ, дабы основать свое владычество не на боязни, а на благодарности и довольствѣ своихъ новыхъ подданныхъ. Ничѣмъ нельзя такъ скоро и прочно привязать къ себѣ народъ, какъ выказывая уваженіе къ его религіи. Киръ, поэтому, не задумываясь, являлся въ храмахъ и приносилъ жертвы богамъ древней столицы, называя себя и сына своего Камбиза «поклонниками Мардука, великаго Владыки», и каждодневно молился богу Набу̀, испрашивая долгоденствіе и успѣхъ для сына и себя. О болѣе осязательныхъ милостяхъ и благодарностяхъ не упоминается въ извѣстныхъ до сихъ поръ документахъ; но нельзя себѣ представить, чтобы, на радостяхъ легко доставшейся побѣды, завоеватель поскупился на щед-

роты тѣмъ, которые уготовили ему пути. Судить о томъ можно по тому, какъ онъ наградилъ іудеевъ. Онъ отпустилъ ихъ изъ неволи, велѣлъ имъ возвращаться на родину и строить вновь Іерусалимъ и храмъ, для чего онъ подарилъ имъ участокъ лѣса въ Ливанскихъ горахъ, и возвратилъ имъ всю священную утварь и сосуды изъ золота и серебра, которые Навуходоносоръ увезъ и роздалъ вавилонскимъ храмамъ. Онъ издалъ по этому поводу прокламацію, въ которой объявлялъ свою волю и приказывалъ всѣмъ и каждому содѣйствовать святому дѣлу посильными дарами и оказываніемъ всяческой помощи. Во вступленіи къ этой прокламаціи онъ выражается, какъ поклонникъ Іеговы, говоря, что «Богъ небесный повелѣлъ ему выстроить Ему домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ»,—совершенно такъ, какъ, обращаясь къ вавилонянамъ, онъ называетъ себя поклонникомъ Мардука и заявляетъ, что «Мардукъ, великій Владыка», приказалъ ему перестроить его святилище. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ самъ исповѣдалъ вавилонскую или іудейскую вѣру, или измѣнялъ маздеизму,—хотя позволительно полагать, что онъ, въ качествѣ единобожника, чувствовалъ больше симпатіи къ поклонникамъ Іеговы, нежели къ почитателямъ Мардука. Но, въ сущности, онъ дѣйствовалъ согласно своему всегдашнему правилу: домогаться довѣрія и привязанности своихъ подданныхъ,—а для этого онъ непремѣнно долженъ былъ, находясь среди нихъ, наружно сообразоваться съ ихъ манерой выражаться и съ ихъ богослуженіемъ.

25. — Ранней весной въ слѣдующемъ году (537), такъ по крайней мѣрѣ вычитали въ послѣднихъ, сильно попорченныхъ строкахъ «лѣтописнаго цилиндра», — Киръ покинулъ Вавилонъ, оставивъ тамъ своимъ намѣстникомъ старшаго сына своего, Камбиза. Не видать, чѣмъ собственно онъ былъ занятъ всѣ слѣдующія восемь лѣтъ. Часть этого времени онъ, должно-быть, провелъ дома, и извѣстно, что онъ сложилъ въ своемъ новомъ дворцѣ въ Пасаргадахъ бо́льшую часть несмѣтныхъ богатствъ, добытыхъ въ сокровищницахъ трехъ столицъ: Сардъ, Экбатаны и Вавилона. Древніе историки несогласны между собою насчетъ его смерти, послѣдовавшей въ 529 г. до Р. Х. Вѣроятнѣе всего, что онъ погибъ въ походѣ противъ Массагетовъ, отдаленнаго и крайне варварскаго скиѳскаго племени, кочевавшаго гдѣ-то далеко на сѣверо-востокѣ отъ Аральскаго моря. Такъ разсказываетъ и Геродотъ, но разсказъ его, по обыкновенію, такъ затемненъ баснями и несообразностями, что не выдерживаетъ никакой критики. Но сколько бы ни собрали мы фактовъ и достовѣрнѣйшихъ подробностей, ничто не могло бы еще усилить тѣ чувства уваженія и удивленія, которыя эта свѣтлая, величественная личность внушала своимъ современникамъ и теперь еще внушаетъ далекому потомству. Киръ не только былъ, въ высшемъ смыслѣ, *хорошимъ* государемъ; нѣтъ — онъ былъ *первымъ* хорошимъ государемъ, о которомъ повѣствуетъ исторія. Онъ, кромѣ того, за исключеніемъ аѳинянина Солона,—первый достовѣрно извѣстный

Скудость свѣдѣній о послѣднихъ годахъ Кира. Смерть его. (529 г. до Р. Х.).

намъ истинно великій и хорошій человѣкъ *нашей*, арійской или индо-европейской расы. Его величіе прекрасно характеризуется его любимой, краткой надписью, болѣе краснорѣчивой въ своей благородной простотѣ, чѣмъ всѣ самохвальства ассирійскихъ царей: «Я — Курушъ, царь, Ахеменидъ».

Примѣчаніе. Неожиданное открытіе аншанскаго царскаго дома естественно произвело большой переполохъ въ ученомъ мірѣ и привлекло къ разнымъ скороспѣлымъ выводамъ, весьма скоро оказавшимся совершенно несостоятельными. Такъ, Киръ вдругъ очутился эламитомъ туранскаго или кассптскаго племени, многобожникомъ и даже идолопоклонникомъ. Доказывали, что самое имя его, съ окончаніемъ на *ушъ* или *ашъ*, не арійское, а касситское. То же доказывалось и по поводу имени его сына,—Камбуджія, какъ оно является на памятникахъ. Но теперь, когда его арійское происхожденіе уже никѣмъ не оспаривается, его уступки религіозному чувству побѣжденныхъ имъ народовъ объясняются здравымъ политическимъ расчетомъ. Что́ же касается обоихъ именъ, то трудно найти имена болѣе несомнѣнно арійскія, притомъ древне-арійскія: оба встрѣчаются въ древнѣйшей индійской литературѣ: «Куру» назывался арійскій народъ въ сѣверной Индіи, а также знаменитый родъ героевъ-царей; а въ сѣверо-западномъ углу Индіи жилъ другой арійскій народъ, извѣстный подъ именемъ «Камбоджа». Это имя до сихъ поръ живо, и принадлежитъ землѣ, сопредѣльной съ Сіамомъ. (См. въ особенности De Harlez въ «Muséon» I, 4; Spiegel «Die Altpersischen Keilinschriften», 2-е изд. стр. 86; и H. Zimmer, «Altindisches Leben», стр. 102 и сл.).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ XI.

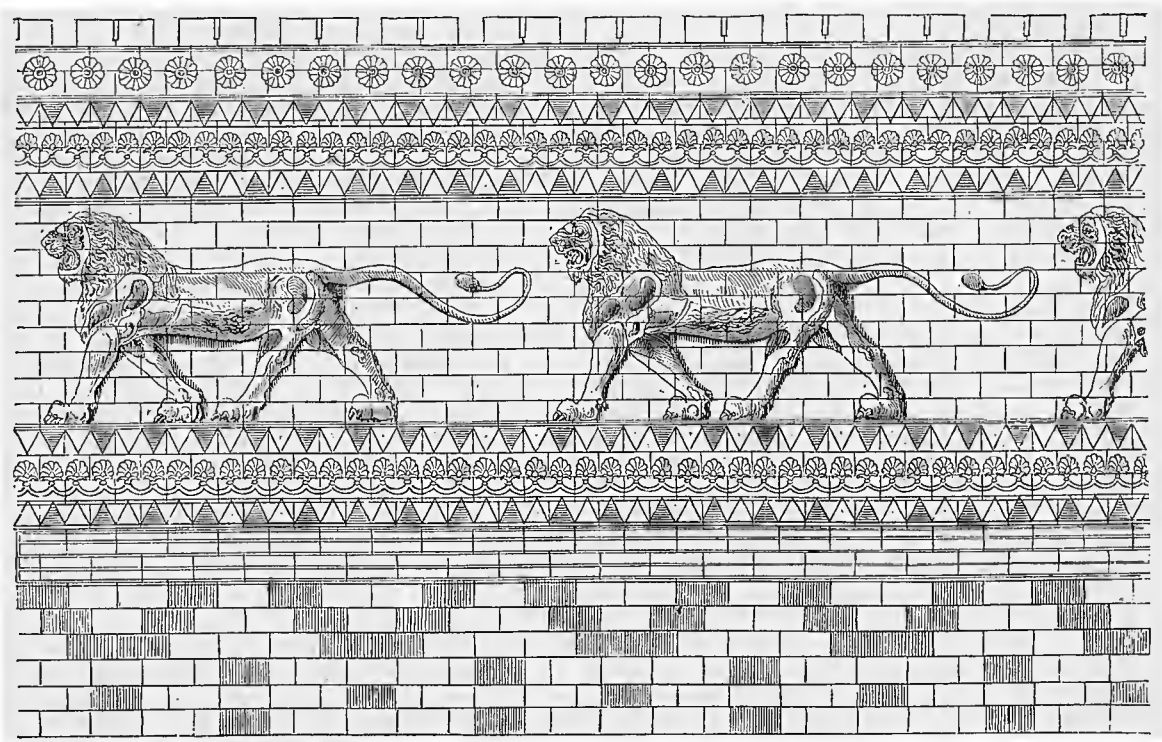
Открытія супруговъ Дьёляфуà (Dieulafoy) въ Сузѣ.

Изо всѣхъ историческихъ раскопокъ, предпринятыхъ въ западной Азіи, раскопки, производившіяся въ Сузѣ и Хамаданѣ (Экбатана) до 1885 г., приносили бѣднѣйшіе результаты. Суза особенно огорчала ученыхъ. Ни Лофтусу, ни другимъ изслѣдователямъ, хотя они приблизительно знали, гдѣ нѣкогда стояли дворцы Ахеменидовъ, не посчастливилось напасть на сколько-нибудь интересные остатки, благодаря глупому упорству и злостному изувѣрству мусульманскихъ властей въ Дизфулѣ, городѣ, построенномъ близко отъ мѣста древней столицы Элама. Въ мартѣ 1885 г. французская экспедиція, подъ предводительствомъ ученой и мужественной четы, Э. Дьёляфуà и его жены, посѣтила развалины, твердо рѣшившись преодолѣть всевозможныя препятствія, выдержать всевозможныя лишенія и труды, но не возвращаться съ пустыми руками. Французы были вознаграждены за ихъ настойчивость множествомъ необыкновенно цѣнныхъ находокъ, которыя впослѣдствіи были помѣщены въ Лувр-

скомъ музеѣ, гдѣ онѣ составляютъ достойное дополненіе къ коллекціи де-Сарзэка. *)

Самое мѣсто не трудно было отыскать по разнымъ безошибочнымъ примѣтамъ. «Городъ Суза,— пишетъ Дьёляфуà:—разрѣзывался на двѣ половины широкой рѣкой,—древнимъ Хоаспомъ, который арабы нынѣ называютъ Аль-Каркха. На правомъ берегу находилась многолюдная часть города, на лѣвомъ помѣщались царскій городъ, крѣпость и дворецъ, развалины котораго погребены въ огромномъ курганѣ, возвышающемся посреди другихъ, меньшихъ кургановъ, словно крутой островокъ среди моря. Вдоль рѣки растетъ нѣсколько деревьевъ, — послѣдніе потомки священныхъ рощъ, поруганныхъ Ашурбанипаловыми воеводами». Извѣстно, что Дарій, сынъ Гистаспа (второй преемникъ Кира), перестроилъ и разукрасилъ Сузу, и французы стали искать, прежде всего, его дворецъ. Но оказалось, что дворецъ этотъ сгорѣлъ, и что надъ пожарищемъ Даріевымъ внукомъ, Артаксерксомъ, былъ воздвигнутъ другой, болѣе великолѣпный; это доказывается длинной клинописной надписью, содержащей имя и родословную этого царя, которая тянулась вдоль дивнаго фриза изъ расписанныхъ изразцовъ, изображающаго шагающихъ львовъ. Фризъ этотъ представлялъ главный декоративный мотивъ портиковъ на колоннахъ. Онъ, понятно, былъ найденъ не на своемъ мѣстѣ и не въ цѣлости. Его пришлось съ великимъ терпѣніемъ собирать изъ

*) См. «Ист. Халдеи», стр. 108 и сл.



„Львиный фризъ", изъ глазированныхъ изразцовъ, въ Сузѣ.

(Фонъ: бирюзово-голубой; львы—бѣлые, отчасти желтые и зеленые; надпись—бѣлыми письменами; узоръ подъ фризомъ (облицовка стѣны)—сѣрый съ розовымъ.

кусковъ. Но этихъ кусковъ нашлось такое множество, что удалось возстановить фризъ почти цѣликомъ. Получилась процессія изъ девяти чудныхъ звѣрей, произведеніе искусства, по общему приговору, ничѣмъ не уступающее вавилонскимъ образцамъ, подражаніемъ которымъ его приходится признать.

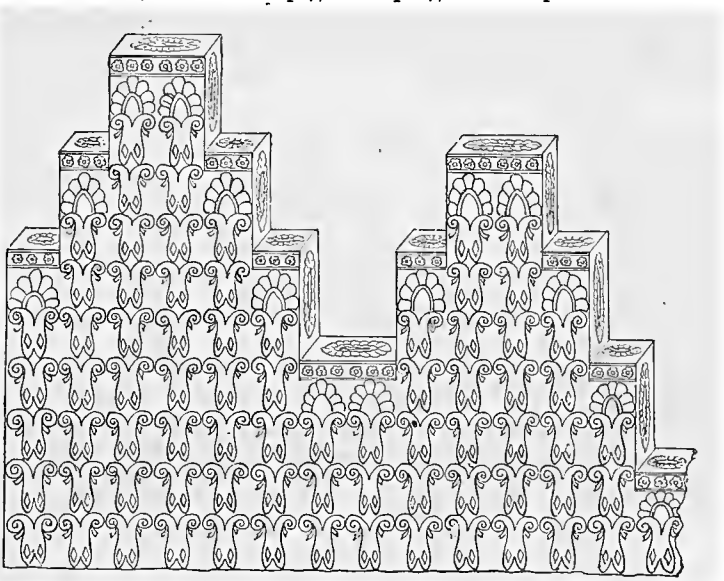
Деталь узора, вотканнаго въ одежду стрѣлка.
(См. Фронтиспись).

Такимъ же способомъ, изъ тщательно собранныхъ кусковъ, Дьёляфуа удалось возстановить еще одну удивительную работу,—фризъ, изображающій стрѣлковъ, царскихъ тѣлохранителей. «Мнѣ приносили,—пишетъ онъ:—сегодня руку, завтра ногу, а тамъ кусокъ обуви. Подбирая куски, я собралъ ноги, подолъ ризы, туловище, руки, плечо, наконецъ голову, и получилъ—цѣлаго стрѣлка». Этихъ стрѣлковъ была цѣлая

процессія, также какъ и львовъ. Костюмъ — роскошный до-нельзя: изящная, граціозная «мидійская риза». Драпировка естественнымъ, мягкимъ паденіемъ складокъ уже изобличаетъ вліяніе греческаго искусства, привитого къ условному типу ассирійской скульптуры. Покрой одежды одинъ для всѣхъ, но узоры на матеріи разные: очевидно, показаны мундиры разныхъ полковъ. Волоса сдерживаются золотыми ободками, на рукахъ запястья, въ ушахъ золотыя серьги. На копьяхъ у нижняго конца древка, серебряный шаръ. Изъ Геродота извѣстно, что именно такова была обмундировка царской стражи изъ отборныхъ воиновъ, которую называли просто «Десять Тысячъ» или «Безсмертные», по ихъ числу и потому, что когда умиралъ одинъ, въ бою или своей смертью, его немедленно замѣщалъ другой, такъ что этихъ стражниковъ всегда было ровно десять тысячъ, ни однимъ больше, ни однимъ меньше. Интересно убѣдиться въ вѣрности описанія, черезъ двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ, по современнымъ изображеніямъ этого знаменитаго отряда! Особенно интересна слѣдующая деталь: въ матеріи вотканы, или вышиты на ней, гербы, весьма похожіе на тѣ, которыми въ средніе вѣка отличались одежды свитъ знатныхъ или королевскихъ родовъ. Вотъ что̀ пишетъ объ этомъ Дьёляфуа̀:

«...На бѣломъ фонѣ разбросаны на правильномъ разстояніи черные ромбы съ желтымъ ободкомъ. Въ серединѣ каждаго ромба бѣлый бугоръ, а на немъ три башни, одна желтая, двѣ бѣлыя; все это обведено такимъ же желтымъ рельефнымъ обод-

комъ. Это украшеніе самымъ явственнымъ образомъ представляетъ цитадель города Сузы; такъ, по крайней мѣрѣ, она изображается на ассирійскихъ изваяніяхъ, относящихся къ взятію Сузы Ашурбанипаломъ. Когда знатные средневѣковые вельможи заставляли свои свиты носить одежду съ вышитыми или вотканными своими гербами, имъ ужъ вѣрно не снилось, что ихъ опередили персидскіе монархи!»



Зубчатый парапетъ лѣстницы, облицованный глазированными изразцами.
(Дворецъ Артаксеркса въ Сузѣ).

«Львиный фризъ» и «Стрѣлковый фризъ»— не одни образцы декоративнаго искусства, открытые въ Сузѣ. Едва ли менѣе красива облицовка изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ, украшавшая зубчатыя перила, — вѣрнѣе, парапетъ, — большой двойной лѣстницы, ведущей въ обширный дворцовый дворъ, по такой едва замѣтной отлогости,

съ такими низкими, глубокими ступенями, что легко можно подняться по ней верхомъ. Сочетанія цвѣтовъ въ многочисленныхъ обломкахъ, собранныхъ при раскопкахъ, довольно смѣлыя, но замѣчательно гармоничны въ цѣломъ эффектѣ.

Царская печать Ахеменидовъ.
(Найдена въ Сузѣ).

Дьёляфуа упоминаетъ слѣдующія сочетанія, какъ наиболѣе часто встрѣчающіяся:

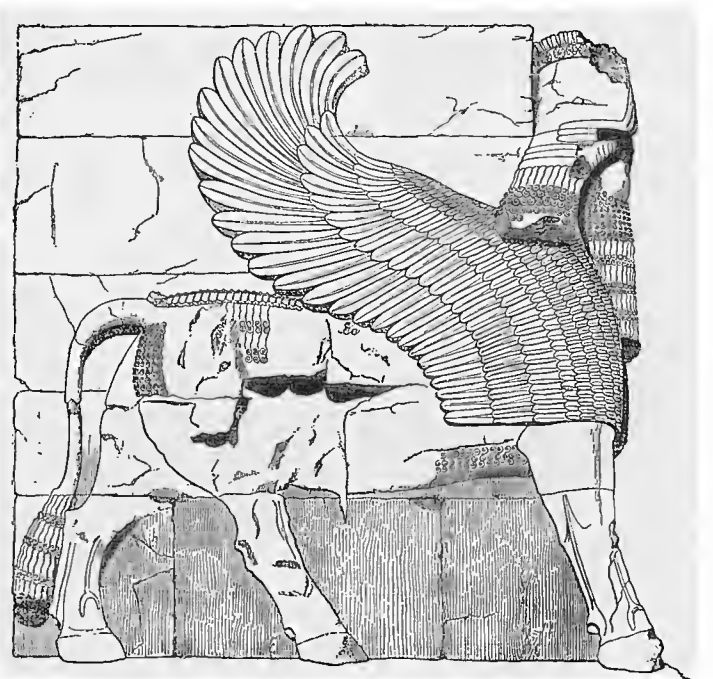
На голубомъ фонѣ, преобладающій цвѣтъ — бѣлый, мѣстами (не часто), зеленый и блѣдно-желтый.

На темно-зеленомъ фонѣ, преобладающій

цвѣтъ — золотистый, мѣстами голубой и бѣлый.

На черномъ фонѣ, преобладающій цвѣтъ — золотистый, мѣстами блѣдно-зеленый и бѣлый.

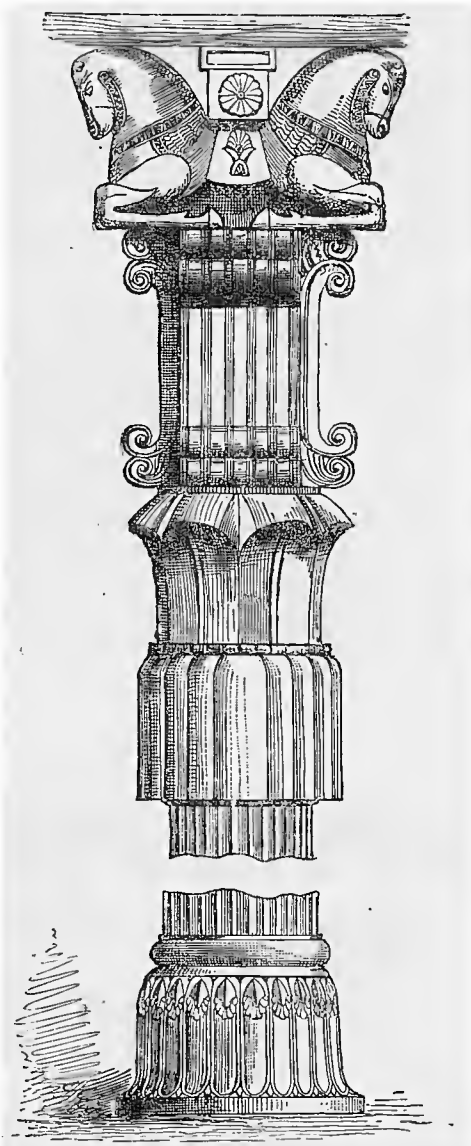
Внутренняя облицовка воротъ — бѣлая съ розо-



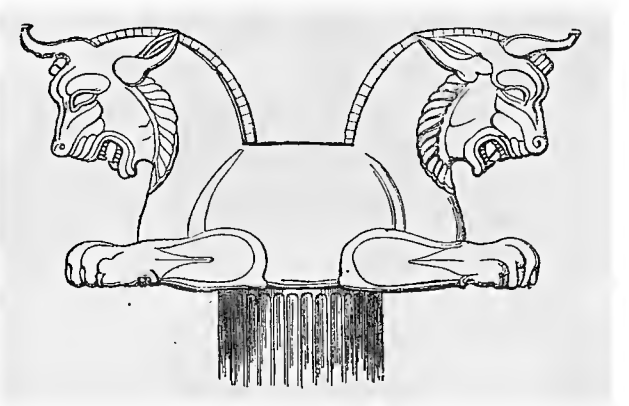
Крылатый быкъ.
(Въ Персеполѣ).

вымъ мозаика, а надъ нею тянется величественный «львиный фризъ».

Одна изъ самыхъ интересныхъ находокъ — государственная печать царей-Ахеменидовъ; не отпечатокъ, а самая печать, конической формы,

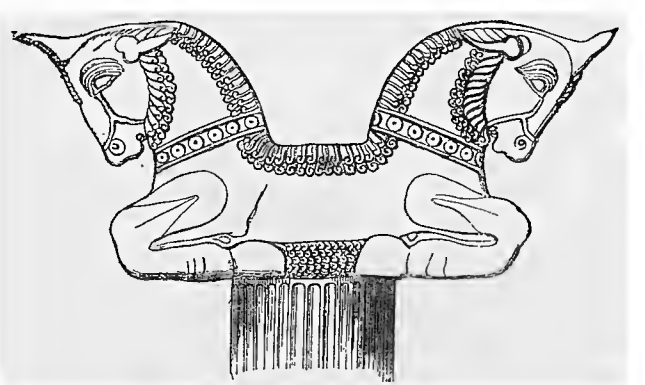


Персидская колонна.
(Цоколь и капитель).



Капитель съ грифами.

изъ дорогого сѣраго камня въ родѣ опала. Сфинксы по обѣимъ сторонамъ медальона съ царскимъ бюстомъ, — египетскій мотивъ, доказывающій, что эта печать была сдѣлана уже послѣ завоеванія Египта. Но всего замѣчательнѣе фигура въ крылатомъ кругѣ, парящая надъ медаль-



Капитель съ единорогами.

ономъ. Это — явное подражаніе ассирійскому ашуровскому символу и, подобно ему, всегда является надъ царемъ или впереди его на всѣхъ изваяніяхъ, на которыхъ изображены Ахемениды, на стѣнахъ и на скалахъ. Ясно, что они присвоили себѣ этотъ условный символъ, примѣняя его къ своему верховному богу, Ахура-Маздѣ, почему мы и находимъ его на всѣхъ ихъ памятникахъ, будь то дворцы или гробницы. Разница единственно въ крыльяхъ — изогнутыхъ, тогда какъ у ассирійцевъ они прямыя *). То же измѣненіе мы находимъ и въ крылатыхъ быкахъ, поставленныхъ у воротъ дворцовъ въ Персеполѣ, столицѣ позднѣйшихъ Ахеменидовъ.

Еще найдена въ Сузѣ колонна, самый совершенный образецъ своего рода, гораздо лучше сохранившаяся, чѣмъ колонны въ Персеполѣ, но того же типа, съ тою же своеобразной, сложной орнаментаціей капители, которая представляетъ, повидимому, собственное измышленіе персидскаго искусства. Нигдѣ болѣе не встрѣчаются капители, составленныя изъ животныхъ,— то коней, то быковъ, или львовъ, — скорѣе грифовъ.

---

*) См. «Ист. Ассиріи», стр. 15—20.

XII.

Камбизъ. 529—522 г. до Р. Х.

Воцареніе Камбиза.

1. — Камбизъ былъ старшимъ сыномъ великаго Кира и царицы Кассанданы, персіянки, изъ рода Ахеменидовъ, и потому всѣми признавался за законнаго наслѣдника отца въ родовой вотчинѣ его, Персіи, и въ созданной имъ обширной державѣ. Одинъ греческій писатель, правда, называетъ его сыномъ Амиты, но это явный вымыселъ, взятый изъ мидійскаго источника. Если бы Камбизъ былъ сыномъ иностранки, онъ не былъ бы допущенъ царствовать, и подавно не вступилъ бы на престолъ такъ спокойно, не возбуждая никакихъ споровъ и протестовъ. Онъ не былъ новичкомъ въ правительскомъ дѣлѣ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ пробылъ въ Вавилонѣ намѣстникомъ отца, и на нѣсколькихъ плиткахъ изъ архива Эгиби, помѣченныхъ этими годами, онъ титулуется «царемъ Баб-Илу», Киръ же — «царемъ земель».

Несчастная натура Камбиза и ревность его къ брату.

2.—Нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что Камбизъ имѣлъ честное желаніе править хорошо и справедливо; есть факты, доказывающіе, что онъ неоднократно старался слѣдовать по стопамъ отца. Въ немъ было немало благородныхъ качествъ; но онъ совершенно не имѣлъ того самообладанія, той уравновѣшенности характера, въ кото-

рыхъ главнымъ образомъ заключалось величіе его отца. Онъ допустилъ своимъ недостаткамъ затьмить, задушить все лучшее въ немъ, а недостатки эти, къ несчастью, были именно такіе, которые всѣхъ ужаснѣе и опаснѣе въ человѣкѣ, облеченномъ самодержавной властью: подозрительность и необузданная запальчивость. Гнѣвъ часто уносилъ его за всякіе предѣлы благоразумія, даже благоприличія, превращая въ немъ самыя внушенія правосудія въ изступленіе безумца. Такъ, однажды, поймавъ одного изъ семи членовъ верховнаго суда на лихоимствѣ, онъ приказалъ содрать съ него живого кожу, обить его стулъ въ судѣ этой кожей, и принудилъ сына его, назначивъ его на мѣсто отца, сидѣть на этомъ стулѣ во время судоговоренія,—для памяти. Правда, онъ скоро самъ жалѣлъ о своихъ неистовствахъ; все же онъ долженъ былъ внушать своимъ приближеннымъ скорѣе страхъ, чѣмъ любовь, и вполнѣ понятно то, что разсказываетъ Геродотъ со слышанныхъ имъ въ народѣ словъ, будто Кира подданные называли «отцомъ», Камбиза же только «господиномъ». Онъ зналъ объ этомъ чувствѣ къ нему и горько на то сѣтовалъ. Его безъ того уже непривѣтливую натуру еще растравляла ревность къ младшему,—и единственному,—брату своему Бардіѣ*), въ ко-

*) Греки называютъ его Смердисомъ, — вѣроятно, разслышавъ «Бердисъ». Иные его зовутъ Танаоксаромъ или Таніоксаркомъ; ученые иранисты полагаютъ, что это — искаженное слово «*тауварахшатра*», т. е. «князь лука», что̀ весьма вѣроятно, потому что Бардія слылъ лучшимъ стрѣлкомъ во всей Персіи.

торомъ онъ не безъ основанія подозрѣвалъ любимца народа и потому видѣлъ себѣ опаснаго соперника. Однако, онъ сначала поступалъ честно, даже великодушно по отношенію къ брату: назначилъ или утвердилъ его намѣстникомъ Хорасміи, Бактріи, Пароіи и Карманіи, т. е. почти всего восточнаго Ирана, по отцову завѣщанію.

Очередь за Египтомъ.

3. — Весьма вѣроятно, что, согласно общему обычаю восточной политики, хорошо извѣстному намъ изъ исторіи Ассиріи, смерть царя послужила сигналомъ къ возстанію въ нѣкоторыхъ изъ покоренныхъ имъ земель, и что въ этомъ нужно искать объясненія того, что̀ говоритъ Геродотъ: будто «Камбизъ за̀ново покорилъ народы, покоренные уже Киромъ», — послѣ чего онъ началъ готовиться къ походу на Египетъ. Это было какъ нельзя болѣе естественно: самый ходъ событій выдвигалъ покореніе Египта, какъ первое на очереди дѣло. Всемірная держава, очевидно задуманная Киромъ, была бы неполна безъ Египта. Не было недостатка и въ приличномъ предлогѣ: Амазисъ развѣ не посулилъ Лидіи помощь противъ Персіи? Исполнить обѣщаніе помѣшала ему единственно необыкновенная быстрота движеній завоевателя. И развѣ такое нахальство могло пройти ненаказаннымъ? Было бы даже странно, если бы мысли новаго царя не обратились въ сторону Египта. Но такое объясненіе было слишкомъ просто для древнихъ историковъ; они любили замысловатыя повѣсти и, если можно, съ нравоученьемъ. Итакъ, они пресерьезно разсказываютъ, что Камбизъ послалъ

къ Амазису просить у него одну изъ его дочерей въ жены, и что узурпаторъ, теперь уже твердо сидѣвшій на престолѣ, не желая посылать родную дочь въ далекую, мало извѣстную землю и отдать ее въ полную власть мужа, о сумасбродствѣ котораго, вѣроятно, и до него дошли слухи, придумалъ хитрость (прямо отказать было бы слишкомъ опасно), и отправилъ къ Камбизу, выдавая ее за свою, дочь свергнутаго имъ съ престола царя Хофры (или Апрія), красавицу Нитетиду. Она поѣхала охотно, видя въ этомъ прекрасный случай отмстить за отца и весь свой родъ: стоило только сказать Камбизу, какъ его одурачили, — что она и сдѣлала. Онъ, понятно, пришелъ въ такую ярость, что тутъ же сулилъ Египту погибель. Вся эта исторія до смѣшного неправдоподобна, хотя бы потому одному, что Нитетидѣ должно было быть за сорокъ лѣтъ. Но у египтянъ была своя версія, гораздо хитрѣе составленная: они сказали Геродоту (который, однако, не повѣрилъ имъ), что Нитетида была одной изъ женъ Кира и матерью Камбиза. Этотъ вымыселъ приплеталъ Камбиза къ египетскому царскому дому и превращалъ завоеваніе просто въ вооруженную перемѣну династіи,—(не рѣдкость въ Египтѣ),—самъ же завоеватель кстати являлся мстителемъ за родного дѣда.

Приготовленія съ обѣихъ сторонъ.

4.—Египетская кампанія, хотя вѣроятно была задумана съ самаго начала новаго царствованія, не могла состояться до четвертаго года. Она была сопряжена съ большими трудностями, и Камбизъ былъ настолько уменъ, что вполнѣ ихъ

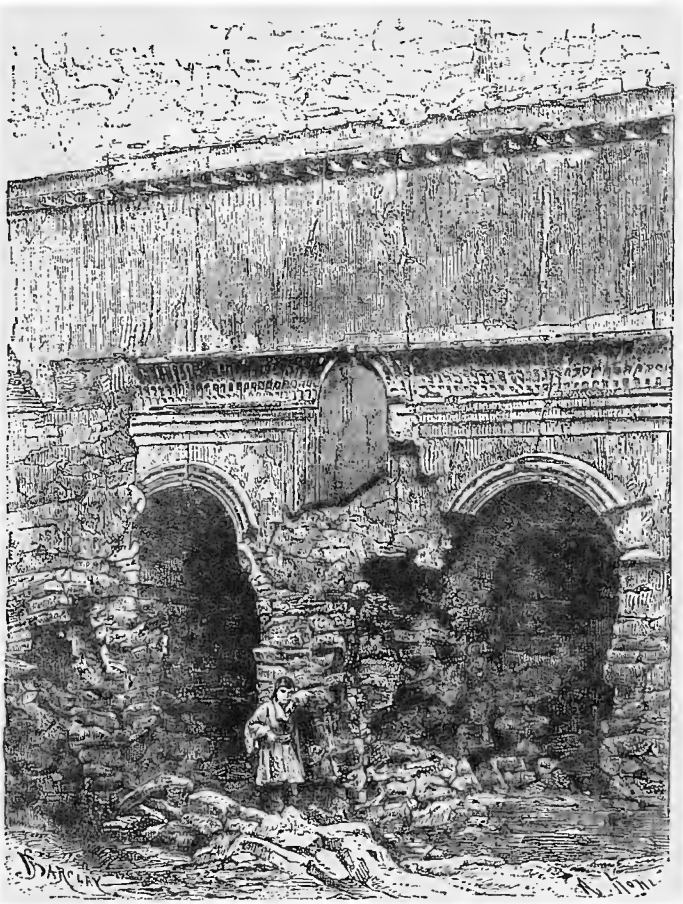
признавалъ и соразмѣрялъ съ ними свои приготовленія. Такимъ врагомъ, какъ Амазисъ, не приходилось пренебрегать. Онъ втихомолку сдѣлалъ много такого, что̀ должно было значительно противъ прежняго затруднить завоеваніе. Онъ занялъ островъ Кипръ, подружился съ нѣсколькими греческими островами, чѣмъ обезпечилъ себѣ пользованіе немалыми морскими силами, и кромѣ того помѣшалъ оккупаціи этихъ островъ персами, которая иначе непремѣнно бы послѣдовала за покореніемъ греческихъ приморскихъ городовъ въ Малой Азіи. Амазисъ притомъ былъ тѣмъ, что̀ по-нашему можно бы назвать «либераломъ». Онъ шелъ на проломъ противъ узкихъ, упорныхъ предразсудковъ своего народа, даже жертвуя для этого отчасти своей популярностью. Такъ, онъ пустилъ въ Египетъ грековъ, разрѣшивъ имъ имѣть собственное поселеніе у устьевъ Нила, содержалъ отрядъ греческаго наемнаго войска, и даже взялъ себѣ жену изъ греческой колоніи, Кирены. Онъ могъ, поэтому, полагаться на бдительность и помощь своихъ новыхъ заморскихъ друзей, хотя и цѣной отчужденія большой части египтянъ. Камбизъ рѣшился выставить противъ флота—флотъ, противъ грековъ—грековъ же. Онъ приказалъ іонійскимъ и финикійскимъ городамъ экипировать свои корабли и содержать ихъ въ готовности при первомъ словѣ двинуться на подмогу сухопутной арміи. Города повиновались безъ малѣйшаго признака неудовольствія или измѣны, изъ чего можно заключить, что персидскія власти обходились съ

ними мягко и справедливо, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ прежними завоевателями. Вышелъ приказъ флотамъ,—іонійскому и финикійскому,—соединиться пониже горы Кармила и оттуда плыть въ южномъ направленіи, вдоль берега, прикрывая собою армію, которая должна была идти обычной дорогой. Часть этой дороги, на протяженіи нѣсколькихъ дней, проходила черезъ ужасную пустыню, поперекъ Синайскаго полуострова. Но Камбизу удалось расположить къ себѣ шейховъ бедуинскихъ племенъ,—мидіанитовъ и амалекитянъ, — настоящихъ хозяевъ полуострова, такъ что они обѣщали не тревожить его арміи и даже снабжать ее водой, и сдержали слово. Счастіе, казалось, захотѣло довершить начатое съ такой предусмотрительностью дѣло: Камбизъ уже собирался въ путь, когда къ нему явился грекъ, дезертиръ, нѣкто Фанъ, командовавшій греческой стражей Амазиса и тайно ушедшій къ персамъ, считая себя чѣмъ-то обиженнымъ. Амазисъ, ясно сознавая, какія дурныя послѣдствія этотъ побѣгъ могъ имѣть для Египта, послалъ сильную погоню за дезертиромъ. Его прослѣдили до Лидіи и тамъ схватили; но онъ и тутъ успѣлъ ускользнуть изъ рукъ египтянъ и добрался до персидскаго двора. Онъ былъ допущенъ въ свиту царя и вполнѣ оправдалъ опасенія Амазиса, такъ какъ, своимъ знаніемъ страны и совѣтами, былъ крайне полезенъ персамъ.

Умерщвленіе Бардіи.

5.—Наконецъ все было готово (525 до Р. Х.). Но царь еще мѣшкалъ. Онъ покидалъ царство свое на мѣсяцы, быть-можетъ, на года, отправ-

ляясь, притомъ, въ опасный походъ. Кого оставить вмѣсто себя правителемъ? Всего естественнѣе, конечно,—родного брата, Бардію; онъ же и наслѣдникъ, такъ какъ Камбизъ не имѣлъ дѣтей... Но врожденное, закоснѣлое недовѣріе всѣхъ восточныхъ деспотовъ къ своимъ кровнымъ роднымъ не допускало такой мысли, а въ Камбизѣ чувство это еще усугублялось ревнивой и подозрительной до мономаніи натурой, такъ что ему невыносима была мысль даже просто оставить брата дома. Ему безпрестанно чудились заговоры и посягательства на его власть: Бардія, какъ правитель всего восточнаго Ирана, т. е. почти половины царства, къ тому же не особеннно твердой въ вѣрноподданствѣ, и какъ любимецъ народовъ, безъ того уже слишкомъ легко могъ подбить ввѣренныя ему области на открытое возстаніе и, въ такомъ случаѣ, располагалъ бы достаточными силами, чтобы одолѣть другую половину и завладѣть престоломъ отсутствующаго брата, — чего добраго, даже не встрѣтивъ большого сопротивленія. Сознаніе собственной непопулярности было у Камбиза больнымъ мѣстомъ, и онъ, ворочая въ душѣ эти мрачныя предчувствія, додумался до такого умопомраченія, что въ минуту изступленія приказалъ тайно умертвить брата, въ безумной надеждѣ найти въ преступленіи душевный покой. Неизвѣстно, какъ именно было совершено злодѣяніе, потому что разсказы разныхъ греческихъ писателей противорѣчивы между собой и всѣ явно недостовѣрны. Но, для установленія самаго факта, вполнѣ достаточно того,



Развалины дворца въ Фирузабадѣ.

что̀ мы читаемъ въ бегистунской надписи царя Дарія, преемника Камбиза. Вотъ это краткое, но не допускающее сомнѣнія, заявленіе:

«Мужъ, по имени Камбуджія, сынъ Куруша, изъ нашего рода, былъ здѣсь царемъ до меня. У этого Камбуджіи былъ

братъ, имя ему Бардія, отъ одного отца и одной матери, какъ и Камбуджія. Впослѣдствіи Камбуджія умертвилъ того Бардію. Когда Камбуджія убилъ Бардію, народу не было вѣдомо, что Бардія убитъ. Потомъ Камбуджія отправился въ Египетъ...»

Битва при Пелузіумѣ и покореніе Египта (525 до Р. Х.).

6.—Кампанія была недолга и успѣхомъ превзошла ожиданія. Пока обѣ стороны къ ней готовились, въ Египтѣ произошли перемѣны: умнаго, осторожнаго Амазиса не стало, и когда персы дошли до восточнаго устья Нила, ихъ встрѣтилъ сынъ его, Псамметикъ III (греки чаще называютъ его Псамменитомъ). Была всего одна битва, близъ города Пелузіума,—битва рѣшительная. Псамметикъ сразу отступилъ въ Мемфисъ съ главнымъ корпусомъ своей арміи, думая отстоять этотъ древнѣйшій и святѣйшій городъ. Въ Пелузіумѣ продержался нѣкоторое время другой отрядъ, но не могъ устоять противъ непріятельскихъ соединенныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ. Сдача этой крѣпости настежь открыла Египетъ врагамъ; суда ихъ безпрепятственно поплыли вверхъ по Нилу прямо къ Мемфису и пришли туда раньше арміи, что̀ было весьма кстати, такъ какъ ей надо было перейти Нилъ для того, чтобы атаковать столицу, и поддержка флота оказалась весьма нелишнею. Столица какъ-то вяло защищалась. Одна цитадель, гарнизономъ которой командовалъ самъ царь, выказала твердость и мужество, но защитники ея численностью слишкомъ уступали врагамъ и были вынуждены сдаться. Благороднѣйшіе сыны земли, въ томъ числѣ самъ Псамметикъ, попали

въ плѣнъ. Этимъ собственно окончилась война, и вся страна покорилась персамъ почти радостно. Одна египетская надпись гласитъ: «Когда великій царь, владыка вселенной, Камбатетъ (Камбизъ), пошелъ на Египетъ, съ нимъ были народы со всего міра. Онъ овладѣлъ всей землей и повелѣлъ имъ въ ней селиться». Наврядъ ли, впрочемъ, дѣло прошло бы такъ гладко и единодушно, если бы царствующій домъ пользовался любовью народа. Что Амазисъ былъ узурпаторомъ, это было еще не бѣда: мало ли ихъ перебывало въ Египтѣ за сорокъ вѣковъ политической жизни! Только бы сумѣть поддѣлаться подъ народные вкусы и предразсудки. Но этого-то и не сдѣлалъ Амазисъ. Онъ водилъ дружбу съ греками, позволялъ имъ селиться въ египетской землѣ и даже набралъ себѣ изъ нихъ тѣлохранителей, не смущаясь тѣмъ, что народъ ихъ ненавидѣлъ и презиралъ. Это все были непростительные грѣхи въ глазахъ и черни, и надменныхъ изувѣровъ,—жрецовъ. Послѣдніе, вѣроятно, сыграли такую же предательскую роль, какъ ихъ вавилонскіе собратья, и Псамметику пришлось платиться за грѣхи отца, хотя онъ не раздѣлялъ его взглядовъ, а былъ истымъ консерваторомъ.

Религіозная терпимость Камбиза и его мягкое отношеніе къ Египту.

7.—Очутившись почти нежданно для самого себя властелиномъ такого великаго царства, гдѣ все должно было ему и его спутникамъ казаться странно и дико, Камбизъ велъ себя такъ, какъ было прилично сыну и ученику великаго Кира, который неизмѣнно держался золотого правила: милостиво обращаясь съ побѣжденными, уважать

Изваянія на скалѣ при Фирузабадѣ, эпохи Сассанидовъ.

ихъ обычаи и вѣру. Онъ оказывалъ плѣнному Псамметику почетъ и вниманіе; не было рѣчи о грабежѣ городовъ и храмовъ, поруганіи святынь, порчѣ плантацій и тому подобныхъ звѣрствахъ. Единственной жестокой мѣрой была казнь двухъ тысячъ юношей, жизни которыхъ персы настоятельно требовали въ отместку за избіеніе всей команды перваго персидскаго судна, прибывшаго въ Мемфисъ раньше товарищей и очутившагося отрѣзаннымъ отъ всякой помощи. Команда военнаго судна

въ то время состояла приблизительно изъ двухсотъ человѣкъ; а по восточнымъ понятіямъ, ничего безчеловѣчнаго не было въ требованіи десяти жизней въ уплату за одну: война! Впрочемъ, ничто не было измѣнено или нарушено въ законахъ, учрежденіяхъ, и вообще народной жизни. Въ главныя крѣпости было поставлено по гарнизону и назначенъ сатрапъ для наблюденія за порядкомъ и собиранія дани,—вотъ и все. Что̀ касается египетской религіи, формы богослуженія должны были показаться маздеисту не только отвратительными, но и въ высшей степени смѣшными, особенно богопочитаніе, воздаваемое столькимъ животнымъ, и полезнымъ и вреднымъ,—какъ-то: кошкѣ, шакалу, крокодилу, ибису,—а также бальзамированіе труповъ людей и священныхъ животныхъ. Несмотря на это, Камбизъ наружно сообразовался съ обычаями народа, которымъ судьба призвала его управлять, и добросовѣстно старался являться передъ нимъ настоящимъ фараономъ; въ такомъ видѣ онъ изображенъ въ одной стѣнописи, колѣнопреклоненнымъ передъ быкомъ Аписомъ, самымъ священнымъ изо всѣхъ животныхъ, въ которомъ египтяне чтили символъ самого Верховнаго Божества. Эта живопись существуетъ до сихъ поръ въ одной изъ галлерей подземной усыпальницы, нарочно устроенной для мумій многовѣкового ряда Аписовъ. Надпись гласитъ, что недавно скончавшійся Апись положенъ въ «мѣсто упокоенія», уготовленное для него Камбизомъ, а другая надпись извѣщаетъ о рожденіи

новаго Аписа въ пятый годъ его царствованія. Упомянутая выше надпись (на стр. 393), очень длинная, вырѣзанная на статуѣ египтянина, исправлявшаго разныя публичныя должности при Амазисѣ, Псамметикѣ II, Камбизѣ и Даріи, очень хвалитъ Камбиза за усердіе въ дѣлахъ вѣры, за щедрость къ храмамъ и ихъ служителямъ. Итакъ, все, что̀ Геродотъ разсказываетъ о кощунствахъ и святотатствахъ, будто бы совершаемыхъ Камбизомъ, до поруганія могилъ и собственноручнаго убіенія быка Аписа, въ припадкѣ бѣшенства, можно, не задумываясь, отнести къ баснямъ, которыми невѣжественные или недобросовѣстные провожатые угощали иностранцевъ съ патріотическимъ злорадствомъ. Греки же, современники Геродота, съ удовольствіемъ вѣрили имъ, потому что у самихъ таилась злоба на персовъ, отъ еще свѣжей, смертельной обиды, да и многіе персидскіе обычаи должны были казаться имъ безнравственными. Такъ, Геродотъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что Камбизъ женился на двухъ своихъ родныхъ сестрахъ, тогда какъ мы знаемъ, что его религія такіе браки не только допускала, но считала особенно святыми.

Умственное разстройство Камбиза. Походы въ пустыню.

8.— Взявъ Египетъ и прочно утвердивъ тамъ свое владычество, Камбизу слѣдовало бы уѣхать, оставивъ только правителей и гарнизоны. Но онъ все мѣшкалъ. Ему въ Персію не хотѣлось возвращаться; признаки умственнаго разстройства сказывались у него все сильнѣе, и все чаще находили на него припадки слѣпой, безпричинной ярости,

которые разрѣшались какимъ-нибудь убійствомъ и держали его приближенныхъ въ постоянномъ страхѣ за себя. Припадки эти становились тѣмъ болѣе необузданными, что онъ началъ пить безъ всякой мѣры, — порокъ не рѣдкій у персовъ. Весьма вѣроятно, что бичеванія его совѣсти за убіеніе ни въ чемъ неповиннаго брата были тайной причиной и его неохоты предстать передъ своимъ народомъ и этихъ безумныхъ припадковъ. Онъ искалъ развлеченія въ составленіи плановъ дальнѣйшихъ завоеваній и совсѣмъ-было собрался въ самую глушь Ливіи и Эѳіопіи. Еще замышлялъ онъ морскую экспедицію, противъ Карѳагена, на сѣверномъ берегу Африки. Но финикіяне наотрѣзъ отказали въ своихъ корабляхъ, не желая идти противъ собственной колоніи, а такъ какъ планъ этотъ былъ невыполнимъ безъ ихъ помощи, то Камбизъ долженъ былъ отъ него отказаться. А все-таки онъ послалъ часть своего войска на западъ, въ самую пустыню, овладѣть оазисомъ, славившимся очень древнимъ храмомъ и оракуломъ бога Аммона (одно изъ именъ верховнаго божества у египтянъ). Владѣть этимъ оазисомъ было очень важно для всякаго, кто хотѣлъ держать подъ своимъ контролемъ племена, раскинутыя между окрайной пустыни и поморьемъ. Отрядъ, посланный туда Камбизомъ, пропалъ безъ вѣсти; сохранилось преданіе между аммоніанами, что онъ погибъ въ самумѣ, занесенный песками пустыни. Въ Эѳіопію Камбизъ самъ повелъ свою армію, и тамъ ему повезло. Онъ пошелъ вверхъ по Нилу и дошелъ далѣе ассирійцевъ, до земли,

обитаемой настоящими неграми, представитель которыхъ, толстогубый, съ курчавой головой, одѣтый въ звѣриныя шкуры, является въ числѣ подданныхъ народовъ въ изваяніяхъ царскихъ дворцовъ въ Персеполѣ (см. рис. на стр. 403). Изъ этого факта, какъ изъ того, что отъ этихъ земель получалась дань, состоящая изъ рабовъ и слоновыхъ бивней, ясно, что походъ вышелъ удачный и кончился не простымъ хищническимъ набѣгомъ. Но на обратномъ пути, подходя уже къ предѣламъ Верхняго Египта, Камбизъ со всей арміей чуть не подвергся той же участи, какъ войска, погибшія въ пустынѣ.

Самозванецъ въ Персіи и общее возстаніе. Признаніе и самоубійство Камбиза (522 до Р. Х.).

9.—Прошло три года, а царь все сидѣлъ въ Египтѣ, — какъ вдругъ съ родины получились громовыя, невѣроятныя вѣсти: Бардія, братъ царевъ, будто бы, возсталъ противъ него, самъ себя провозгласилъ царемъ и во всѣ концы царства разослалъ гонцовъ, — объявить, чтобы народамъ отнынѣ повиноваться ему, а не Камбизу. Одинъ такой вѣстникъ явился въ Египетъ и сталъ мутить войска, нимало не смущаясь присутствіемъ царя. Такъ какъ смерть Бардіи хранилась въ глубокой тайнѣ, и народъ только думалъ, что онъ живетъ въ уединеніи въ своемъ дворцѣ (не рѣдкость на Востокѣ), то никому не пришло въ голову усомниться въ истинѣ привезеннаго извѣстія, и Камбизъ очутился лицомъ къ лицу съ той самой опасностью, одинъ воображаемый призракъ которой довелъ его до безумія и преступленія; но *такого* ужаса онъ никогда не представлялъ себѣ: словно духъ самого

убитаго брата всталъ изъ могилы и сѣлъ на его престолъ. Неохотно слѣдуя настоятельнымъ совѣтамъ своихъ родичей, князей Ахеменидовъ, и воеводъ, онъ приказалъ арміи собираться въ обратный путь. Но бодрость въ немъ была надломлена. Онъ одинъ зналъ навѣрно, что тамъ — самозванецъ, который, какъ-нибудь провѣдавъ, что Бардіи уже нѣтъ въ живыхъ, пользуется невѣдѣніемъ народа, чтобы разыграть роль. Онъ не имѣлъ никакой надежды,—совѣсть твердила ему, что онъ терпитъ заслуженную кару. Не было у него и сына, ради котораго бы вести борьбу, такъ что, даже въ случаѣ благопріятнаго исхода, наслѣдство великаго отца его все-таки должно было перейти къ младшей линіи. Персы, правда, народъ честный, не пойдутъ за самозванцемъ, разъ онъ будетъ разоблаченъ; но какъ могъ бѣдный царь убѣдительно доказать обманъ, не выдавая своей преступной тайны? А между тѣмъ, ради блага государства сдѣлать это совершенно необходимо,—и сдѣлать не медля. Онъ рѣшился смирить себя,—повиниться. Но пережить такое признаніе,—это уже превышало силу его гордаго духа. Къ тому же, онъ съ горечью сознавалъ, что по немъ не будутъ плакать: готовность, съ которой его подданные, одного съ нимъ племени, обитатели его родовой вотчинной области, откликнулись на первый же призывъ къ отпаденію отъ него, не была ли достаточнымъ доказательствомъ того, что онъ утратилъ ихъ любовь и довѣріе, что божественное Хварено, — «грозное Царственное Сіяніе»,—которое не пребываетъ тамъ, гдѣ

нѣтъ правды, отошло отъ него? (см. стр. 95 и 105). Онъ не ошибался: сыномъ великаго Кира, того, котораго они звали отцомъ, былъ для нихъ братъ его, не онъ; *онъ* былъ только «господинъ». Продолжительное отсутствіе окончательно разорвало связь между нимъ и его народомъ. И лучше было избавленіе государства, возстановленіе пошатнувшейся законной власти ввѣрить рукамъ безвиннымъ, чистымъ; никакое хорошее, святое дѣло не могло преуспѣвать въ рукахъ «хулителя Миѳры», братоубійцы. И вотъ, созвавъ совѣтъ изъ самыхъ приближенныхъ къ царской особѣ вельможъ, персовъ, Камбизъ разсказалъ имъ свою скорбную повѣсть съ простотой и достоинствомъ человѣка, который уже болѣе не отъ міра сего, просилъ ихъ,—въ особенности князей Ахеменидовъ,—исправить причиненное имъ зло, и—лишилъ себя жизни. Его молодому родственнику, Дарію, выпала нелегкая обязанность вести сильно деморализованную армію на родину и забрать запутанныя дѣла въ свои руки впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи.

Бегистунская надпись объ этомъ событіи.

10.—Такова эта глубоко трагическая драма, въ ея широкихъ, простыхъ чертахъ, освобожденная отъ противорѣчиваго пустословія, ребяческихъ анекдотовъ, которыми приправили ее греческіе хроникёры, весьма падкіе до международныхъ сплетенъ и скандаловъ, и освѣщенная бегистунской надписью, въ которой мы находимъ слѣдующій полновѣсный параграфъ:

«...Когда Камбуджія ушелъ въ Египетъ, тогда въ госу-

дарствѣ водворилось зло. Неправда развелась въ землѣ персидской и въ Мидіи, равно и въ прочихъ областяхъ.

«Былъ затѣмъ нѣкій мужъ, магъ, по имени Гаумата. Онъ такъ солгалъ передъ государствомъ: «Я—Бардія, сынъ Куруша, братъ Камбуджіи». Тогда все государство взбунтовалось». (Весной 522 до Р. Х.). «Оно отложилось отъ Камбуджіи и передалось ему, — и Персія, и Мидія, и прочія области. Онъ завладѣлъ царствомъ. Въ девятый день мѣсяца Гармапада, — тогда это случилось, что онъ завладѣлъ царствомъ *). Послѣ того, Камбуджія убилъ себя и умеръ... Отнявъ у Камбуджіи Персію и Мидію и подвластныя ему области, магъ Гаумата поступилъ по своему хотѣнію,— сдѣлался царемъ».

Между вавилонскими «контрактными плитками» нашлись двѣ, помѣченныя сентябремъ и октябремъ перваго года «царя Бардіи», чѣмъ вполнѣ подтверждается то, что говоритъ Дарій о всенародномъ призваніи самозванца и о легковѣрности, встрѣтившей обманъ его въ «областяхъ».

---

*) Іюль или августъ; это вѣроятно относится къ коронованію или освященію въ Пасаргадахъ.

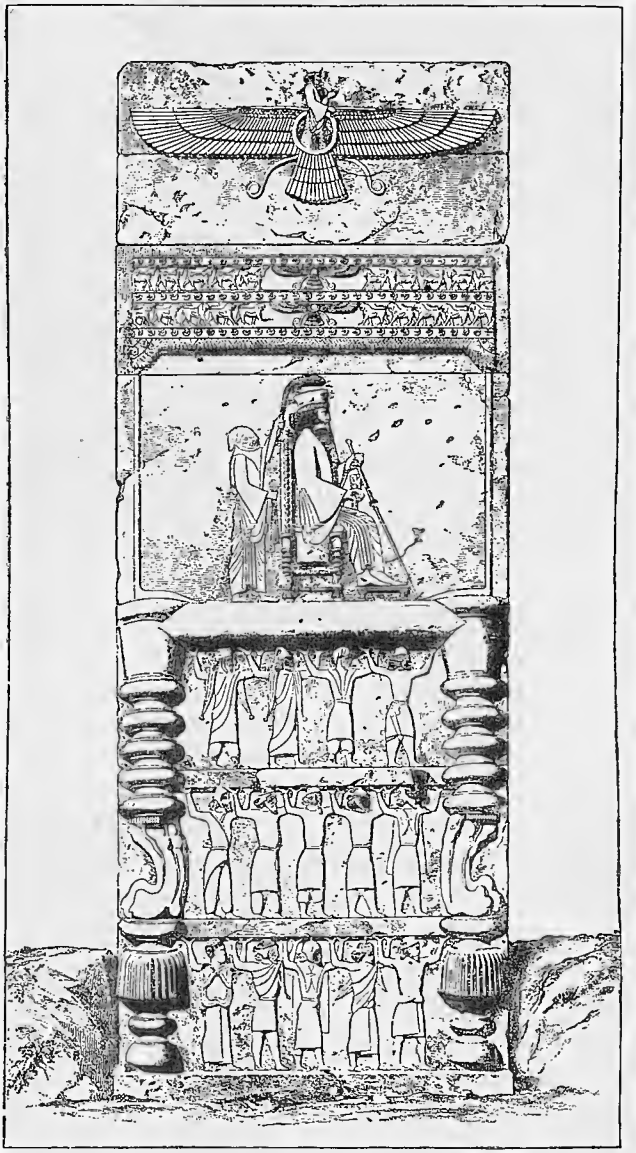
XIII.

Дарій I, сынъ Гистаспа, 522—485 до Р. Х.— Первый періодъ: усобицы.

Бегистунская надпись о воцареніи Дарія.

1.—«Не было того мужа, ни перса ни мидянина, ни изъ нашего рода, который бы смогъ отнять царство у этого мага, Гауматы. Народъ боялся его чрезвычайно. Онъ умертвилъ многихъ, знавшихъ прежняго Бардію. Для того онъ ихъ убивалъ, чтобы они не признали меня, что я не Бардія, сынъ Куруша'. Никто не смѣлъ ничего предпринять противъ мага Гауматы до тѣхъ поръ пока не явился я. Тогда я помолился Ахура-Маздѣ; Ахура-Мазда пришелъ мнѣ на помощь. Въ десятый день мѣсяца Багаядишъ» (первый мѣсяцъ, мартъ—апрѣль), «тогда случилось, что я, съ вѣрными мнѣ людьми, умертвилъ того Гаумату, мага, и главныхъ его пособниковъ. Есть крѣпость Сикатхауватисъ, въ области Низайя, въ Мидіи, — тамъ убилъ я его. Я отнялъ у него царство. Милостью Ахура-Мазды я сдѣлался царемъ; Ахура-Мазда даровалъ мнѣ царство».

Такъ пишетъ Дарій, на Бегистунской скалѣ. Многорѣчивые и сильно изукрашенные разсказы греческихъ историковъ являются цѣннымъ комментаріемъ къ этой краткой, сжатой замѣткѣ. Потому цѣннымъ, что при всемъ множествѣ подправленныхъ анекдотовъ, выдуманныхъ греками рѣчей, непонятыхъ и, потому, извращенныхъ фактовъ, все же эти разсказы снабжаютъ насъ непрерывною нитью дѣйствія и даютъ возмож-



Дарій I на престолѣ, носимомъ покоренными народами. Въ Персеполѣ.

(Особаго вниманія заслуживаетъ негръ въ нижнемъ ряду, слѣва).

ность собрать въ картину главныя черты крайне драматичнаго инцидента. Онъ довольно вѣрно представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Затруднительное положеніе Дарія.

2.—По смерти Камбиза армія, на обратномъ пути въ Персію, объявилась въ пользу самозванца. Дарій спѣшилъ домой и, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, по секрету написалъ сатрапамъ разныхъ областей, стараясь заручиться ихъ содѣйствіемъ. Успѣхъ получился не блестящій. Оказалось, что онъ могъ положиться лишь на двоихъ да на своего отца, бывшаго сатрапомъ въ Парѳіи. Онъ изъ этого заключилъ, что было бы неосторожностью дѣйствовать открыто, силою, такъ какъ большинство очевидно въ самомъ дѣлѣ вѣрило самозванцу, а Бардія, если бы былъ живъ, несомнѣнно былъ бы законнымъ наслѣдникомъ своего бездѣтнаго брата. Магъ, вдобавокъ, позаботился расположить къ себѣ провинціи заявленіемъ, что, какъ только онъ утвердится на престолѣ, онъ освободитъ ихъ отъ налоговъ и военной повинности на три года. Онъ, поэтому, пользовался немалой популярностью, и Дарій поступилъ благоразумно, уклоняясь отъ междоусобной войны, исходъ которой былъ бы болѣе чѣмъ сомнительный. Смѣлый ударъ, быстро совершившійся фактъ, — вотъ въ чемъ была единственная надежда на практическое разрѣшеніе задачи, и такой исходъ былъ возможенъ благодаря нѣкоторымъ персидскимъ обычаямъ, на которыхъ Дарій ловко построилъ свои планы.

Убіеніе мага Гауматы.

3.—Мы видѣли выше (стр. 311), что персидская нація составилась сліяніемъ разныхъ племенъ, —

вѣроятно семи, подъ предводительствомъ Ахемена, главы родовитѣйшаго изъ нихъ—Пасаргадовъ. Но, хотя этотъ родъ такимъ образомъ былъ облеченъ наслѣдственнымъ достоинствомъ, однако, большими привилегіями пользовались главы и другихъ шести племенъ или клановъ, равные царю во всемъ, исключая только царское званіе. Они всѣ носили царскій головной уборъ,—высокую тіару *(кидарисъ)*; всѣ имѣли право входить къ царю безъ доклада, во всякое время; они были царевыми товарищами и совѣтниками по праву рожденія, и первую жену свою, царицу, онъ былъ обязанъ выбрать въ семьѣ одного изъ нихъ, и только въ ихъ семьяхъ могъ искать жениховъ и невѣстъ своимъ дѣтямъ, своимъ братьямъ и сестрамъ. На этомъ-то старинномъ и свято соблюдаемомъ обычаѣ Дарій построилъ свой простой, но хитрый планъ. Главы всѣхъ семи клановъ, — онъ самъ въ томъ числѣ, — должны были явиться у дворцовыхъ воротъ одни, безъ свиты; самозванецъ никакъ не могъ отказаться принять ихъ, если не хотѣлъ нарушить одинъ изъ основныхъ законовъ государства и тѣмъ непремѣнно возбудить подозрѣніе, а разъ проникнувъ во дворецъ, они полагались на свою храбрость и на могущія возникнуть случайности. Всѣ поклялись поддержать Дарія и съ нимъ идти на все. Они могли дать планамъ своимъ созрѣть не спѣша, потому что человѣкъ, выдающій себя за сына Кира, не могъ ничего предпринять противъ семи князей. Несмотря на успѣхъ свой, онъ все же, повидимому, ощущалъ

въ душѣ нѣкоторую тревогу; иначе почему бы ему было, какъ извѣщаетъ надпись, переѣзжать въ Мидію и тамъ поселиться не въ столицѣ, Экбатанѣ, а въ какомъ-то зàмкѣ среди горъ? Между тѣмъ, именно это обстоятельство значительно увеличивало трудность и опасность дѣла, задуманнаго заговорщиками, такъ какъ самозванца тамъ окружали преданные ему маги, образовавшіе, какъ извѣстно, отдѣльное и очень могущественное сословіе. Но измѣнить планъ было бы неудобно; надо было, напротивъ, какъ можно скорѣе привести его въ исполненіе. Итакъ, князья безстрашно подъѣхали къ воротамъ зàмка. Дарій выдалъ себя за посланнаго отъ отца своего Гистаспа, наслѣдника престола, такъ какъ у покойнаго царя не было сына. Какъ онъ и предвидѣлъ, стража пропустила ихъ безъ малѣйшаго возраженія. Нѣсколько минутъ спустя, самозванца уже не было въ живыхъ: онъ былъ убитъ послѣ краткой свалки съ немногими бывшими при немъ слугами, семь мѣсяцевъ по смерти Камбиза. Свита князей, оставленная неподалеку, подоспѣла вò-время, чтобы помѣшать народной вспышкѣ. День этотъ впослѣдствіи праздновался въ память «убіенія мага». Греки, совершенно не понявъ смысла этого празднества, съ полной увѣренностью писали, что въ этотъ день каждый годъ избивались маги, имѣвшіе неосторожность показаться на улицахъ, такъ что они не смѣли выходить изъ домовъ. Почти немедленно послѣ этой смѣлой выходки, Дарій былъ провозглашенъ царемъ, вѣроятно по предварительному соглашенію съ товарищами и

съ согласія отца его Гистаспа, который продолжалъ управлять своей далекой областью. Въ своей большой надписи онъ добросовѣстно выписываетъ имена своихъ шести сподвижниковъ, подчеркивая то обстоятельство, что больше при немъ не было никого: «Эти мужи одни были при томъ, какъ я умертвилъ мага Гаумату, котораго называли Бардіей. Эти мужи одни помогали мнѣ». Одинъ изъ нихъ былъ Гобрій, тесть Дарія.

Бегистунская надпись объ этомъ событіи. Разъясненіе загадочнаго мѣста въ бегистунской надписи.

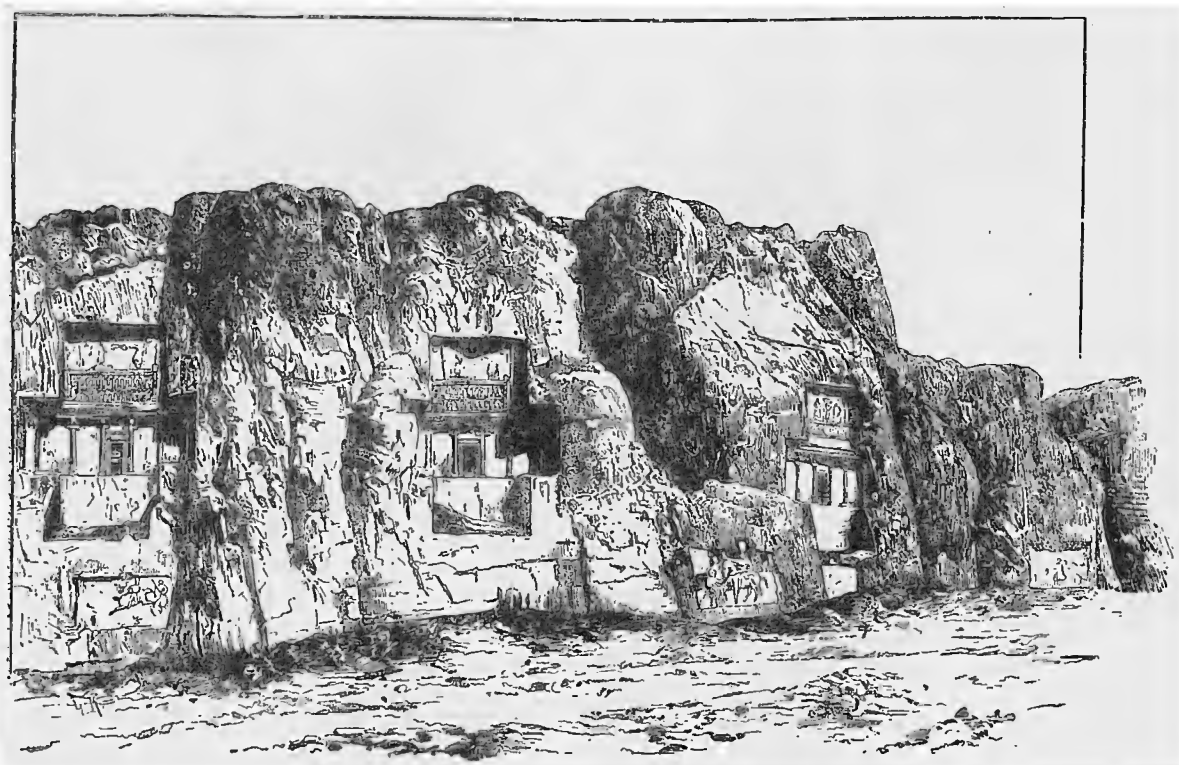
4.—Такъ-то, съ изумительной легкостью и почти безъ кровопролитія, совершился достопамятный переворотъ. Послѣдовалъ краткій мирный промежутокъ, во время котораго Дарій посвятилъ всѣ свои силы возстановленію поколебленнаго во всемъ царствѣ порядка. Онъ сообщаетъ объ этомъ своимъ обычнымъ сжатымъ, но основательнымъ слогомъ:

«Царство, которое было отнято у нашего рода, я воротилъ... ...Я возстановилъ государство,—и Персію, и Мидію, и прочія области. Какимъ оно было прежде, такимъ я его возстановилъ. Храмы, которые разрушилъ магъ Гаумата, я построилъ вновь. Я возстановилъ въ государствѣ богослуженіе и священныя пѣснопѣнія, и возвратилъ попеченіе о нихъ родамъ, у которыхъ магъ Гаумата отнялъ его. Милостью Ахура-Мазды я совершилъ это. Я трудился, пока не возстановилъ родъ нашъ на его мѣстѣ, какъ было прежде. Такъ потрудился я, милостью Ахура-Мазды, чтобы магъ Гаумата не замѣстилъ нашъ родъ».

При дешифрировкѣ бегистунской надписи, ученыхъ сильно озадачило это мѣсто,—о разрушеніи и построеніи вновь храмовъ: *какихъ* храмовъ? Вѣдь извѣстно, что религія Зороастра положительно не допускаетъ никакихъ храмовъ, и

что единственными богослужебными пунктами были жертвенники со священнымъ огнемъ,—*атэшгахъ*,—на открытомъ воздухѣ или въ небольшихъ простыхъ молельняхъ съ голыми стѣнами. Чтобы царь, исповѣдающій маздеизмъ, ставилъ себѣ въ заслугу возстановленіе не имъ разрушенныхъ храмовъ, не могло не показаться чѣмъ-то ненормальнымъ *). Но если принять объясненіе Макса Дункера, что имѣются въ виду храмы не персовъ и мидянъ, а подданныхъ народовъ, то несообразность сразу исчезаетъ. Мы видѣли, что самъ Киръ и, въ подражаніе ему, сынъ его Камбизъ, ставили себѣ за правило оказывать не только терпимость, но личное почитаніе религіямъ побѣжденныхъ народовъ. Весьма естественно, что узурпаторъ не руководился умнымъ политическимъ расчетомъ, а слѣдуя слѣпо внушеніямъ фанатической нетерпимости, оставлялъ безъ ремонта, даже разрушалъ, эти ненавистныя ему гнѣзда язычества. Дарій, со своей стороны, конечно тотчасъ же снова водворилъ примирительную и справедливую политику своего рода, и

*) Храмы, положимъ, были у персовъ, но гораздо позднѣе, въ періодъ, не входящій въ рамки настоящей книги. Періодъ этотъ можно назвать временемъ окончательнаго упадка чистаго маздеизма. Уже при внукѣ Дарія, царѣ Артаксерксѣ, воздвигались храмы Миѳрѣ и Анахитѣ-Ардви-Сурѣ. Въ этомъ сказывается вліяніе семитскихъ и ханаанскихъ религій; Миѳра преобразился по образцу всякихъ Бааловъ и Молоховъ, а Анахиты уже нельзя распознать отъ разныхъ натуралистскихъ богинь—Бэльтисъ, Милиттъ, Астартъ, Атаргатъ и пр. У нея былъ знаменитый храмъ въ Сузѣ.



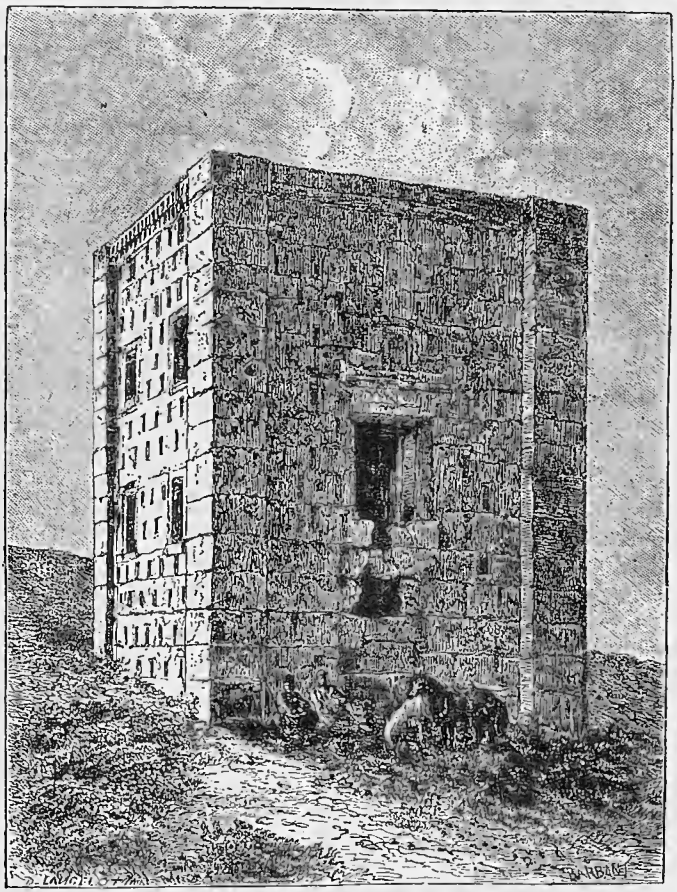
Усыпальницы царей Ахеменидовъ въ скалѣ Нахши-Рустэмъ, въ Персеполѣ. (70 футовъ отъ земли).

(Внизу—изваянія эпохи Сассанидовъ).

упоминаетъ о томъ въ своей лѣтописи, какъ о чертѣ, дающей ему право на благодарность большой части его подданныхъ. Не должно забывать, что всѣ документальные памятники Ахеменидовъ составлены *на трехъ языкахъ,* потому что обращались къ тремъ различнымъ расамъ, — арійской, семитской и туранской, — и что маздеисты представляли численное меньшинство. Объ этомъ фактѣ напоминаетъ, между прочимъ, одна, повидимому незначительная подробность: въ туранской версіи,—(которую называли сначала прото-мидійской, потомъ амардской, даже скиѳской), имя Ахура-Мазды поясняется словами: «Богъ арійцевъ». Вавилонская версія говоритъ о «домахъ боговъ», чѣмъ исключаются и персы и мидяне.

Дарій—маздеистъ.

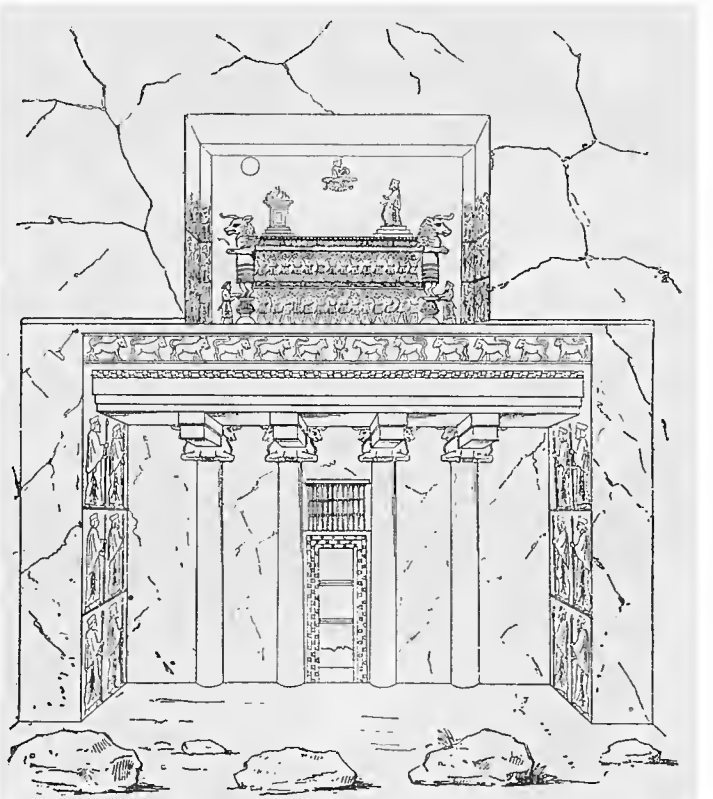
5.—Что самъ Дарій былъ искренній маздеистъ, о томъ его надписи не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но есть еще и другія указанія. Близъ основанной имъ новой столицы, извѣстной намъ только подъ греческимъ именемъ, — Персеполисъ, —въ высокой отвѣсной скалѣ, называемой Нахши-Рустэмъ, высѣчены гробницы,—или, вѣрнѣе, погребальные покои или склепы, — Дарія, его сына, внука и правнука, изображающія дворцовые фасады, по образцу ликійскихъ гробницъ (см. гл. VIII), и богато разукрашенныя изваяніями. Въ послѣднихъ особенно привлекаетъ вниманіе фризъ, представляющій процессію собакъ; собака же—священное животное по Авестѣ. Царь стоитъ на эстрадѣ, опираясь на лукъ, со спущенной тетивой (означающей, что жизненной борьбѣ насталъ конецъ), а передъ нимъ жерт-



Строеніе, называемое гробницей Рустэма, близъ скалы Нахши-Рустэмъ.

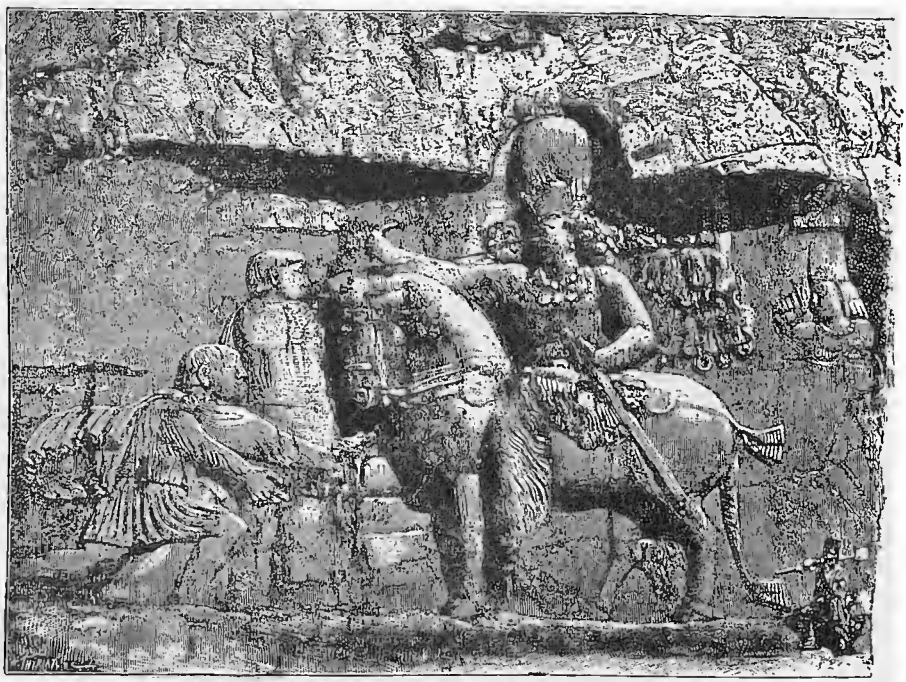
венникъ со священнымъ огнемъ; далѣе — дискъ солнца, а надъ всѣмъ паритъ образъ самого Ахура-Мазды, съ мирнымъ вѣнкомъ, въ знакъ вѣчнаго упокоенія. Изо всѣхъ рядомъ помѣщен-

ныхъ гробницъ, на одной только Даріевой есть надпись, которая отчасти дополняетъ бегистунскую, такъ какъ она составлена нѣсколькими



Фасадъ усыпальницы царя Ахеменида.
(Сравнить съ ликійскими гробницами въ гл. VIII).

годами позднѣе. Она начинается самымъ торжественнымъ исповѣданіемъ вѣры, отъ котораго на душѣ становится торжественно, словно отъ далекаго гула дивнаго органа:



Изваяніе эпохи Сассанидовъ, на скалѣ Нахши-Рустэмъ, внизу.

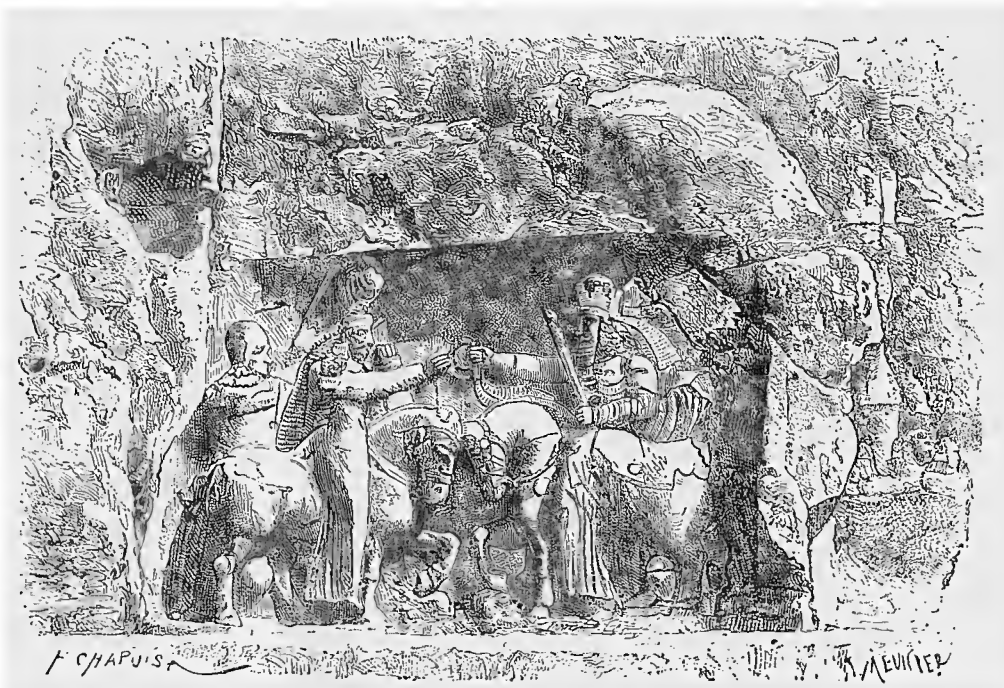
(Римскій императоръ Валеріанъ покоряется Шапуру I, 260 по Р. Хр.)

«Великій богъ — Ахура-Мазда: онъ сотворилъ землю сію, сотворилъ небо тамъ надъ нами, сотворилъ человѣка и все, что человѣку на радость. Онъ сотворилъ Дарьявуша, единаго царя надъ многими».

Слѣдуетъ краткій перечень дѣяній царя и его завоеваній, которыя онъ благочестиво относитъ къ «милости Ахура-Мазды». Никакой вѣрующій іудей не могъ бы выразиться безусловнѣе и положительнѣе:

«То, что я совершилъ, то все я совершилъ милостью Ахура-Мазды. Ахура-Мазда оказывалъ мнѣ помощь, пока я не окончилъ трудъ свой. Да пребудетъ покровъ его надомною и надъ сей землей».

То же самое онъ повторяетъ нѣсколько разъ въ бегистунской надписи, и хотя онъ въ двухъ мѣстахъ присовокупляетъ: «*и другіе боги*», но въ подлинникѣ слова эти не имѣютъ того рѣшительнаго языческаго оттѣнка, какъ на современномъ языкѣ. Извѣстно, что маздеизмъ допускалъ существованіе божественныхъ Силъ, подвластныхъ Единому, Всевышнему Богу, и приведенныя слова конечно не имѣютъ иного значенія. Другая характеристичная черта, изобличающая маздеиста, это — постоянное употребленіе имъ слова «ложь», «неправда», въ смыслѣ «зло», «беззаконіе», «нечестивость». Такъ, послѣ отбытія Камбиза, царь говоритъ, что «неправда развелась въ землѣ». И слово-то употреблено настоящее авестское, — «*друджъ*», въ новѣйшей его формѣ, «*дарауга*». Подъ конецъ Дарій говоритъ: «За то Ахура-Мазда оказалъ мнѣ помощь, и другіе боги тоже, что я не былъ ни злымъ, ни лживымъ, ни тираномъ».



Изваяніе эпохи Сассанидовъ въ скалѣ Нахши-Рустэмъ, внизу.

Персы не соблюдали строго Вендидадъ.

6. — Изъ этихъ мѣстъ, дышащихъ духомъ скорѣе Гатъ, чѣмъ Ясны или Вендидада, можно заключить, что Дарій былъ маздеистъ первобытной, неиспорченной школы, и что измѣненія, внесенныя въ вѣроученіе и обрядность мидійскими магами (см. стр. 304), по всей вѣроятности, еще не были приняты персами. Во всякомъ случаѣ, послѣдніе не придерживались предписаній Вендидада по отношенію къ мертвымъ. Царей своихъ они не отдаютъ на съѣденіе птицамъ, а кладутъ въ великолѣпныя усыпальницы. Позднѣйшій обычай—заимствованный; самое названіе «башенъ молчанія» — *дахма*, — означаетъ буквально «мѣсто сожженія», что̀ доказываетъ что древнѣйшіе иранцы сожигали своихъ мертвецовъ, также какъ и родичи ихъ, индусы *). Изъ одного любопытнаго мѣста у Геродота какъ будто выходитъ, что въ его время (середина V-го вѣка до Р. Х.) обычай выставлять покойниковъ уже сильно принялся у персовъ, но, та̀къ сказать, исподтишка, съ легкой руки маговъ, — какъ и можно было ожидать. Вотъ это мѣсто:

«Есть у нихъ еще обычай, о которомъ не говорятъ открыто, а какъ бы съ опаской, относительно умершихъ. Говорятъ, будто тѣло перса мужескаго пола никогда не погребается прежде, чѣмъ его порветъ собака или хищная птица. Что у маговъ существуетъ этотъ обычай, не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому что они соблюдаютъ его, нисколько не скрываясь. Мертвыя тѣла покрываются слоемъ воска и тогда уже предаются землѣ».

---

*) Iusti, «*Geschichte des Alten Persiens*», стр. 83.

Тутъ какъ будто уступка ученію маговъ, такъ какъ слой воска нѣкоторымъ образомъ изолируетъ тѣло и ограждаетъ священную стихію,— землю, отъ оскверненія. Притомъ, строго говоря, ни одна стихія не оскверняется, если тѣло запирается въ гробъ и саркофагъ, потомъ ставится не въ землю, а въ склепъ, высѣченный въ твердой, сухой скалѣ. Что персы временъ Дарія избѣгали близости трупа изъ боязни осквернитъся, можно заключить изъ еще другого мѣста у Геродота же, въ которомъ сказано, что Дарій, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Вавилонъ, не захотѣлъ въѣзжать въ одни ворота, потому что надъ ними помѣщался гробъ царицы Нитокриты, матери Набонида, по какой-то непонятной прихоти выбравшей для себя это странное мѣсто послѣдняго упокоенія. Это, можетъ-быть, и неправда, но во всякомъ случаѣ многозначительно.

Междоусобная война.

7.—Если Дарій понадѣялся на то, что онъ, быстрымъ и энергичнымъ ударомъ, нанесеннымъ самому корню зла, въ лицѣ самозванца, предотвратитъ будущія смуты, онъ ошибся, и лишь весьма немного мѣсяцевъ было дано ему на административную работу, за которую онъ тотчасъ же съ жаромъ принялся. Сатрапы отдаленныхъ областей успѣли вкусить сладость независимости въ продолжительное отсутствіе Камбиза и послѣдовавшій затѣмъ періодъ ослабленія законной власти, и имъ сильно не хотѣлось возвращаться подъ строгій контроль центральнаго управленія. Населенія остались очень довольны магомъ, и большинство несомнѣнно все еще вѣрило, что

онъ былъ дѣйствительно тотъ, за кого выдавалъ себя,—такъ что искры будущихъ пожаровъ далеко не были затоптаны. Не прошло и года, а пожары эти уже вспыхнули одновременно во всѣхъ частяхъ державы. И совершилось неслыханное дѣло: каждая возставшая область имѣла вожакомъ самозванца. Успѣхъ трагикомедіи, разыгранной магомъ Гауматой, принесъ обильные плоды: пошло настоящее повѣтріе на такого рода обманъ. Единственный достовѣрный источникъ свѣдѣній о титанической борьбѣ, которую Дарію пришлось вести почти одному противъ враговъ, какъ изъ земли выроставшихъ кругомъ его, конечно — все тотъ же бегистунскій памятникъ. Разсказъ удивляетъ своей простотой и скромностью: какая разница противъ крикливаго самохвальства ассирійскихъ царскихъ лѣтописаній! Если и не всегда удобно приводить буквально слова текста, то все же исторія этихъ годовъ по необходимости должна слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ.

Возстаніе Элама и Вавилоніи и еще девяти областей.

8.—Первымъ открыто возмутился Эламъ (по-гречески Сузіана). Тамъ нѣкто Атрина объявилъ себя царемъ. Въ то же время «нѣкій мужъ вавилонянинъ», по имени Надинтабира, «такъ солгалъ государству вавилонскому: Я—Навуходоноссоръ, сынъ Набонида». Вся Вавилонія передалась ему и признала его своимъ царемъ. Движеніе въ Сузѣ было подавлено, кажется, безъ большого труда, и Дарій немного словъ тратитъ на него: «Я пошелъ въ Сузу; Атрина тотъ былъ приведенъ ко мнѣ плѣнный: я убилъ его».

Вотъ и все. Не такъ легко было справиться съ вавилонскимъ возстаніемъ: на это потребовалась настоящая кампанія. Инсургентскія войска были расположены вдоль Тигра, и переходъ черезъ рѣку дался царской арміи лишь цѣной жаркаго сраженія. Другое сраженіе произошло у столицы на берегу Евфрата, и самозванецъ, хотя и побитый, не сдался, а бѣжалъ съ немногими всадниками, заперся въ Вавилонѣ и выдержалъ настоящую осаду. Дарій и тутъ съ обычной простотой записываетъ, что онъ, «милостью Ахура-Мазды, взялъ городъ, схватилъ лже-Навуходоноссора и умертвилъ его». Эта кампанія заняла нѣсколько мѣсяцевъ, и, пока Дарій былъ задержанъ въ Вавилонѣ, цѣлыхъ девять областей разомъ возстали противъ него, по списку: Персія, опять Сузіана, Мидія, Ассирія, Арменія, Парѳія, Маргіана, Саттагидія и Сакія (Скиѳія; см. карту).

Возстаніе Мидіи.

9.—Это вторичное возстаніе Элама было неважное, и самъ народъ подавилъ его, схвативъ и убивъ вожака. Гораздо бо̀льшую опасность представила Мидія, потому что тамъ нѣкто Фравартишъ, мидянинъ, выдалъ себя за «Кшатриту, мужа изъ рода Кіаксарова», и обратился съ воззваніемъ къ землѣ во имя ея любимаго національнаго героя, основателя ея величія. Народъ горячо откликнулся на это воззваніе; даже оставленные дома мидійскія войска передались обманщику, и онъ былъ провозглашенъ царемъ мидійскимъ. Возстаніемъ въ Сагартіи предводительствовалъ человѣкъ, тоже выдававшій себя за потомка Кіаксара и объявившій независимое государство.

Но всего хуже было то, что пожаръ захватилъ и самую Персію: явился новый лже-Бардія, и народъ призналъ его. Онъ былъ настолько силенъ, что могъ дѣйствовать наступательно и выслать войска противъ сатрапа Арахозіи, одного изъ немногихъ, оставшихся неизмѣнно вѣрными, царскихъ слугъ; кромѣ того, онъ выдержалъ нѣсколько сраженій, хотя исходъ ихъ былъ неблагопріятный для него. Положеніе законнаго государя, истиннаго героя, въ ту пору было поистинѣ отчаянное. Задержанный въ мятежной землѣ осадой, исходъ которой казался сомнительнымъ, отрѣзанный отъ всего остального царства, онъ могъ полагаться единственно на войска, бывшія при немъ: «только тѣ мидяне и персы, пишетъ онъ: — которые были при мнѣ, остались мнѣ вѣрными, а ихъ было немного». Между тѣмъ, изъ этихъ немногихъ онъ былъ принужденъ отправить на родину два полка, съ порученіемъ постараться остановить бѣду въ Мидіи и въ Арменіи, откуда возстаніе быстро распространялось въ Ассирію. На востокѣ только два сатрапа,—въ Бактріи и Арахозіи,—упорствовали въ вѣрности царю, да отецъ его, Гистаспъ, отстаивалъ, насколько могъ, свои двѣ области, Гирканію и Парѳію; но ему не удалось удержать ихъ отъ перехода къ мидійскому самозванцу. Самъ же Дарій не могъ тронуться изъ Вавилоніи и долженъ былъ на неопредѣленное время предоставить преданныхъ друзей своихъ на произволъ судьбы. Воеводы, посланные имъ въ Арменію и Мидію, не имѣли большого успѣха, потому что численностью слиш-

комъ уступали инсургентамъ, и насилу могли удержаться въ занятыхъ ими сильныхъ позиціяхъ, въ ожиданіи его прихода къ нимъ на выручку.

Взятіе лидійскаго самозванца.

10.—Все, казалось, зависѣло отъ личныхъ усилій и присутствія царя. Если бы взятіе Вавилона замедлилось еще долго, помочь бѣдѣ, вѣроятно, было бы уже нельзя. Но лишь только столица сдалась (въ сентябрѣ 519-го г.), начался поворотъ къ лучшему. Личное появленіе царя принесло пользы не менѣе, чѣмъ желанныя подкрѣпленія. Дарій сперва прошелъ въ Мидію, справедливо считая возстаніе въ этой землѣ наиболѣе опаснымъ, потому что тамъ народъ защищалъ, по своему мнѣнію, принципъ національности, и борьба въ сущности шла изъ-за исконнаго соперничества между Персіей и Мидіей. Фраортъ смѣло вышелъ навстрѣчу царю съ войскомъ, самъ вызывая его на бой. Его самоувѣренность не оправдалась: онъ былъ разбитъ и насилу спасъ свою жизнь, ускакавъ съ немногими всадниками въ Раи, но въ этомъ городѣ былъ взятъ отрядомъ, посланнымъ за нимъ въ погоню. Жестокость, съ которой было съ нимъ поступлено, достаточно доказываетъ, какимъ опаснымъ врагомъ онъ считался и какая важность придавалась тому, чтобы не только устранить его, но и унизить въ глазахъ народа. «Я отрѣзалъ ему носъ, уши и языкъ,—пишетъ царь:—онъ содержался въ цѣпяхъ передъ моими дверьми,—все царство его видѣло. Потомъ я распялъ его на крестѣ въ Экбатанѣ». Такъ же было поступлено и съ самозванцемъ изъ Сагартіи, выдававшимъ себя за родственника Кіаксара. Онъ былъ разбитъ и

взятъ мидійскимъ воеводой; распятъ же онъ былъ въ Арбелѣ, въ устрашеніе ассирійскимъ инсургентамъ. Теперь, наконецъ, Дарій могъ послать на помощь къ отцу, который, съ небольшимъ войскомъ, мужественно оборонялся въ своей Гирканіи, но, получивъ подкрѣпленія, сталъ дѣйствовать наступательно и одержалъ рѣшительную побѣду. Это было въ 518 г. до Р. Х., и въ томъ же году вѣрный сатрапъ, защищавшій Бактрію, разбилъ на-голову инсургентовъ, возмутившихъ Маргіану.

Конецъ междоусобныхъ войнъ.

11.—Въ 517 г. одна Персія еще оставалась непокорною. Но царь не уходилъ изъ Мидіи, считая присутствіе свое все еще необходимымъ, и только часть арміи послалъ противъ лже-Бардіи. Персидскія войска онъ весьма благоразумно удержалъ при себѣ въ Мидіи, а въ Персію отправилъ мидянъ, убоясь заразительности національныхъ симпатій. Послѣ двухъ сраженій, самозванецъ былъ взятъ и умерщвленъ, лѣтомъ 517 г.; но послѣдователи его въ Арахозіи продержались еще нѣсколько мѣсяцевъ, и только въ февралѣ 516 г. вожаки были наконецъ взяты и казнены. Но только-что нити закрѣплялись на одномъ концѣ ткани, онѣ распускались на другомъ. Пока царь находился въ Мидіи и Персіи, Вавилонъ вторично отпалъ отъ него, въ пользу новаго самозванца, увѣрявшаго, что онъ-то ужъ въ самомъ дѣлѣ Навуходоноссоръ, сынъ Набонида. Впрочемъ, это возстаніе безъ особенной трудности подавилъ царскій воевода, и этотъ самозванецъ, подобно всѣмъ прочимъ, былъ казненъ

(въ январѣ, 516 г. до Р. Х.). Царь, между тѣмъ, дѣятельный до неутомимости, сходилъ въ Египетъ и тамъ всячески старался укрѣпить за собой расположеніе жрецовъ и народа. Египетскіе памятники того времени свидѣтельствуютъ о полномъ его успѣхѣ; изъ нихъ видно, что онъ мудрымъ своимъ управленіемъ заслужилъ мѣсто наравнѣ съ величайшими законодателями земли египетской. А въ Азіи и теперь еще не пришелъ конецъ смутамъ. Послѣдній столбецъ бегистунской надписи попорченъ такъ, что нѣтъ никакой надежды когда-нибудь прочитать его, но все же мѣстами возможно разобрать отрывки строкъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о третьемъ, но кратковременномъ возстаніи въ Эламѣ, и войнѣ на дальнемъ востокѣ противъ скиѳскаго народа, который Дарій, въ отличіе отъ прочихъ скиѳскихъ племенъ, называетъ: «Саки въ остроконечныхъ шапкахъ». Еще можно разобрать, что вождь ихъ, Сакунка, былъ взятъ въ плѣнъ (и, вѣроятно, казненъ). Къ счастію, Малая Азія, финикійскіе и греческіе города іонійскаго побережія во всѣ эти тяжкіе годы не трогались. Одинъ только сатрапъ въ Сардахъ, персъ, попытался-было составить себѣ независимое княжество, соединеніемъ Лидіи и Фригіи подъ своимъ владычествомъ, и отказалъ царю въ повиновеніи. Эта попытка не упомянута въ бегистунской надписи, вѣроятно потому, что она была подавлена не силой оружія, а убіеніемъ виновнаго его собственной стражей, по письменному приказу, полученному отъ царя.

Изваянія на Бегистунской скалѣ.

12.—На Бегистунской скалѣ Дарій разсказалъ только повѣсть почти сверхчеловѣческой борьбы, выдержанной имъ въ эти первые годы своего царствованія. Огромный барельефъ надъ надписью есть не что иное, какъ иллюстрація къ тексту. На немъ изображенъ царь, охраняемый, по обыкновенію, эмблематическимъ образомъ Ахура-Мазды и въ сопровожденіи двухъ сановниковъ (одинъ изъ нихъ—Гобрій, его тесть), въ гнѣвной позѣ; онъ попираетъ ногой человѣка, лежащаго предъ нимъ съ простертыми впередъ руками, какъ бы молящими о пощадѣ; съ другой стороны къ нему подходитъ процессія изъ девяти плѣнниковъ, связанныхъ вмѣстѣ за шею, одной веревкой, съ руками скрученными за спиною. Это—главные девять вождей возстанія и самозванцы, на усмиреніе которыхъ потребовалось слишкомъ шесть лѣтъ и девятнадцать крупныхъ сраженій. Всѣ были взяты живыми. Послѣдній отличается остроконечной шапкой: это—скиѳъ Сакунка. Надъ головой каждаго—краткая пояснительная надпись. Надъ простертой на землѣ фигурой мы читаемъ:—«Этотъ человѣкъ солгалъ. Онъ говорилъ такъ: 'Я—Бардія, сынъ Куруша: я—царь'. Надъ первой стоячей фигурой: «Атрина сей солгалъ; онъ говорилъ такъ: 'Я—царь Сузіаны'»—и т. д.

Списокъ подвластныхъ народовъ.

13.—Въ своемъ вступленіи къ этому несравненному историческому документу, Дарій даетъ списокъ всѣхъ странъ, надъ которыми онъ, милостью Ахура-Мазды, поставленъ былъ царемъ; всего—двадцать именъ. Въ послѣдней его над-

писи,—надгробной,—число это возрастаетъ до тридцати и включаетъ такія далекія области, какъ, напримѣръ, на востокѣ нѣсколько клочковъ Индіи (Хиндушъ); на западѣ—«заморскіе іонійцы» (греки острововъ, а можетъ-быть и материка); на сѣверѣ—«заморскіе скиѳы» (народъ южной Россіи); на юго-западѣ — либійцы и киреняне. Само собой разумѣется, что многія изъ этихъ дальнихъ окрайнъ, хотя Дарій и посѣтилъ ихъ и до извѣстной степени завоевалъ, и включаетъ ихъ въ число своихъ «сатрапій», сами вовсе не считали себя ему подвластными, едва даже вассалами; но всѣ почувствовали на себѣ тяжелую царскую десницу и волей-неволей попали въ списокъ «принадлежавшихъ ему земель». Въ его надгробной надписи находится слѣдующее эффектное воззваніе къ его преемнику или ко всякому, кому случится лицезрѣть его памятникъ: «Если ты подумаешь такъ:—сколько было земель, которыми управлялъ царь Дарьявушъ?—то взгляни на сіе изображеніе народовъ, носящихъ тронъ мой, дабы ты зналъ ихъ. Тогда тебѣ станетъ вѣдомо, что копье перса достаетъ далеко, что персъ сражался въ битвахъ вдали отъ Персіи».

XIV.

Дарій I. Второй періодъ: мирные годы.

Мудрое правленіе Дарія.

1.—Шесть лѣтъ ушло на междоусобныя войны. Всѣ провинціи нуждались въ отдыхѣ, и Дарій отложилъ назрѣвавшіе въ умѣ его честолюбивые планы до того времени, когда заживутъ свѣжія раны и возмужаетъ подроставшее поколѣніе. Семь лѣтъ онъ посвятилъ всецѣло мирнымъ трудамъ и выказалъ такія геніальныя административныя способности, которыхъ впослѣдствіи не превосходили и рѣдко даже достигали величайшіе основатели и устроители государствъ. Система его была основана на самомъ простомъ началѣ: возможно большее благосостояніе подданнаго ведетъ къ возможно большему могуществу и процвѣтанію государства, представителемъ котораго является бдительное, дѣятельное, централизованное правительство. Средства, которыя онъ употреблялъ, учрежденія, которыя онъ создавалъ, стремясь къ этой вожделѣнной цѣли, поражаютъ своей современностью не только по духу, но и по техникѣ исполненія. Первымъ дѣломъ, онъ раздѣлилъ все царство на «сатрапіи» или провинціи, потому что, по словамъ историка Юсти, «возстанія, испортившія начало его цар-

ствованія, показали ему, какъ легко распадаются земли съ такими ничего общаго не имѣющими національностями и интересами, и что такую громадную державу можетъ связать единственно только устроенная по единому образцу власть, ввѣренная строю преданныхъ чиновниковъ, состоящихъ подъ контролемъ царя и его совѣтниковъ, управляющихъ всѣми ихъ дѣйствіями. Такой «строй» былъ составленъ изъ сатраповъ и подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ. Самъ царь назначалъ ихъ изъ числа родовитыхъ персовъ, молодые сыновья которыхъ тщательно воспитывались предъ собственными глазами царя нарочно для этой цѣли. Сатрапы пользовались обширными полномочіями, и тѣмъ изъ нихъ, которые посылались въ наиболѣе отдаленныя области, вполнѣ основательно предоставлялась необыкновенная свобода дѣйствій, такъ какъ имъ могла каждую минуту представиться необходимость разобраться въ такихъ неожиданныхъ задачахъ и затрудненіяхъ, что замедленіе, причиненное сообщеніемъ съ центральной властью, могло имѣть опасныя и даже роковыя послѣдствія. Въ то же время, сатрапамъ никогда не дозволялось забывать обязанности свои, съ одной стороны, къ пославшему ихъ государю, съ другой—къ населенію, благо котораго ввѣрялось ихъ попеченіямъ. Такъ, одинъ египетскій сатрапъ былъ казненъ за то, что позволилъ себѣ чеканить деньги отъ своего имени. Царь часто объѣзжалъ провинціи; и горе сатрапу, у котораго область оказывалась въ дурномъ состояніи, народъ — бѣднымъ, угне-

теннымъ, поля и деревенскія насажденія запущенными, села и строенія безъ нужнаго ремонта; зато милости и почести сыпались на того, кто могъ показать владыкѣ довольное населеніе и благоденствующую землю. Языкъ, вѣра, національныя особенности каждой области безусловно уважались, въ мѣстные обычаи и учрежденія никто не вмѣшивался: стало-быть, такому результату могли препятствовать только нерадѣніе или злоупрaвленіе со стороны сатраповъ и ихъ чиновниковъ: они и привлекались къ отвѣту.

Система налоговъ и податей.

2.—Это отнюдь не значитъ, чтобы Дарій пренебрегалъ интересами казны или баловалъ обывателей по части налоговъ и податей. Онъ, напротивъ, очень радѣлъ о казенныхъ доходахъ, такъ что, по словамъ Геродота, тѣ, которые называли Кира «отцомъ», а Камбиза «господиномъ», Дарія прозвали «торгашомъ», потому что «онъ на всемъ норовилъ выторговать какую ни на есть выгоду», а въ особенности потому, что онъ первый ввелъ систему обложенія обязательными налогами на мѣсто добровольныхъ приношеній, которыми довольствовались оба его предшественника. Но и въ этомъ, какъ во всемъ, онъ выказалъ умѣренность, справедливость, осторожность. Онъ приказалъ составить кадастръ всего царства и оцѣнку каждой пяди земли по степени производительности каждой мѣстности, затѣмъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, съ совершеннымъ безпристрастіемъ разработалъ тщательно распредѣленный поземельный налогъ. Безконечно жаль,

что эта первая извѣстная изъ исторіи статистическая работа погибла. А Геродотъ, должно-быть, видѣлъ самый подлинникъ и по нему составилъ списокъ налоговъ, несомнѣнно достовѣрный. По этому списку оказывается, что, сверхъ земельнаго налога, вносимаго золотыми или серебряными деньгами или золотымъ пескомъ, почти всѣ области платили еще подать натурой, смотря по главному продукту каждой,—будь то лошади, мулы, овцы, хлѣба, слоновая кость, невольники и пр. и пр.,—кромѣ пошлинъ съ рыбной ловли, съ шлюзъ, лѣсовъ и горныхъ промысловъ. Богаче всѣхъ оказалась область, составленная изъ Ассиріи и Вавилоніи: она платила казнѣ больше, чѣмъ даже Египетъ и Ливія. Круглымъ счетомъ весь государственный доходъ цѣнится приблизительно въ 330 милліоновъ рублей. По нынѣшней цѣнѣ деньгамъ, это равняется суммѣ въ восемь разъ бо̀льшей, и все же, по приблизительному расчету, на душу населенія приходилось едва по два рубля. Только сама Персія, родовая царская вотчина, освобождалась отъ всякихъ налоговъ, обязательства же свои къ главѣ государства персы исполняли, неся военную и гражданскую службу. Добровольныя пожертвованія царь конечно принималъ, и соплеменники его охотно подносили ему богатые дары каждый разъ, когда онъ являлся посреди ихъ; но такъ какъ пріѣздъ его былъ народнымъ празднествомъ и царь со своей стороны щедро дарилъ ихъ, то одолженіе было, такъ сказать, обоюдное, и только скрѣпляло исконныя, священныя узы.

Сооруженіе дорогъ и учрежденіе почтовой службы.

3. — Но, какъ ни хороши были въ теоріи всѣ эти реформы и новшества, на практикѣ они принесли бы малую пользу безъ какого-нибудь средства легкаго и скораго сообщенія между центромъ и далекими окраинами. Безъ такого средства ни сатрапамъ, ни подданнымъ не была бы достаточно ощутительна ихъ зависимость отъ царской власти; съ другой стороны, они не могли бы пользоваться тѣмъ чувствомъ безопасности, которое дается увѣренностью, что можно разсчитывать на скорую помощь и совѣтъ въ случаѣ неожиданной бѣды. Эти соображенія, вмѣстѣ съ другими, чисто военнаго свойства, какъ-то: необходимость устроить способы быстраго и безпрепятственнаго передвиженія войскъ, — указывали на одну великую нужду: въ хорошихъ дорогахъ. Дарій и приступилъ къ сооруженію дорогъ изъ конца въ конецъ своей державы, съ той энергіей и основательностью, которыми отличались всѣ его начинанія. Одну изъ этихъ дорогъ и теперь можно прослѣдить на всемъ ея протяженіи, отъ Сузы до Средиземнаго побережія. Она проведена отнюдь не по прямѣйшей линіи, потому что должна была служить для нѣсколькихъ цѣлей,—главнымъ образомъ для соединенія большихъ городовъ запада и сѣверо-запада, областныхъ столицъ, въ которыхъ стояли персидскіе гарнизоны. Поэтому царская дорога шла изъ Сузы, на Арбелу, въ Ниневію, оттуда, касаясь Тигра и переходя черезъ Евфратъ, въ городъ Команy въ Каппадокіи, а тамъ уже, перебросивъ черезъ Галисъ красивый укрѣпленный мостъ, черезъ Фригію въ Сарды

и къ морскому берегу. Тамъ, гдѣ дорога проходила вдоль самой границы Киликіи (не доходя Команы), ее охранялъ фортъ, построенный надъ воротами. Вдоль всего этого истинно царскаго пути, на правильныхъ разстояніяхъ, были поставлены станціонные дома, при которыхъ содержались верховыя лошади. Такихъ станцій отъ Сузы до Сардъ было сто одиннадцать, и на каждой день и ночь стояли осѣдланныя лошади, въ готовности для могущихъ подъѣхать царскихъ гонцовъ съ депешами, приказами или устными порученіями отъ царя. Вѣсти этимъ простымъ способомъ съ удивительной быстротой расходились по всему царству. Дарія, стало-быть, должно признать учредителемъ первой почтовой системы, которая отличалась отъ нашей,—помимо, конечно, условій, созданныхъ усиленной легкостью и быстротой средствъ передвиженія,—лишь тѣмъ, что публикѣ не предоставлялось пользоваться ею, тогда какъ теперь почта служитъ и правительству и обывателямъ, и обоимъ отъ того одинаковая выгода. Были и другія дороги, уже при Даріѣ I соединившія Сузу, ставшую въ сущности столицей его державы, съ Вавилономъ, Дамаскомъ, Финикіей, Экбатаной и Райемъ, и съ отдаленными восточными областями, сворачивая съ восточной границы въ Индію и Китай.

Каналъ отъ Нила.—Всеобщая денежная система.

4.—Не подлежитъ сомнѣнію, что умный царь, даря царству хорошія дороги, которыя справедливо можно считать первымъ факторомъ въ дѣлѣ сближенія и просвѣщенія народовъ, имѣлъ въ виду пользу торговли не менѣе, чѣмъ поли-

тическія и военныя соображенія. Многими еще мѣрами онъ выказалъ свою заботливость о благѣ подданныхъ, и въ его умѣ зародились двѣ изъ величайшихъ концепцій нашего вѣка, изъ которыхъ одна и теперь еще не созрѣла до возможности практическаго осуществленія, а именно — о необходимости одной міровой монетарной системы, и о необходимости соединенія Чермнаго моря со Средиземнымъ, ради открытія прямого воднаго пути въ Индію. Надо кстати замѣтить, что Дарій первый послалъ въ Индію экспедицію, собственно съ цѣлью изслѣдовать эту землю, тогда уже плѣнявшую воображеніе и раздражавшую любопытство. Онъ для этого снарядилъ флотъ, который спустился по рѣкѣ Инду въ Индійскій океанъ, оплылъ кругомъ Аравію, вошелъ въ Чермное море черезъ проливъ Баб-эль-Мандэбъ и проплылъ по сѣверному направленію пока не бросилъ якоря въ Суэцской бухтѣ. Практически доказавъ такимъ образомъ возможность открыть искомый водный путь, Дарій рѣшился окончить каналъ, за который нѣкогда взялся Рамзесъ II, потомъ, нѣсколько вѣковъ спустя, Нехо I, именно съ цѣлью соединить Нилъ съ Чермнымъ моремъ, стало-быть, хотя и не непосредственно,—Средиземное море съ Индійскимъ океаномъ. На разныхъ точкахъ канала найдены три гранитныя *стэлы* (стоячія плиты или плоскіе столбы), съ надписями на четырехъ языкахъ, — персидской, вавилонской и ассирійской клинописью и египетскими іероглифами. На одной изъ стэлъ еще можно различить голову въ профиль,—дол-

жно быть, портретъ Дарія. Но эти три гиганта военнаго и государственнаго дѣла слишкомъ опередили свои вѣка; великое твореніе ихъ было преждевременно, и потому не могло быть оцѣнено по достоинству, работы были два раза заброшены, и хотя Дарій окончилъ каналъ, но онъ остался безъ употребленія. Лѣтъ двѣсти спустя его очистили отъ засыпавшаго его песку и углубили, но онъ вскорѣ опять, и уже окончательно, былъ засыпанъ и забытъ. Нашему вѣку предстояло вновь приняться за эту работу и исполнить ее, въ новомъ и, можно надѣяться, уже неразрушимомъ видѣ. Дарію лучше удалось введеніе одной общей монетарной системы, серебряной и золотой; но держава его была слишкомъ обширна, въ нее входили области слишкомъ многочисленныя, слишкомъ разнородныя по расамъ, культурамъ и обычаямъ, чтобы можно было провести реформу въ полномъ объемѣ, и хотя царь старался вынуть изъ оборота всѣ мѣстныя монеты, принимая ихъ въ уплату налоговъ и податей, послѣ чего онѣ взвѣшивались, расплавлялись и вновь чеканились на царскомъ монетномъ дворѣ, однако не видать, чтобы Вавилонъ, Малая Азія, Финикія или Египетъ въ самомъ дѣлѣ отказались отъ своихъ исконныхъ валютъ.

Суза и Персеполь.

5.—Семь лѣтъ,—515—508 до Р. Х.,—Дарій посвятилъ мирнымъ трудамъ. Въ этотъ краткій срокъ онъ успѣлъ справиться со всѣми реформами и нововведеніями, которыя державу, коекакъ сколоченную изъ самыхъ разновидныхъ,

казалось бы несовмѣстимыхъ элементовъ, превратили въ одно плотное, стройное цѣлое, первообразъ новѣйшихъ, арійскихъ монархій. Въ эти же годы онъ началъ и, по большей части, окончилъ, сооруженіе зданій, которыя, расширенныя и довершенныя его сыномъ и внукомъ, составляютъ безсмертную гордость ранняго періода Ахеменидовъ. Какъ мы видѣли выше, Суза иностранцами считалась и въ сущности дѣйствительно была, столицей новаго царства, будучи къ тому приспособлена и исконнымъ своимъ положеніемъ въ Эламскомъ царствѣ, и въ особенности близостью къ такимъ важнымъ центрамъ, всегда нуждающимся въ надзорѣ, какъ Вавилонъ и Экбатана, а также къ сирійскимъ землямъ и Малой Азіи. Но и Суза не была постояннымъ царскимъ мѣстопребываніемъ. Вошло въ обычай, чтобы царь часть каждаго года проводилъ въ другихъ двухъ столицахъ; къ этому привели отчасти политическія, отчасти и гигіеническія соображенія, такъ какъ Вавилонъ пользовался чуднымъ зимнимъ климатомъ, Экбатана же, по своему мѣстоположенію на прохладныхъ склонахъ отрога Загроса, была идеальнымъ мѣстопребываніемъ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Но монархъ, самъ персъ, не могъ пренебрегать собственной родиной. Для него, напротивъ, было долгомъ обогатить ее такимъ дворцомъ, который, по красотѣ и великолѣпію, превосходилъ бы, если возможно, дворцы старшихъ столицъ. Поэтому Дарій выбралъ удобное, красивое мѣсто въ самой плодородной, здоровой части Персіи, призвалъ

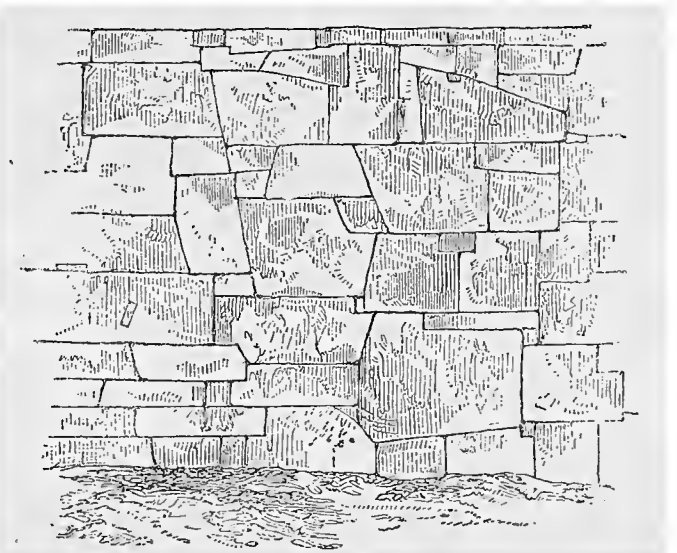
ремесленниковъ и художниковъ, въ числѣ которыхъ навѣрно было много грековъ, и приказалъ имъ строить для него дворецъ и пріемную палату, достойные его величія. Вокругъ царскихъ мраморныхъ чертоговъ самъ собой возникъ городъ, та столица, которую мы знаемъ лишь подъ именемъ, даннымъ ей греками: Персеполисъ, т. е. «городъ персовъ». Персидское имя такъ и осталось неизвѣстно, но должно полагать, что греки только перевели его на свой языкъ. Это — тотъ самый городъ, который, вмѣстѣ со своимъ несравненнымъ кремлемъ изъ чудныхъ дворцовъ, погибъ въ пожарѣ, зажженномъ Александромъ Македонскимъ подъ пьяную руку, — поступокъ, вѣчный позоръ котораго не искупается даже многими несомнѣнными качествами завоевателя и не извиняется его молодостью. Часть города, вѣроятно, уцѣлѣла или была вновь построена, потому что на томъ же мѣстѣ стоялъ при Сассанидахъ городъ Истахръ. Но и отъ него не осталось ничего, кромѣ имени, руинъ каменныхъ стѣнъ, да грудъ мусора, разбросаннаго кирпича и желѣза, — въ родѣ тѣхъ остатковъ, по которымъ узнается мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ цвѣтущій городъ Багистана, у подножія исторической скалы, съ ея сассанійскими и греческими изваяніями и надписями, представляющими жалкій контрастъ съ памятникомъ персидскаго царя-богатыря.

Большая терраса въ Персеполѣ.

6. — Персы переняли и усвоили характерную черту вавилоно-ассирійскаго зодчества: обычай воздвигать дворцы на искусственно возвышенныхъ

платформахъ или террасахъ, но опередили ассирійцевъ умѣніемъ пользоваться мѣстнымъ матерьяломъ и природными удобствами. Они доказали это выборомъ мѣста для новаго кремля. Горы, по обѣимъ сторонамъ слѣдующія за теченіемъ рѣчки Пульваръ (см. стр. 334), вдругъ раздвигаются на востокъ и западъ. Восточный отрогъ спадаетъ круто и кончается низкой, широкой, почти плоской террасовидной скалой, формою походящей на неправильный четыреугольникъ, на которой естественно долженъ былъ остановиться выборъ строителя. Предварительной работы потребовалось очень немного. Слегка покатую скалу не трудно было обратить въ трехъярусную террасу, каждый ярусъ которой поднимался футовъ на двадцать выше предыдущаго, чѣмъ всему зданію придавалась величавая, почти театральная эффектность; этому сильно содѣйствовалъ задній планъ,—скала, о которую опиралась терраса, почти отвѣсная лицевая сторона горы, нынѣ называемой Рахмедъ. Срѣзавъ справа и слѣва наружные края террасъ гладко до земли, строители получили натуральныя стѣны, вышиной отъ пятнадцати до сорока футовъ, смотря по неровности грунта, отъ котораго поднималась первая терраса, и облицовали ихъ мраморными плитами изъ богатыхъ каменоломенъ, открытыхъ въ самой горѣ Рахмедъ. Эта мраморная облицовка, равно какъ и лѣстницы, ведущія снизу на первую террасу, и лѣстницы, соединяющія между собою всѣ три террасы, въ своемъ родѣ не менѣе удивительны, какъ дѣло голыхъ рукъ человѣче-

скихъ, чѣмъ египетскія пирамиды или перевозка и постановка ассирійскихъ крылатыхъ быковъ и львовъ. Каждая глыба облицовки имѣетъ въ длину отъ тридцати до пятидесяти футовъ и въ вышину не менѣе восьми, а въ толщину отъ четырехъ до шести футовъ. Есть и еще длиннѣе.



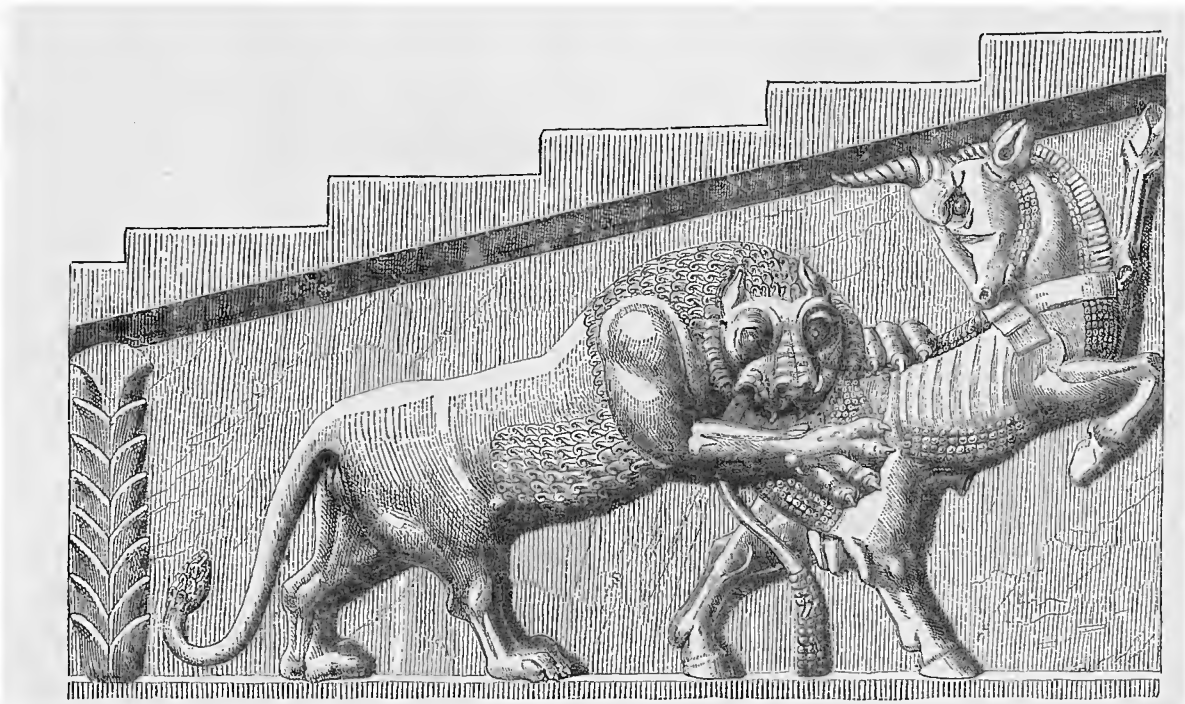
Мраморная облицовка большой платформы въ Персеполѣ.

и, хотя цемента не употреблено никакого, однако эти громады такъ плотно пригнаны и такъ связаны силой своей огромной тяжести, что до сихъ поръ черты соединенія ихъ едва замѣтны глазу, и желѣзныя скобы, давно истлѣвшія и оставившія только ржавые слѣды, были, какъ оказывается, въ сущности лишней предосторожностью. Это несомнѣнно—самый совершенный изъ суще-

ствующихъ образчиковъ древнѣйшаго типа каменной кладки, извѣстной подъ названіемъ *циклопической*, вѣроятно позаимствованной отъ какихъ-нибудь древне-іонійскихъ городскихъ стѣнъ. Вездѣ, гдѣ уцѣлѣла эта облицовка, сохранилась также и полировка ея,—такая удивительная, что мраморъ до сихъ поръ все отражаетъ въ себѣ, какъ зеркало, гдѣ только поверхность не повреждена какъ-нибудь или не попорчена варварскими, идіотскими покушеніями современныхъ туристовъ, у которыхъ страсть безсмертить себя царапаніемъ своихъ глупыхъ именъ на самыхъ чудныхъ произведеніяхъ древняго искусства.

Персепольская дворцовая лѣстница.

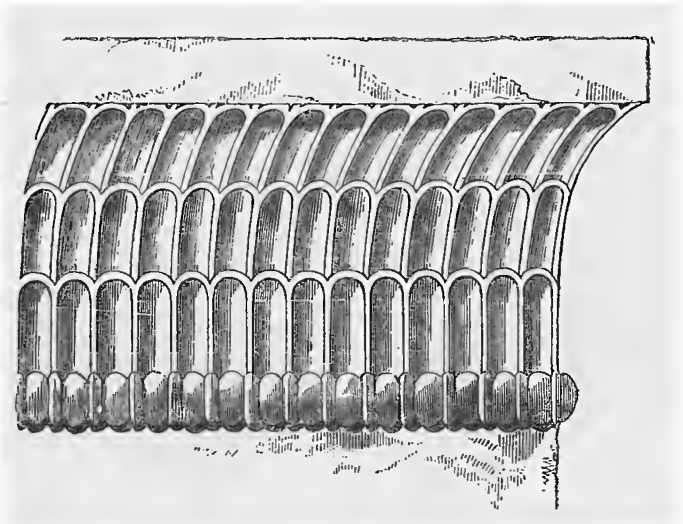
7. — Что̀ касается лѣстницъ, поражающихъ каждаго путешественника, какъ самая величественная черта этихъ истинно царственныхъ развалинъ, то онѣ знатоками единогласно признаются неимѣющими себѣ ничего подобнаго въ мірѣ. Ихъ нѣсколько, и онѣ расположены не совсѣмъ правильно, а такъ, какъ по мѣсту оказалось удобнѣе. Даже первая лѣстница, ведущая на нижнюю террасу съ запада, помѣщается не совсѣмъ по серединѣ. Она — поднимается съ двухъ сторонъ и на полвышинѣ соединяется въ широкую площадку, отъ которой опять расходится вверхъ. Ступе́ни, которыхъ счетомъ сто слишкомъ, имѣютъ не совсѣмъ четыре дюйма вышины, ширины же и глубины онѣ такой, что десять всадниковъ удобно могли бы рядомъ подняться по нимъ. Лѣстница вся — мраморная, по нѣскольку ступеней изъ одной глыбы. Другая, съ южной стороны, одинокая, покруче, въ трид-



Бой льва съ быкомъ: мотивъ, повторяемый на наружныхъ стѣнахъ всѣхъ лѣстницъ во дворцахъ Дарія и Ксеркса въ Персеполѣ.

(Слѣдуетъ шествіе стражниковъ; см. рис. на стр. 441).

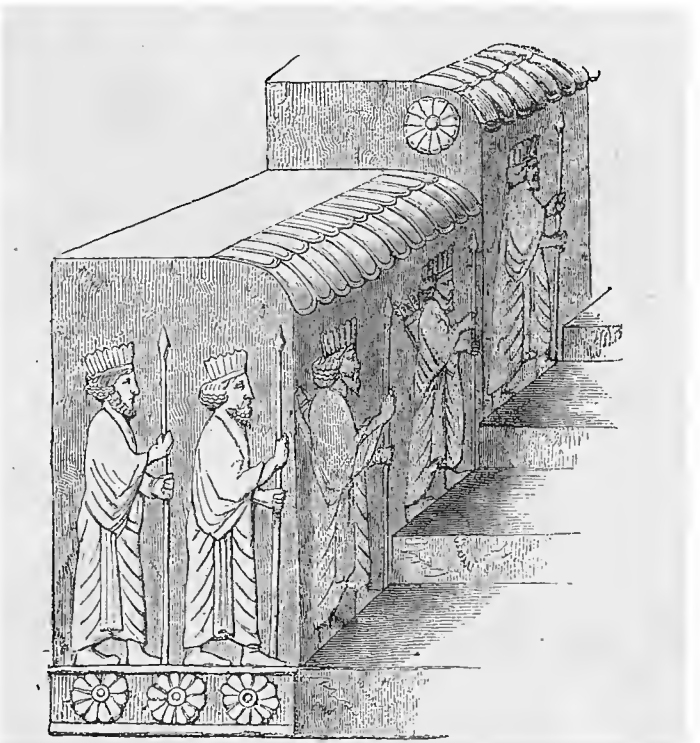
цать ступеней, *вся изъ одной глыбы!* Лѣстницы съ одной террасы на другую сооружены съ неменьшимъ великолѣпіемъ, хотя нѣсколько менѣе колоссальныхъ размѣровъ, съ немного менѣе покатымъ наклономъ. Посѣтитель сначала всецѣло отдается впечатлѣнію, которое это сооруженіе производитъ на него своей громадностью, гармо-



Притолоки дверей и оконъ дворцовъ въ Персеполѣ.

ничной красотой линій; но вскорѣ его вниманіе привлекаетъ и приковываетъ роскошная орнаментація, которою ваятель покрылъ каждую, малѣйшую пустую площадь внутри парапета или на наружной стѣнѣ лѣстницы. Такъ, треугольное пустое мѣсто, образуемое первыми ступенями, вездѣ наполнено художественнымъ, до тонкости

отдѣланнымъ барельефомъ, изображающимъ любимую группу восточной миѳологіи: бой льва съ быкомъ, въ композиціи, искусно прилаженной

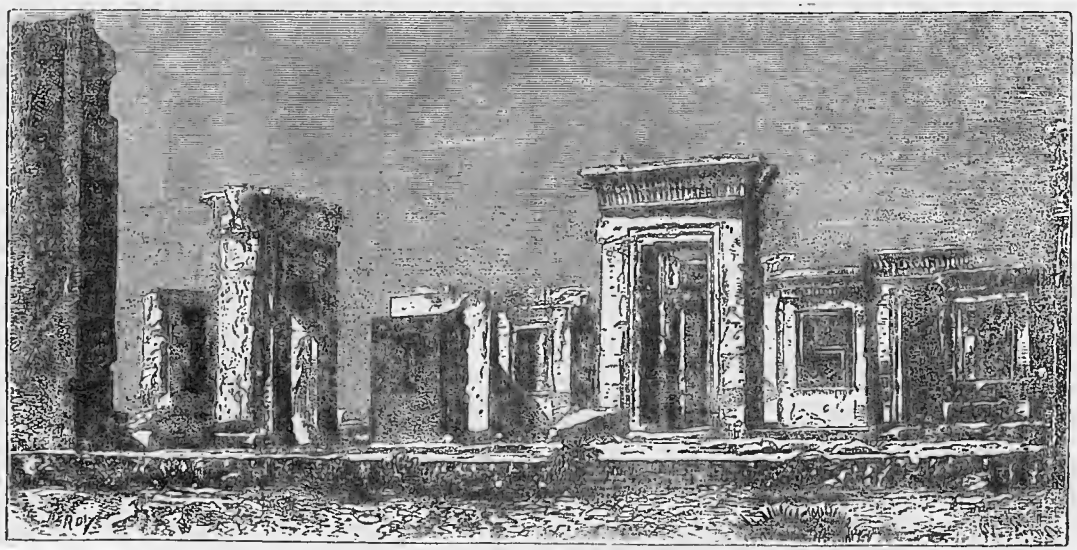


Шествіе стражниковъ на внутренной сторонѣ парапета лѣстницъ въ Персеполѣ.

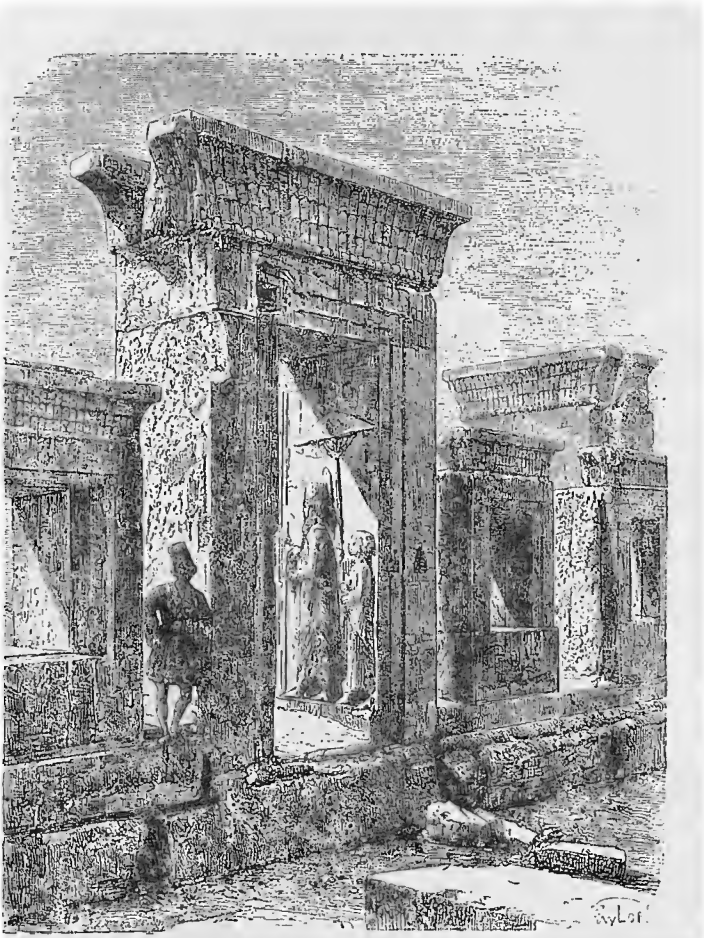
къ ограниченному пространству. За этой сценой, какъ только позволяетъ мѣсто, слѣдуетъ шествіе стражниковъ. Внутри парапета, вдоль стѣны, тянется цѣлая процессія воиновъ, гостей, придворныхъ, словно направляющихся во дворецъ, по одно-

му на каждой ступени. Декоративный эффектъ дополняется ассирійскими розетками и своеобразнымъ изогнутымъ рѣзнымъ мотивомъ, повторяющимся на всѣхъ дверныхъ и оконныхъ притолокахъ; это—характерная черта архитектурной орнаментики эпохи Ахеменидовъ, и встрѣчается также на фризѣ дворца въ Фирузабадѣ (см. стр. 391) и на высѣченныхъ въ скалѣ фасадахъ царскихъ гробницъ въ Накши-Рустемѣ (см. стр. 412).

Дворецъ Дарія. 8.—Въ южную стѣну террасы вдѣланы четыре мраморныя плиты, съ обычной трехъ-язычной надписью, исчисляющей царскіе титулы и подданные народы, и кончающейся благочестивымъ воззваніемъ: «Ахура-Мазда да хранитъ землю сію персидскую отъ иноземнаго нашествія, неурожая и всякой неправды!» Воззваніе это точь-въ-точь списано съ вавилонскихъ и ассирійскихъ цилиндровъ, помѣщаемыхъ въ фундаменты дворцовъ и храмовъ. Скиѳская надпись дополняетъ персидскую слѣдующимъ заявленіемъ: «Речетъ царь Дараявушъ: Великіе сіи дворцы построены на такомъ мѣстѣ, гдѣ доселѣ дворцовъ не бывало». Даже при нынѣшнемъ состояніи развалинъ, легко распознать простое, гармоничное распредѣленіе дворца: по серединѣ—обширная зала, а по бокамъ ея—по четыре покоя; въ фасадѣ—высокая дверь и четыре окна выходятъ на портикъ о четырехъ колоннахъ, служащій въ то же время и площадкою обѣихъ боковыхъ лѣстницъ. Симметричное расположеніе дверей и оконъ представляетъ замѣчательный контрастъ съ ассирійскими

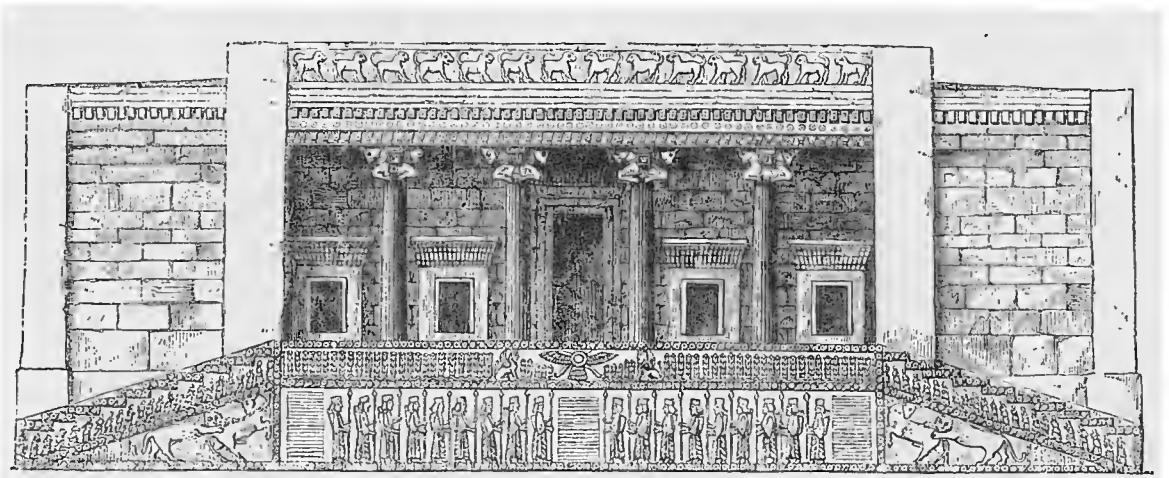


Реставрація южнаго фасада дворца Дарія въ Персеполѣ.



Дверь во дворцѣ Дарія въ Персеполѣ.

дворцами: тамъ двери помѣщались гдѣ попало часто у самыхъ угловъ комнатъ; здѣсь же дверь всегда находится по самой серединѣ стѣны. Раз-



Дворецъ Дарія въ Персеполѣ.
(Въ настоящемъ видѣ).

мѣры и пропорціи покоевъ тоже совсѣмъ другіе, вполнѣ согласные съ нашими понятіями, изъ чего видно, что покрышка персидскихъ зданій не представляла затрудненій.

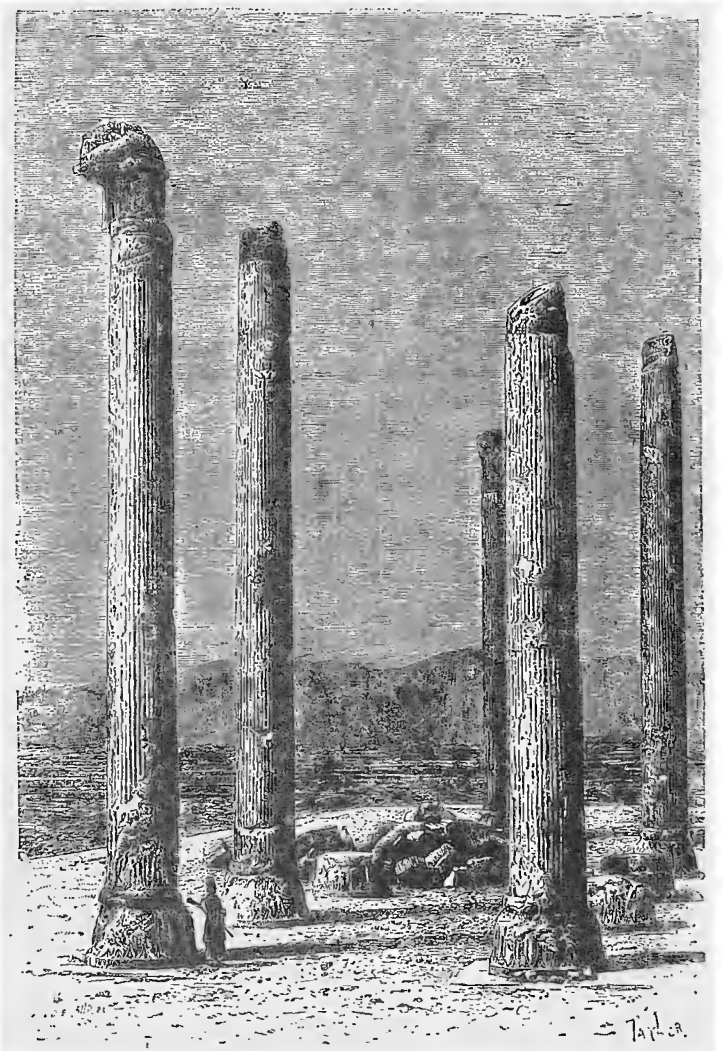
„Палата о ста колоннахъ" (Тронная зала).

9.—Позади этого дворца, который, судя по его умѣреннымъ размѣрамъ, долженъ былъ служить мѣстомъ жительства для самого царя, и гораздо болѣе на востокъ, занимая почти самую середину террасы, возвышается знаменитая «Палата о ста колоннахъ», построенная тоже Даріемъ I. По размѣрамъ ея и своеобразному устройству, сейчасъ видно, для чего назначалось это зданіе, содержавшее лишь одну громадную залу, квадратную, имѣвшую 227 футовъ въ длину и ширину, два входа и по нѣскольку оконъ въ каждой стѣнѣ; кровлю, изъ мощныхъ брусьевъ, кедровыхъ и кипарисовыхъ, поддерживали сто колоннъ,—въ десять рядовъ, по десяти въ рядъ, того оригинальнаго, затѣйливаго типа, которымъ отличается архитектура временъ Ахеменидовъ. Высокія, стройныя, на цоколяхъ въ видѣ опрокинутой чашки цвѣтка, эти колонны гордо и безъ усилія несли бревенчатый потолокъ на изогнутыхъ выяхъ животныхъ, украшавшихъ капители (см. стран. 381—382). Это была тронная, пріемная и банкетная палата великаго Дарія. Въ этомъ убѣдили бы насъ, если бы не было другихъ данныхъ, изваянія въ восьми дверяхъ. То мы видимъ царя сидящимъ на престолѣ, который поддерживаютъ ряды воиновъ, въ драпированной ризѣ или плотно прилегающихъ персидскихъ штанахъ и кафтанѣ, или же фигуры, изображаю-

щія покоренные народы (см. стран. 403). То онъ принимаетъ пословъ или гостей делегатовъ, несущихъ дары. Фигура царя, какъ и въ египетскихъ стѣнныхъ живописаніяхъ, всегда больше натуральной величины, чѣмъ художникъ какъ бы возвышаетъ его надъ остальнымъ человѣчествомъ, а у служителя, стоящаго за престоломъ съ опахаломъ отъ мухъ, на лицѣ священный платъ, *пайтидана*, словно онъ священнодѣйствуетъ передъ святымъ огнемъ (см. стр. 133 и 135); церемоніймейстеръ же

Бой Дарія съ дэвомъ или „Ариманскимъ звѣремъ".
(Въ Персеполѣ въ Палатѣ о ста колоннахъ).

заслоняетъ ротъ рукой, и всѣ подходящіе къ царской особѣ держатъ руки въ своихъ длинныхъ рукавахъ, въ знакъ мирныхъ намѣреній. Въ другомъ мѣстѣ опять царь является земнымъ подобіемъ самого Ахура-Мазды, исполняя свою богоданную задачу, — истреблять злое твореніе Ангра-Майнью: онъ вонзаетъ кинжалъ въ безобразнаго дэва, или «Ариманскаго Звѣря», какъ нѣкоторые писатели называли это воплощеніе зла, изображеннаго въ видѣ чудовища на манеръ шумиро-аккадскихъ бѣсовъ. У иныхъ входовъ крылатые быки стоятъ на стражѣ, мало измѣненныя копіи ассирійскихъ образцовъ (см. стр. 380). Легко себѣ представить царскій тронъ стоящимъ гдѣ-нибудь въ концѣ средняго прохода, а обширную залу разубранною,—а можетъ-быть и раздѣленною на нѣсколько отдѣловъ,—драгоцѣнными коврами и пологами, которые можно было приподнять сбоку или спускать до полу, драпировать и раздвигать, то скрывая царское величество отъ придворныхъ и гостей, то дозволяя лицезрѣть его. Необходимые снуры и кольца, должно-быть, какъ нибудь прикрѣплялись къ колоннамъ или потолочнымъ брусьямъ, навѣрно позолоченнымъ, какъ и самый потолокъ. По всей вѣроятности, и внутренняя площадь стѣнъ тоже покрывалась листовымъ золотомъ, наподобіе стариннаго дворца въ Экбатанѣ: найдено множество короткихъ металлическихъ штифтиковъ, которые едва ли могли служить на что-либо другое, какъ именно на прикрѣпленіе золотыхъ листовъ.



Колонны въ тронной залѣ Ксеркса.
(Изъ чернаго мрамора. Вышина отъ цоколя до капители—44 фута; вышина капители—16 ф.).

Тронная зала въ Сузѣ по книгѣ „Есѳирь“.

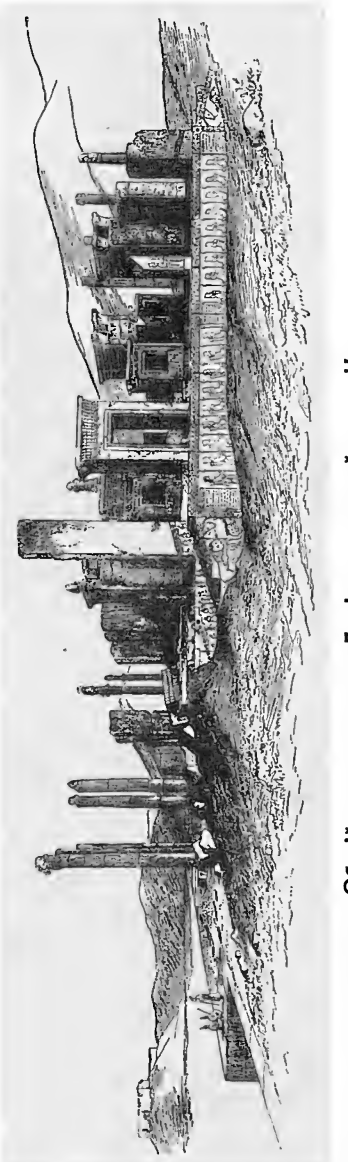
10.—Залы на колоннахъ и портики—отличительная черта арійскаго зодчества, и потому не подлежитъ сомнѣнію, что Дарій, построивъ себѣ дворецъ въ Сузѣ, пристроилъ къ нему и пріемную палату въ такомъ же родѣ, какъ и въ Персеполѣ; изучивъ послѣднюю, не трудно вообразить себѣ царскій пиръ, описанный въ «Книгѣ Есѳирь» и заданный, вѣроятно, либо въ день рожденія царя, либо въ день Новаго Года (два главные праздничные и увеселительные дня у древнихъ персовъ),—Ксерксомъ, Даріевымъ сыномъ, который въ Библіи названъ Артаксерксомъ:

«И было въ то время, какъ царь Артаксерксъ сѣлъ на царственный престолъ свой, что въ Сузахъ, городѣ престольномъ... сдѣлалъ онъ пиръ для всѣхъ князей своихъ и для служащихъ при немъ, для главныхъ начальниковъ войска персидскаго и мидійскаго и для правителей областей своихъ, показывая великое богатство царства своего и отличный блескъ величія своего въ теченіе многихъ дней... Сдѣлалъ царь для народа своего, находившагося въ Сузахъ... пиръ на садовомъ дворѣ дома царскаго. Бѣлыя бумажныя и яхонтоваго цвѣта шерстяныя ткани, прикрѣпленныя виссонными и пурпуровыми снурами, висѣли на серебряныхъ кольцахъ и мраморныхъ столбахъ. Золотыя и серебряныя ложи были на помостѣ, устланномъ камнями зеленаго цвѣта и мраморомъ, и перламутромъ, и камнями чернаго цвѣта. Напитки подаваемы были въ золотыхъ сосудахъ... и вина царскаго было множество, по богатству царя...» (Книга Есѳирь, I, 1—7).

Строенія Ксеркса въ Персеполѣ.

11.—Этотъ самый Ксерксъ, Даріевъ сынъ, построилъ для себя въ Персеполѣ особый дворецъ, сравнительно небольшой. Но главное его строеніе—прекрасный перистиль или галлерея на ко-

лоннахъ, къ которой ведетъ большая западная лѣстница. Это было преддверіемъ къ большой пріемной залѣ, какъ видно изъ украшающихъ зданіе изваяній, да изъ самой надписи, въ которой оно названо «воротами». Ясно, что такое помѣщеніе, гдѣ бы послы, посѣтители, просители, делегаты съ данями могли собираться и дожидаться, пока царскому величеству благоугодно будетъ допустить ихъ передъ свои свѣтлыя очи, а при случаѣ выстроиться для параднаго шествія, было весьма нелишнимъ прибавленіемъ къ тронной залѣ. За этими парадными «воротами» слѣдовала еще двойная лѣстница, сооруженная тоже Ксерксомъ и ведущая на вторую террасу, на которой онъ, немного въ сторонѣ отъ отцова дворца, построилъ новую пріемную палату, мало чѣмъ уступавшую Даріе-



Общій видъ дворца Дарія и тронной залы Ксеркса, въ Персеполѣ.

вой. Изъ семидесяти двухъ колоннъ чернаго мрамора по сей день еще стоятъ семнадцать, впрочемъ, печально изувѣченныя; зданіе, кажется, не имѣло стѣнъ. Такая открытая колоннада, свободно продуваемая вѣтерками изъ горъ, была особенно пригодна для лѣтнихъ празднествъ и пріемовъ, и очень можетъ быть, что именно потребность избѣжать духоты закрытой тронной залы подала мысль построить другую, такъ сказать, воздушную, которая отнюдь не должна была казаться лишней роскошью. На разныхъ точкахъ платформы довольно неправильно разбросаны развалины дворцовъ позднѣйшихъ царей Ахеменидовъ, того же архитектурнаго типа, не могущія, впрочемъ, ни по размѣрамъ, ни по красотѣ, сравниться съ только-что описанными.

12.—Замѣчательно, что отъ этихъ дворцовъ остались только двери и окна, съ ихъ массивными косяками и притолоками изъ громадныхъ мраморныхъ глыбъ, безъ малѣйшихъ слѣдовъ стѣнъ, — какъ разъ въ противоположность ассирійскимъ дворцамъ, отъ которыхъ ничего кромѣ стѣнъ не осталось. Дьёляфуа, сопоставляя свои изслѣдованія и открытія въ Сузѣ со своими наблюденіями надъ персепольскимъ мусоромъ, приходитъ къ слѣдующему заключенію, не лишенному правдоподобія:

«Я думаю,—пишетъ онъ:—что дворцы Ахеменидовъ, за исключеніемъ колоннъ, лѣстницъ, дверей и оконъ, строились изъ кирпича, облицованнаго изразцами; что эти изразцы, окрашенные въ два цвѣта,—свѣтло-сѣрый и сѣровато-розовый, располагались мозаичными узорами; что высокій карнизъ надъ зубцами антаблемента украшался барельефными голубыми изразцами, изображающими быковъ, что въ со-

ставъ наружной облицовки стѣнъ тоже отчасти входили и голубые изразцы...» *)

Въ другомъ мѣстѣ, однако, Дьёляфуа признается, что онъ въ Персеполѣ немного нашелъ обломковъ изразцовъ, изъ чего онъ заключаетъ, что изразцовая орнаментація тамъ была далеко не въ такомъ ходу, какъ въ Сузѣ, гдѣ, повидимому, всѣ орнаменты дѣлались изъ этого матерьяла, вѣроятно въ подражаніе дворцу Навуходоноссора въ Вавилонѣ. Вѣдь въ Персеполѣ имѣлись подъ рукою неистощимыя каменоломни горы Рахметъ, что̀, такъ сказать, подсказывало скульптурныя украшенія. Но персидская скульптура разнилась отъ ассирійской тѣмъ, что не брала историческихъ темъ; тутъ нѣтъ ни битвъ, ни осадъ, нѣтъ походовъ въ далекихъ земляхъ, нѣтъ царскихъ охотъ, ни попытокъ изображать ландшафты; словомъ, ничего нѣтъ, кромѣ моментовъ придворнаго церемоніала, по правиламъ строжайшаго этикета. То мы видимъ царя на престолѣ; далѣе, онъ какъ будто входитъ въ свой дворецъ, черезъ главную дверь (см. стр. 444); тамъ опять, вдоль наружной стѣны широкой площади двойной лѣстницы, выстроены его тѣлохранители, такъ точно какъ, вѣроятно, день за днемъ стояли они при его жизни и встрѣчали его, отдавая честь (см. стр. 445). Единственное отступленіе отъ придворныхъ мотивовъ мы видимъ въ композиціяхъ религіознаго содержанія, но число ихъ ограничивается двумя-тремя сюжетами неизмѣннаго типа. Но если персидское искусство было ограниченнѣе

*) *Revue Archéologique,* juillet, 1885.

ассирійскаго въ выборѣ сюжетовъ, зато оно гораздо свободнѣе обращалось съ человѣческой фигурой. Художники, безъ сомнѣнія, насмотрѣлись греческихъ образцовъ и пользовались отчасти греческимъ артистическимъ воспитаніемъ; очень можетъ статься, что они работали подъ надзоромъ греческихъ мастеровъ, и вліяніе это сказывается въ вольной, естественной драпировкѣ и въ отсутствіи уродливой выпуклости мышцъ, которая такъ оскорбляетъ эстетическое чувство въ ассирійскихъ изображеніяхъ человѣческихъ формъ.

Царскія гробницы въ Персеполѣ.

13.—Обзоръ персепольскихъ памятниковъ былъ бы неполонъ, если бы умолчать о трехъ царскихъ усыпальницахъ, высѣченныхъ въ скалистой горѣ Рахметъ, какъ разъ за дворцами живыхъ царей. Онѣ точь-въ-точь подобны гробницамъ въ Нахши-Рустемѣ, и всѣхъ—семеро; царей Ахеменидовъ же было девять; значитъ, двухъ недостаетъ. Тутъ, какъ и тамъ, дверь въ изваянномъ фасадѣ поддѣльная, и до сихъ поръ не удалось открыть настоящій входъ въ довольно просторную погребальную камеру за нею. Одно только извѣстно, изъ показаній греческихъ историковъ, а именно—что тѣла поднимались на блокахъ и спускались въ склепъ. Найденныя же отверстія всѣ пробиты грабителями, и всѣ склепы оказались пустыми и разграбленными. Такъ какъ надпись нашли всего одну, на Даріевой гробницѣ, то другія такъ и остались безъимянными.

XV.

Дарій I.—Третій періодъ: иностранныя войны.

Дарій поднимается на Сѣверъ.

1.—Что Дарій, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мирной полезной работѣ, вдругъ поднялся съ мѣста и, ничѣмъ на то не вызванный, пустился въ цѣлый рядъ войнъ съ чужеземцами, вмѣсто того, чтобы оставаться дома и дать народу своему насладиться купленнымъ тяжкими трудами благоденствіемъ, — это кажется намъ просто какимъ-то умопомраченіемъ. Развѣ что, по догадкѣ одного историка, «онъ сознавалъ необходимость войны и завоеваній для такого народа, какъ персы, чтобы не дать ему утратить энергіи и впасть въ изнѣженность, спокойно наслаждаясь богатствомъ» *). Мысли его естественно обратились къ сѣверу и западу. Подчинивъ персидскому владычеству все, до чего рука его могла достать въ Азіи, оставалось подчинить ему Европу, и за предлогами, даже за основательными поводами политическими и коммерческими, недалеко было ходить. Во-первыхъ, Черное море надо было обратить въ персидское озе-

*) Justi, «*Geschichte des Alten Persiens*».

ро. Народы на его восточномъ и южномъ берегахъ повиновались уже приказамъ изъ Сузы и Персеполя: надо было сомкнуть кольцо народами береговъ западнаго и сѣвернаго. Къ тому же, народы эти были сильные, независимые полуварвары и легко могли сдѣлаться опасными сосѣдями. Итакъ, Дарій положилъ себѣ довольно неопредѣленную задачу: идти завоевывать Скиѳію. Онъ зналъ, что туда далеко; но вѣдь и въ Египетъ и въ Бактрію не близко. Онъ зналъ, что на пути онъ встрѣтитъ кое-какія не совсѣмъ обыкновенныя препятствія, какъ-то—морской рукавъ и широкую, свирѣпую рѣку: на то мосты. О самой землѣ и народѣ онъ не зналъ ничего; но другіе покорились же: чѣмъ же они лучше?

Что̀ греки знали о Скиѳіи.

2.—Въ послѣднемъ отношеніи греки имѣли передъ нимъ большое преимущество: они знали не мало и о̀ скиѳахъ и о землѣ ихъ. Греческія колоніи двойной линіей тянулись вдоль побережія Ѳракіи и Малой Азіи и, перейдя нѣсколько рѣкъ, доходили до устьевъ большой ѳракійской рѣки, Истера (Дуная) и многочисленныхъ скиѳскихъ (нынѣ русскихъ), рѣкъ вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря. Рѣки эти протекали черезъ обширныя и плодородныя земли и приносили продукты ихъ прямо грекамъ, имѣвшимъ на мѣстѣ свои склады и торговыя станціи. Одна изъ послѣднихъ, Ольвія, у устья рѣки Гипаниса (Буга), расцвѣла въ богатый, роскошный городъ, исключительно черезъ рыболовство и хлѣбную торговлю. Судя по тому, что̀ греки писали объ

этомъ городѣ, онъ имѣлъ приблизительно такое же значеніе, какъ нынѣ Одесса, по тѣмъ же причинамъ и вслѣдствіе тѣхъ же условій. Югъ Россіи и тогда уже кормилъ полміра пшеницей (т. е. міра, извѣстнаго въ то время), и Ольвія была центромъ всей вывозной торговли, какъ нынѣ Одесса. Слѣдующая большая торговая станція грековъ была Византія, колонія, основанная ими на Босфорѣ, будущій Константинополь. Суда, принявшія грузы хлѣба въ Ольвіи, должны были вывозить ихъ черезъ Босфоръ, такъ что Византія тогда уже владѣла ключомъ ко всей черноморской торговлѣ. Лѣтъ семьдесятъ позднѣе Геродота, около 800.000 четвериковъ скиѳскаго хлѣба, по современнымъ показаніямъ, вывозилось ежегодно въ однѣ Аѳины, а еще позднѣе, когда Филиппъ Македонскій задумалъ морить Аѳины голодомъ, онъ старался забрать въ свои руки Византію. Вѣроятно, изъ уваженія къ значенію, которое народы обширнаго края, отвѣчающаго нынѣшней южной Россіи, имѣли для греческихъ колоній и метрополій, греки постарались его изучить, и свѣдѣнія, ими собранныя и сообщенныя Геродотомъ, который и самъ посѣтилъ Ольвію и часть окрестныхъ земель, гораздо менѣе неточны ихъ познаній обо многихъ гораздо менѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Описанія, оставленныя Геродотомъ, болѣе и болѣе принимаются въ основу географическихъ и археологическихъ изслѣдованій о древней Россіи и во всемъ, что касается климата и внѣшнихъ чертъ края, вѣрны, подчасъ до забавности.

Геродотово описаніе Скиѳіи.

3.—Возьмемъ, примѣрно, такія замѣчанія: «Въ этомъ краѣ нѣтъ ничего чудеснаго кромѣ рѣкъ, которыя больше и многочисленнѣе рѣкъ всѣхъ другихъ земель. Эти рѣки и обширность громадной равнины заслуживаютъ вниманія...» или: «Почва — ровная, хорошо орошена, изобилуетъ пастбищами; рѣкъ почти столько же, сколько въ Египтѣ каналовъ. Изъ нихъ я назову лишь тѣ, которыя наиболѣе славятся и судоходны до нѣкотораго разстоянія отъ моря». И онъ описываетъ поименно пять главныхъ рѣкъ края: Истеръ (Дунай), Тирасъ (Днѣстръ), Гипанисъ (Бугъ), Борисѳенъ (Днѣпръ) и Танаисъ (Донъ), и называетъ еще нѣсколько, которыхъ нелегко узнать. Дунай онъ называетъ «величайшею изо всѣхъ извѣстныхъ намъ рѣкъ» и восхищается массой его водъ, которую постоянно питаютъ столько притоковъ, сами все большія рѣки. О Днѣпрѣ онъ говоритъ съ восторгомъ, какой эта чудная, живописная кормилица - рѣка всегда возбуждала въ путешественникахъ:

«Послѣ Истера, это—величайшая изо всѣхъ рѣкъ и, по моему сужденію, самая производительная, и не только въ Скиѳіи, исключая одинъ только Нилъ, съ которымъ не сравнится ни одна въ мірѣ рѣка. По берегамъ ея разстилаются чудныя пастбища для скота; она изобилуетъ самой вкусной рыбой; вода чрезвычайно пріятна на вкусъ и прозрачна на видъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ рѣкахъ вода мутная; вдоль теченія ея растутъ роскошные хлѣба, а тамъ, гдѣ почва не обсемѣнена—густѣйшая трава; въ устьѣ, безъ всякой помощи отъ человѣка, образуются соляные осадки въ большомъ количествѣ, и ловятъ въ ней большую рыбу, на-

зываемую *антакаи* (осетръ): она не имѣетъ колючихъ костей и ее хорошо мариновать».

Геродотъ не менѣе вѣрно описываетъ «Полѣсье», простирающееся вдоль нижняго теченія Днѣпра, тамъ, гдѣ онъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, и представляющее пріятный контрастъ съ окрестными голыми степями, хотя и не можетъ сравниться по густотѣ съ лѣсами болѣе сѣверной полосы. Не менѣе вѣрны его наблюденія, когда онъ помѣщаетъ наиболѣе плодородныя земли повыше по теченію рѣки и называетъ обывателей ихъ «хлѣбопашцами» или «скиѳами-земледѣльцами», которые, по его словамъ, занимались исключительно сельскимъ хозяйствомъ и производили бо́льшую часть хлѣба, продаваемаго въ Ольвіи и оттуда вывозимаго. Далѣе за ними онъ помѣщаетъ пустынную полосу,—степь, съ бродящими по ней скиѳскими кочевниками, и замѣчаетъ, что тамъ, невдалекѣ отъ рѣки, находились могилы скиѳскихъ царей. Новѣйшіе изслѣдователи подтвердили и это показаніе, раскопавъ самые значительные изъ безчисленныхъ кургановъ, которые, отчасти нарушая однообразную плоскость необозримой равнины, невольно наводятъ на мысль, не имѣемъ ли тутъ могильника цѣлаго народа, не то что однихъ царей. По мѣрѣ того, какъ Геродотъ удалялся отъ морского берега и греческихъ поселеній, его описанія, какъ и слѣдовало ожидать, становятся менѣе ясными, менѣе отчетливыми, и наконецъ совсѣмъ туманными и подчасъ баснословными въ частностяхъ. Но и тутъ еще не мало чертъ, которыя не трудно узнать,

или, по крайней мѣрѣ, объяснить. Такъ, все то, что онъ говоритъ о климатѣ, по личнымъ наблюденіямъ, совершенно точно и въ то же время забавно передаетъ впечатлѣніе, произведенное на грека незнакомымъ ему явленіемъ,—мерзлой землей:—

«Во всемъ краѣ, о которомъ идетъ рѣчь,—пишетъ онъ:—зимы чрезмѣрно суровы.. Морозъ такой, что, если пролить на землю воду, не образуется грязь, или образуется только тогда, если развести на этомъ мѣстѣ огонь. Море замерзаетъ... Въ это время года скиѳы совершаютъ военные походы по льду... Во всю зиму почти нѣтъ дождя, лѣтомъ же льетъ не переставая... громъ бываетъ только лѣтомъ, но тогда гремитъ тяжелыми раскатами... Лошади зиму переносятъ хорошо, несмотря на холодъ...»

Тутъ каждое слово мѣтко. Но когда мы приходимъ къ такому мѣсту, какъ слѣдующее, нетрудно догадаться, что писатель передаетъ уже не личныя наблюденія, а говоритъ по наслышкѣ:—

«Тамъ, на сѣверъ отъ обитателей самыхъ отдаленныхъ окраинъ Скиѳіи, говорятъ, что земля скрыта отъ глазъ и непроходима отъ большого обилія разсыпанныхъ на ней перьевъ. Почва покрыта ими, и воздухъ ими наполненъ, и это мѣшаетъ глазамъ что-либо разглядѣть въ этомъ краѣ».

Изъ сказокъ братьевъ Гриммъ мы знакомы съ древне-германскимъ миѳомъ о томъ, какъ добрая хозяйка, Фрау Голла, выворачиваетъ свои перины, и потому съ удовольствіемъ примѣчаемъ, какъ собственный здравый разумъ даетъ нашему пріятелю, греку, ключъ къ тому, что онъ сначала принялъ просто за нелѣпый слухъ:

«Относительно перьевъ, которыя, по разсказамъ скиѳовъ, наполняютъ, будто бы, воздухъ и не пропускаютъ въ отдаленнѣй-

шія части материка, или даже мѣшаютъ разглядѣть что-либо въ тѣхъ краяхъ, мое мнѣніе такое, что въ земляхъ на сѣверъ отъ Скиѳіи всегда идетъ снѣгъ, хотя, конечно, лѣтомъ меньше, нежели въ зимнее время. Снѣгъ же, падая, похожъ на перья, какъ извѣстно каждому, близко видѣвшему его. Эти сѣверные края, поэтому, не могутъ быть обитаемы, по причинѣ свирѣпости зимы; скиѳы же и ихъ сосѣди зовутъ снѣжные хлопья перьями, я думаю, изъ-за сходства ихъ съ настоящими перьями».

Много цѣнныхъ свѣдѣній можно собрать изъ фантастическихъ разсказовъ о людоѣдахъ, одноглазыхъ людяхъ и грифахъ. Ясно, что золото, охраняемое послѣдними, есть золото уральскихъ рудниковъ, о которыхъ навѣрно знали греки, жившіе въ Ольвіи и другихъ черноморскихъ поселеніяхъ. Не менѣе вѣрно то, что греческимъ купцамъ была извѣстна дорога туда. Говорили, что надо брать съ собою въ это путешествіе семерыхъ переводчиковъ, потому что приходилось ѣхать черезъ земли семи народовъ, говорившихъ на столькихъ же языкахъ. Очень можетъ статься, что греки умышленно затемняли дѣйствительность баснями, чтобы не выдавать тайны своихъ коммерческихъ операцій и держать въ секретѣ источники своихъ главныхъ барышей.

Геродотъ о скиѳахъ.

4.—Объ обитателяхъ, осѣдлыхъ или кочующихъ, этого обширнаго края, въ которомъ мы узнаемъ южную Россію, Геродотъ мало сообщаетъ. Онъ даетъ лишь имена разныхъ племенъ, насколько они ему извѣстны, да и то въ греческой формѣ, всегда такъ затрудняющей разысканіе настоящихъ названій; что же касается ихъ нравовъ

и обычаевъ, онъ довольствуется слѣдующимъ краткимъ, огульнымъ и не очень лестнымъ отзывомъ: «Вокругъ Евксинскаго (Чернаго) моря живутъ народы, которые всѣ, за единственнымъ исключеніемъ скиѳовъ, болѣе некультурны, чѣмъ народы любого другого извѣстнаго намъ края». Зато скиѳамъ онъ посвящаетъ много крайне интересныхъ страницъ. Прежде всего, онъ замѣчаетъ, что имя ихъ, по-настоящему, сколоты, но что у грековъ вошло въ привычку называть ихъ скиѳами. Это подтверждаетъ то, что̀ мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ, а именно, что это имя—«скиѳы»—вовсе не принадлежитъ какому-либо одному племени, а дается безразлично всѣмъ отдаленнымъ, мало извѣстнымъ, особенно кочевымъ народамъ сѣвера и сѣверо-востока, будь они арійскаго или туранскаго корня; что русскіе скиѳы принадлежатъ къ первымъ, теперь признается всѣми. Геродотъ дѣлитъ эти народы на «хлѣбопашцевъ», — осѣдлыхъ сельскихъ хозяевъ, на «царскихъ скиѳовъ», включавшихъ вѣроятно царскіе и знатные роды, и на «кочевниковъ, которые не пашутъ и не сѣютъ, у которыхъ вся земля совершенно бездревесная». Тутъ онъ очевидно имѣетъ въ виду степную полосу между Днѣпромъ и Дономъ. Эти кочевники, какъ нынѣ многія туранскія племена въ восточной Россіи и Средней Азіи, переходили со своими табунами и стадами съ пастбища на пастбище, живя въ повозкахъ, запряженныхъ волами (кибиткахъ), или въ палаткахъ, которыя перевозились на телѣгахъ и мигомъ ставились

Скиѳы послѣ сраженія.

(Съ вазы изъ электрона, греческой работы, найденной въ царской гробницѣ въ Керчи (древней Пантикапеѣ).

гдѣ угодно. Этотъ образъ жизни произвелъ сильное впечатлѣніе на Геродота, и онъ имъ объясняетъ ихъ своеобразную военную тактику, съ которой персы недавно познакомились къ тяжкому своему ущербу. Но онъ приписываетъ хитроумно предумышленному плану то, что̀ просто само собою вытекало изъ всѣхъ условій ихъ быта:

«Скиѳы,—пишетъ онъ:—въ одномъ отношеніи,—и именно въ важнѣйшемъ, съ которымъ приходится людямъ считаться,—оказались умнѣе всѣхъ народовъ земли. Я говорю о выдумкѣ, которою они ставятъ вторгающагося къ нимъ врага въ невозможность спасти себя отъ погибели, тогда какъ сами они не подвергаются никакой опасности, если имъ не заблагоразсудится вступить съ нимъ въ бой. Но имѣя ни городовъ, ни крѣпостей, перевозя жилища свои повсюду съ собой,—пріученые, притомъ, стрѣлять съ коня и питаясь не сельскимъ хозяйствомъ, а отъ скота своего, наконецъ, не имѣя жилья, кромѣ своихъ повозокъ,—какъ имъ не быть непобѣдимыми, когда на нихъ даже и нападать нельзя?»

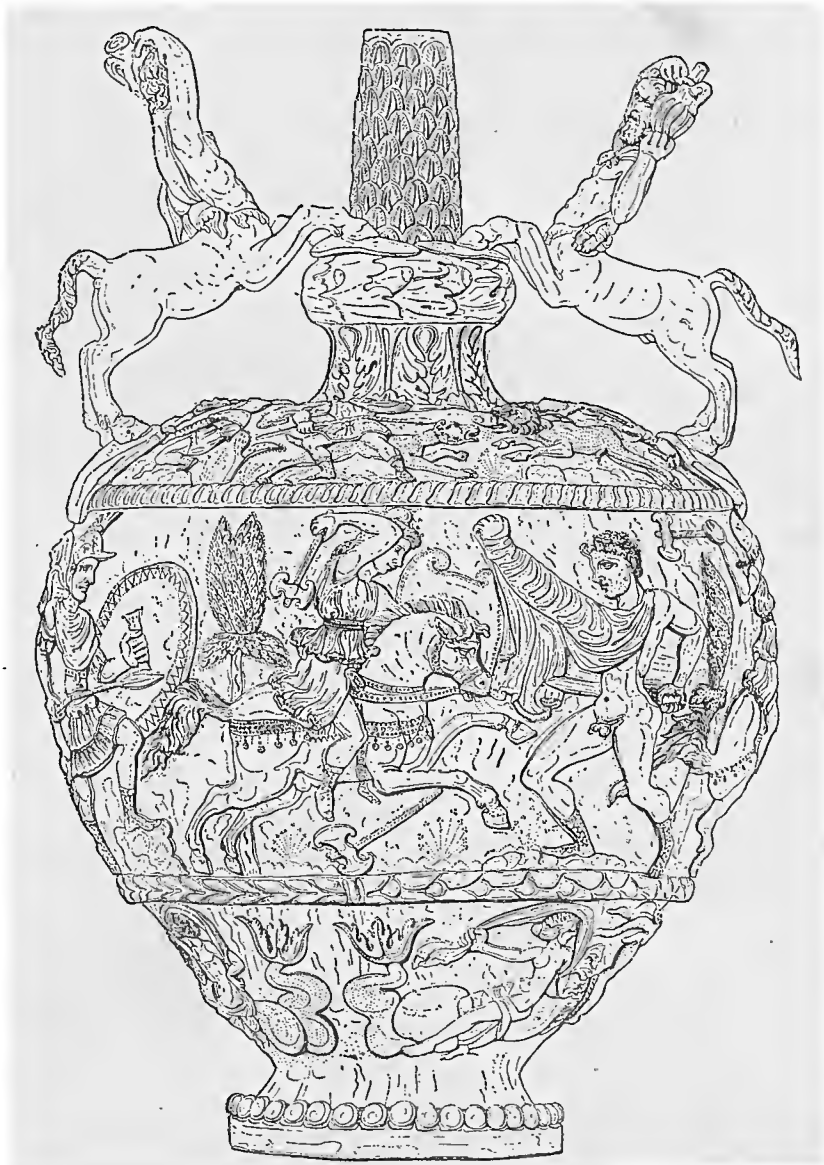
Съ наружностью и одеждой этихъ предковъ малороссовъ мы знакомы главнымъ образомъ по удивительно красивымъ и художественно отдѣланнымъ предметамъ, найденнымъ въ царской могилѣ близъ Керчи (древней Пантикапеи, колоніи города Милета на восточной оконечности Крымскаго полуострова). Предметы эти, больше все вазы изъ серебра и *электрона*, чисто греческой работы, вѣка на два или три моложе времени, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь; но изображенія на нихъ навѣрно рисованы съ натуры, и типы не могли измѣниться въ такое короткое время, когда теперь, двѣ тысячи лѣтъ спустя, мы

узнаемъ въ нихъ нашихъ крестьянъ. Геродотъ описываетъ паровыя бани скиѳовъ, конечно очень примитивныя. Вообще, ихъ обычаи являются у него крайне грубыми и дикими, впрочемъ немногимъ хуже обычаевъ многихъ германскихъ воинственныхъ племенъ даже начала среднихъ вѣковъ. Очень любопытно его описаніе ихъ обычая скальпировать побѣжденныхъ враговъ, — совершенно такъ, какъ это дѣлали и до сихъ поръ дѣлаютъ сѣверо-американскіе краснокожіе. Но, скиѳы, повидимому, еще превосходили индѣйцевъ звѣрствомъ, если вѣрно то, что̀ говоритъ о нихъ Геродотъ,—будто они не только привѣшивали скальпы къ уздечкамъ своихъ коней, гордясь и хвастаясь ихъ числомъ, но сшивали ихъ и дѣлали изъ нихъ себѣ одежду. «Иные,—пишетъ онъ:—сдираютъ кожу съ правой руки убитаго врага, оставляя на ней ногти» (какъ мы дѣлаемъ со шкурами медвѣдей и другихъ дикихъ звѣрей), «и обтягиваютъ этой кожей колчаны». Такіе обычаи, казалось бы, должны были возбуждать отвращеніе въ грекахъ, такъ какъ ихъ культура вообще была чужда варварской свирѣпости; однако, Геродотъ только спокойно замѣчаетъ, что «человѣчья кожа толста и глянцовита, и бѣлизною превосходитъ почти всякую другую шкуру». Онъ безъ ужаса упоминаетъ и о другомъ обычаѣ скиѳовъ: выдѣлывать чаши изъ непріятельскихъ череповъ и подавать ихъ на пиршествахъ, для чествованія гостей и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, выложивъ изнутри золотомъ, если хватало на это средствъ.

Только въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что «обычаи у нихъ не такіе, которымъ бы онъ могъ сочувствовать»,—причемъ онъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду эти черты и нѣкоторыя еще худшія, потому что онѣ сопряжены съ жестокостями къ живымъ людамъ: таковы человѣческія жертвы и, въ особенности, царскіе похороны. Они не довольствовались тѣмъ, что убивали и сожигали вмѣстѣ съ трупомъ царя по меньшей мѣрѣ одну изъ его женъ и всѣхъ самыхъ приближенныхъ слугъ его, а также его любимую лошадь или лошадей; по прошествіи года, справляя поминки по умершему, они душили пятьдесятъ юношей изъ его личной свиты, и столькихъ же самыхъ красивыхъ лошадей, сажали мертвецовъ на убитыхъ коней и, въ видѣ почетнаго караула, разставляли ихъ вокругъ кургана, подпертыми на вонзенныхъ въ землю кольяхъ.

Мосты черезъ Босфоръ и Дунай и переправа.

5.—На такую-то землю, на такой-то народъ, Дарій, съ непостижимымъ легкомысліемъ собрался идти войной, ничуть не сомнѣваясь, что онъ безъ особеннаго труда присоединитъ ихъ къ своей державѣ. Онъ думалъ воспользоваться случаемъ и для того, чтобы укрѣпить за собой греческіе города по обѣ стороны Босфора и Геллеспонта, равно и нѣсколько греческихъ острововъ. Одинъ изъ его братьевъ, будто бы, умолялъ его одуматься, представляя ему великія опасности, которыхъ ему не миновать. Но рѣшенія его ничто не могло поколебать, и онъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ греческимъ городамъ Малой Азіи, съ приказомъ немедленно оснастить и экипировать



Греческая серебряная ваза.
(Найденная въ Керчи—Пантикапеѣ).

шестьсотъ судовъ въ три ряда гребцовъ (*тріеры*) и отправить въ Босфоръ, съ тѣмъ, чтобы построить мостъ изъ судовъ черезъ проливъ, между тѣмъ, какъ онъ самъ будетъ собирать войска со всѣхъ азіатскихъ народовъ. Въ арміи, съ которой онъ выступилъ изъ Сузы, числилось 700.000 человѣкъ. Когда онъ пришелъ къ Босфору, онъ нашелъ тамъ флотъ и мостъ уже готовымъ. Переправившись на немъ, онъ поручилъ охранять его части флота и греческимъ приморскимъ городамъ по обѣ стороны пролива, несмотря на то, что города эти еще только недавно были подчинены. Ѳракійцы его не безпокоили: они или встрѣчали его съ покорностью, или уже прежде поднесли ему «землю и воду» черезъ его посланныхъ. Одинъ только народецъ, у самаго Дуная, вздумалъ-было сопротивляться проходу азіатской рати, но долженъ былъ уступить численному превосходству. Дарій, изъ осторожности, не очень отдалялся отъ моря, а шелъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, параллельно широкой дугѣ черноморскаго побережія; флотъ не отставалъ и каждую минуту былъ готовъ поддержать его. Мѣстомъ соединенія было назначено устье Дуная. Флотъ вошелъ въ рѣку, армія же остановилась на берегу ея, въ ожиданіи моста, который былъ сооруженъ за самымъ началомъ дельты, т. е. за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ рѣка развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ. Судами, посланными іонійскими городами, командовали сами тираны этихъ городовъ, и имъ-то Дарій ввѣрилъ мостъ на время своего отсутствія. На-

значивъ имъ срокъ, по истеченіи котораго, если не будетъ ни его самого, ни вѣстей о немъ, разрѣшалъ имъ возвратиться во-свояси.

Скиѳская кампанія.

6. — Съ того дня какъ Дарій, переправившись черезъ Дунай, ступилъ на скиѳскую землю, мы его теряемъ изъ вида и вѣрнаго уже ничего не узнаемъ о немъ. Геродотъ подробно перечисляетъ его марши и контръ-марши, то въ ту, то въ другую сторону, но выходитъ такая безтолковщина, что тутъ, очевидно, переданы скиѳскія злорадныя сказанія, еще пострадавшія въ греческомъ пересказѣ. Одно только можно съ достовѣрностью разобрать, а именно, — что скиѳы услали семьи свои въ дальнія степи, къ разнымъ сосѣдямъ, сами же немедленно приступили къ своимъ своеобразнымъ военнымъ операціямъ, тѣмъ самымъ, которыми Геродотъ такъ восхищается (см. стр. 464), и которыя заключались въ томъ, чтобы непріятеля завлекать далѣе и далѣе въ глубь земли, не сражаясь съ нимъ, но и не давая ему минуты покоя, моря его голодомъ и всячески истомляя, въ то же время упорно избѣгая риска рѣшительной битвы. Когда персы отошли отъ Дуная всего на три дня, стали показываться отряды скиѳской легкой пѣхоты. Азіатская рать тотчасъ же тяжеловѣсно приготовилась къ бою и потянулась за скиѳами, ожидая, что тѣ приведутъ враговъ къ удобному мѣсту для сраженія. Итакъ, Дарій прямо началъ съ роковой ошибки: позволилъ заманить себя вдаль отъ морского берега и этимъ самъ лишилъ себя поддержки флота, отрѣзалъ себѣ и отступленіе и подвозъ продовольствія.

Онъ долго не понималъ, въ какую ловушку онъ сразу попалъ, и потому безпрестанно поддавался на ту же приманку; когда же наконецъ смекнулъ, то ушелъ уже очень далеко на сѣверъ, все гоняясь за неуловимымъ непріятелемъ. Армія, тѣмъ временемъ, начинала сильно терпѣть недостатокъ если не въ водѣ, то въ провіантѣ всякаго рода, потому что по пути не встрѣчалось ни городовъ для грабежа, ни воздѣланныхъ полей для пропитанія, а скотъ былъ угнанъ заранѣе: вѣдь азіаты не знали, куда они идутъ, тогда какъ скиоы отлично знали, куда они ихъ заводятъ. Наконецъ, азіаты очутились въ лѣсообильномъ и болотистомъ краѣ, недалеко отъ истоковъ нѣсколькихъ большихъ рѣкъ. Тутъ у Геродота разсказанъ маленькій инцидентъ, сильно отзывающійся жизненной правдой:

«Это продолжалось такъ долго, да и повидимому конца не предвидѣлось, — что Дарій, наконецъ, послалъ всадника къ скиѳскому царю, со слѣдующими словами: 'Странный ты человѣкъ, зачѣмъ ты все бѣгаешь отъ меня, когда ты легко могъ бы сдѣлать одно изъ двухъ: если ты думаешь, что въ силахъ со мной помѣриться, прекрати свои скитанія, и приходи,—давай, сразимся; если же ты сознаешь, что моя сила больше твоей, то и тогда тебѣ слѣдуетъ перестать убѣгать, а принеси своему господину землю и воду, и приходи скорѣе на совѣщаніе'. На это посланіе скиѳскій царь отвѣтилъ такими словами: — 'Таковъ ужъ у меня обычай, персъ. Я не боюсь людей и отъ нихъ не бѣгаю. Я этого никогда не дѣлалъ, и теперь отъ тебя не бѣгу. Въ томъ, что̀ я дѣлаю нѣтъ ничего ни новаго, ни страннаго. Я просто живу такъ, какъ привыкъ жить въ мирные годы... Если же тебѣ ужъ непремѣнно хочется съ нами подраться, такъ погляди: вонъ тамъ могилы нашихъ отцовъ; попробуйте ихъ тронуть, тогда посмотришь, готовы мы съ вами сразиться или нѣтъ. Пока вы

этого не сдѣлаете, будь увѣренъ, что мы не иначе пойдемъ съ вами на бой, какъ если намъ самимъ заблагоразсудится. Земли и воды не посылаю; но ты скоро получишь болѣе подходящіе дары'».

Однако, скиѳы перестали завлекать персовъ, и, напротивъ того, начали докучать имъ неожиданными нападеніями и ночными свалками съ конницей. Не замедлили явиться и таинственно обѣщанные дары:

«...Скиѳскіе князья послали въ персидскій лагерь гонца съ подарками для царя. То были: птица, мышь, лягушка и пять стрѣлъ. Персы просили принесшаго объяснить имъ, что̀ бы могли означать эти дары, но тотъ отвѣтилъ, что ему приказано только отдать и немедленно возвратиться. 'Если персы умны,—присовокупилъ онъ:—они сами разгадаютъ значеніе подарка'. Услышавъ такія слова, они держали совѣтъ, чтобы обсудить это дѣло. Дарій высказалъ мнѣніе, что скиѳы этими дарами даютъ понять, что они предаютъ въ его руки себя и всю свою землю, съ почвой и водой. Онъ потому такъ объяснялъ дары, что мышь—обитательница земли и питается тѣмъ же, чѣмъ и человѣкъ, тогда какъ лягушка проводитъ жизнь въ водѣ; птица же имѣетъ большое сходство съ лошадью, а пять стрѣлъ могутъ означать сдачу всѣхъ ихъ военныхъ силъ. Противъ этого толкованія, даннаго Даріемъ, Гобрій, одинъ изъ заговорщиковъ противъ мага (и тесть царевъ), предложилъ другое, слѣдующее: 'Если вы, персы, не можете обернуться въ птицъ и улетѣть въ небеса, или въ мышей и зарыться подъ землю, или въ лягушекъ и найти себѣ убѣжище въ болотахъ, вы никогда живыми не уйдете изъ этой земли, а погибнете отъ нашихъ стрѣлъ'» *).

Это объясненіе, въ виду всѣхъ обстоятельствъ, самому Дарію и всѣмъ персамъ показалось наиболѣе правдоподобнымъ, и они, не теряя време-

*) Въ достовѣрности этого разсказа, разумѣется, нѣтъ доказательствъ, но онъ занимателенъ, подъ-стать всей обстановкѣ и ничего невѣроятнаго не представляетъ.

ни, стали дѣйствовать на основаніи его, въ надеждѣ, что еще не поздно для спасенія. Къ тому же, ими овладѣла и весьма основательная боязнь, какъ бы іонійцы не измѣнили данному слову, или какъ бы скиѳскій отрядъ не напалъ на нихъ и не сломалъ мостъ. Итакъ, они со всевозможною поспѣшностью пустились въ обратный путь, направляясь прямо къ Дунаю, насколько могли при полномъ незнаніи мѣстности Теперь они уже не могли пожаловаться на нежеланіе скиѳовъ съ ними сражаться, но рады были, когда имъ удавалось уйти отъ нихъ или обмануть ихъ разными хитростями; такъ, напримѣръ, они иногда оставляли шатры и пылающіе костры, а сами на разсвѣтѣ безъ шума удалялись.

Отступленіе и переправа черезъ Дунай и Геллеспонтъ.

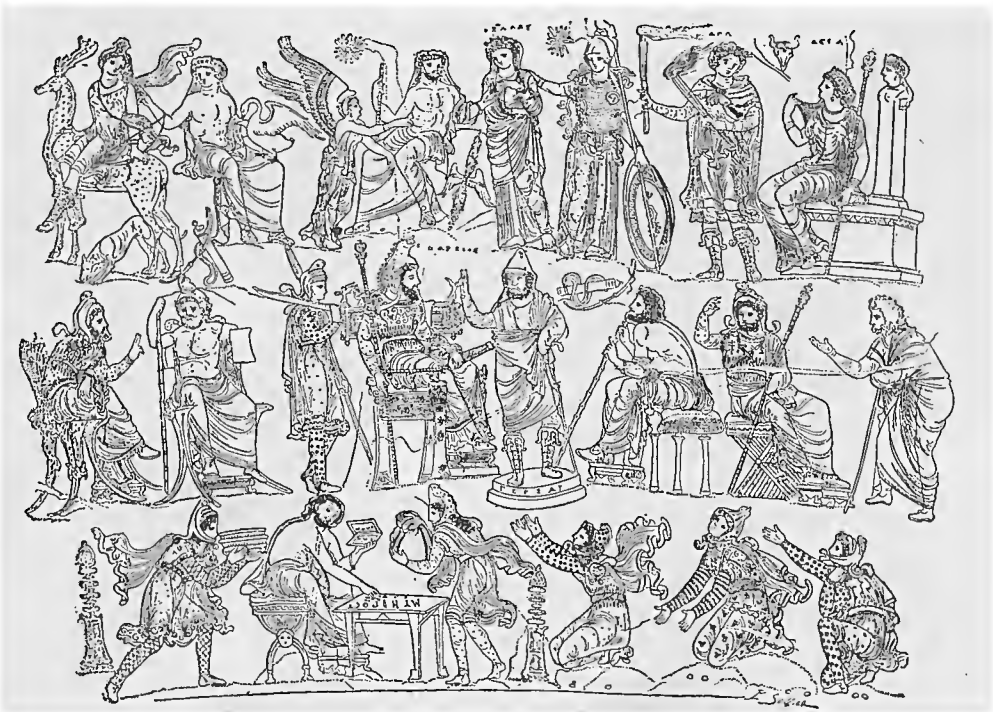
7.—Тѣмъ временемъ, бѣда, которой они страшились, чуть-было не случилась на самомъ дѣлѣ. Къ іонійскимъ князьямъ пришли посланные отъ скиѳовъ и стали уговаривать ихъ «разломать мостъ и спѣшить по своимъ домамъ, радуясь своему освобожденію и благодаря за него боговъ и скиѳовъ». Соблазнъ былъ большой: предлагалась возможность однимъ ударомъ возвратить свободу всѣмъ греческимъ городамъ,—и Мильтіадъ, знатный молодой аѳинянинъ, правитель полуострова, который тянется вдоль Геллеспонта со стороны Европы, недавно еще подчинившійся персидскому владычеству, сильно склонялъ своихъ товарищей, по патріотическимъ соображеніямъ, послѣдовать совѣту скиѳовъ: стыдно-де упустить такой случай сбросить иго, которое, какъ ни мягко, а все же есть неволя, рабство,

слѣдовательно — позоръ. Іонійскіе князья, обсудивъ дѣло на военномъ совѣтѣ, уже готовы были положить рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, но главный между ними, Гистіей, тиранъ милетскій, пользовавшійся бо́льшимъ противъ другихъ вліяніемъ и вѣсомъ, потому что правилъ царицей іонійскихъ городовъ, Милетомъ, сталъ доказывать товарищамъ, что, измѣнивъ возложенному на нихъ довѣрію, они поступятъ совершенно противно своимъ интересамъ. «Черезъ Дарія, — сказалъ онъ имъ: — мы пользуемся властью въ нашихъ общинахъ. Если его могущество будетъ низвергнуто, мы не можемъ остаться правителями, ни я въ моемъ городѣ, ни каждый изъ васъ въ своемъ. Ибо нѣтъ ни одного, который не предпочелъ бы народное правленіе, — демократію, царскому владычеству». Этотъ доводъ оказался такимъ убѣдительнымъ, что, когда было приступлено къ голосованію, Мильтіадъ очутился одинъ, и было рѣшено сберечь мостъ для Дарія. Историки отнеслись къ этому поступку съ похвалой или съ порицаніемъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія каждый на него взглянулъ: патріотизма ли и свободолюбія, или вѣрности данному слову. На самомъ дѣлѣ, іонійскіе князья дѣйствовали подъ вліяніемъ не этого, во всякомъ случаѣ благороднаго и почтеннаго, чувства, а просто изъ личныхъ соображеній, и ихъ рѣшеніе показываетъ, какъ умно поступилъ Киръ, поставивъ тиранами надъ греческими городами грековъ же и оказывая имъ почести, ласку и даже довѣріе. Вновь присоединенные

города береговъ Босфора склонились на сторону патріотизма, сломали ввѣренный имъ мостъ, или такъ сильно повредили его, что Дарій, спасаясь отъ горячей погони, не отстававшей отъ него даже послѣ переправы черезъ Дунай, на всемъ спѣшномъ маршѣ черезъ Ѳракію до самаго морского берега, долженъ былъ свернуть съ пути и переправиться черезъ Геллеспонтъ уже на корабляхъ; въ полной безопасности онъ не почувствовалъ себя, пока за нимъ не затворились ворота Сардъ. — Таковъ былъ конецъ этой непостижимой экспедиціи, единственнаго положительно безразсуднаго поступка, въ которомъ можно обвинить этого великаго государя. Однако, онъ пострадалъ далеко не столько, сколько того заслуживалъ: потерялъ не болѣе одной десятой части своей арміи, и даже могъ похвалиться однимъ выигрышемъ, а именно—подчиненіемъ греческихъ колоній вдоль всего ѳракійскаго берега, Геллеспонта и Босфора. Послѣднія дорого поплатились за свое вѣроломство: Дарій, переправляясь въ Азію, оставилъ воеводу съ другой десятой частью войска, съ приказомъ наказать непокорныхъ, а другихъ содержать въ повиновеніи.

Походы въ Индію и Африку.— Возстаніе греческихъ городовъ въ Азіи и Ѳракіи и ихъ наказаніе.—Приготовленія противъ Эллады.

8.—Къ послѣднему періоду этого царствованія должно причислить еще экспедиціи, предпринятыя Даріемъ, на одномъ концѣ царства, въ Пенджабъ, и на другомъ, на западъ отъ Египта, черезъ Сахару, въ территоріи городовъ Кирена и Барка. Но ни той ни другою онъ не командовалъ самъ; да онѣ и не имѣли ни большого значенія въ общей исторіи того времени, ни особенно замѣ-



Живопись на греческой вазѣ.

(Средній рядъ фигуръ: Дарій, возсѣдая на тронѣ, обсуждаетъ со своимъ совѣтомъ кампанію противъ Эллады. Нижній рядъ: азіатскія области приносятъ казну на войну. Верхній: Эллада, окруженная своими богами).

чательныхъ результатовъ, если не считать таковымъ испугъ богатаго города Карѳагена, который до того смутился появленіемъ по близости отъ себя азіатской рати, что вступилъ въ переговоры съ персидскимъ воеводой и безпрекословно согласился откупиться данью, которую и выплачивалъ аккуратно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. — Съ весьма различными чувствами слѣдимъ мы за движеніями греческихъ городовъ въ Іоніи и прилегающихъ къ ней земляхъ. Тамъ началось броженіе, котораго персидскому царю не удалось унять съ той легкостью, къ которой пріучили его прежнія столкновенія съ этой частью его владѣній. Духъ независимости, выказанный болѣе сѣверными колоніями, подѣйствовалъ-таки заразительно, и, то тутъ, то тамъ, стали вспыхивать возстанія и заговоры. Душой и центромъ этихъ заговоровъ сдѣлался Милетъ, свободолюбіе котораго Гистіей правильно оцѣнилъ. Чудный городъ былъ осажденъ, взятъ и срытъ почти до основанія, къ неописанному ужасу всего эллинскаго міра. Граждане его были насильно переселены къ Персидскому заливу; его юноши и молодыя дѣвы были взяты какъ добыча, или проданы въ неволю; мятежные же города на Геллеспонтѣ были сожжены. Персидское владычество съ годами постепенно мѣняло свой характеръ, становилось болѣе жесткимъ и угнетающимъ и, встрѣчая сопротивленіе, впадало въ заурядную восточную жестокость. Дарій вернулся домой, раздраженный и удрученный исходомъ своей ненужной, безсмысленной экспедиціи въ скиѳскія

дебри и радъ былъ сорвать сердце на всѣхъ, чѣмъ-либо досадившихъ ему. Больше всего онъ сѣтовалъ на грековъ, — не азіатскихъ, а заморскихъ, на жителей Эллады. Онъ зналъ, что они связаны племеннымъ родствомъ съ непокорными колоніями, что тѣ и другіе — одинъ народъ, что іонійцы оттуда получаютъ помощь, поощреніе, сочувствіе, и—рѣшилъ покончить разомъ со всѣмъ ненавистнымъ ему отродіемъ. Не снилось ему, что разочарованіе, униженіе, нанесенныя ему скиѳской кампаніей, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало его отъ этого гнѣзда торговцевъ, моряковъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, что Мильтіадъ, потерпѣвшій пораженіе отъ малодушія и себялюбія своихъ товарищей на Дунаѣ, возьметъ блистательный реваншъ; что этотъ человѣкъ, сдѣлавшись героемъ мараѳонской битвы, задержитъ стремительный азіатскій потопъ; что не только ему самому, Дарію, но ни его дѣтямъ, ни внукамъ никогда не справиться съ задачей, къ которой онъ теперь готовился, — правда, со всей осторожностью и предусмотрительностью умнаго и опытнаго полководца, но и съ полной вѣрой въ то, что она ему дастся скоро и безъ большого труда.

Но эта славная борьба и торжество горсти людей, доведенныхъ до небывалаго подъема духа и сверхчеловѣческой доблести облагораживающимъ вліяніемъ высокаго нравственнаго принципа, противопоставленнаго матерьяльной силѣ численнаго превосходства, уже не принадлежитъ собственно исторіи Востока, особенно «древнѣй-

шаго». Это — восхожденіе новой звѣзды на Западѣ, заря времени, которое, по его духу, дѣйствующимъ лицамъ и подвигамъ, почти уже можетъ назваться «новымъ». Въ основѣ этой новизны лежитъ радикальная рознь въ идеалахъ, въ постиженіи красоты и достоинства общественной и политической жизни народовъ—у Востока и у Запада.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ТОМУ ТРЕТЬЕМУ.

Очеркъ исторіи открытія и дешифрировки клинообразнаго письма.

Развалины дворцовъ Ахеменидскихъ царей были извѣстны уже въ средніе вѣка и, своей величественной красотой, привлекали рѣдкихъ путешественниковъ, ѣздившихъ на Востокъ по торговымъ, дипломатическимъ или миссіонерскимъ дѣламъ. Бывали тамъ французскіе миссіонеры, англійскіе и голландскіе купцы, итальянскіе и португальскіе монахи, и съ восторгомъ потомъ разсказывали о персепольскихъ чудесахъ. Въ концѣ XVI-го вѣка появились даже архитектурные рисунки; но собственно на надписи впервые обратилъ вниманіе испанецъ Фигероа, ѣздившій въ Персію въ 1618 г., съ дипломатическимъ порученіемъ. Его поразили причудливыя письмена, которыя онъ весьма вѣрно описалъ, и, назвавъ «маленькими пирамидальными фигурками, образующими разныя комбинаціи», даже велѣлъ при себѣ срисовать одну строку большой надписи, что на главной лѣстницѣ.

Около того же времени Персію посѣтилъ

знатный римлянинъ, Пьетро делла-Валле (Pietro della-Valle), и очень подробно и дѣльно описалъ персепольскія руины въ письмахъ къ одному ученому другу (1621). Надписями онъ заинтересовался чрезвычайно и разсмотрѣлъ ихъ обстоятельно. «Никто,—пишетъ онъ:—не въ состояніи сказать, что̀ это за письмена, ни какому языку они принадлежатъ. Они величины необыкновенной и не связаны между собой для составленія словъ. Я срисовалъ, лучше сумѣлъ, пять письменъ». Вотъ они:

Делла-Валле даже озаботился опредѣлить, въ какомъ направленіи читалось это письмо, и рѣшилъ, по неизмѣнному положенію остраго конца «пирамидъ», что оно читается слѣва направо,—въ чемъ, какъ впослѣдствіи оказалось, онъ не ошибся, хотя и оговаривается простодушно: «А впрочемъ, навѣрно не утверждаю».

Къ концу XVII вѣка вышли въ свѣтъ путевыя замѣтки француза Шардена (Chardin), который посвятилъ нѣсколько страницъ персепольскимъ надписямъ, приплелъ и іероглифы, и китайское письмо, но далѣе делла-Валле не пошелъ ни на шагъ. Всего интереснѣе въ его описаніи свѣдѣніе, что онъ на многихъ письменахъ нашелъ слѣды позолоты. Шарденъ помѣстилъ въ своей книгѣ полный снимокъ надписей, окружав-

шихъ каждое окно зданія, въ которомъ впослѣдствіи признали дворецъ царя Дарія.

Окно во дворцѣ Дарія I въ Персеполѣ съ надписями на трехъ языкахъ: наверху (A) — на персидскомъ; съ правой стороны (B) — на ассирійскомъ, съ лѣвой (C)—на аншанскомъ (или эламскомъ).

[Боковыя надписи читаются снизу (кверху, начиная съ *a*, затѣмъ слѣва A) направо и, наконецъ, внизъ (B)].

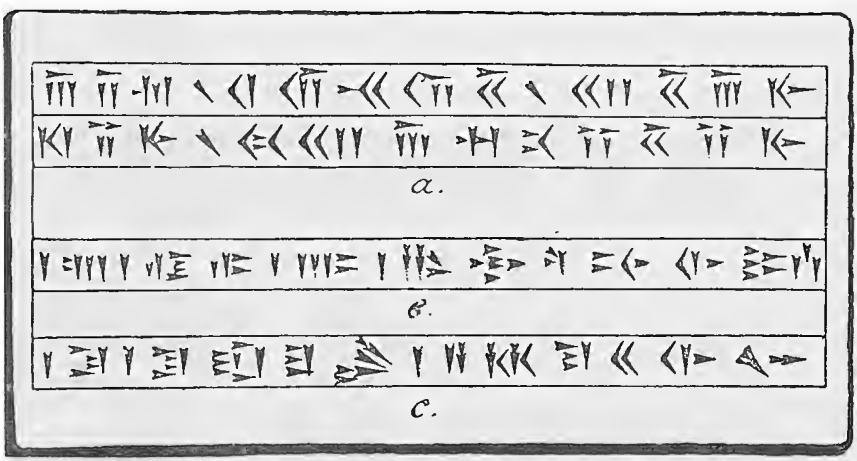
Такъ дѣло обстояло въ 1700 г.,—какъ вдругъ выходитъ книга ученаго оріенталиста, англичанина Хэйда (D-r Hyde), «Исторія религій древнихъ

персовъ». Онъ хорошо зналъ свой предметъ, да и вообще персидскія древности и литературу, и велъ переписку съ учеными собратьями въ Индіи. Книга эта отличалась большой самоувѣренностью. Какого бы вопроса авторъ ни касался, онъ разбиралъ его основательно и рѣшалъ уже безповоротно. Съ такою же безповоротностью онъ изрекъ свой приговоръ и надъ персепольскими надписями. Приговоръ этотъ стóитъ сохранить для потомства, какъ поучительный примѣръ того, куда можетъ завлечь ученое самомнѣніе: «Знаки эти, — пишетъ Хэйдъ: — никоимъ образомъ не представляютъ какой бы то ни было письменной системы. Это не буквы, и не іероглифы, и не знаки, изображающіе цѣлыя слова, подобно китайскому письму. Это—затѣя ваятеля, которому, когда ему понадобилось изукрасить стѣны Персеполя, вздумалось испытать, сколько комбинацій можно составить изъ этой одной простѣйшей фигуры. Если бы эти знаки представляли слова, они бы повторялись. Пусть же читатель посмотритъ, найдетъ ли повтореніе одного и того же знака. Если найдетъ, то наши соображенія распадаются...»

«Мы бы сочли ихъ» (эти знаки) «заслуживающими одного презрѣнія,—объявляетъ Хэйдъ въ заключеніе: — если бы не назойливость нѣкоторыхъ лицъ, лелѣющихъ надежду найти въ нихъ достойный предметъ для любознательности, и не боязнь, что наше молчаніе примутъ за уловку, которою мы прикрываемъ наше невѣжество». Такому ученому стыдно относиться къ серьезному

дѣлу такъ легкомысленно и высокомѣрно. Но что̀ сказать о другомъ господинѣ (про котораго разсказываетъ Ménant, изъ жалости умалчивая его имя), заявившемъ, что, по его мнѣнію, эти любопытные узоры — дѣло вовсе не человѣческихъ рукъ, а *червей*, точившихъ камень въ продолженіе многихъ вѣковъ!

Въ 1765 г. датчанинъ Карстенъ Нибуръ самъ на мѣстѣ списалъ всѣ персепольскія надписи и пришелъ къ тремъ вѣрнымъ заключеніямъ. Во-первыхъ, онъ положительно подтвердилъ догадку Пьетро делла-Валле, что онѣ читаются слѣва направо; во-вторыхъ, онъ различилъ три типа письма въ каждой надписи, трижды повторяемой: одинъ простой *(a)*, другой посложнѣе *(в)*, третій очень сложный *(c)*; наконецъ, занявшись ис-



ключительно наиболѣе простымъ *(a)*, онъ высказалъ предположеніе, что письмо этого типа алфавитное

состоитъ изъ 42-хъ знаковъ или буквъ. Но затѣмъ онъ впалъ въ полное заблужденіе, заявивъ, что, по его мнѣнію, во всѣхъ трехъ типахъ надписей языкъ одинъ и тотъ же и только письмо разное. Что это за языкъ,—или языки,—еще долго оставалось загадкой.

Прошло цѣлыхъ 33 года прежде, чѣмъ къ наблюденіямъ Нибура прибавилось еще одно, значительно облегчившее задачу дешифрировки. Нѣмецъ Тихсенъ (Tychsen) въ 1798 г. первый догадался, что косой клинъ , такъ часто попадающійся въ надписяхъ перваго типа *(a)* есть не что иное, какъ знакъ, раздѣляющій слова одно отъ другого, — все равно, какъ если бы мы ставили запятую послѣ каждаго слова.

Затѣмъ, въ 1803 г., другой датчанинъ, Мюнтеръ, высказалъ мнѣніе, что письмо второго типа *(b)* — силлабическое, т. е. состоитъ изъ знаковъ, изображающихъ *слоги*, а не отдѣльные звуки или буквы; письмо же третьяго типа *(c)* онъ назвалъ *монограмматическимъ*, полагая, что каждый знакъ тутъ—монограмма, т. е. изображаетъ понятіе или цѣлое слово, какъ мы это видимъ въ китайскомъ письмѣ. Онъ тоже сосредоточилъ все свое вниманіе на надписяхъ перваго, простѣйшаго типа, но пошелъ гораздо далѣе своихъ предшественниковъ: онъ сообразилъ, руководясь исторической логикой, что онѣ должны быть составлены на древне-персидскомъ языкѣ, и сталъ прикидывать къ нимъ зендскій и пехлевійскій алфавиты, теперь уже достаточно извѣстные,

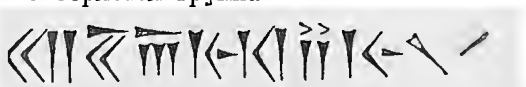
благодаря трудамъ Анкетиль-Дюперрона. Онъ началъ подыскивать гласныя и одинъ знакъ, попадавшійся особенно часто,— 𒁹𒁹𒁹 —не задумываясь, назвалъ гласной *а*, на томъ основаніи, что эта гласная встрѣчается чаще всѣхъ какъ въ санскритскомъ языкѣ, такъ и въ персидскомъ. Онъ не ошибся; не ошибся и въ согласной *б* 𒁺; но еще десять знаковъ прочелъ уже невѣрно.

Между тѣмъ какъ столько глубоко ученыхъ мужей, добросовѣстно и съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, отдавались этому кропотливому и, пока еще, неблагодарному труду, нѣкій Лихтенштейнъ, тоже величавшій себя ученымъ, по-своему, шутя, разрѣшалъ задачу, да еще подтрунивалъ надъ тѣми, которые находили непреодолимыя трудности въ томъ, что̀ ему давалось, якобы, само собою. Попала ему въ руки (въ 1801 г.) надпись съ кирпича, привезеннаго изъ Вавилона. Надъ чѣмъ тутъ задумываться? дѣло ясно: письмена сирійскія, такъ-называемыя *куфійскія;* языкъ арабскій; содержаніе надписи Лихтенштейнъ призналъ за подражаніе Корану, и, ничто же не сумняшеся, перевелъ такъ: «На тебѣ мы строимъ» (т. е. на тебя полагаемся), «ибо ты насъ сотворилъ, о Боже пресвятый и истинный; будь къ намъ милостивъ, ибо ты нашъ покровъ.—Подкрѣпи насъ, питай, ибо ты насъ сотворилъ».—Лихтенштейнъ съ неменьшей увѣренностью «переводитъ» одну изъ списанныхъ Нибуромъ персепольскихъ надписей: «Царь, государь надъ государями, Салехъ Джингисъ, сынъ Армериба, намѣстникъ богдыхана

китайскаго, Орханъ-Сахеба». Наконецъ, онъ заявляетъ, что всѣ эти надписи читаются справа налѣво, и удивляется, какъ это до него никто не догадался,—все это такъ просто!—Всего страннѣе то, что нашлись ученые съ громкимъ именемъ и заслуженнымъ авторитетомъ, которые серьезно отнеслись къ этой чепухѣ и разбирали «труды» нахала Лихтенштейна, тогда какъ честнаго труженика Анкетиль-Дюперрона не такъ давно осмѣяли и чуть не ошельмовали.

Но вдругъ, 4-го сентября 1802 г., молодой ученый Фридрихъ Гротефендъ, даже не оріенталистъ, а просто классикъ, прочелъ передъ академическимъ обществомъ въ Гёттингенѣ записку, которая разомъ поставила вопросъ на настоящую почву. Онъ подошелъ къ задачѣ со стороны не филологіи, а исторіи и археологіи и — *отгадалъ* ея разрѣшеніе, затѣмъ уже провѣрилъ геніальную догадку и далъ ученому міру желанный ключъ. Отъ своихъ предшественниковъ онъ получилъ въ наслѣдство всего три данныя, да и тѣ долженъ былъ принять на вѣру: букву *a;* словораздѣльный знакъ; чтеніе слѣва направо. Отъ исторіи онъ получилъ одинъ фактъ, но достовѣрный: персепольскіе дворцы построены персидскими царями Ахеменидами. Затѣмъ онъ сразу, *a priori,* постановилъ первую посылку: Надписи содержатъ имена и титулы строителей, на трехъ главныхъ языкахъ, на которыхъ говорили подвластные имъ народы. Надписи простѣйшаго типа занимаютъ почетное мѣсто, съ правой стороны или наверху, надъ другими: значитъ,

онѣ писаны на языкѣ господствующаго народа, т. е. на древне-персидскомъ. Титулы же персидскихъ государей хорошо извѣстны изъ греческихъ историковъ и надписей сассанидскихъ царей, недавно прочтенныхъ, а именно: «Великій царь» и «Царь царей». Гротефендъ замѣтилъ что особенно часто повторяется группа:



иногда два раза подъ рядъ, но второй разъ съ измѣненнымъ окончаніемъ:

въ которомъ онъ отгадалъ форму падежа и тутъ же рѣшилъ, что эти группы означаютъ «царь» и «царь царей». Когда онъ примѣнилъ свою догадку къ началу двухъ списанныхъ Нибуромъ надписей, которыя онъ, съ помощью косого клина, могъ раздѣлить на слова, то вышли слѣдующія схемы, въ которыхъ предполагаемыя имена обозначаются буквами:

1) «К — царь царей, сынъ Д — царя»...

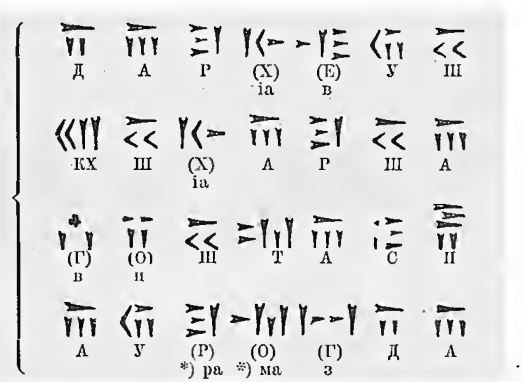
2) «Д — царь царей, сынъ Г — »... *За послѣднимъ именемъ не слѣдуетъ знакъ «царь»*.

Гротефендъ сообразилъ, что, значитъ, К. царь, былъ сыномъ Д., тоже царя; Д. же былъ сыномъ Г., *который царемъ не былъ*. Къ кому же изъ Ахеменидовъ можно примѣнить эту родословную? Не къ великому Киру, потому что дѣдъ его тоже былъ Киръ; стало-быть, это имя повторилось бы; притомъ этотъ дѣдъ тоже былъ

царемъ. Подходитъ она единственно къ царю Ксерксу, сыну царя Дарія, отецъ котораго, Гистаспъ, не былъ царемъ. Такимъ образомъ получался *смыслъ*, *безъ звуковъ*, за исключеніемъ предполагаемой буквы *а*. Другія надписи, по тому же методу, дали такой же, съ одной стороны, удовлетворительный, а съ другой—загадочный результатъ.

Отысканію фонетическаго значенія отдѣльныхъ знаковъ или буквъ греческія имена могли способствовать лишь въ небольшой мѣрѣ, потому что греки, какъ извѣстно, коверкали иностранныя имена, иногда до неузнаваемости. Съ ихъ помощью, однако, Гротефендъ прочелъ четыре имени какъ слѣдуетъ:

Буквы въ скобкахъ ошибочно прочтены Гротефендомъ; подъ ними поставлены исправленныя впослѣдствіи.



Итакъ, Гротефендъ прочелъ правильно восемь буквъ и разъ навсегда указалъ способъ дешифрировки персидской клинописи. Далѣе онъ не пошелъ. Его послѣдователямъ задача облегчалась знаніемъ персидскаго языка, новаго и древняго.

*) Многія согласныя, какъ и въ санскритскомъ, сопровождаются гласной *а*, безъ особаго обозначенія ея.

Такъ ново-персидское слово «*бузургъ*»,—«великій, большой»,—помогло прочесть слово «*сазарка*», «великій», въ царскомъ титулѣ, а знаніе санскритскихъ и персидскихъ склоненій навело датчанина Раска (уже въ 1826 г.) на окончаніе *анамъ*,—множественное родительное, — въ словѣ *кхшаіатіа-анам*, «царей», чѣмъ онъ прибавилъ еще двѣ буквы — *н* и *м* — къ уже имѣвшимся. Этимъ и ограничилось, — весьма, впрочемъ, важное, — открытіе Раска. Такъ что наука все еще двигалась, такъ сказать, черепашьимъ шагомъ: по буквѣ, по̀ двѣ на человѣческій вѣкъ!

Но скоро дѣло пошло быстрѣе. Такіе ученые, какъ Лассенъ и Эжэнъ Бюрнуфъ, съ ихъ громадными санскритскими познаніями, пришли на помощь коллегамъ и значительно пополнили алфавитъ. Лассенъ, между прочимъ, положительно установилъ значеніе знака — *в*. Такъ дѣло обстояло въ 1839 г.

Между тѣмъ сэръ Генри Раулинсонъ въ 1835 г. открылъ невѣроятное сокровище: изваянія съ надписями на Бегистунской скалѣ. Задержанный службой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ этихъ отдаленныхъ краяхъ, отрѣзанный отъ всякаго общенія не только съ научнымъ, но вообще съ цивилизованнымъ міромъ, онъ одинъ, своими средствами, бился съ той же задачей, которую, въ продолженіе чуть не полувѣка, медленно одолѣвали совокупныя усилія столькихъ свѣтлыхъ головъ. Подобно Гротефенду, онъ ухватился за имена и царскіе титулы и, тѣмъ же самымъ

индуктивнымъ процессомъ, пришелъ къ тѣмъ же результатамъ. Онъ съ жаромъ занялся изученіемъ санскрита и персидскаго языка авестійскаго и пехлевійскаго періодовъ. Лишь въ 1845 г. онъ имѣлъ возможность послать въ Англію свою колоссальную работу: точную копію всѣхъ трехъ надписей, съ транслитераціей и полнымъ переводомъ персидской части. Оставалось только провѣрять и, мѣстами, дополнять сдѣланное, чѣмъ въ особенности занялись Хинксъ и Оппертъ, такъ что въ 1851 г. новая наука была разработана уже до мельчайшихъ подробностей (какъ разъ въ то время, когда раскопки Ботты и Лэйарда и открытіе Ашурбанипаловой библіотеки наводнили Луврскій и Британскій музеи новымъ матерьяломъ),—и въ 1862 г. иранистъ Шпигель могъ издать полное собраніе «Древне-персидскихъ клинописныхъ надписей»,—текстъ съ переводомъ, грамматикой и словаремъ. Книга эта не оставляетъ ничего желать въ научномъ отношеніи, но роскошью изданія далеко уступаетъ вышедшему въ 1872 г. въ С.-Петербургѣ труду профессора Коссовича, содержащему, кромѣ транслитераціи, текстъ всѣхъ надписей и въ подлинной клинописи.

Если бы имѣлись однѣ персидскія надписи, побѣда была бы полная. Но прочтеніе персидской группы нисколько не приближало къ прочтенію другихъ двухъ группъ, которыя, судя по множеству знаковъ, принадлежали не къ алфавитному типу письма. Единственной путеводной нитью являлись, конечно, собственныя имена; но, не говоря уже о томъ, что должна была быть разница въ про-

изношеніи, трудность дешифрировки съ перваго же шага усугублялась отсутствіемъ словораздѣльнаго знака 𒁹. Къ счастью, первые изслѣдователи не ошиблись, приписывая вторую группу— *b*—къ туранскому (агглютинирующему) типу, а третью — *c* — къ семитическому. Что послѣдній изображалъ ассиро-вавилонскій языкъ, въ томъ никто не сомнѣвался. Такъ какъ мидяне занимали въ державѣ первое мѣсто послѣ персовъ, то вторую группу приписали имъ и назвали— кто «мидійскою», а кто «скиѳскою». Только гораздо позже догадались, что Ахемениды, царствовавшіе сначала въ заброшенномъ Эламѣ (Аншанѣ, Сузіанѣ), дали второе мѣсто языку этой страны, столица которой, Суза, осталась ихъ любимой резиденціей.

Сперва принялись за эту группу, такъ какъ знаковъ все же въ ней оказалось значительно меньше, чѣмъ въ третьей, и, если и нѣтъ въ ней словораздѣльнаго знака, за то такой же знакъ, но прямой— 𒁺 —предшествуетъ каждому собственному имени; то же замѣтили и въ третьей группѣ. Датчанинъ Вестергаардъ первый положилъ начало установленію силлабическаго значенія извѣстныхъ пока III-ти знаковъ. Что работа его вышла крайне несовершенная и представляла много даже нелѣпыхъ несообразностей, не удивительно; удивительно скорѣе то, сколько онъ сумѣлъ извлечь изъ имѣющагося у него скуднаго матерьяла, при полномъ почти отсутствіи пособій. Работу эту контролировали

и совершенствовали Хинксъ и, въ особенности, французъ де-Соси (de-Saulcy), который первый обратилъ вниманіе на одно крайне важное обстоятельство: «Нѣкоторые знаки мидійскаго письма, — пишетъ онъ: — представляютъ нѣкое сходство съ соотвѣтственными персидскими знаками. Но форма большинства изъ нихъ *тождественна* съ ассирійскими». Очевидно, уже предчувствовалась основная тождественность обѣихъ системъ.

Рѣшительными, окончательными результатами новая наука была обязана опять-таки тому же сэру Генри Раулинсону. Бегистунскія надписи дали 96 собственныхъ именъ; оперируя надъ ними, онъ получилъ столько силлабическихъ комбинацій, что ими покрылось большинство другихъ словъ, и получилась возможность приготовить приблизительный, такъ сказать, черновой, переводъ обоихъ параллельныхъ текстовъ, руководясь вполнѣ изученнымъ персидскимъ. Для болѣе осмысленнаго прочтенія вавилонскаго текста, установленія грамматическихъ формъ, и проч. въ дѣло вступились уже семитисты, и ихъ задача была сравнительно менѣе трудна, такъ какъ ассиро-вавилонскій языкъ чрезвычайно близокъ къ еврейскому—чуть ли не ближе, чѣмъ испанскій къ итальянскому. На помощь конечно привлекли арамейскій языкъ, даже коптскій, и вообще всѣ извѣстные соплеменные или сколько-нибудь прикосновенные языки, и современные, и позднѣйшіе.

Главную трудность представляло и до сихъ поръ представляетъ само письмо. Во-первыхъ, есть разницы въ ассирійскихъ и вавилонскихъ

формахъ; затѣмъ, письмо, употреблявшееся въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, не могло не подвергаться измѣненіямъ. (Сравните только рукопись временъ Петра Великаго съ нашей современной рукописью, на разстояніи всего двухсотъ лѣтъ!). Стало-быть, имѣется письмо разныхъ эпохъ, не только въ семитическій періодъ, но и ранѣе того, въ шумиро-аккадскій. Потому что письмо такъ-называемыхъ второй и третьей группъ, въ сущности одно и то же, и представляетъ лишь различныя стадіи развитія. А именно: семиты, усваивая древнюю культуру народа, владычество котораго они постепенно замѣняли своимъ, заимствовали у него и письмо, но, чтобы примѣнить его къ требованіямъ своего языка, гораздо болѣе сложнаго и болѣе богатаго грамматическими формами, должны были измѣнить многіе существующіе письменные знаки и прибавить къ нимъ множество новыхъ,—и вотъ, въ письмѣ «третьей системы» (ассиро-вавилонской), являются такія сложныя формы, какъ, напри-

мѣръ:

и пр., въ которыхъ первоначальный клинъ принимаетъ всѣ возможныя положенія, является во всевозможныхъ комбинаціяхъ.

Ясно, что, безъ дальнѣйшихъ пособій, дешифрировка должна была остановиться послѣ весьма немногихъ шаговъ. И эти пособія нашлись тамъ, гдѣ ихъ ужъ никакъ не ожидали найти: въ зарытыхъ подъ собственнымъ мусоромъ книгохранилищахъ и училищахъ, бывшихъ при всѣхъ

большихъ храмахъ, которые одинъ за другимъ воскресали подъ ударами «франкскихъ» заступовъ и ломовъ. Это—тѣ безчисленныя плитки съ двуязычными текстами, съ грамматическими правилами, словарями, списками архаизмовъ и всякихъ формъ, иногда тончайшими филологическими разборами, о которыхъ не разъ говорено въ настоящихъ томахъ. Нашелъ же недавно Гильпрехтъ въ жреческой школѣ при храмѣ Бэла въ Ниппурѣ ученическія упражненія съ ошибками, правописанія и грамматическими, и съ учительскими поправками!

Своимъ происхожденіемъ, развитіемъ и строеніемъ—или, такъ сказать, механизмомъ,—клинопись весьма схожа съ китайскимъ письмомъ. Изобрѣтатели первой, какъ и китайцы, принадлежали къ желтой расѣ (туранской или урало-алтайской). Ученый синологъ и ассиріологъ, недавно умершій Террьенъ-де-ля-Купери (Terrien de-la-Couperie), первый указалъ на болѣе чѣмъ вѣроятность, что первородные китайцы (память о которыхъ сохранилась у китайскихъ классиковъ въ легендарномъ названіи «Сто Семействъ»), пришли на востокъ оттуда же, откуда на западъ пришли шумиро-аккадьяне, и первоначальную культуру свою, даже (въ сильно искаженномъ видѣ) многія первоначальныя сказанія, получили оттуда же; онъ основалъ и до смерти своей велъ журналъ «Вавилонскія и Восточныя записки» («Babylonian and Oriental Record»), главнымъ образомъ, чтобы проводить и развивать именно эту мысль. Совершенно независимо отъ

него, совершенно инымъ путемъ, на основаніи данныхъ, доставляемыхъ изученіемъ древняго китайскаго искусства, Палеологъ, въ своей книгѣ «L'Art Chinois», приходитъ къ тому же выводу.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ будущаго клинообразнаго письма и будущаго китайскаго лежала одна и та же система іероглифовъ, или идеограммъ,—т. е. рисунковъ, какими у всѣхъ народовъ земли является первый шагъ къ изложенію своихъ мыслей видимыми знаками. Сохранившіеся китайскіе и шумиро-аккадскіе примитивные іероглифы, изображающіе «звѣзду», «солнце», «растеніе», «рѣку» или «воду», и проч.— почти тождественны. Изъ нихъ образовались условные знаки, состоящіе изъ разныхъ комбинацій прямыхъ черточекъ, въ подражаніе первоначальнымъ іероглифическимъ рисункамъ, со временемъ все болѣе отдаляясь отъ нихъ, и принимая характеристическую форму, сообразно письменному матерьялу, употребляемому тѣмъ и другимъ народомъ. Мы уже указывали на то, что форму «клина» или «гвоздя» обусловливаетъ давленіе грифеля съ треугольнымъ концомъ на мягкую глину (см. «Ист. Халдеи», стр. 130). Китайская рука, водя нѣжной кисточкой по гладкой поверхности, придала прямымъ чертамъ изящные изгибы ___, утолщенія ↓, розмахи ⅄ и проч. «Клинъ» же получилъ хорошо знакомую намъ правильную печатную форму ▼, которая употреблялась для рѣзанія на камнѣ и штемпелеванія строительныхъ кирпичей. Это—такъ-называемое

«монументальное» письмо, которое читается сравнительно легко, конечно при знакомствѣ съ самими знаками. Въ рукописномъ письмѣ, на мягкой глинѣ, «клинъ» обозначается далеко не такъ отчетливо; къ тому же, слова и строки толпятся такъ тѣсно, и шрифтъ нерѣдко такъ микроскопически малъ, что дешифрировка такой плитки убійственна для глазъ и дается далеко не всякому даже самому ученому ассиріологу, особенно если она писана нѣсколько небрежно, такъ сказать *курсивно*, какъ бо̀льшая часть такъ-называемыхъ контрактныхъ плитокъ и частныхъ писемъ. Ленорманъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Читатели вѣроятно не безъ удивленія узна̀ютъ, что, тогда какъ есть много ученыхъ, которые въ состояніи перевести клинописный текстъ, переписанный или напечатанный на бумагѣ, весьма немного такихъ, которые смогутъ разобрать на самомъ памятникѣ, напримѣръ, письмо частныхъ документовъ. Для этого, кромѣ глубокаго знанія языка, нужны долгая опытность и необыкновенно острое зрѣніе». Если вѣрить другому ученому, такихъ лицъ въ Европѣ не болѣе шести-восьми.

Изо всего вышесказаннаго ясно, что персидская клинопись съ ассиро-вавилонской имѣетъ общаго единственно фигуру клиновидной черты, которую персы позаимствовали, чтобы составить изъ нея свой алфавитъ,—и нисколько не могла помочь дешифрировкѣ настоящаго, силлабическаго клинообразнаго письма.

Перейдемъ къ строенію или механизму этого письма, исходящему, подобно китайскому, изъ

того принципа, что каждый знакъ изображаетъ одинъ слогъ. Если бы силлабизмъ былъ чистый, т. е. если бы на каждый слогъ имѣлось по одному знаку, то не трудно было бы, заучивъ звуковое значеніе каждаго слогового знака, составлять изъ нихъ слова какъ изъ буквъ; вся разница была въ томъ, что слоговыхъ знаковъ такое множество: дѣло памяти. Но бѣда въ томъ, что, вопервыхъ, на одинъ звукъ бо̀льшей частью приходится по нѣсколько слоговыхъ знаковъ; (это въ родѣ того, какъ, по французски *cent*, *sans*, *sent* и *sang*,— *ver*, *vers*, *vert* и *verre*), а во-вторыхъ не совсѣмъ изгнанъ и первоначальный идеографическій элементъ, въ силу котораго извѣстный знакъ означаетъ вещь или понятіе, или даже нѣсколько вещей или понятій, независимо отъ звука. Ленорманъ приводитъ слѣдующій примѣръ: ▬ изображаетъ слоги *ас*, *рум*, *рув*, *диль;* идеографическое значеніе того же знака: *въ*, *Ашуръ*, *сынъ*. Далѣе: слоговыя значенія знака ⊠ —*ду*, *гуп*, *кап*, *кин;* идеографическія же—*апаку*, «идти», *кану*, «основать». *Ка́къ* употребить данный знакъ, предоставлялось произволу писца: ка̀къ читать его, иногда указываетъ смыслъ или грамматическое соображеніе. Но, къ счастію, писецъ часто догадывался прицѣпить къ загадочному знаку то, что̀ филологи назвали «фонетическимъ дополнительнымъ указаніемъ» (*complément phonétique*), т. е. несомнѣнно силлабическій знакъ, опредѣляющій, которое слѣдуетъ принять изъ нѣсколькихъ возможныхъ чтеній. Такъ, если къ

приведенному выше знаку прибавленъ знакъ *ку*, надо читать *алаку*,—если знакъ *пу*, то *кану*.

Наконецъ, большое пособіе составляетъ система того, что̀ въ китайскомъ письмѣ называется *ключами*, состоящая въ слѣдующемъ: передъ словомъ ставится знакъ, опредѣляющій, къ какому разряду предметовъ или понятій относится это слово означаетъ, что слѣдуетъ мужское собственное имя: —женское; —имя божества (архаическое потомъ «звѣзда»); предшествуетъ имени страны или горы,—и такъ далѣе.

Но все же, при всѣхъ этихъ ухищреніяхъ, догадкахъ, открытіяхъ, не оказалось бы возможности вполнѣ изучить и читать клинопись и языки, выражавшіеся этимъ письмомъ, если бы въ зарытыхъ храмовыхъ книгохранилищахъ не нашли и до сихъ поръ не находили систематическіе и полные списки, съ нужными объясненіями, всѣхъ этихъ ключей, знаковъ опредѣляющихъ произношеніе, комбинацій, и пр. Если бы, напримѣръ, не были найдены списки *гомонимовъ*, т. е. знаковъ, допускающихъ различныя произношенія, съ обозначеніемъ этихъ произношеній, никогда бы не узнали, что имя изъ нѣсколькихъ сложныхъ знаковъ, которое какъ будто читается Ан. Па. Ду. Сис, въ сущности, при другомъ произношеніи, должно читать Набу. Худур. Уззур=Навуходоноссоръ!

Упомянемъ въ заключеніе объ одномъ небольшомъ памятникѣ, послужившемъ блистательнымъ подтвержденіемъ первымъ опытамъ Гротефенда

надъ персепольскими надписями. Этимъ памятникомъ ассиріологія обязана родственной наукѣ—египтологіи. Это—небольшой алебастровый сосудъ, называемый по имени владѣльца: «ваза графа Келюса» (Caylus). Надпись на этой вазѣ, найденной въ Египтѣ, четыреязычная: четвертый языкъ египетскій, такъ какъ ваза принадлежитъ эпохѣ владычества персовъ въ Египтѣ. Ассиріологи прочли царское имя *Кхшаярша*

соотвѣтственное же имя египетскими іероглифамя послали египтологу Шамполліону Младшему, прося его прочесть, и конечно не сообщая клинописное чтеніе его.

Получилось слѣдующее, по разложеніи отдѣльныхъ знаковъ царскаго картуша въ одну строку:

ГЛАВНѢЙШІЯ ДАТЫ.

	До Р. Хр.
Битва при Мегиддо (пораженіе Іосіи, царя іудейскаго, царемъ египетскимъ Нехо II)	609
Битва при Кархемишѣ (пораженіе царя египетскаго Нехо II Навуходоноссоромъ, царемъ вавилонскимъ)	605
Первое взятіе Іерусалима Навуходоноссоромъ . .	597
Разореніе Іерусалима и начало плѣна вавилонскаго	586
«Битва затменія» (между Аліаттомъ, царемъ лидійскимъ и Кіаксаромъ, царемъ мидійскимъ) .	585
Смерть Кіаксара	584
Смерть Навуходоноссора	561
Паденіе мидійскаго царства (низверженіе Астіага, сына Кіаксара, Киромъ, царемъ аншанскимъ и персидскимъ)	549
Покореніе Лидіи Киромъ	546
Взятіе Вавилона Киромъ и конецъ плѣна іудеевъ	539
Смерть Кира Великаго	529
Камбизъ, сынъ Кира	529—522
Битва при Пелузіумѣ и покореніе Египта . . .	525
Дарій I, сынъ Гистаспа	522—485
(522—515—усобицы; 515—508—мирные годы; 508—485—скиѳская кампанія и другія войны).	
Битва при Мараѳонѣ	490

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аахмесъ, см. Амазисъ.

Аввакумъ, пророкъ, о халдейцахъ, 200.

Авеста, священная книга иранцевъ, 22—23; ея составныя части, 36—38.

Авил-Мардукъ (въ Библіи Евильмеродахъ), царь вавилонскій, сынъ и преемникъ Навуходоноссора, 358.

Агни, арійскій богъ-Огонь, сынъ Варуны, 49—50.

Адербайджанъ (древняя Атропатэна); вѣроятно родина Зороастра, 28, 45, 167; богатъ нефтяными родниками, 175—178.

Аджи, Змѣй, бѣсъ Тьмы, 94.

Аджи-Дахака, то же, что Аджи, 103.

Адитья, группа арійскихъ свѣтовыхъ боговъ, 48, 92.

Аиріана-Вэджа, арійская первородина въ иранскомъ преданіи, 44; въ легендѣ объ Йимѣ, 106.

Александръ Македонскій, сжигаетъ Персеполь, 34.

Алиаттъ, сынъ Садіатта, царь лидійскій, 247; воюетъ съ Мидіей, 248—249; мирится съ Кіаксаромъ и выдаетъ дочь за его сына Астіага, 250; его смерть и добрая память о немъ, 342.

Аллегорія, отличительная иранская черта, 86.

Альборджъ, нынѣ Эльбурзъ, горная цѣпь, 76.

Амазисъ (по-египетски Аахмесъ), низвергаетъ царя Хофру и овладѣваетъ престоломъ египетскимъ, 344; его либеральная политика, 388; его смерть, 392.

Амазонки, происхожденіе басни о нихъ, 230.
Амардіане, см. Мардіане.
Амеретатъ, см. Хаурвататъ и Амеретатъ.
Амеша-Спенты, «Святые Безсмертные», у парсовъ Амшаспанды, 87—91.
Амита, дочь Астіага, вѣроятно, одна изъ женъ Кира Великаго, 330—331.
Амита, см. Амуйа.
Амуйа или Амита, дочь Кіаксара, царя мидійскаго, супруга Навуходоноссора, царя вавилонскаго, 250.
Амшаспанды, см. Амеша-Спенты.
Ангра-Майнью, «Злой Духъ» (у грековъ Ариманъ), 88; вѣчный противникъ Ахура-Мазды, 103
Андуанъ, см. Аншанъ.
Анзанъ, см. Аншанъ.
Анкетиль Дюперронъ, ученый французъ; его поѣздка въ Индію, къ парсамъ, за рукописями, 9—12; его переводъ Авесты, 12—13; непристойныя нападки на него Уильяма Джонса и другихъ, 13 — 15; оцѣнка его труда, 15—16.
Антропоморфизмъ, не въ иранскомъ духѣ, 78—80.
Аншанъ (Анзанъ, Ассанъ, Андуанъ), см. Эламъ.
Апамъ-Напатъ «Сынъ» или «Внукъ Водъ», одно изъ наименованій Молніи или арійскаго бога-Огня, Агни, 53.
Апамъ Напатъ, «Сынъ Водъ», одно изъ наименованій Атара, бога-Огня, у персовъ, 94.
Апаоша, бѣсъ Засухи; его поединокъ съ Тиштріей, подателемъ дождя, 97—98.
Аполлонъ, греческій Солнечный богъ; храмъ его въ Дельфахъ, 218, 240; 344—346; «Дидимійскій»,—храмъ его въ Милетѣ, 236—237.
Апрій, см. Хофра.
Ардви-Сура-Анахита, небесный ключъ, 77.
Арджаспа, туранецъ, противникъ Зороастра и Виштаспы, 33.
Ардисъ, сынъ Гига, царь мидійскій, 247.
Арезура, гора; сходбище дэвовъ и входъ въ адъ, 175.
Ариманъ, см. Ангра-Майнью.

Аріана, древнее имя части Ирана, 66.
Аріарамана, см. Аріарамнъ.
Аріарамнъ (въ клинописи Аріарамана), второй сынъ Теиспа, первый царь персидскій, 314.
Арійцы, первобытные, 43; ихъ миѳы, 45—64; ихъ первородина въ иранскомъ преданіи, 44; ихъ поклоненіе Силамъ природы, 46 и сл.; ихъ грозовой миѳъ, 51—55; слѣды ихъ миѳовъ въ Авестѣ, 65—110; изнѣживаются въ Индіи, 65—66; закаливаются въ Иранѣ, 66 и слѣд.
Аріэнида, дочь Аліатта, царя лидійскаго, выдана за Астіага, сына Кіаксара, царя мидійскаго, 250.
Арсамъ (въ клинописи Аршама), сынъ Аріарамна, второй царь персидскій, 314.
Артемида, богиня; ея храмъ въ Эфесѣ, 236, 237.
Аршама, см. Арсамъ.
Аскетизмъ, порицается маздеизмомъ, 142—143.
Асмодей, см. Аэшма-Дэва.
Аспахэ-Аштра, неизвѣстное орудіе наказанія въ Вендидадѣ, 183.
Ассанъ, см. Аншанъ.
Астіагъ (въ клинописи Иштувэгу), сынъ Кіаксара, царя мидійскаго, женится на Аріэнидѣ, дочери Аліатта, царя лидійскаго, 250; воцаряется по смерти отца, 254; его ничтожество, 293; низверженъ Киромъ, 324—325.
Асто-Видхота, бѣсъ, непосредственно причиняющій смерть, 143, прим.
Асура, «Господь», наименованіе Дьяуса и Варуны у арійцевъ, 47; впослѣдствіи, у индусовъ, употребляется въ дурномъ смыслѣ, 116.
Атаръ, у пранцевъ богъ-Огонь, 74; преемникъ арійскаго Атни; забота о немъ, 92—94.
Атраваны, жрецы у парсовъ, 93, 136.
Аграпа, инсургентъ въ Эламѣ, убитъ Даріемъ, 418.
Атропатэна, см. Адербайджанъ.
Аттика, греческая область, 233.
Атхарванъ, одно изъ древнѣйшихъ санскритскихъ наименованій Молніи, 49.
Атэшъ-Гахъ, огнежертвенникъ, 136, 176—178.

Ахейцы, греческое племя пелазгійскаго корня, 232.

Ахемениды, династія, основанная Ахеменомъ, 312; раздѣляется на двѣ линіи, 313; ихъ родословная, 321; ихъ погребальные склепы, 410 и слѣд.

Ахеменъ (въ клинописи Хакхаманишъ), князь клана пасаргадовъ, основатель персидской монархіи и династіи Ахеменидовъ, 312.

Ахи, арійскій Змѣй-туча, 55.

Ахуна-Вайрья, у парсовъ Хоноверъ, чудодѣйственная молитва, 101, 102.

Ахура, иранская форма санскритскаго слова Асура, 73, 116.

Ахура-Мазда, верховный богъ иранцевъ; значеніе имени, 73; преемникъ древне-арійскихъ боговъ Неба, 74—75; глава и творецъ Амеша-Спентовъ, 89, 90—91.

Ашаванъ, «послѣдователь Правды», 120.

Аша-Вахишта, «Совершенная Святость», одинъ изъ Амеша-Спентовъ, 89.

Ашемлога, еретикъ, 143, 157.

Аэшма-Дэва, у грековъ и въ Библіи Асмодей, бѣсъ Гнѣва и Насилія, 114.

Б.

Бабилъ, курганъ, въ которомъ скрыты остатки висячихъ садовъ, 263.

Барашнумъ, «большое очищеніе», 160.

Бардія (иногда Бердисъ, у грековъ Смердисъ, иногда Танаоксаръ или Таніоксаркъ), младшій сынъ Кира Великаго и братъ Камбиза, 385; умерщвленъ по приказу Камбиза, 389—392.

Баресма, связка священныхъ прутьевъ, 136 — 138; объясняется вѣроятно туранскимъ вліяніемъ, 168, 173.

Барсуа, см. Персы.

Бахтіарскія Горы, 311.

Бегистунская (или Бисутунская) скала и надпись, 315—318.

Бердисъ, см. Бардія.

Бисутунская скала, см. Бегистунская.

Бомбей, городъ на западномъ побережьѣ Индіи, главное мѣстопребываніе парсовъ, 6.

Борисѳенъ, нынѣ Днѣпръ, рѣка въ южной Россіи, 458.

Бракъ, между близкими родственниками у маздеистовъ, 130.

Бранхиды, родъ наслѣдственныхъ жрецовъ Аполлона въ Милетѣ, 237.

Бугъ, см. Гипанисъ.

Бунанипту, вавилонянка, имя которой часто встрѣчается въ плиткахъ архива Эгиби, 283, 288, 291, прим.

Бундахишъ, пехлевійская священная книга; ея содержаніе, 38—40.

Буршьё, Джорджъ, ученый англичанинъ, привозитъ первую рукопись отъ парсовъ, 9.

Бэл-шар-Уззуръ (въ библіи Валтассаръ), сынъ и соправитель Набонида, 361.

Бюрнуфъ, Эжэнъ, ученый французъ, санскритистъ; его труды надъ книгами Зороастра, 16—17; сильно подвигаетъ чтеніе клинописи, 489.

В.

Вавилонское царство, 199.

Вавилонъ, при Навуходоноссорѣ, 254—271; его стѣны, 258—260; мостъ черезъ Евфратъ и набережная, 260—261; новый дворецъ, 261—263; висячіе сады, 263—268; храмъ Бэла-Мардука, 268—270; выдерживаетъ первое нападеніе Кира, 356; его послѣдніе цари и послѣдніе годы его независимости, 358—366; взятіе его Киромъ, 366—369; возстаетъ противъ Дарія I и усмиренъ, 418—419.

Валтассаръ, см. Бэл-шар-Уззуръ.

Вара, садъ Йимы, 106—108.

Варуна, арійскій богъ-Небо, 47—48.

Ваю, арійскій богъ-Вѣтеръ, 54.

Веды, священныя книги индусовъ, 21.

Везареша, бѣсъ у моста Чинватъ, 189.

Вендидадъ, отдѣлъ Авесты, его содержаніе, 37; общій характеръ его, 132 и слѣд.; слѣды въ немъ кочевого быта, 165—166; туранскаго вліянія, 166—181.

Вендидад-Садэ, рукопись, привезенная въ Англію Джорджемъ Буршьѐ, 9; литургическій сборникъ, 38.
Вереѳрагна, «побѣда»; сподвижникъ Миѳры, 85; пранская форма санскритскаго Вритрахана, 86.
Вестергаардъ, ассиріологъ, датчанинъ, 491.
Вивангватъ=санскритскому Вивасватъ, 113, прим.
Вивасватъ=иранскому Вивангватъ, 113, прим.
Видѣніе, о посмертной участи души, 187—191.
Византія, греческая колонія на Босфорѣ, нынѣ Константинополь, 457.
Виспередъ, отдѣлъ Авесты; его содержаніе, 37.
Виштаспа, царь, другъ и ученикъ Зороастра, 30 и слѣд.
Воху-Мано, «Благомысліе», одинъ изъ Амеша-Спентовъ, 89.
Вритра, арійскій бѣсъ-Туча, 54.
Вритрахапъ («Вритро-убійца»), почетный титулъ Индры, 54.
Вурукаша, море, миѳическое, небесное, 77.

Г.

Галеви, французскій семитистъ, 170, прим.
Галисъ, нынѣ Кизилъ-Ирмакъ, рѣка въ Малой Азіи, 230.
Гамаданъ, см. Экбатана.
Гангъ, великая рѣка Индіи, 65.
Гаокерена, см. Хаома.
Гара-Березаити (у парсовъ Альборджъ), священная гора въ иранскомъ миѳѣ, 76, 113 и слѣд.
Гаро-нмана, иранскій рай, 76.
Гарпагъ, мидійскій вельможа, помогаетъ Киру низвергнуть Астіага, 324; его роль въ дѣтствѣ Кира, по Геродоту, 326—328.
Гарпіи, ликійскія богини Смерти, 226.
Гаты, священные гимны, древнѣйшая часть Авесты, 27, 38.
Гаумата, магъ, самозванецъ, выдававшій себя за Бардію, убитаго брата царя Камбиза, 401; его убіеніе Даріемъ, 404—407.
Гебры, см. Огнепоклонники.
Гераклъ, греческій полубогъ, 236.
Гермосъ, рѣка въ Малой Азіи, 235, 342.
Геродотъ, о Вавилонѣ и его обычаяхъ, 259, 268, 273—275;

о царскомъ дворцѣ въ Экбатанѣ, 296; о магахъ, 302; о дѣтствѣ и юности Кира, 324—328; о дарахъ Креза дельфійскому Апполону, 345—346; о взятіи Сардъ, 348—350; о Скиѳіи и скиѳахъ, 458—466; о скиѳской кампаніи, 470 и слѣд.

Герра, вавилонская колонія на аравійскомъ берегу Персидскаго залива, 272.

Геушъ-Урванъ, духъ «Покровитель Стадъ»; является просителемъ на небѣ, 116—118.

Гигъ (въ клинописи Гугу), основатель мидійской династіи Мермнадовъ; легенда о немъ, 214—218.

Гиданисъ, нынѣ Бугъ, рѣка въ юго-западной Россіи, 456, 458.

Гирканія, прикаспійская полудикая область, 168; подъ управленіемъ Гистаспа, отца Дарія I, не участвуетъ въ возстаніяхъ, 420.

Гистаспъ, Ахеменидъ, отецъ Дарія I; наслѣдникъ престола, но не царствовалъ, 320—321; сатрапъ Гирканіи, 322; отстаиваетъ Гирканію и Парѳію противъ инсургентовъ, 420.

Гистіей, тиранъ милетскій, уговариваетъ товарищей защищать мостъ черезъ Босфоръ, 473.

Гобрій, мидянинъ, воевода Кира; занимаетъ Вавилонъ безъ боя, 367; тесть царя Дарія I, помогаетъ ему убить самозванца, Гаумату, 407; толкуетъ неблагопріятно посланіе скиѳовъ, 476.

Гомезъ, бычачья или коровья моча, употребляется при очищеніяхъ, 160.

Гротефендъ, Фридрихъ, нѣмецъ, классикъ; находитъ ключъ къ дешифрировкѣ персидской клинописи, 486—488.

Гугу, см. Гигъ.

Гуджератъ, полуостровъ въ Индіи, первое пристанище парсовъ, 5.

Гюяръ, французскій семитистъ, 170, прим.

Д.

Дараявушъ, см. Дарій.

Дарій I, сынъ Гистаспа, царь персидскій, преемникъ Кам-

биза II, (въ клинописи Дарлявушъ); его изваянія и надписи на Бегистунской скалѣ, 315—320; его воцареніе послѣ самоубійства Камбиза, 400—402; возвращается изъ Египта въ Персію и, съ помощью князей, убиваетъ самозванца Гаумату, 404—407; маздеистъ, 410—414; его борьба съ усобицами, 417—425; его мудрое правленіе въ мирные годы, 426—454; учреждаетъ систему налоговъ и податей, 428—429; почтовую службу, 430—431; строится въ Сузѣ и Персеполѣ, 433 и слѣд.; идетъ походомъ на Скиѳію, 455 и слѣд.; неудачная кампанія, 466—471; походы въ Индію и Африку, 474—476; приготовленія къ походу противъ Эллады, 476—477.

Дахма, Башня Молчанія, гдѣ парсы выставляютъ трупы, 145—152; описаніе, 148.

Де-Гарлэ, французскій оріенталистъ, переводчикъ Авесты; его взгляды на туранское вліяніе въ Авестѣ, 172 и сл.; 187.

Деличъ, Фридрихъ, нѣмецкій ассиріологъ, о фирмѣ Эгиби, 276, 277.

Дельфійскій оракулъ Аполлона; вопрошаемъ Гигомъ, 218, 240; Крезомъ, 344—346.

Дестуры, священники у парсовъ, 16, 17.

Джонсъ, сэръ Уильямъ, ученый англичанинъ, оріенталистъ; его нападки на Анкетиль Дюперрона, 13—15; основатель санскритской филологіи, 17.

Джумджума, курганъ, въ которомъ сокрытъ архивъ фирмы Эгиби, 275.

Джэксонъ, Уильямсъ, американскій иранистъ, 26, прим.; 185, прим.

Дивы, свѣтлые боги у индусовъ, 50.

Днѣпръ, см. Борисѳенъ.

Днѣстръ, см. Тирасъ.

Донъ, см. Танаисъ.

Дорійцы, греческое племя, пелазгійскаго корня; кочеваніе ихъ изъ Эпира и Ѳессаліи въ Пелопоннесъ, 233—235.

Досавхай Фрамджи Карака, историкъ, парсъ, 5.

Друджванъ, «послѣдователь Лжи», 120.

Друджъ, духъ Лжи, 119, 123.
Дуализмъ, арійскій, 50—51; у иранцевъ, 72; духовный, суть маздеизма, 120 и сл.
Дунай, рѣка, въ древности Истеръ, 456.
Дэвяснійцы, «бѣсопоклонники», 111; проклятіе противъ нихъ, 114—115.
Дэвы, бѣсы, 115.
Дюперронъ, см. Анкетиль Дюперронъ.
Дьёляфуа, супруги, французскіе археологи, 357; ихъ раскопки въ Сузѣ, 373—383.
Дьяусъ, арійскій богъ-Небо, 47.

Е.

Евиль-Мередахъ, см. Авил-Мардукъ.
Евлай, см. Хоаспъ.
Египетъ, при царѣ Нехо II, 195 и сл.; покоренъ Камбизомъ, 392 и сл.

Ж.

Женщина, передъ вавилонскимъ закономъ, 287—288.
Жертвоприношенія, любимы богами, 99—100; какъ обставлены, 136—140.
Жрецы вавилонскіе; интригуютъ противъ Набонида и призываютъ Кира, 359—365.

З.

Заотра, святая вода, 138.
Заратуштра, см. Зороастръ.
Заратуштротэма, верховный магъ, 305.
Затменіе солнца во время битвы между войсками Лидіи и Мидіи, 249.
Земледѣліе—святое призваніе, 140—142.
Зенд-Авеста, см. Авеста.
Золотой вѣкъ у иранцевъ, 106—108.
Зороастръ (Заратуштра), пророкъ Ирана, 2; древніе писатели о немъ, 2, 8, 26; его личность въ Гатахъ, 27; біографическія свѣдѣнія о немъ, 28—34; его задача, 112; провозглашаетъ новую вѣру, 118—120; характеристика его поученій, 123—126.

И.

Иба, сынъ Силлы, имя, встрѣчающееся въ архивѣ Эгиби, 283.

Йима, преемникъ арійскаго Ямы; легенда о немъ, 104—109.

Имгур-Бэлъ, внутренняя стѣна Вавилона, 260.

Индія, ея географическія условія и разслабляющее вліяніе на арійцевъ, 65—66; упомянута въ надгробной надписи царя Дарія I, 425.

Индо-иранцы, 44.

Индра, арійскій грозовикъ и громовержецъ, 54.

Индъ, великая рѣка Индіи, 65.

Иранцы, вторая великая вѣтвь арійскаго корня въ Азіи; ихъ кочеванія и борьба съ природой, 66—70; ихъ характеръ, дуализмъ и причины его, 70—72.

Иранъ, описаніе, 66—70.

Искусство, персидское, 340—341; образцы въ развалинахъ Сузы, 373—383; въ Персеполѣ.

Истахръ, см. Персеполь.

Истеръ, рѣка, нынѣ Дунай, 456.

Иштувэгу, см. Астіагъ.

І.

Іездегердъ III, послѣдній царь сассанидъ, побитъ при Нехавендѣ, 3.

Іезекіиль, пророкъ; уведенъ въ Вавилонъ, 202, его пророчество о Тирѣ, 209.

Іезиди, «Чертопоклонники», странная секта въ Курдистанѣ, 303.

Іеремія, пророкъ; его непопулярность, 200—201; убѣждаетъ іудейскій народъ покориться царю вавилонскому, 203—206; терпитъ гоненія, 206—207.

Іерусалимъ, взятъ Навуходоноссоромъ, 201—203; вторично взятъ и разоренъ, 208—209.

Іехонія, царь іудейскій, сынъ Іоакима, сдается Навуходоноссору, 202.

Іешты, отдѣлъ Авесты; его содержаніе, 38.

Іоакимъ, царь іудейскій, второй сынъ Іосіи, 197; покоряется Навуходоноссору, 200; умираетъ, 202.

Іоахазъ, царь іудейскій, сынъ Іосіи, уведенъ въ плѣнъ, въ Египетъ, 197.

Іонійскіе города въ Малой Азіи, 235 и сл.; покорены Киромъ, 353—356.

Іонійцы, греческое племя пелазгійскаго корня, 232; ихъ колоніи въ Малой Азіи, 235 и сл.

Іосія, царь іудейскій, побѣжденъ царемъ Нехо II при Мегиддо, 198.

Іуда, послѣдніе дни, 194 и сл.

Іудеи, живущіе въ Вавилонѣ, въ изгнаніи, тайно помогаютъ Киру, 365—366.

Іудейское вліяніе въ Авестѣ, 181—182.

К.

Каистръ, рѣка въ Малой Азіи, 235.

Камбатетъ (по-египетски), см. Камбизъ.

Камбизъ I (въ клинописи Камбуджія), сынъ Кира I, царь аншанскій, 314.

Камбизъ II, сынъ Кира Великаго, царь персидскій, его несчастная натура и ревность къ брату, Бардіѣ, 384—386; готовитъ походъ въ Египетъ, 386 и сл.; приказываетъ умертвить брата своего Бардію, 389—392; покоряетъ Египетъ, 392—393; его мягкое правленіе въ Египтѣ, 393—398; его самоубійство вслѣдствіе вѣсти о самозванцѣ въ Персіи, 398—400.

Камбуджія, см. Камбизъ.

Каналъ отъ Нила къ Чермному морю, начатый Рамзесомъ II, Нехо I, Даріемъ I,—и заброшенный, 431—433.

Кандавлъ, царь лидійскій; легенда о немъ, 214—218.

Карія, въ Малой Азіи; поддерживаетъ Гига, 214.

Карпаны, жрецы языческіе у маздеистовъ.

Кархемишъ, побѣда Навуходоноссора I надъ Нехо II, 198.

Касръ, курганъ, въ которомъ сокрытъ дворецъ Навуходоноссора, 261.

Кассандана, персіянка, изъ рода Ахеменидовъ, царица Кира Великаго, 333.

Керчь, см. Пантикапея.

Кизилъ-Ирмакъ, см. Галисъ.

Кирманшахъ, городъ въ Персіи, недалеко отъ Бегистунской скалы, 316.

Киръ I (въ клинописи Курушъ), сынъ Теиспа, царь Аншанскій.

Киръ II, Великій, сынъ Камбиза I (въ клинописи Курушъ или Курашъ, въ Библіи Корешъ), 314; его цилиндръ о взятіи Вавилона, 315, 324, 366—367; провозглашенъ царемъ аншанскимъ и персидскимъ, 315; покоряетъ Мидію, 323—325; легенда о его дѣтствѣ и юности, 325—328; объясненіе ея, 328—330; покоряетъ восточный Иранъ, 332; его мудрое правленіе 332—334; покоряетъ Лидію, 342—353; іонійскіе города, 353—356; неудачно нападаетъ на Вавилонъ, 356; беретъ Вавилонъ съ помощью предателей-жрецовъ, 350—369; жалуетъ іудеевъ и жрецовъ, 369—370; его смерть, 371.

Киръ, рѣчка близъ Пасаргадъ, нынѣ Пульваръ, 334.

Кіаксаръ, царь мидійскій; объявляетъ войну Аліатту, царю лидійскому, 248; мирится съ нимъ и женитъ сына своего Астіага на его дочери Аріэнидѣ, 250; умираетъ, 251—254.

Колоніи, греческія, 234; іонійскія въ Малой Азіи, 235 и слѣд.

Комана, въ Каппадокіи; хеттейскій храмъ, 230.

Константинополь, см. Византія.

Корешъ, см. Киръ.

Коссовичъ, профессоръ, иранистъ, 490.

Крезъ, сынъ Аліатта, царь лидійскій, 294, 343; готовится къ войнѣ противъ Кира, 343—346; объявляетъ войну, 346; побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ, 347—350; его покушеніе на самосожженіе не понято греками, 350—353.

Ксерксъ, царь персидскій, сынъ Дарія I; его постройки въ Сузѣ и Персеполѣ, 450 и слѣд.

Курашъ, см. Киръ.

Кхшатра-Вайрія, «Преблагое Владычество», одинъ изъ Амеша-Спентовъ, 89.

Кэлюсъ, де, графъ; его знаменитая ваза, 499.

Л.

Лабассоаракхосъ, Лаборасоарходъ, см. Лабаш-Мардукъ.

Лабаш-Мардукъ, царь вавилонскій, сынъ и преемникъ Нергал-шар-Уззура, 358—359.

Лассенъ, нѣмецъ, санскритистъ, сильно подвигаетъ дешифровку персидской клинописи, 489.

Лидія; ея исторія при династіи Мермнадовъ, 214 и слѣд.; при Гигѣ, 246; воюетъ съ греческими приморскими городами, 247; съ Мидіей, 247—250; заключаетъ миръ, 250; покорена Киромъ Великимъ, 342—353.

Ликія, область Малой Азіи; замѣчательна гробницами, высѣченными въ скалахъ, 218—227.

Лихтенштейнъ, нѣмецъ, мнимый ученый; его нелѣпая теорія о клинописныхъ надписяхъ въ Персеполѣ, 485—486.

Лѣкаря, въ Авестѣ, 161—162.

М.

Ма, хеттейская богиня, имѣвшая храмъ въ Команѣ, въ Каппадокіи, 230.

Маги—мидійское священство, 173; особое племя, 301—303; вѣроятно, первоначально не арійское, 303—305; ихъ политическое могущество и независимость, 305—306.

Мадаи, см. Мидяне.

Мазда, см. Ахура-Мазда.

Маздаяснійцы, «богопоклонники», 111.

Маздеизмъ, вѣра Зороастра; суть его, 120; чистый, въ Гатахъ, 121—126; менѣе чистый въ Седьмиглавѣ, 126—129; его высокое мѣсто между міровыми религіями, 192—193.

Малая Азія; ея исторія послѣ паденія Ассиріи, 212 и слѣд.

Мандана, мать Кира Великаго; по легендѣ—дочь Астіага, царя мидійскаго, 326.

Мантры, священные тексты; когда читаются, 37; ихъ волшебная сила, 58—60, 101; оружіе противъ бѣсовъ, 102; лучшій способъ лѣченія, 161.

Марафіи, одно изъ персидскихъ племенъ, 311.

Мардіане или Амардіане, одно изъ кочевыхъ персидскихъ племенъ, 311.

Маспіи, одно изъ персидскихъ племенъ, 311.

Массагеты, скиѳское племя, вѣроятно, умертвившее Кира Великаго, 371.
Меандръ, рѣка въ Малой Азіи, 235.
Мегиддо, побѣда Нехо II при, 196.
Мемѳисъ, столица Нижняго Египта; взятъ персами, 399.
Мермнады, послѣдняя династія лидійскихъ царей; основана Гигомъ, 214 и сл.; ея паденіе, 350.
Мертвецы, отношеніе маздеистовъ къ нимъ, 143—157; выставляются въ дахмахъ, 146 и сл.
Мидійское царство, 198; его паденіе, 324—325.
Мидійская стѣна, построенная для обороны Вавилона, Новуходоноссоромъ, 256.
Мидійскія племена, 300—301.
Мидяне (въ клинописи Мадаи); въ Адербейджанѣ, 168; скудость свѣдѣній о нихъ, 299; сливаются съ персами, 332—334; возстаютъ противъ Дарія I и усмирены, 419—422.
Мизія, область въ Малой Азіи; присоединена къ Лидіи, 246.
Милетъ, главный изъ греческихъ городовъ въ Малой Азіи: прославленъ храмомъ Аполлона Дидимійскаго, 237; осажденъ, но не взятъ царями лидійскими, 247; взятъ и разоренъ Даріемъ I, 476.
Мильтіадъ, аѳинянинъ, уговариваетъ товарищей сломать мостъ черезъ Босфоръ, чтобы отрѣзать Дарію отступленіе и тѣмъ освободить греческіе приморскіе города, 472—473.
Митра, арійскій свѣтовой богъ, 48.
Митра-Варуна, арійская божественная, нераздѣльная пара, 48.
Миѳра, иранскій богъ-Свѣтъ; его связь съ Ахура-Маздой, 75; его миѳическія черты, 80—82, 84; его духовное превращеніе въ бога вѣчной Правды, 82—84.
Миѳы, арійскіе, 45—64; слѣды ихъ въ Авестѣ, 65—110; одухотвореніе ихъ въ Иранѣ, 72 и сл.
Молитва, ея заклинательная сила; Ахуна-Вайрья или Хоноверъ, 101.
Мургавъ, см. Пасаргады.
Мюнтеръ, датчанинъ, оріенталистъ; его работы по персепольскимъ надписямъ, 484.

Мѣновая торговля, 241—243.
Мязда, приношеніе пищею, 138.

Н.

Набонидъ (Набу-Нахидъ), послѣдній царь вавилонскій; его цилиндръ о взятіи Вавилона Киромъ, 314—315, 323—324; его воцареніе, 359; его контры съ жрецами, 359—365; побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и умираетъ, 367.
Набополассаръ, царь вавилонскій; умираетъ, 198.
Набу-Нахидъ, см. Набонидъ.
Навсари, городъ на западномъ побережьи Индіи, принимаетъ бѣглыхъ парсовъ, 6.
Навуходоноссоръ II, сынъ Набополассара, царя Вавилонскаго, побѣждаетъ Нехо II, царя египетскаго, при Кархемишѣ, 197; воцаряется въ Вавилонѣ по смерти отца, 198; покоряетъ Сирію, 200; беретъ Іерусалимъ, 201—203; воцаряетъ Седекію, 203; вторично беретъ и разоряетъ его, 208—209; неудачно осаждаетъ Тиръ, 209—210; миритъ Лидію съ Мидіей, 249—250; его работы для украшенія и обороны Вавилона, 254—271; величіе его, какъ государя, 271—273.
Надинтабира, вавилонскій инсургентъ и самозванецъ, 418—419.
Наири, земли; перемѣны въ нихъ, 213—214.
Насу, трупный бѣсъ (муха), 109—158; отгоняется взглядомъ собаки (сагдидъ) 159; большимъ очищеніемъ, 159—160; указываетъ на туранское вліяніе, 174.
Нахши-Рустемъ, скала близъ Персеполя, въ которой высѣчены погребальные склепы Дарія I и нѣсколькихъ Ахеменидовъ, 410 и сл.; 407.
Нергал-Шар-Уззуръ (у грековъ Нериглиссаръ), убійца и преемникъ Авил-Мардука, 358.
Нериглиссаръ, см. Нергал-Шар Уззуръ.
Нехавендъ, битва при городѣ, выигранная арабами, 2.
Нехо II, сынъ Псамметика, идетъ войною въ Сирію, 195; одерживаетъ побѣду при Мегиддо, надъ Іосіей, царемъ іудейскимъ, 196; побѣжденъ Навуходоноссоромъ при Кархемишѣ, 198.

Нибуръ, Карстенъ, датчанинъ; его изслѣдованіе персепольскихъ надписей, 483.
Нимитти-Бэлъ, наружная стѣна Вавилона, 258.
Нитетида, египетская царевна; легенды о ней, 387.
Нитокрида, царица Вавилонская, мать Набонида, 270—359; ея смерть, 362.

О.

Огнепоклонники (Гебры)—названіе, ошибочно данное парсамъ, 1, 7—8.
Ольвія, греческая колонія, недалеко отъ нынѣшней Одессы, 456—457.
Оппертъ, ассиріологъ, 490.
Оронтъ, нынѣ Эльвендъ, гора въ Мидіи, 296.
Оскверненіе у маздеистовъ: дахмами, 154; близостью трупа, 155—156; больными, 157, 160—161.
Очищеніе, «большое», 160.

П.

Пазендъ, иранская часть пехлевійскихъ текстовъ, 25.
Пактолъ, золотоносная рѣка въ Лидіи, 244.
Палеологъ, о китайскомъ искусствѣ, 495.
Пантикапея, нынѣ Керчь, греческая колонія въ Крыму, 464.
Пародаршъ, см. Пѣтухъ.
Парсуа, см. Персы.
Парсы, потомки древнихъ персовъ, 1; послѣдователи Зороастра, исповѣдуютъ единаго Бога, 2; уходятъ отъ гоненій мусульманъ, 4; поселяются въ Гуджератѣ, 5; въ Бомбеѣ, 6; ихъ вѣра, 7—8.
Пасаргады, самое благородное изъ персидскихъ племенъ, 311.
Пасаргады, родовой городъ пасаргадовъ, нынѣ Мургабъ, 313; развалины, 334—341.
Пелазги, древній арійскій корень греческихъ народовъ, 232.
Пелазгійская вѣтвь арійскихъ языковъ, 228.
Пелузіумъ, битва при городѣ — и побѣда персовъ надъ египтянами, 392.

Пенджавъ, область въ сѣверо-западной части Индіи, 6; первая, населенная арійцами, 45.

Персеполь, персидская столица, выросшая на мѣстѣ стариннаго города Истахра, 435; большая терраса, 435—438; дворцовыя лѣстницы, 438—442; дворецъ Дарія, 442—446; «Палата о Ста Колоннахъ», 446—448; строенія Ксеркса, сына Дарія, 450—454; погребальные склепы Ахеменидовъ, 454.

Персидскія племена, арійскія и не-арійскія, 311; объединены Ахеменомъ, 312.

Персія (по-персидски Фарсъ или Фарсистанъ), завоевана арабами въ 642 г., 2; собственно,—ея климатъ и характеръ, 308—309.

Персы (въ клинописи Парсуа или Барсуа), иранскій народъ, ихъ порабощеніе арабами и гоненіе на ихъ вѣру, 3—4; подвластны Мидіи; занимаютъ Эламъ (древній Аншанъ), 199; ихъ нравы и характеръ, 309—311; занимаютъ первое мѣсто у Кира Великаго, 332—334; не соблюдали строго Вендидадъ, 416—417.

Пехлевійскій языкъ, 23—24.

Пешотаны, люди, безвозвратно пропащіе, 153.

Питри, «Отцы», души умершихъ у арійцевъ, и чествованіе ихъ, 63—64.

Поньонъ, французскій семитистъ, 170, прим.

Псамменитъ, см. Псамметикъ.

Псамметикъ III (у грековъ Псамменитъ), царь египетскій, сынъ Амазиса; побитъ персами при Пелузіумѣ и взятъ въ плѣнъ, 392.

Пуитика, море очищенія, 153.

Пульваръ, см. Киръ, рѣчка.

Пурушаспа, отецъ Зороастра, 28, 140.

Пьетро-делла-Валле, путешественникъ, римлянинъ; первый описалъ персепольскія развалины, 480.

Пѣтухъ (Пародаршъ), священная птица въ Авестѣ, 165.

Р.

Рай или Рага, въ Мидіи, столица маговъ, 305.

Раскъ, датчанинъ, оріенталистъ; его важное открытіе по дешифрировкѣ клинописи, 489.

Раулинсонъ, сэръ Генри, изслѣдователь Бегистунской надписи, 316; 489—490; 492.
Рахмедъ, гора, послужившая основаніемъ персепольскимъ террасамъ, 436.
Рашну, Праведность, Правосудіе, сподвижникъ Миѳры, 85.
Религія; парсовъ, 2, 7—8;—и откровеніе, 19—21; арійскихъ засельниковъ Индіи, 45 и сл.; натуралистская, 46; и матерьялистская, 60—61.
Риг-Веда, древнѣйшая священная книга индусовъ, 45 и сл.

С.

Сагдидъ, обрядъ, 109—110, 159.
Садіаттъ, сынъ Ардиса, царь лидійскій, воюетъ противъ Милета, 247.
Саки, см. Скиѳы.
Сакунка, скиѳъ, инсургентъ противъ Дарія I, 423.
Сандонъ, лидійскій богъ-Солнце, 237.
Сапоръ, см. Шапуръ.
Сарды, столица Лидіи, 244; взята Киромъ, 348—350.
Сассаниды, персидская династія, 3, 35.
Сатрапы, персидскіе намѣстники; значеніе слова, 355.
Седекія, царь іудейскій, братъ Іехоніи, 203; возстаетъ противъ Навуходоноссора, 206; взятіе его въ плѣнъ и жестокое съ нимъ обращеніе, 208—209.
«Седьмиглавъ», отдѣлъ Ясны; его характеръ: поворотъ отъ чистаго маздеизма, 126—129.
Семейныя отношенія по вавилонскимъ законамъ, 284—289.
Семирамида, ложно прослывшая строительницей Вавилона, 270.
«Символъ Вѣры», маздеизма, 129—130.
Сипилъ, горы въ Лидіи, 244.
Сиппара, городъ въ Вавилонѣ; Навуходоноссоръ роетъ тамъ обширный водоемъ, 254—255.
Сирійскія дѣла послѣ паденія Ассиріи, 194 и сл.
Сіеннесъ, царь киликійскій, миритъ Аліатта и Кіаксара, 248—250.
Скиѳія (южная часть Россіи); насколько извѣстна грекамъ, 456—457; у Геродота, 458—461.

Скиѳы (въ надписяхъ Саки); ихъ нравы по Геродоту, 461—466.
Смердисъ, см. Бардія.
Смирна, городъ въ Лидіи, 230, 236.
Собака, священное животное въ Авестѣ, 162—165; употребляется для обряда Сагдидъ, 109—110.
Сома, растеніе, напитокъ, арійское божество, 55—58.
Сосі, де, ассиріологъ, 492.
Спака, по легендѣ—кормилица Кира Великаго, 326; 329.
Спартанцы, вступаютъ въ союзъ съ Крезомъ, 345; опаздываютъ на помощь, 349; ихъ дерзкое посланіе Киру, 354.
Спента-Армаити, «Святое-Благочестіе» (духъ женскаго рода), одинъ изъ Амеша-Спентовъ, 89.
Спента-Майнью, «Святой Духъ», одно изъ наименованій Ахура-Мазды, 89.
Спитама, фамильное имя рода Зороастра, 28.
Сраоша, олицетворенное «Послушаніе Закону», сподвижникъ Миѳры, 85; 114.
Сраошо-Чарана, неизвѣстное орудіе наказанія въ Вендидадѣ, 183.
Суза (Шуши), столица Элама, одна изъ столицъ новой персидской державы, 356 и сл.; раскопки супруговъ Дьёляфуа, 373—383; 450 и слѣд.
Сузіана, см. Эламъ.
Сулейманскія горы, 307.
Суратъ, городъ на западномъ побережіи Индіи, принимаетъ бѣглыхъ парсовъ, 6.

Т.

Таира, главная вершина Гара-Березаити, центръ міра, 76.
Танаисъ, нынѣ Донъ, рѣка въ южной Россіи, 458.
Танаоксаръ, Таніоксаркъ, см. Бардія.
Теиспъ (въ клинописи Чишпаишъ), сынъ Ахемена, царь Аншана.
Тередонтъ или Тиридотъ, городъ, построенный Навуходоноссоромъ у устья Евфрата, 272.
Термодонтъ, рѣка въ Малой Азіи, 230.
Террьенъ-де-ля-Купери, ассиріологъ и синологъ, 494.
Тигранъ I, царь армянскій; дружитъ съ Киромъ, 327.

Тирасъ, нынѣ Днѣстръ, рѣка въ южной Россіи, 458.
Тирндотъ, см. Тередонтъ.
Тиръ, осажденъ Навуходоноссоромъ, но не взятъ, 209—210.
Тихсенъ, нѣмецкій оріенталистъ; его удачная догадка по персепольскимъ надписямъ, 484.
Тиштри (звѣзда Сиріусъ), «начальникъ» надъ всѣми звѣздами, податель дождя, 96; его поединокъ съ бѣсомъ Засухи, Апаошей, 97—98.
Тмолъ, горы въ Лидіи, 244.
Трита, сынъ Аптіи = пранскому Ѳраэтаона, сынъ Атвіи, 113, прим.
Туранское вліяніе въ Авестѣ, 166—181.

У.

Уголовныя наказанія въ Авестѣ, 183—185.
Улай, см. Хоаспъ.
Учебники, дѣтскіе, въ Вавилонѣ, 290—291.

Ф.

Фанъ, грекъ, на египетской службѣ; бѣжитъ къ персамъ, 389.
Фарсистанъ или Фарсъ, см. Персія.
Фейдонъ, грекъ; нѣкоторыми учеными считается за изобрѣтателя чеканенія денегъ, 246, прим.
Фигероа, путешественникъ, испанецъ, первый обращаетъ вниманіе на клинописныя надписи въ Персеполѣ, 479.
Фравартишъ, мидянинъ, инсургентъ и самозванецъ; его усмиреніе и казнь, 419—422.
Фраваши, души усопшихъ, 85; преемники санскритскихъ Питри; ихъ отношенія къ живущимъ, 98—99; ихъ превращеніе указываетъ на туранское вліяніе, 178—181.
Франграсіанъ, туранецъ, разбойникъ, 95—96.
Фрашаостра, другъ и тесть Зороастра, 126.

Х.

Хакхаманишъ, см. Ахеменъ.
Халдейцы; описаны пророкомъ Аввакумомъ, 200.
Хаома, священный напитокъ, 37; Бѣлый или Гаокерена, небесное дерево, 78; при жертвоприношеніяхъ, 137, 139.

Хаурватать и Амеретать, «Здравіе и Безсмертіе», нераздѣльная чета, Амеша-Спенты, 90.
Хварено, «Царственное Сіяніе», 94—96; 105; 108.
Хеттейскій элементъ и святилища въ Малой Азіи, 228—230.
Хинксъ, ассиріологъ, 490.
Хоаспъ (у ассирійцевъ Улай, у грековъ Евлай), небольшая рѣка въ Сузѣ, 357.
Хоноверъ, см. Ахуна-Вайрья.
Хорда-Авеста («Малая Авеста»), 186—187.
Хормуздъ Рассамъ, раскопалъ висячіе сады, 263.
Хофра (у грековъ Апрій), царь египетскій, внукъ Нехо II; идетъ на помощь Іерусалиму, но опаздываетъ, 206; низверженъ и умерщвленъ Амазисомъ, 344.
Храфстра, нечистая тварь, 136; 183.
Храфстрагна, орудіе для избіенія нечистой твари, 136.
Хузварешъ, семитическая часть пехлевійскихъ текстовъ, 25.
Хукаирія, одна изъ вершинъ Гара-Березаити, 77.
Хэйдъ, англичанинъ, оріенталистъ; его грубая ошибка, 481—483.

Ц.

Цилиндръ Набонида, Кира, 314—315; Кира, о взятіи Вавилона, 366—369.

Ч.

Чеканеніе денегъ; изобрѣтено лидійцами, 243—246.
Чинватъ, мостъ 111, 112 (прим.); 187; 190.
Чистота и скверна, по Авестѣ, 152—157.
Чишпаишъ, см. Теиспъ.

Ш.

Шапуръ (Сапоръ) II, царь Сассанидъ, провозглашаетъ Авесту государственной религіей, 36.
Шарденъ, путешественникъ, французъ, писалъ о персепольскихъ надписяхъ, 480 и сл.
Шпигель, иранистъ; его полное собраніе древне-персидскихъ клинописныхъ надписей, 490.
Шуши, см. Суза.

Э.

Эгиби, фирма вавилонскихъ банкировъ и нотаріусовъ; ихъ архивъ, 275—283, 287; имя передѣлано изъ еврейскаго Якувъ, 276.

Экватана (нынѣ Гамаданъ), 2; великолѣпная столица мидійская, 294 и сл.; роскошный царскій дворецъ, 296—298.

Эламъ (древній Аншанъ, у грековъ Сузіана); занятъ персами, 199; возмущается противъ Дарія I.

Электронъ, смѣсь золота и серебра; первыя монеты изъ него, 244—245.

Эллада, общее имя греческихъ земель, 232.

Эллины, общее имя греческихъ народовъ, 232.

Эльбурзъ, см. Альворджъ.

Эпиръ, область въ сѣверной Греціи, 233 (нынѣ Албанія).

Эпосъ, арійскій миѳическій, 61.

Эфесъ, городъ въ Малой Азіи, 230; прославленъ храмомъ Артемиды, 236, 237.

Я.

Язаты, добрые духи, 74.

Языки, древней Персіи (авестскій и пехлевійскій), 22—25; Малой Азіи, 227—228; арійскіе, пелазгійскаго типа, тамъ же.

Яма, у арійцевъ царь Мертваго Царства, и его собаки, 62—63.

Ясна, отдѣлъ Авесты; его содержаніе, 37.

Ѳ.

Ѳалесъ Милетскій, греческій мудрецъ, 249.

Ѳессалія, область сѣверной Греціи (нынѣ Румелія), 233.

Ѳраэтаона, сынъ Атвіи=санскритскому Трита, сынъ Аптіи, 113, прим.

КАРТА ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ И СМЕЖНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Древнѣйшая исторія Востока. Т. III. Исторія Мидіи, второго вавилонскаго Царства и возникновенія персидской державы.

Масштабъ 1:18.000.000.

Печат. въ картогр. арт. зав. А. Ф. Маркса

Верстъ

Километровъ